

ДМ. КАЙГОРODOBЪ

79  
16

# УЗЫ ЦАРСТВА ПЕРНАТЫХЪ

ПОПУЛЯРНЫЕ ОЧЕРКИ

ИЗЪ МІРА

РУССКИХЪ ПТИЦЪ





176

ИЗЪ ЦАРСТВА ПЕРНАТЫХЪ







ПОПУЛЯРНЫЕ ОЧЕРКИ ИЗЪ МІРА РУССКИХЪ ПТИЦЪ

СОЧИНЕНІЕ

ДИМИТРІЯ КАЙГОРОВОДА

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

(8—9-я тысяча).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ  
ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА.  
1908





**2010517024**



Типографія А. С. Суворина, Зртелевъ, 13



ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

АВГУСТѢЙШЕМУ СВОЕМУ УЧЕНИКУ

Всепреданнѣйше посвящаетъ

АВТОРЪ





# СОДЕРЖАНІЕ.

ОТЪ АВТОРА къ 1-му изданію . . . . .	СТРАН. XV
» » » 4-му » . . . . .	XVI
<b>Кукушка</b> . . . . .	1— 13
<p>Майское утро на берегу рѣки. — Встрѣча кукушки. — Наружность кукушки и ея ноги. — Подкидываніе яицъ въ чужія гнѣзда. — Птенецъ кукушки и его пріемные родители. — Поведеніе птенца въ гнѣздѣ. — Аппетитъ молодой кукушки. — Ежегодное возвращеніе кукушки весной на старое мѣсто. — Кукованье. — Пища. — Кукушка и процессіонный шелкопрядъ. — Распространеніе кукушки. — Кукушка въ поэзіи и пословицахъ. — Обычай «крестить кукушку».</p>	
<b>Дятлы</b> . . . . .	14— 30
<p>Удивительный музыкантъ. — Клювъ дятла. — Мастерство въ лазаньи. — Ноги и хвостъ. — Дятель и лѣсъ. — Наружность и манеры дятла. — Подманиваніе дятла. — Пища. — Кольцеваніе деревьевъ. — Языкъ. — Гнѣздовые дѣла. — Птенцы. — Кочеваніе дятловъ. — Враги дятла. — Польза и вредъ, приносимыя дятлами. — Дятель въ неволѣ. — Большой пестрый или обыкновенный дятель. — Средній пестрый дятель. — Малый пестрый дятель. — Бѣлоспинный дятель. — Трехпалый дятель. — Черный дятель или желна. — Желна — заправскій плотникъ. — Зеленый дятель. — Сѣдой дятель.</p>	
<b>Вертишейка</b> . . . . .	31— 34
<p>Наружность. — Время прилета и отлета. — Распространеніе. — Гнѣздовье. — Голосъ. — Пища. — Гримасничанье и кривлянье. — Кормъ въ неволѣ.</p>	
<b>Синицы</b> . . . . .	35— 50
<p>Синица и туманный осенній день. — Характеръ синицъ. — Полетъ. — Гнѣздовые дѣла. — Кочеванье. — Пища. — Полезность си-</p>	

ницъ.—Враги и опасности.—Милосердія къ синичкамъ!—Голосъ.—  
Содержаніе въ комнатѣ.—Большая синица.—Наружность.—  
Пѣніе.—Характеръ.—Умъ.—Поведеніе въ комнатѣ.—Синица въ  
поговорахъ.—Лазоревка.—Бѣлая лазоревка.—Мо-  
сковка.—Пухлякъ или Гайка.—Хохлатая синица.—Длин-  
нохвостая синица или ополовничекъ.—Убыль синицъ съ  
исчезновеніемъ старыхъ лѣсовъ.—Синичьи домики.

**Королекъ** . . . . . 51— 54

Самая маленькая изъ нашихъ птицъ.—Наружность.—Харак-  
теръ.—Голосъ.—Пѣсня.—Гнѣздовые дѣла.—Распространеніе.—  
Корольки въ неволѣ.

**Пищуха** . . . . . 55— 57

Голосъ.—Наружность.—Пища.—Приносимая пищухой  
польза.—Распространеніе.—Пѣсня.—Гнѣздовые дѣла.

**Поползень** . . . . . 58— 61

Наружность.—Мастерство въ лазаньи.—Характеръ.—Голосъ.—  
Гнѣздовые дѣла.—Пища.—Поползень въ клѣткѣ.—Пернатые дре-  
воохранительныя общества.

**Клесты** . . . . . 62— 72

Зимнее утро въ лѣсу.—Появленіе красныхъ птичекъ.—Ихъ  
поведеніе.—«Христова птица».—Крестообразный клювъ.—Ле-  
генда.—Клестъ и хвойныя шишки.—Нетлѣнность старыхъ кле-  
стовъ.—Гнѣздовые дѣла.—Клесты въ окрестностяхъ Петербурга.—  
Клестъ сосновый.—Клестъ еловый.—Клестъ листвен-  
ничный.—Окраска клестовъ.—Характеръ.—Клестъ въ неволѣ.  
Полезенъ клестъ или вреденъ?

**Снѣгирь** . . . . . 73— 79

Снѣгирь—спутникъ зимы.—Наружность самца и самочки.—  
Голосъ.—Пѣсня.—Ученые снѣгири.—Распространеніе.—Гнѣздо-  
вые дѣла.—Характеръ.—Полетъ.—Пища.—Вреденъ ли снѣгирь?  
Снѣгирь въ неволѣ.—Измѣненія краснаго цвѣта у снѣгирей.—  
Комнатный кормъ для снѣгири.

**Щуръ** . . . . . 80— 83

Наружность.—Родина.—Странствованіе.—Характеръ.—Го-  
лосъ.—Щуръ въ неволѣ.—Пища щура.

**Чечевица** . . . . . 84— 86

Наружность.—«Чевичу видѣль».—Самецъ чечевицы весной.—  
Распространеніе.—Лѣтнее мѣстопробываніе.—Гнѣздовые дѣла.—  
Чечевица въ клѣткѣ.—Кавказская чечевица.

**Зябликъ** . . . . . 87— 98

Ранняя весна въ лѣсу.—Ожиданіе прилета зябликовъ.—Появле-  
ніе зябликовъ.—Пѣсня.—Наружность.—Пролетные зяблики на

своей «станции». — Гнѣздовыя дѣла. — Характеръ. — Манера держаться. — Рюмень. — Пища. — Вредъ и польза. — Осенній отлетъ. — Зяблики на зимовьѣ. — Зябликъ въ клѣткѣ. — Вьюрокъ. — Характеръ; наружность; распространеніе; голосъ; пища. — Вьюрокъ въ клѣткѣ. — Горный вьюрокъ.

**Щеголь** . . . . . 99—104

Превращеніе осенняго ландшафта въ зимній. — Щеглы въ оврагѣ. — Наружность щегла. — Щеголка. — Голосъ щегла. — Распространеніе. — Лѣтнее мѣстопребываніе. — Манера держаться. — Характеръ. — Щеголь въ клѣткѣ. — Пѣсня. — Гнѣздовыя дѣла. — Кочеваніе. — Польза, приносимая щеголемъ. — Комнатный кормъ для щегла.

**Чижъ** . . . . . 105—109

Наружность. — Распространеніе. — Характеръ. — Полетъ. — Токовой полетъ. — Голосъ. — Пѣсня. — Гнѣздовыя дѣла. — Кочеваніе. — Вредъ и польза. — Чижъ въ неволѣ. — Желтобрюшка.

**Чечетка** . . . . . 110—114

Чечетка и «родной обычай старины». — Наружность чечетки. — Распространеніе. — Береза зимой и чечетки. — Голосъ. — Болтливость. — Пѣсня. — Характеръ. — Пища. — Гнѣздовыя дѣла. — Зимнія странствованія чечетокъ. — Чечетка въ комнатѣ. — Бѣлая чечетка. — Чечетка горная свѣтлая.

**Коноплянка** . . . . . 115—118

Жаркій лѣтній день и коноплянка. — Пѣсня коноплянки. — Наружность. — Распространеніе. — Характеръ. — Гнѣздовыя дѣла. — Коноплянка осенью. — Пища. — Польза. — Коноплянка въ клѣткѣ.

**Зеленушка** . . . . . 119—122

Странный музыкантъ. — Наружность. — Распространеніе. — Любимыя мѣста. — Зеленушка зимой. — Полетъ и манера держаться на деревѣ. — Пѣсня. — Характеръ. — Пища. — Гнѣздовыя дѣла. — Зеленушка осенью. — Зеленушка въ клѣткѣ.

**Дубоносъ** . . . . . 123—126

Клювъ дубоноса. — Наружность. — Распространеніе. — Характеръ. — Голосъ. — Пища. — Гнѣздовыя дѣла. — Вредъ. — Дубоносъ въ клѣткѣ.

**Воробьи** . . . . . 127—138

Домашній и полевой воробей. — Отличительные признаки. — Умъ; характеръ; болтливость. — Осѣдность домашняго воробья и періодическія кочеванія воробья полевого. — Голосъ домашняго и полевого воробья. — Гнѣздовыя дѣла того и другого. — Молодые воробьи. — Воробьи зимой. — Вредъ и польза, приносимые во-

робьями.—М. Н. Богдановъ о воробьяхъ.—Воробьи заслуживаютъ охраненія.—Вьюрковыя птицы.

**Овсянка** . . . . . 139—148

Ранняя весна и овсянка.—Гнѣздовыя дѣла.—Пѣсня.—Овсянка зимою.—Окраска самца и самки.—Распространеніе.—Характеръ.—Овсянка въ клѣткѣ.—Польза.—Снѣжный подорожникъ.—Лапландскій подорожникъ.—Подорожникъ садовый.—П. просianка.—П. луговой.—П. тростниковый.—П. лѣсной и П. карликъ.—П. черноголовый.—П. черный.

**Полевой жаворонокъ** . . . . . 149—159

Весной на полѣ.—Поющій жаворонокъ.—Наружность.—Распространеніе.—Встрѣча въ полѣ прилетныхъ жаворонокъ.—Гнѣздовыя дѣла.—Отлетъ.—Пища.—Жаворонки увеличиваются въ числѣ.—Жаворонокъ въ клѣткѣ.—Степной жаворонокъ.—Хохлатый жаворонокъ.—Лѣсной жаворонокъ.—Ночное пѣніе.—Наружность.—Распространеніе.—Манера держаться.—Характеръ.—Пища.—Прилетъ и гнѣздовыя дѣла.—Отлетъ.—Польза.—Юла въ клѣткѣ.

**Вѣлая трясогузка** . . . . . 160—163

Трясогузка на берегу рѣчки.—Наружность.—Распространеніе.—Характеръ.—Гнѣздовыя дѣла.—Польза.—Желтая трясогузка.—Горная трясогузка.

**Лѣсной конекъ** . . . . . 164—167

Пѣсня.—Токовой полетъ.—Наружность.—Любимыя мѣста.—Пища.—Манера держаться.—Гнѣздовыя дѣла.—Распространеніе.—Польза.—Лѣсной конекъ въ клѣткѣ.—Луговой конекъ.—Степной конекъ.

**Иволга** . . . . . 168—172

Золотая птица.—Время прилета.—Наружность.—Голосъ.—Ссорящіяся иволги.—«Лѣсная кошка».—Гнѣздовыя дѣла иволги.—Пища.—Польза.—Иволга въ клѣткѣ.

**Оляпка** . . . . . 173—176

Невѣроятная птица и ея таланты.—Распространеніе.—Пища.—Наружность.—Манеры.—Характеръ.—Пѣніе.—Гнѣздовыя дѣла.—Польза.

**Крапивникъ** . . . . . 177—180

Наружность.—Распространеніе.—Любимыя мѣста пребыванія.—Легенда о выборѣ птицами царя.—Голосъ.—Пѣсня.—Зимнее гнѣздо.—Польза.—Крапивникъ въ неволѣ.

**Дрозды** . . . . . 181—193

«Возвышенныя рѣчи».—Характеръ.—Полетъ.—Пѣніе.—Перелеты.—Гнѣздовыя дѣла.—Выкармливаніе въ комнатѣ молодого

дрозда.—Пища дроздовъ.—Польза, приносимая дроздами.—Дрозды въ клѣткѣ.—Дроздь-деряба.—Д. рябинникъ.—Пѣвчій дроздь.—Дроздь-бѣлобровикъ.—Черный дроздь.—Бѣлозобый дроздь.—Каменный дроздь.

**Соловей** . . . . . 194—203

«Любимецъ майской ночи».—Появленіе «великаго маэстро».—Время прилета.—Ночное пѣніе.—Продолжительность пѣнія.—Любимыя мѣста.—Манеры.—Гнѣздовые дѣла.—Отлетъ.—Пѣсния.—Разсказъ любителя соловьевъ.—Записи соловьиныхъ пѣсень.—Соловей въ неволѣ.—Западный соловей.—Соловей Гафиза.

**Малиновка** . . . . . 204—210

«Милочка».—Наружность малиновки.—Распространеніе.—Прилетъ.—Пѣсни и пѣніе.—Любимыя мѣста.—Гнѣздовые дѣла.—Малиновка осенью.—Характеръ малиновки.—Поведеніе молодой малиновки въ общемъ птичьемъ садкѣ.—Сострадательность малиновки.—Привязчивость къ дому.—Польза.—Содержаніе въ клѣткѣ.

**Горихвостка** . . . . . 211—214

Наружность.—Распространеніе.—Образъ жизни.—Пѣсня.—Звуки тревоги.—Гнѣздовые дѣла.—Пища.—Польза.—Горихвостка въ клѣткѣ.—Горихвостка-чернушка.

**Варакушка** . . . . . 215—219

Сельскій житель на крылечкѣ.—Вечерніе звуки—Пѣніе варакушки.—Наружность.—Распространеніе.—Любимыя мѣста.—«Звѣзда».—Гнѣздовые дѣла.—Пища.—Характеръ.—Варакушка въ клѣткѣ.—Соловей красношейка.

**Каменка** . . . . . 220—223

Манеры.—Гнѣздовые дѣла.—Голосъ и пѣсня.—Распространеніе.—Содержаніе въ клѣткѣ.—Каменка-пѣшанка.—Чеканка луговая.—Чеканка чернохвостая.—Группа птицъ дроздовыхъ.

**Славки** . . . . . 224—235

Общая характеристика.—Прилетъ и отлетъ.—Гнѣздовые дѣла.—Пища.—Вредъ и польза.—Характеръ.—Славки въ неволѣ.—Славка черноголовка.—Наружность.—Распространеніе.—Прилетъ.—Пѣніе.—Гнѣздовые дѣла.—Черноголовка въ клѣткѣ.—Говорящая черноголовка.—Славка-пестрогрудка.—Наружность.—Распространеніе.—Пѣсня.—Прилетъ.—Гнѣздовые дѣла.—Славка смородинка.—Наружность.—Распространеніе.—Любимыя мѣста.—Гнѣздовье.—Славка-говорунчикъ.—Наружность.—Распространеніе.—Прилетъ.—Характеръ.—Пѣсня.—Гнѣ



здовья дѣла.—Славка-мельничекъ.—Наружность.—Распространеніе.—Любимыя мѣста.—Характеръ.—Пѣсня.—Славка-мельничекъ въ комнатѣ.

**Завирушка** . . . . . 236—238

Наружность.—Манера держаться.—Пѣсня.—Распространеніе.—Пища.—Гнѣздо.—Завирушка въ клѣткѣ.—Горная завирушка.

**Пѣночки** . . . . . 239—248

По поводу названія «пѣночка». — Наружность пѣночекъ.—Гнѣздо.—Пища.—Различіе пѣночекъ между собою.—Отлеть.—Заглядываніе въ окна.—Содержаніе въ клѣткѣ.—Пѣночка весничка.—Распространеніе.—Отличія отъ другихъ пѣночекъ.—Прилеть.—Пѣсня.—Гнѣздо.—Весничка въ клѣткѣ.—Пѣночка тенковка.—Распространеніе.—Пѣсня.—Гнѣздовья дѣла.—Тенковка въ клѣткѣ.—Пѣночка трещотка.—Наружность.—Распространеніе.—Пѣсня.—Гнѣздовья дѣла.—Пѣночка пересмѣшка.—Наружность.—Прилеть и отлеть.—Пѣсня.—Призывный крикъ.—Гнѣздовья дѣла.—Польза.—Пересмѣшка въ клѣткѣ.

**Камышевка-пересмѣшка** . . . . . 249—251

Пѣсня.—Наружность.—Прилеть и отлеть.—Распространеніе.—Камышевка болотная.—Любимыя мѣста камышевокъ.—Кизилровка или барсучекъ; ея пѣсня.—Камышевка дроздовидная.—Камышевка тростниковая.—Характерные признаки камышевокъ.

**Ласточки** . . . . . 252—262

Быстрокрылое очаровательное созданіе.—Ласточка—общая любимца.—Деревенская ласточка или косатка.—Наружность.—Происхожденіе названія «косатка». — Характеристика косатки.—Распространеніе.—Прилеть.—Полетъ.—Косатка послѣ ненастья.—Пища.—Голосъ.—Тревожный крикъ.—Пѣсня.—Гнѣздовья дѣла.—Молодые косатки.—Отлеть.—Косатка въ неволѣ.—Ручная косатка.—Городская ласточка или воронѣкъ.—Наружность.—Полетъ.—Голосъ.—Гнѣздовья дѣла.—Ручные воронѣки.—Береговая ласточка или стрижокъ.—Наружность.—Распространеніе.

**Стрижь** . . . . . 263—267

Смѣшеніе съ ласточкой.—Характерныя отличія.—Голосъ.—Полетъ.—Распространеніе.—Мѣста гнѣздовій.—Гнѣздовья дѣла.—Отлеть.—Бѣлобрюхій или альпійскій стрижъ.

**Козодой** . . . . . 268—271

Ночная птица.—Полетъ.—Пѣсня.—Наружность.—Пища.—Распространеніе.—Гнѣздовья дѣла.—Отлеть.—Польза.—Выкармливаніе молодыхъ въ неволѣ.—Происхожденіе названія «козодой».



Мухоловка-пеструшка . . . . .	272—279
-------------------------------	---------

Встрѣча весною прилетныхъ птицъ.—Встрѣча пеструшки.—Голосъ.—Пѣсня.—Наружность.—Манера ловить насѣкомыхъ.—Распространеніе.—Неравномѣрность прилета.—Помѣщеніе гнѣзда.—Яйца.—Пища.—Мухоловка-бѣлошейка—Сѣрая мухоловка.—Наружность.—Распространеніе.—Голосъ.—Пѣсня.—Время прилета.—Помѣщеніе гнѣзда.—Яйца.—Ловля насѣкомыхъ.—Мухоловка-лоцманчикъ.

Сорокопуты . . . . .	280—286
----------------------	---------

Какъ характеризуетъ сорокопута А. Е. Бремъ.—Наружность сорокопутовъ.—Ихъ любимыя мѣста.—Ловля и умерщвление добычи.—Польза и вредъ, приносимые этими птицами.—Полетъ.—Пересмѣшничество.—Сорокопуты въ неволѣ.—Происхожденіе слова сорокопутъ.—Сорокопутъ большой.—Наружность.—Распространеніе.—Гнѣздо и яйца.—Б. сорокопутъ въ клѣткѣ.—Сорокопутъ чернолобый.—Сорокопутъ жуланъ.—Наружность.—Распространеніе.—Гнѣздо и яйца.

Свирестель . . . . .	287—290
----------------------	---------

Наружность.—Родина.—Осенній прилетъ.—Пища.—Характеръ.—Польза.—Свирестель въ комнатѣ.

Скворецъ . . . . .	291—299
--------------------	---------

Скворецъ и ранняя весна.—Пѣсня.—Наружность.—Распространеніе.—Скворцы въ прилетное время.—Скворечница.—Постановка скворечницы.—Гнѣздовые дѣла.—Отлетъ.—Польза.—Вредъ.—Скворецъ въ комнатѣ.—Переимчивость постороннихъ звуковъ.—Говорящіе скворцы.—Содержаніе скворца въ клѣткѣ.—Розовый скворецъ.

Сойка . . . . .	300—305
-----------------	---------

Наружность.—Звукоподражательность.—Хищническія наклонности.—Вредъ.—Польза.—Пища.—Гнѣздовые дѣла.—Осѣдность.—Сойка въ комнатѣ.—Сойка черноголовая.—Орѣховка.—Наружность.—Родина.—Орѣховки подъ Петербургомъ въ 1868 году.—Пища.—Кукуша.

Удодъ . . . . .	306—309
-----------------	---------

Странная наружность.—Распространеніе.—Голосъ.—Любимыя мѣста.—Пугливость.—Пища.—Манера кормиться.—Гнѣздовые дѣла.—Дурная слава.—Ручной удодъ.—Выкармливаніе молодыхъ удождовъ.

Зимородокъ . . . . .	310—312
----------------------	---------

Наружность.—Рыболовство.—Пища.—Голосъ.—Гнѣздовые дѣла.—Осеннее кочеваніе.—Распространеніе.—Выкармливаніе молодыхъ въ неволѣ.—Происхожденіе названія.—Польза и вредъ.

Сизоворонка . . . . .	313—314
Наружность.—Распространение.—Прилетъ.—Любимыя мѣста и гнѣздовыя дѣла.—Голосъ.—Пища.—Выкармливаніе молодыхъ въ неволѣ.—Ручная сизоворонка.	
Золотистая щурка . . . . .	315—317
Наружность.—Распространение.—Полетъ.—Прилетъ и отлетъ.— Характеръ.—Пища.—Гнѣздовыя дѣла.—Щурки въ комнатѣ.	
Вальдшнепъ . . . . .	318—324
Весенній вечеръ въ дѣсу.—Тяга вальдшнеповъ.—Прилетъ.— Распространение.—Добываніе пищи.—Гнѣздовыя дѣла.—Самка на гнѣздѣ.—Переноска птенцовъ.—Наружность.—Глаза.—Отлетъ и мѣста зимовій.—Вальдшнепы въ неволѣ.	
Алфавитный указатель латинскихъ названій . . . . .	325
» » русскихъ » . . . . .	327
» » красочныхъ изображеній птицъ . . . . .	333
Указатель рисунковъ, помѣщенныхъ среди текста . . . . .	334

## ОТЪ АВТОРА КЪ 1-му ИЗДАНІЮ.

---

Эта книга содержитъ въ себѣ рядъ очерковъ изъ жизни русскихъ птицъ среди русской природы.

Я писалъ преимущественно о тѣхъ птицахъ, которыхъ самъ хорошо узналъ, и узнавъ—сердечно полюбилъ. Это, главнымъ образомъ, пернатое населеніе нашихъ садовъ, полей и лѣсовъ, о которомъ говорится въ этой книжкѣ; оно наиболѣе часто попадаетъ на глаза человѣку, а потому и наиболѣе удобонаблюдаемо.

Цѣль этой книги—возбудить въ русской публикѣ (какъ юной, такъ и взрослой) интересъ къ Пернатому Царству, и дать ей возможность ближе познакомиться съ группой живыхъ существъ, полныхъ интереса, красоты и поэзіи,—существъ не только украшающихъ нашу природу, но и оказывающихъ намъ, подчасъ, весьма и весьма серьезныя услуги.

Пернатое Царство и его жизнь составляютъ одну изъ самыхъ увлекательныхъ и поучительныхъ страницъ великой Книги Природы, а между тѣмъ эта страница почти, можно сказать, не раскрывается въ нашей школѣ...

Мое знакомство съ птичьимъ міромъ продолжается уже болѣе четверти вѣка; значительная доля матеріала, послужившаго для составленія этой книги, почерпнута мною изъ моихъ собственныхъ наблюдений.

Можетъ быть, увлекаясь моими любимцами, я мѣстами и перегустилъ не много краски, но вѣдь это такъ простительно—преувеличивать достоинства любимыхъ существъ—не правда ли?

Сердечно рекомендую читателю моихъ пернатыхъ друзей. Близкое знакомство съ ними можетъ доставить только удовольствіе, и удовольствіе хорошее—освѣжающее и просвѣтляющее душу. Не говорю уже о томъ, что чѣмъ болѣе мы узнаемъ

окружающую насъ природу, тѣмъ болѣе богатою является она намъ. Кто глухъ и слѣпъ, тотъ вѣдь ничего не видитъ и не слышитъ...

Хромофотографированныя таблицы, приложенныя къ этой книгѣ, заимствованы изъ «Vögel der Heimat» von Dr. Karl Russ; большинство же рисунковъ, помѣщенныхъ среди текста, позаимствованы изъ книги «Иллюстрированная жизнь животныхъ» А. Брема.

6 іюля 1896 года.

## ОТЪ АВТОРА КЪ 4-МУ ИЗДАНІЮ.

Настоящее изданіе является значительно измѣненнымъ, сравнительно предшествовавшими: 1) въ немъ опущены всѣ иллюстраціи, не имѣвшія прямого отношенія къ тексту; 2) опущены также политипажи (въ текстѣ) тѣхъ птицъ, изображенія которыхъ имѣются на красочныхъ таблицахъ, и 3) красочныя таблицы (число которыхъ осталось прежнее—24 табл. съ 72-мя изображеніями птицъ) воспроизведены по трехцвѣтному способу печатанія.

Благодаря этимъ измѣненіямъ, не причинившимъ однако ущерба книгѣ по существу, удалось значительно понизить цѣну этой послѣдней<sup>1)</sup>, что было крайне желательно.

Что же касается до текста, то онъ весь вновь тщательно проредактированъ мною и мѣстами дополненъ.

25 сентября 1907 года.

Лѣсной.

Д. К.

<sup>1)</sup> Превжнія изданія стоили по 6 руб.



1. Иволга (*Oriolus galbula*).

2. Кукушка (*Cuculus canorus*).



# Кукушка <sup>1)</sup>.

(Табл. I).

Перелетная пичужечка,  
Непосѣдная кукушечка!  
Гдѣ покинешь ты летаньеце,  
Заунывно кукованьеце?  
Гдѣ согрѣешь тепло гнѣздышко,  
Заведешь малютку-дѣтушекъ,  
Аль не съ тѣмъ ты уродилася,  
Чтобъ жить радостно годилася?..  
Отмахаться легкимъ крылышкомъ,  
Со куста на кустъ летаючи,  
Какъ бы устали не знаячи,  
А тепла гнѣзда не грѣючи—  
Малыхъ дѣтокъ не лелѣючи!

.....  
Н. Цыгановъ.



РЕКРАСНОЕ тихое утро одного изъ первыхъ дней мая.

Только что разсѣялся туманъ надъ рѣкой, извивающейся серебристой лентой по неширокой долинь. Лишь кое-гдѣ, на выбѣгающихъ къ рѣчкѣ лѣсныхъ лощинахъ, таютъ послѣдніе его лохмотья, подъ напоромъ все теплѣе и теплѣе пригрѣвающихъ лучей майскаго солнца. По ту сторону рѣки широко раскинулся мѣшанный лѣсъ, березнякомъ и ельникомъ стелющийся по сырымъ низинамъ, соснякомъ выбѣгающий на сухіе пригорки. Темныя елки красиво выскакиваютъ изъ нѣжно-дымчатой зелени березняка, всего дня три-четыре начавшаго разворачивать свои моло-

<sup>1)</sup> Cuculus canorus.—Зозуля, зузуля (малоросс.).



денькіе листочки. Шибко бѣтъ въ носъ и веселитъ сердце душисто-смолистый запахъ молодого березоваго листа, приносимый изъ-за рѣки утреннимъ вѣтеркомъ. Волнами льются въ уши разнообразные звуки «весенняго шума». Сотни пернатыхъ пѣвуновъ поютъ, перекликаются и наполняютъ своими голосами мягкій, свѣжій воздухъ майскаго утра. Словно крошечный колокольчикъ, вызваниваетъ желтоголовая овсяночка, неподвижно сидя на самой маковкѣ молодой, пока еще безлистной, осинки. Словно флейточка переливается голосокъ непосѣды-пѣночки, перепархивающей съ вѣтки на вѣтку нарядной березки, разукрашенной молоденькими листочками и желтыми цвѣточными сережками. «Піули-ти-піули-ти» — словно на скрипочкѣ наигрываетъ куличокъ-перевозчикъ, спугнутый огромной рыбиной, всплеснувшей у самаго берега. Словно барабанщикъ, барабанитъ дятель на засохшей вершинѣ старой раскидистой сосны, живописно склонившейся надъ обрывистымъ берегомъ рѣки. Громкимъ посвистомъ доносятся изъ лѣсу, по рѣкѣ, отрывистыя строфы пѣвчаго дрозда. Серебристыми трелями льются пѣсни трепещущихъ надъ луговиной жаворонковъ... Да всѣхъ и не перечесть!

...«Весна-красна пришла,  
Всѣ пташки воротились къ намъ  
И рады мы дорогимъ гостямъ»...

Но, нѣтъ — не всѣ еще. Много, но не всѣ: не слышать было еще соловья, не куковала еще кукушка. А вѣдь безъ нихъ и весна не въ весну. Только когда раздастся въ лѣсу кукованье... Чу! да никакъ она?.. или только почудилось... (О чемъ думаешь, то и мерещится!)... «Ку-ку, ку-ку!».. Теперь уже явственно доносилось изъ-за рѣки... Она самая — легка на поминѣ! — Ну, здравствуй, здравствуй, горемычная...

«Гдѣ гуляла, пировала,  
Долго пропадала»...

Вотъ, теперь скинемъ шапочку да поклонимся низко и скажемъ: «здравствуй, красная весна!» — Закуковала въ лѣсу кукушка — наступила весна настоящая:

«Пришла весна съ радостью»...

Хоть и завернетъ еще холодокъ, да морозко-то ужъ больше не сунется — кукушечка его откукуетъ.

— Ну-ка, покукуй мнѣ еще — денежки-то у меня въ карманѣ есть, я позвякаю, — да кукуй побольше... А долго ли мнѣ еще

жить на бѣломъ свѣтѣ? Кукуй подольше... А вонъ красныя дѣвицы вышли съ ведрами на рѣчку, да остановились и чего-то слушаютъ. Должно быть, тебя пытаются, много ли годковъ ждаты имъ суженаго. Кукуй имъ поменьше... вотъ такъ.—Замолчала... Э, да никакъ къ намъ сюда жалуетъ!.. Такъ и есть,—прямехонько летитъ сюда черезъ рѣчку. Притаимся скорѣе за этимъ ракитовымъ кустикомъ, авось сядетъ по близости. Биноклѣ-то у насъ въ карманѣ—поглазѣмъ на плутовку. Слыхаты-то кто ее не слыхалъ, а видаты-то рѣдко случается: больно плутовата, пестрохвостая,—страсть боится человѣчьяго глаза! Вишь ты, прокатила мимо, и все прямо, какъ по шнурку летитъ. . А пичужекъ-то за ней сколько слѣдомъ: трясогузки, ласточки, зяблики, и даже два дрозда-рябинника,—словно за ястребомъ какимъ, съ шумомъ и гамомъ!—Да и въ самомъ дѣлѣ, наша пріятельница-кукушка сильно смахиваетъ на ястреба-перепелятника (недаромъ же въ народѣ ходитъ про нее басня, будто она на зиму оборачивается ястребомъ!..): и ростомъ подходитъ, и по перу такая же пестро-сѣрая, снизу разрисованная черными скобками; только болѣе длинный, почти черный, съ бѣлыми крапинами, хвостъ, который она какъ бы волочить при полетѣ, да маленькая, сравнительно, голова, легко позволяютъ отличить ее при полетѣ отъ перепелятника. Убитую же или пойманную кукушку тотчасъ можно отличить отъ ястреба, по ея болѣе длинному и слабому клюву (у ястреба короткій, круто загнутый крючкомъ) и по ногамъ: у кукушки четыре пальца каждой ноги расположены такимъ образомъ, что два изъ нихъ обращены впередъ, а два назадъ, при чемъ внѣшній задній палецъ поворотный, т. е. можетъ быть по произволу повернуть и напередъ.—Самочка-кукушка окрашена почти такъ же, какъ и самецъ. Молодыя кукушки, до одного года, имѣютъ на спинѣ ржаво-буроватую окраску, которая на второй годъ, большею частію, замѣняется голубовато-сѣрой. Изрѣдка встрѣчаются экземпляры кукушки съ преобладающей красно-бурой окраской; это—годовалыя самочки.

Многіе думаютъ, что мелкія птицы преслѣдуютъ кукушку именно потому, что принимаютъ ее за ястреба; но врядъ ли это такъ. Гораздо вѣроятнѣе, что птицы умѣютъ отличать кукушку отъ ястреба и преслѣдуютъ ее именно какъ кукушку; онѣ видятъ въ ней своего врага, хотя врага совсѣмъ въ иномъ родѣ, чѣмъ ястребъ.

Вамъ, конечно, случалось уже слышать, что кукушка не занимается сама выводомъ своихъ дѣтей, а подкидываетъ яйца въ чужія гнѣзда; что она живетъ на бѣломъ свѣтѣ,

...«Тепла гнѣзда не грѣючи,  
Малыхъ дѣтокъ не лелѣючи».

Самочка-кукушка сноситъ свое яйцо садясь прямо на избранное ею чужое гнѣздо, или же, если это почему-либо неудобно, кладетъ яйцо на землю, и затѣмъ, повернувъ на бокъ голову, осторожно захватываетъ его клювомъ (который очень удобно для этого устроенъ) и несетъ въ заранѣе намѣченное гнѣздо какой-нибудь птички. Разыскивать чужія гнѣзда она великая мастерица, и отлично знаетъ, какія именно птицы выкармливаютъ своихъ птенцовъ насѣкомыми и червяками, такъ какъ этой же пищей долженъ быть выкормленъ и ея будущій птенецъ; въ этомъ отношеніи она рѣдко ошибается. Подкидываются яйца преимущественно маленькимъ пѣвчимъ птичкамъ, какъ, напримѣръ, трясогузкамъ, малиновкамъ, горихвосткамъ, славочкамъ, мухоловкамъ и даже самой маленькой изъ всѣхъ европейскихъ птичекъ—корольку (гвоздику). Тѣ изъ маленькихъ птицъ, которыя, какъ, напримѣръ, дубоносъ, снѣгирь, зеленушка (лѣсная канарейка), выкармливаютъ своихъ птенцовъ зерновой пищей, обыкновенно освобождаются кукушкой отъ заботъ объ ея потомствѣ. При этомъ нужно замѣтить, что кукушка несетъ, сравнительно со своей величиной, очень маленькія яйца: величина ихъ часто не превосходитъ величины воробьиного яйца. Окраска кукушечьихъ яицъ чрезвычайно разнообразна и обыкновенно сходна съ окраской яицъ той птицы, въ гнѣздо которой это яйцо подкинута, хотя случается иногда, впрочемъ весьма рѣдко, что кукушкино яйцо и рѣзко отличается, какъ по величинѣ, такъ и по окраскѣ, отъ яицъ хозяевъ гнѣзда. Всего кукушка кладетъ 5—7 яицъ. Каждое яйцо кладется въ отдѣльное гнѣздо, причемъ одна и та же кукушка всегда несетъ одинаково окрашенные яйца, напримѣръ, только голубыя, или зеленоватыя съ коричневыми крапинами, и т. д. Кукушка несущая голубыя яйца кладетъ ихъ въ гнѣзда птичекъ, которыя тоже несутъ голубыя яйца; несущая пестрыя—кладетъ къ пестрымъ, и т. д.

Нерѣдко маленькіе хозяева гнѣзда съ жалобнымъ и тревожнымъ крикомъ присутствуютъ при вкладываніи кукушкой своего яйца въ ихъ гнѣздо, но обыкновенно скоро успокаиваются послѣ

ея отлета и, въ большинствѣ случаевъ, не предпринимаютъ никакихъ враждебныхъ дѣйствій противъ подкинутого яйца, такъ же какъ и противъ вылупившагося изъ него птенца. Случай выбрасыванія кукушкинаго яйца изъ гнѣзда, хозяевами этого послѣдняго наблюдались очень рѣдко.

Относительно птенца, вылупившагося изъ яйца кукушки, пріемные его родители ведутъ себя такъ, что со стороны трогательно даже смотрѣть. Маленькій обжора быстро вырастаетъ, и оба его воспитателя едва успѣваютъ приносить для него кормъ. Онъ очень скоро занимаетъ лучшее мѣсто въ гнѣздѣ и большею частію вытѣсняетъ изъ гнѣзда одного за другимъ своихъ названныхъ братьевъ, которые, упавъ на землю, обыкновенно, вскорѣ и погибаютъ.

Въ тѣхъ, впрочемъ довольно рѣдкихъ, случаяхъ, когда законнымъ птенчикамъ удастся уцѣлѣть въ гнѣздѣ, рядомъ съ молодой кукушкой, эта послѣдняя ведетъ себя относительно ихъ вполне дружелюбно. Вытѣсненіе птенчиковъ изъ гнѣзда молодой кукушкой производится слѣдующимъ образомъ: она подсовываетъ понемножку подъ безпомощныхъ птенчиковъ свой хвостъ, подсаживаетъ ихъ, такимъ образомъ, къ себѣ на спину, и затѣмъ, приподнявшись на ногахъ, выбрасываетъ ихъ за бортъ гнѣзда. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда въ одномъ гнѣздѣ окажутся два птенца кукушки, между ними, съ первыхъ же дней, завязывается борьба, оканчивающаяся обыкновенно гибелью слабѣйшаго: болѣе сильный выбрасываетъ своего слабого сосѣда за бортъ.

Такъ вотъ какъ распоряжается въ чужомъ гнѣздѣ незванный гость! Между тѣмъ, хозяева гнѣзда, видѣвшіе гибель своихъ дѣтей, продолжаютъ, несмотря на то, съ трогательно заботливостью воспитывать маленькаго разбойника, и стараются, по мѣрѣ силъ своихъ, защищать и охранять его. Безъ страха, съ жалобными криками, кружатся они вокругъ приблизившагося къ ихъ гнѣзду челоуѣка, или хищника, и не обращаютъ вниманія на явную опасность, угрожающую ихъ собственной жизни, когда идетъ дѣло о защитѣ навязаннаго имъ подкидыша. Какая великая любовь въ такихъ маленькихъ сердечкахъ!..

Птенецъ-кукушка, пока сидитъ еще въ гнѣздѣ и чувствуетъ голодъ, издаетъ звуки: «цисъ, цисисъ, цисисисъ», по вылетѣ же изъ гнѣзда—«циркъ, циркъ-циркъ», и не громко, такъ что это

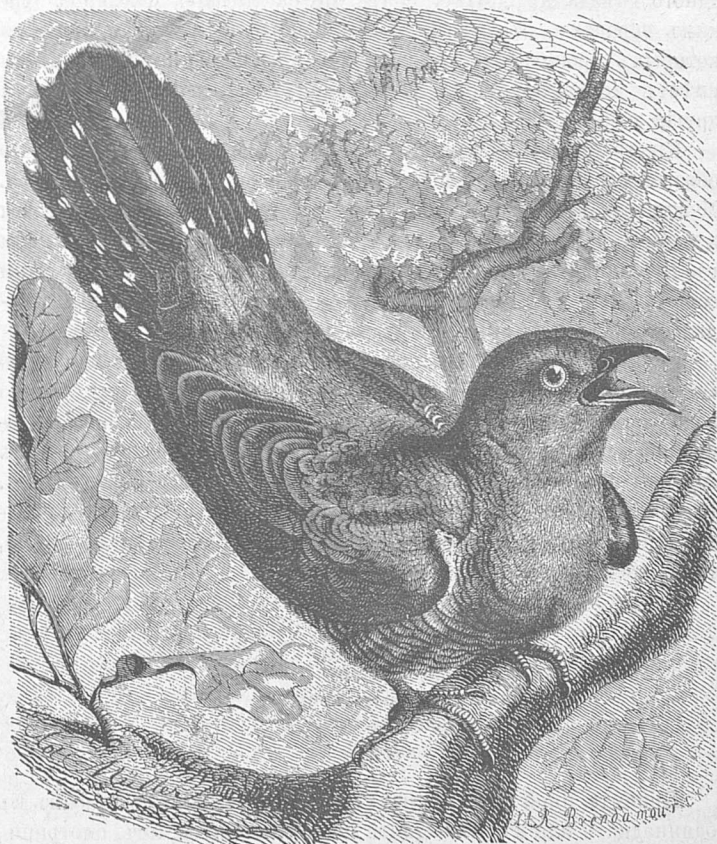
цирканы можно слышать лишь шагахъ въ 15—20. Своеобразную и чрезвычайно интересную картину представляетъ собою кормленіе молодой, недавно вылетѣвшей изъ гнѣзда, кукушки какою-нибудь маленькою птичкой. Такъ, мнѣ привелось однажды видѣть, какъ молодая кукушка перелетала въ саду съ дерева на дерево, постоянно издавая при этомъ свое нѣжное «циркъ-циркъ», а слѣдомъ за нею летала крошечная горихвостка, усердно кормившая своего ненасытнаго питомца гусеницами. Преуморительно было смотрѣть на огромную, въ сравненіи съ горихвосткой, птицу, трясущую крыльями, точно молодой воробушекъ, и передъ нею крошечную пичужку, сующую ей въ широко-раскрытый большой ротъ одну гусеницу за другой.

Какъ велика прожорливость подрастающей кукушки, тому можетъ служить хорошимъ примѣромъ слѣдующій перечень однодневнаго продовольствія одной молодой кукушки, выкармливавшейся въ клѣткѣ: 18 молодыхъ, живыхъ, ящерицъ, въ  $1\frac{1}{2}$ —2 вершка длиною, 39 большихъ, зеленыхъ, полевыхъ кузнечиковъ, 3 куколки бабочки «мертвая голова», 43 капустныхъ червя, 5 личинокъ майскаго жука (сальника), 4 крестовыхъ паука, 50 мучныхъ червей и, на закуску, порядочное еще количество муравьиныхъ яицъ! Хорошъ аппетитъ—не правда ли? Послѣ этого можете судить о той, поистинѣ гигантской, работѣ, какую задаетъ птенецъ-кукушка своимъ пріемнымъ родителямъ.

Почему же, однако, въ противоположность другимъ нашимъ птицамъ, кукушка не занимается сама выводомъ своихъ птенцовъ, а поручаетъ это дѣло другимъ птицамъ? Вполнѣ удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ пока еще не имѣется. Большинство ученыхъ птицевѣдовъ предполагаетъ, что это происходитъ оттого, что кукушка несетъ свои яйца чрезъ большіе промежутки времени, именно, въ среднемъ, около 6-ти дней, такъ что, если бы она стала сама высиживать снесенныя ею яйца, то старшіе птенцы успѣли бы уже вырасти, прежде чѣмъ вылупился бы послѣдній птеникъ.

Обыкновенно думаютъ, что кукушка птица весьма вѣтреная и легкомысленная,—что она не желаетъ утруждать себя заботами по выводу птенцовъ, а сама, поручивъ эти заботы другимъ птицамъ, беззаботно наслаждается свободной жизнью въ свое удовольствіе. Но это не совсѣмъ такъ. Прежде чѣмъ кукушка пристроить





Кукушка (кукующая).

всѣ свои 5—7 яицъ по чужимъ гнѣздамъ, ей приходится перенести не мало трудовъ, по разыскиванію подходящихъ гнѣздъ, и—не мало непріятностей во время самой кладки яицъ. Кромѣ того, внимательными наблюдателями удостовѣрено, что кукушка продолжаетъ заботиться о своихъ яйцахъ и послѣ того, какъ они снесены, и иногда переноситъ потревоженное яйцо изъ



одного гнѣзда въ другое, болѣе, по ея мнѣнію, надежное. Такимъ образомъ, въ теченіе времени около 6-ти недѣль, во время которыхъ происходитъ откладываніе кукушкой яицъ, эта птица имѣетъ не менѣе заботъ по выводу своихъ птенцовъ, чѣмъ и другія птицы.

Кромѣ нашей кукушки, весьма немногія птицы такимъ же образомъ поступаютъ относительно воспитанія своего потомства. Между европейскими птицами дѣлаетъ это еще только хохлатая кукушка <sup>1)</sup>, водящаяся въ Испаніи; но она кладетъ свои яйца въ гнѣзда не маленькихъ птичекъ, а преимущественно воронъ и сорокъ. Между неевропейскими же птицами есть не мало подкидывающихъ свои яйца въ чужія гнѣзда.

Однако, мы и забыли про нашу кукушку, пролетѣвшую со «свитой» мимо насъ и скрывшуюся въ березовой рощѣ. Что-то долго не подаетъ голоса: должно быть не отдохнула еще хорошенько съ дороги. А дорожку-то она сдѣлала не шуточную—изъ Африки прилетѣла: вѣдь она тамъ зиму-то нашу переживаетъ. Вотъ, денька черезъ три-четыре, поотдохнетъ, да какъ прилетятъ самочки (онѣ всегда на нѣсколько дней запаздываютъ), тогда раскукуется, да еще какъ!

Кукушка-кликушка  
Большая хвастушка:  
Съ утра до полночи  
Кричитъ, что есть мочи,  
Пригнувшись къ суку:  
«Ку-ку» да «ку-ку!»

Кричитъ иной разъ до надсады, до хрипоты. Едва часамъ къ одиннадцати или къ двѣнадцати ночи утомонится, анъ, смотришь, въ первомъ часу опять закуковала. И особенно она надсаживается крикомъ по раннимъ утрамъ, такъ что, если хотите узнать отъ кукушки, долго ли жить вамъ еще на свѣтѣ, то не полѣнитесь встать утромъ пораньше: тутъ она вамъ столько накукуетъ, что и жить-то, пожалуй, столько надоѣстъ...

Молчитъ... или далеко улетѣла? А вотъ, посмотримъ... Вѣдь кукушка-самецъ не терпитъ близъ себя другого самца своей породы, и лишь только слышитъ неподалеку, столь ненавистное

---

<sup>1)</sup> Cuculus (Coccyzus) glandarius.

для него, чужое «ку-ку», какъ тотчасъ же закипаетъ въ немъ непримиримая злоба: онъ летитъ тогда на соперника, нападаетъ на него и прогоняетъ. Такимъ образомъ, каждая кукушка-самецъ ревниво охраняетъ свой районъ мѣстности, который она для себя облюбовала, хозяиномъ которой себя считаетъ и въ которой изъ года въ годъ возвращается, въ концѣ апрѣля или началѣ мая, изъ своего африканскаго зимовья. А что кукушка ежегодно возвращается въ свой районъ, имѣющій иногда нѣсколько верстъ въ окружности, то, во-первыхъ, это дѣлаютъ почти всѣ наши перелетныя птицы, а во-вторыхъ, специально о кукушкѣ имѣется наблюденіе одного превосходнаго нѣмецкаго наблюдателя и знатока птицъ (Наумана), который около 20-ти лѣтъ подъ-рядъ наблюдалъ прилетъ одной кукушки въ одну и ту же мѣстность; узнавалъ же онъ свою кукушку по ея особенному голосу, который былъ съ изъясномъ и рѣзко отличался отъ голосовъ другихъ кукушекъ.

Такъ вотъ, попробуемъ приманить голосомъ нашу кукушку, авось отзовется: «у—уу, у—уу»... Нѣтъ, не отзывается... должно быть, далеко отлетѣла, осматриваетъ свои владѣнія. Ну, и Богъ съ нею, пусть себѣ гуляетъ, а мы посидимъ еще подъ ракитовымъ кусточкомъ—здѣсь такъ славно сидится—и побесѣдуемъ еще объ этой интересной птицѣ.

Подманивать кукушку нужно крикомъ «у—уу», безъ звука к, потому что сама кукушка такъ кричитъ, и на «ку-ку» рѣдко когда приманивается; если же слышится какъ будто звукъ к предъ у, то это происходитъ оттого, что кукушка выталкиваетъ это у довольно сильно и коротко, тогда какъ второе уу берется болѣе мягко.

Въ присутствіи самочки, самецъ нерѣдко удваиваетъ первый слогъ и кричитъ «куку-ку, куку-ку», часто прибавляя еще на концѣ слабое: «ква-ва-ва-ва». Вслѣдъ за такимъ двойнымъ кукованьемъ, очень часто раздается раскатистый «хохотъ» самочки, звучащій громкой, свѣтлой трелью, въ родѣ «кликликликликли»...

Къ концу іюня кукушка кукуетъ уже менѣе усердно. Въ пословицѣ говорится: «Не кукуется кукушкѣ за Петровъ день». Къ срединѣ іюля ее можно услышать лишь изрѣдка, по утрамъ и вечерамъ, а затѣмъ она и вовсе умолкаетъ.

Отлетаетъ кукушка въ теплыя страны въ августѣ мѣсяцѣ.

Пищу взрослой кукушки, на волѣ, составляютъ жуки, бабочки, личинки, гусеницы, а также (осенью) и ягоды. Гусеницы,

и именно, покрытыя волосами, составляютъ главную ея пищу, а такъ какъ кукушка обладаетъ огромнымъ аппетитомъ, то поѣдаетъ ихъ въ невѣроятномъ количествѣ. Вслѣдствіе этого, при вскрытіи желудка убитой кукушки, нерѣдко оказывается, что онъ внутри сплошь покрытъ волосами, какъ бы шерстью, что и подало поводъ къ баснѣ, будто у кукушки растутъ въ желудкѣ волосы. Большинство другихъ нашихъ птицъ избѣгаетъ волосатыхъ гусеницъ, а такъ какъ въ числѣ этихъ послѣднихъ есть весьма не мало опасныхъ враговъ для нашихъ лѣсныхъ деревьевъ, то поэтому, для лѣсничаго и лѣсовладельца, кукушка является одною изъ полезнѣйшихъ птицъ. Хотя, правда, своимъ способомъ размноженія она и причиняетъ нѣкоторый ущербъ среди пѣвчихъ лѣсныхъ пташекъ, большинство которыхъ также принадлежитъ къ числу полезныхъ, но, тѣмъ не менѣе, заслуги кукушки передъ лѣсомъ много перевѣшиваютъ тотъ вредъ, который она приноситъ. Извѣстны случаи, когда кукушки спасали весьма значительные участки лѣса отъ опустошенія вредными гусеницами. Для примѣра, приведу слѣдующій случай, рассказанный однимъ нѣмецкимъ ученымъ (профессоромъ Альтумомъ):

«Весною 1860 года—говоритъ почтенный профессоръ—мнѣ понадобилась для моихъ лекцій кукушка, и я отправился 24 мая добывать ее въ лѣсъ, лежащій въ одной милѣ отъ Мюнстера <sup>1)</sup>. Тамъ я нашелъ замѣчательно большое количество этихъ птицъ; со всѣхъ сторонъ раздавались ихъ крики. Въ небольшомъ дубовомъ лѣсу, гдѣ я предполагалъ найти не болѣе одной пары кукушекъ, ихъ было штукъ 6—8: кромѣ того, какъ я слышалъ, тамъ же были застрѣлены еще 4 штуки «воскресными» охотниками. Подкравшись къ ближайшему ко мнѣ экземпляру шаговъ на 80, я могъ наблюдать его очень хорошо. Послѣ каждаго трехъ-четырехъ кукованій, эта кукушка что-то такое схватывала и, посидѣвъ затѣмъ нѣсколько мгновений спокойно, снова заявляла о своемъ присутствіи громкимъ «ку-ку». Наконецъ она снялась съ дерева и пролетѣла мимо меня на разстояніи ружейнаго выстрѣла. Вскрывъ ее дома, я узналъ, что именно такое она хватала съ дерева: въ зобѣ, пищепріемномъ каналѣ и желудкѣ этой птицы оказалось 97 совсѣмъ свѣжихъ, выросшихъ до одной трети своей нормаль-

<sup>1)</sup> Городъ въ Вестфаліи.

ной величины, гусеницъ процессіоннаго шелкопряда <sup>1)</sup>. Мое вниманіе было обращено, такимъ образомъ, на этого опаснаго врага дубоваго лѣса. Посѣтивъ затѣмъ вскорѣ опять тотъ же лѣсъ, я нашелъ въ немъ начало предстоявшаго ему весьма значительнаго поврежденія процессіоннымъ шелкопрядомъ. Найденныя мною на стволахъ многихъ дубовъ тонкія паутинообразныя нити, производимыя этими гусеницами, указывали на ихъ присутствіе, и, поискавъ немного, я безъ особеннаго труда нашелъ болѣе 20-ти гнѣздъ. Въ то же время обнаружилась и весьма энергичная работа кукушекъ, такъ какъ многія семьи этой гусеницы, видимо, сильно уже пострадали, или даже вовсе были уничтожены. Число гусеницъ, какъ я могъ это замѣтить при дальнѣйшихъ моихъ посѣщеніяхъ, замѣтно убавлялось со дня на день, и когда я въ послѣдній разъ, 21-го іюня, изслѣдовалъ этотъ лѣсъ, я едва могъ разыскать въ немъ еще нѣсколько гусеницъ. Однако, число кукушекъ, повидимому, не уменьшалось, и застрѣливъ, для своего поученія, еще одну кукушку, я нашелъ ея желудокъ биткомъ набитымъ сорока тремя гусеницами, теперь уже совсѣмъ взрослыми. Съ тѣхъ поръ кукушки совершенно исчезли, за исключеніемъ одной-двухъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, невозможно было открыть уже болѣе и ни одной гусеницы или куколки процессіоннаго шелкопряда,—и опасность была совершенно устранена»... «Подобнымъ же образомъ, въ іюнѣ 1868 года, 3—5 кукушекъ спасли цѣлую дубовую рощу отъ напасти процессіоннаго шелкопряда; хотя эти ядовитыя гусеницы находились тамъ уже тысячами, тѣмъ не менѣе, въ теченіе одной почти недѣли, кукушки вполнѣ съ ними справились».

<sup>1)</sup> *Cnethocampa (Gastropacha) processionea* — небольшая сѣро-бурая бабочка; ея волосатая гусеница объѣдаетъ листву дубовыхъ деревьевъ и, размножаясь въ иные годы въ несмѣтномъ количествѣ, наноситъ огромный вредъ дубовымъ лѣсамъ. Но, кромѣ того, она также опасна для человека и животныхъ: въ той мѣстности, гдѣ хозяйничаетъ эта гусеница, въ воздухѣ носится множество, выпадающихъ изъ ея тѣла, тончайшихъ ядовитыхъ волосковъ, которые вызываютъ воспаленіе кожи лица и рукъ, а также и воспаленіе легкихъ. Поэтому, участки лѣса, пораженные процессіоннымъ шелкопрядомъ, оканываются глубокими канавами, для прегражденія доступа въ нихъ пасущемуся въ лѣсу домашнему скоту и людямъ. При переселеніи этихъ гусеницъ изъ одного участка лѣса въ другой, онѣ двигаются по землѣ какъ бы процессіей — плотной, змѣеобразной лентой, расширяющейся къ серединѣ и суживающейся по концамъ, отсюда и названіе — процессіонный. (Въ Россіи, по счастью, эта бабочка не встрѣчается).

Такъ вотъ какія важныя услуги оказываетъ наша кукушка лѣсу. Не правда ли, вѣдь за это можно ей многое простить?!

Въ народѣ кукушка пользуется повсемѣстной извѣстностью, и даже, можно сказать, любовью. Всякій ее знаетъ, потому что она встрѣчается повсюду, отъ Лапландіи до Крыма и Кавказа, за исключеніемъ развѣ только совсѣмъ голой степи, и повсюду заявляетъ о себѣ своимъ громкимъ, далеко слышнымъ кукованьемъ, имѣющимъ какую-то своеобразную прелесть.

Наши народные поэты любятъ сопоставлять кукушку съ «бездольной вдовицей» или съ «тоскующей молодухой»:

«Не кукушечка во сыромъ бору  
Жалобнехонько  
Вскуковала:  
А молодуха въ свѣтломъ терему  
Тяжелехонько  
Простонала...  
.....  
.....  
А кукушечкѣ во сыромъ бору  
По чужимъ гнѣздамъ  
Куковати,  
А молодухкѣ во слободухкѣ  
По чужимъ угламъ  
Тосковати!»<sup>1)</sup>

Заунывная нотка, которая часто слышится въ кукованіи, послужила поводомъ къ прозванію кукушки «горемычною»:

«Не голубкою  
Сизокрылою  
Заворкуеть;  
Не кукушкою  
Горемычною  
Закукуеть»...<sup>2)</sup>

То же сопоставленіе кукушки съ горемъ сказывается и въ пословицахъ: «Не кукушечка кукуеть, а жена горюеть». «Кукушка кукуеть, горе вѣщаетъ»<sup>3)</sup>.

Вообще, пословицъ, въ которыхъ фигурируетъ кукушка, въ русскомъ народѣ обращается очень большое количество. Изъ

<sup>1)</sup> Н. Цыгановъ.

<sup>2)</sup> Н. Цыгановъ.

<sup>3)</sup> Для знакомыхъ съ музыкой сдѣлаю слѣдующее замѣчаніе: нѣкоторая заунывность кукушечьего «ку-ку» происходитъ оттого, что второе «ку», относительно перваго, составляетъ, большею частію, интервалъ, близкій къ малой (минорной) терціи.

нихъ нѣкоторыя довольно часто можно слышать; такъ напримеръ: «Промѣнялъ кукушку на ястреба». «На кукушкиныхъ яйцахъ не высидишь цыплятъ». «За кукушку (то есть пустословіе) бьютъ въ макушку», и многія другія.

Во многихъ мѣстностяхъ на Руси существуетъ до сихъ поръ старинный обычай крестить кукушку или кумиться надъ кукушкой. «Для совершенія этого обряда, на семицкой недѣлѣ (недѣля передъ праздникомъ Святой Троицы), въ однихъ мѣстахъ (въ Калужской губерніи) поселанки готовятъ заранѣ птицу кукушку, а за неимѣніемъ ея, сплетаютъ изъ травы, называемой кукушкины слезки <sup>1)</sup>, вѣнокъ, перевязываютъ его красною лентой и выходятъ на лугъ или лѣсную поляну. Здѣсь онѣ разстилаютъ на травѣ платокъ, кладутъ на него кукушку; или траву «кукушкины слезки», а сами садятся въ кружокъ, мѣняются крестами, цѣлуются, съ обѣщаніемъ сохранить вѣчную дружбу, и съ этой минуты называютъ другъ дружку кумами. Кумовство оканчивается угощеніемъ и яичницей. Въ другихъ мѣстахъ (въ Тульской губ.) выходятъ въ лѣсъ, отыскиваютъ двѣ плакучихъ березки, связываютъ ихъ вѣтви платками или полотенцами, въ видѣ вѣнка, а къ самымъ деревьямъ вѣшаютъ свои кресты. Въ середину, надъ вѣнкомъ, помѣщаютъ кукушку, или траву кукушкины слезки, или же семицкій вѣнокъ. Всѣ подружки, рѣшившіяся покумиться надъ кукушкой, ходятъ вокругъ вѣнка и послѣ цѣлуются, сквозъ вѣнокъ. Въ это время другія женщины поютъ: «Ты, кукушка ряба» и проч.; въ заключеніе, мѣняются крестами и кольцами и даютъ обѣтъ жить въ мирѣ и согласіи. Употреблявшіеся при этомъ обрядѣ вѣнки раздѣляютъ между собой и хранятъ на память о кумовствѣ. Мужчины не допускаются къ исполненію этого обряда и женщины съ ними не кумятся надъ кукушкой» <sup>2)</sup>.

Такъ вотъ какова птица наша кукушка: и у лѣсничаго она въ почетѣ, и поэты ее воспѣваютъ, и народъ ее любитъ—въ пословицы и обычаи вводитъ. Вотъ, только пичужкамъ маленькимъ немножко подсаливаетъ... Ну, да вѣдь кто на этомъ свѣтѣ безъ грѣха!..

Однако, пока мы болтали, сидя у рѣчки, солнышко порядочно-таки стало припекать. Пора и во-своица!..

<sup>1)</sup> *Orchis maculata* или *Orchis latifolia*.

<sup>2)</sup> Сахаровъ. Сказанія русскаго народа.



## Дятлы.

Стоять не шелохнись и дубъ, и береза;  
Лишь снѣгъ подъ ногами скрипитъ отъ мороза;  
Лишь временно воронъ, вспорхнувъ, про шумитъ  
И дятель дуплистую иву долбитъ.

К. Рылѣвъ.

Мы славные артисты, на всемъ играть умѣемъ,—  
У насъ есть кларнетисты,  
А также и флейтисты;  
Вотъ напริมѣръ, вотъ напрімѣръ,  
Вотъ вамъ барабанъ!

Изъ дѣтской пѣсни.



А СВѢТЪ МНОГО есть разныхъ удивительныхъ музыкантовъ, но самый удивительный изъ нихъ это тотъ—и вы, конечно, со мною согласитесь—который умѣетъ барабанить носомъ по сухой палкѣ, и притомъ барабанить такъ громко, что его иногда бываетъ слышно чуть ли не за версту... Этого удивительнаго «музыканта» вы можете слышать въ весеннее время, по утрамъ (изрѣдка также и въ ясные, теплые осенніе дни), почти въ каждомъ лѣсу, и даже въ большомъ паркѣ.

Отправившись, въ хорошее весеннее утро, въ ближайшій лѣсъ, для прогулки, или для того, чтобы собрать себѣ букетикъ изъ раннихъ весеннихъ цвѣтовъ, вы съ наслажденіемъ вдыхаете въ себя свѣжій лѣсной воздухъ и прислушиваетесь къ разнообразнымъ голосамъ птичьяго міра. Вдругъ, надъ вами, съ высоты зе-

ленаго свода древесныхъ вѣтвей, раздается громкое «эrrrrrrrr...», подобное короткой барабанной дробі. Еще и еще повторяется эта странная музыка и, какъ бы въ отвѣтъ на нее, издали доносится такое же «эrrrrrr...».

Постарайтесь всмотрѣться повнимательнѣе въ вершины окружающихъ васъ деревьевъ (хорошо, если у васъ при этомъ имѣется бинокль), и вы увидите самого музыканта—дятла, прицѣпившагося къ сухому, лишенному коры, суку, или выдающемуся зубцу сухой, обломанной вершины дерева, на которомъ онъ и выбарабаниваетъ свою оригинальную музыку. Съ неимовѣрной быстротой и силой ударяетъ дятель своимъ клювомъ по сухому дереву, вызывая изъ него звуки, которые такъ пріятно звучатъ для уха человѣка, любящаго лѣсную природу. Но еще пріятнѣе должны звучать они въ ушахъ подруги дятла: вѣдь для нея, собственно, даетъ онъ свой концертъ, и она, нерѣдко, подлетаетъ въ это время къ своему дружку, какъ бы благодаря его за доставляемое ей удовольствіе. Но случается также, что на барабаненіе одного дятла прилетаютъ другіе дятлы-самцы, и тогда дѣло неминуемо оканчивается взаимной потасовкой.

Для того, чтобы такъ громко барабанить клювомъ по сухому дереву, конечно, нужно имѣть очень крѣпкій клювъ, да и не только клювъ, но и черепъ. И дѣйствительно, какъ тотъ, такъ и другой устроены у дятла настолько крѣпко и прочно, что онъ не только безъ особеннаго труда можетъ разбивать скорлупу лѣсныхъ орѣховъ, но даже выдалбываетъ въ здоровомъ деревѣ большія углубленія, не хуже любого плотника. Этого, кромѣ дятла, не въ состояніи сдѣлать ни одна изъ прочихъ нашихъ птицъ.

Еще, дятель великій мастеръ лазать по деревьямъ. Прилетѣвъ на нижнюю часть древеснаго ствола, онъ быстро, короткими скачками, поднимается вверхъ по стволу, граціозно откинувъ назадъ голову, шею и грудь, хвостомъ же упираясь въ шероховатую поверхность коры. При этомъ онъ поднимается не по прямой линіи, а всегда по винтовой (спиралью), вокругъ ствола дерева.

Дятель проводитъ большую часть своей жизни въ лазаньи по деревьямъ; онъ лазитъ гораздо больше, чѣмъ летаетъ. На землю же большинство нашихъ дятловъ спускается весьма рѣдко и двигается по ней очень неискусно и неуклюже. Спускаться по дереву внизъ головой (какъ это, напримѣръ, дѣлаетъ поползень, о которомъ у насъ рѣчь будетъ впереди) дятель не можетъ.



Главнымъ орудіемъ для лазанья служатъ дятлу его ноги, два пальца которыхъ обращены впередъ, а два назадъ, и снабжены большими, сильно изогнутыми и очень острыми когтями. Но, кромѣ ногъ, весьма важнымъ подспорьемъ для искуснаго лазанія является еще и хвостъ дятла, состоящій изъ очень крѣпкихъ, пружинистыхъ перьевъ. Прицѣпившись острыми когтями своихъ ногъ къ корѣ древеснаго ствола, дятель тотчасъ же прижимаетъ къ дереву свой пружинистый хвостъ, который такимъ образомъ служитъ ему опорой и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы пружиной, помогающей ему отталкиваться, при движеніи вверхъ по стволу. Въ первый разъ когда вамъ попадется въ руки какой-нибудь дятель, обратите вниманіе на его интересный хвостъ. При этомъ вы непременно увидите, что нижняя сторона конца хвоста сильно потерта и поношена; нерѣдко на ней можно найти даже прилипшіе къ перьямъ кусочки смолы, если, напримѣръ, дятель былъ убитъ или пойманъ въ сосновомъ, или вообще въ хвойномъ, лѣсу.

Дятель—самая лѣсная изъ всѣхъ лѣсныхъ птицъ. Что для рыбы вода, для ласточки воздухъ, въ которомъ она кружится цѣлый день, то для дятла—лѣсъ.

Любо въ морѣ рыбонькѣ,  
Любо въ небѣ ласточкѣ,  
А мнѣ, добру-молодцу,  
Любо во сыромъ бору,  
Во лѣсу-дубравушкѣ...

—сказалъ бы дятель, если бы могъ вообще говорить, да къ тому же еще и стихами...

Безъ лѣса и деревьевъ дятель положительно невысказуемъ. Въ стволѣ лѣснаго дерева находится его колыбель, туда же онъ возвращается и на ночной покой. Не умѣя еще летать, дятель-птенецъ ловко уже карабкается по древесному стволу. Въ лѣсу—всѣ радости и печали дятла, его любовь и его враги; внѣ лѣса—онъ чужестранецъ.

Если нужда въ пріисканіи дневнаго пропитанія заставляетъ дятла перелетать изъ одного лѣса въ другой, то онъ, по возможности, старается при этомъ держаться хотя отдѣльно стоящихъ деревьевъ, древесныхъ группъ или аллей. Если же такого «моста» не оказывается, то дятель, скрѣпя сердце, пускается въ путь черезъ ненавистное ему открытое поле по кратчайшему направленію и летитъ, съ очевидной поспѣшностью, по прямой линіи,

1.

2.

3.

4.



1. Пищуха (*Certhia familiaris*).
2. Синица лазоревка (*Parus coeruleus*).
3. Синица длиннохвостая (*Acredula caudata*).
4. Малый пестрый дятель (*Picus minor*).

никогда ни сворачивая ни вправо, ни влево. Достигнувъ благополучно ближайшей лѣсной «гавани», онъ тотчасъ же посылаетъ оттуда свой громкій, ликующій крикъ, по случаю благополучнаго окончанія столь смѣлаго предпріятія.

Хотя, правда, между нашими дятлами есть нѣкоторые виды (напримѣръ, зеленые дятлы), которые ведутъ нѣсколько иной образъ жизни и весьма нерѣдко встрѣчаются на открытыхъ полянахъ и лѣсныхъ опушкахъ, тѣмъ не менѣе, каждый дятель, къ какому бы онъ виду ни принадлежалъ, все-таки всегда остается истинно лѣсной птицей, и притомъ птицей, составляющей прекрасное украшеніе нашихъ лѣсовъ.

Всѣ наши дятлы очень красивыя птицы. Яркія краски, рѣзкій рисунокъ, внезапные переходы отъ чернаго цвѣта къ чисто-бѣлому, отъ ярко-краснаго къ зеленому, характерно отличаютъ дятловъ отъ прочихъ нашихъ птицъ, имѣющихъ, большею частію, постепенные переходы отъ одного цвѣта къ другому и менѣе яркіе цвѣта. Какъ бы въ соотвѣтствіи съ такою рѣзкостью въ окраскѣ находится и характеръ дятловъ. Ихъ порывистое лазанье, часто прерываемое долбленіе и барабаненье, ихъ очень громкое, внезапное, рѣзкое вскрикиванье, быстрое, какъ бы внезапное, перемѣщеніе съ вершины одного дерева къ основанію другого, даже самый полетъ этихъ птицъ, совершаемый большими глубокими дугами, при чемъ птица то поднимается дугою кверху, порывисто махая крыльями, то вдругъ, прижавъ неподвижно къ туловищу крылья, какъ бы низвергается внизъ,—все это носитъ на себѣ характеръ рѣзкаго, внезапнаго, неожиданнаго. Альтумъ чрезвычайно удачно сравниваетъ дятла съ человѣкомъ, который, внезапно ворвавшись въ комнату, началъ бы быстро толкаться въ ней то туда, то сюда, стуча палкою по каждому попавшемуся подъ руку предмету, отъ времени до времени рѣзко вскрикивая или отрывисто хохоча, затѣмъ, вдругъ, останавливался бы на нѣсколько мгновеній неподвижно, какъ вкопанный, и снова неожиданно бросался бы въ другую комнату, съ тѣмъ, чтобы начать тамъ продѣлывать то же самое. «Костюмъ для такого господина—прибавляетъ Альтумъ—былъ бы самый подходящій—пестрый арлекинскій: изъ черныхъ, красныхъ и бѣлыхъ лоскутьевъ, соотвѣтственно окраскѣ пестраго дятла».

Кому случалось бывать въ лѣсу, тотъ, конечно, не разъ слышалъ, какъ дятель долбитъ своимъ клювомъ деревья; въ боль-

шинствѣ случаевъ, это значить, что господинъ дятель завтракаетъ или обѣдаетъ, а можетъ быть и ужинаетъ—смотря, конечно, по времени дня. Своимъ острымъ и крѣпкимъ клювомъ онъ выдалбливаетъ изъ-подъ коры, или изъ гнилого, или даже и изъ здороваго дерева, разныхъ насѣкомыхъ и ихъ личинокъ, сверлящихъ и точащихъ лѣсныя деревья и составляющихъ любимую и обыкновенную пищу дятла.

Услышавъ въ лѣсу долбленіе дятла и желая поближе полюбоваться на самого долбилыхъ дѣлъ мастера, возьмите первый попавшійся вамъ подъ руку сухой сучокъ и начните ударять имъ по корѣ какого-нибудь древеснаго ствола (но только никакъ не того, на которомъ сидитъ самъ дятель, такъ какъ вы этимъ можете его спугнуть), и старайтесь подражать его долбленію. Услышавъ недалеко отъ себя присутствіе другого дятла (за какового онъ не замедлитъ васъ признать, если только вы мало-мальски удачно ему подражали), крѣпконосый долбунъ сначала притихнетъ, прислушиваясь; крикнетъ иногда при этомъ разъ-другой, а затѣмъ подлетитъ, что называется, къ самому вашему носу и начнетъ высматривать по сторонамъ, стараясь отыскать глазами своего предполагаемаго собрата. Такую штуку можно съ нимъ продѣлывать иногда нѣсколько разъ кряду. Мнѣ удалось однажды манить такимъ образомъ одного дятла почти на полверсты разстоянія—изъ большого парка, къ себѣ въ садъ, на дачу, причемъ значительную часть пути пришлось сдѣлать по липовой аллеѣ. Только здѣсь, въ саду, послѣ того, какъ я началъ громко стыдить недогадливаго долбуна, онъ, вѣроятно, понялъ, что сдѣлался жертвою обиднаго обмана и поспѣшилъ ретироваться обратно въ паркъ.

Слѣдуетъ ли объяснить такое легкое подманиваніе дятла его любопытствомъ, или же присущей ему необщительностью, вслѣдствіе которой онъ не можетъ терпѣть близъ себя птицы одной съ нимъ породы, а потому желаетъ непременно отыскать ее и прогнать—сказать трудно.

Пищу дятла, кромѣ насѣкомыхъ, составляютъ также сѣмена нѣкоторыхъ лѣсныхъ деревьевъ, преимущественно сосны и ели. Сорвавъ съ вѣтки шишку, дятель защемяетъ ее въ развилину двухъ сучковъ, въ расщелину коры, или въ нарочно для того выдолбленное въ деревѣ углубленіе, и затѣмъ обрабатываетъ ее своимъ крѣпкимъ клювомъ, вытаскивая острымъ кончикомъ языка



сѣмена изъ-подъ продолбленныхъ чешуекъ. Иногда въ сосновомъ лѣсу попадаютъ, подъ нѣкоторыми деревьями, цѣлыя кучи раздолбленныхъ сосновыхъ шишекъ—это все работа дятла (преимущественно большого пестраго), который, срывая шишки съ разныхъ деревьевъ, сноситъ ихъ обыкновенно на одно и то же дерево, на которомъ ихъ опоражниваетъ и, затѣмъ, сбрасываетъ на землю.

Почти всѣ дятлы (зеленые въ особенности) также большіе охотники до муравьевъ и муравьиныхъ яицъ. Муравьевъ они поѣдаютъ слѣдующимъ образомъ: растревоживъ муравьиною кучу, дятель всовываетъ въ нее свой длинный липкій языкъ, и, когда ожесточенные муравьи облѣпляютъ его, быстро втягиваетъ снова въ ротъ, и, такимъ образомъ, проглатываетъ въ одинъ пріемъ изрядное количество этихъ насѣкомыхъ.

Есть еще у дятла странная, до сихъ поръ не объясненная, привычка—надалбливать на корѣ деревьевъ углубленія (на каждое углубленіе по одному удару), располагая ихъ правильными кольцами вокругъ ствола (такъ называемое кольцеваніе). Кольцеваніе это сплошь да рядомъ производится дятломъ на совершенно здоровыхъ деревьяхъ, въ которыхъ не находится никакихъ насѣкомыхъ, а потому оно и является какъ бы безцѣльнымъ. Особенно часто случается видѣть такія кольца, или части ихъ (кольцо не всегда бываетъ закончено), на березѣ, на бѣлой корѣ которой они легче бросаются въ глаза, чѣмъ на темной корѣ другихъ деревьевъ. Осматривая приносимыя зимою въ комнату, для топки печей, березовыя дрова, вы не разъ найдете на ихъ корѣ эту работу дятла.

Долбя дерево, въ поискахъ за насѣкомыми, своимъ долотообразнымъ клювомъ, дятель мало употребляетъ его, т. е. клювъ, для схватыванія пищи; для этой цѣли ему больше служитъ его необычайно длинный, гибкій, узкій и круглый языкъ, съ острымъ роговымъ кончикомъ. На этомъ роговомъ остріѣ, кромѣ того, находятся еще острые зубчики или крючечки, обращенные остріями назадъ; такъ что, разъ дятель наколотъ на кончикъ своего языка какого-нибудь жучка—тотъ сидитъ уже на немъ крѣпко и не сорвется. Благодаря такому устройству языка, дятель можетъ удобно вытаскивать изъ дерева различныхъ древоточцевъ, не только по прямому направленію, но и изъ извилистыхъ ходовъ, изгибая по нимъ свой гибкій длинный языкъ. При этомъ нужно еще

замѣтить, что дятель обладаетъ чрезвычайно тонкимъ обоняніемъ, въ чемъ убѣдились, продѣлывая надъ нимъ слѣдующій опытъ: въ потолокъ клѣтки въ которой содержался дятель, просверливали небольшое отверстіе, около котораго клали нѣсколько муравьиныхъ яицъ; видѣть ихъ дятель не могъ, а между тѣмъ онъ прицѣплялся къ потолку клѣтки, просовывалъ свой длинный языкъ въ продѣланное отверстіе, быстрымъ движеніемъ изгибалъ его змѣеобразно во все стороны, и, какъ только ощупывалъ яйцо, тотчасъ же прокалывалъ его острымъ кончикомъ языка и препровождалъ къ себѣ въ ротъ. Такъ онъ поступалъ до тѣхъ поръ, пока все яйца не были подобраны.

Наблюдая за дятлами, нерѣдко можно видѣть, какъ они, постучавъ клювомъ въ дерево, быстро перебѣгаютъ на другую сторону ствола и со вниманіемъ осматриваютъ тамъ все трещины коры. Народный юморъ утверждаетъ, будто дятель просверливаетъ насквозь стволъ дерева и затѣмъ спѣшитъ на противоположную сторону, чтобы посмотреть на просунувшійся кончикъ своего остраго клюва!.. Хотя это доказываетъ, что этой птицѣ приписываютъ порядочную глупость, но, съ другой стороны, въ народныхъ сказкахъ черный дятель играетъ не послѣднюю роль, отыскивая таинственный корень «разрывъ-травы», отворяющей все замки и указывающей, гдѣ зарыты клады.

«Учили—у дятла выманивать свистомъ  
Разрывъ-траву съ вѣщими корнемъ и листомъ;  
Они указуютъ въ полуночной мглѣ,  
Гдѣ клады съ зарокѣмъ зарыты въ землѣ» <sup>1)</sup>.

Съ наступленіемъ весенняго времени, у дятла, какъ и у другихъ птицъ, начинаются заботы по выводу дѣтей. Гнѣздомъ служитъ дупло дерева, или, чаще, углубленіе, имѣющее форму груши, выдалбливаемое въ стволѣ дерева. При этомъ, обыкновенно, отдается предпочтеніе деревьямъ гнилымъ или загнивающимъ, такъ какъ они легче долбятся, чѣмъ здоровыя и крѣпкія. Особенно часто помѣщается гнѣздо въ старой, дуплистой или гнилосердой осинѣ. Дней черезъ 10—14 неустанной работы, исполняемой поочередно самцомъ и самкой, гнѣздо готово. Внутри оно довольно просторно, имѣетъ почти гладкія стѣнки и устлано по дну мелкими опилками.

Помѣщается гнѣздо всегда довольно высоко на деревѣ. Летное

<sup>1)</sup> Л. Мей.



отверстіе дѣлается лишь настолько широкимъ, чтобы птица могла черезъ него пролѣзть. Самка несетъ 5—7 бѣлыхъ, блестящихъ, какъ фарфоръ, яичекъ, которыя высиживаются попеременно самцомъ и самкой. Ночью, когда самка сидитъ на яйцахъ въ гнѣздѣ, самецъ ночуетъ по сосѣдству, въ прошлогоднемъ гнѣздѣ, или въ нарочно-выдолбленномъ «спальномъ помѣщеніи», при чемъ спитъ прицѣпившись, въ отвѣсномъ положеніи, къ стѣнкѣ своей спальни.

Молодые дятлы, весьма безобразные въ первое время своего появленія на свѣтъ, прилежно выкармливаются своими родителями, скоро выучиваются лазать по стѣнкамъ своей колыбели и любятъ выглядывать на свѣтъ Божій, изъ летняго отверстія гнѣзда. Если постучать палкой по дереву, въ стволѣ котораго находится гнѣздо съ дятлами, то эти послѣдніе тотчасъ же очень громко заверещать. Такое же верещаніе раздается изъ дятлинаго гнѣзда и каждый разъ, когда тотъ или другой изъ родителей прилетаетъ въ гнѣздо съ кормомъ для птенцовъ. Благодаря этимъ, далеко слышнымъ, крикамъ, въ лѣсу всегда легко найти гнѣздо дятла съ птенцами.

Вылетѣвъ изъ гнѣзда, молодые дятлы первое время держатся около своихъ родителей, а затѣмъ разсѣиваются въ одиночку по окрестности.

Всѣ наши дятлы—птицы осѣдлая или кочующія; перелетныхъ же—то есть такихъ, которые улетали бы на зиму въ теплыя страны, между ними нѣтъ. Кромѣ времени вывода дѣтей, въ теченіе котораго дятель придерживается той части лѣса, въ которой находится его гнѣздо, остальную часть года онъ обыкновенно кочуетъ, въ-одиночку, по лѣсамъ своей родины, снискивая въ нихъ свое дневное пропитаніе; съ наступленіемъ же весенняго времени—снова возвращается къ мѣсту своего гнѣздовья. Чѣмъ обильнѣе покрытъ въ лѣсу столъ для дятла, тѣмъ меньше округъ его кочевки, и наоборотъ: зимою, въ малокормицу, округъ кочевки дятла расширяется иногда на многіе десятки верстъ. Пока дятель держится въ небольшомъ округѣ, онъ замѣчательно аккуратно появляется, иногда въ одни и тѣ же часы дня, на извѣстномъ мѣстѣ. Такъ, напримѣръ, я зналъ одного дятла (это былъ прекрасный экземпляръ малаго пестраго дятла <sup>1)</sup>), который, въ теченіе почти трехъ недѣль сентября мѣсяца, ежедневно появлялся, акку-

<sup>1)</sup> *Picus minor*.

ратно около 12-ти часовъ дня, на березѣ, росшей въ саду передъ окномъ моей рабочей комнаты.

Какъ всякое другое живое существо, такъ и дятель имѣетъ своихъ враговъ среди животнаго царства. Проводя большую часть своей жизни въ лѣсу, среди деревьевъ, дятель, сравнительно, рѣдко попадаетъ въ когти ястребовъ и другихъ хищныхъ птицъ, успѣшно охотящихся преимущественно лишь на болѣе или менѣе открытыхъ мѣстахъ. Главнымъ же его врагомъ является бѣлка. Эта хорошенькая грызунья вообще большая любительница разорять птичьи гнѣзда: она рѣдко пропускаетъ благопріятный случай полакомиться птичьими яйцами и даже маленькими птенчиками. Въ особенности страдаютъ отъ бѣлокъ крупные виды дятловъ, у которыхъ летное отверстіе гнѣзда настолько широко, что этотъ звѣрекъ можетъ пробраться черезъ него во внутрь гнѣзда.

Ни объ одной, кажется, птицѣ не было высказываемо столь противорѣчивыхъ мнѣній, какъ о дятлѣ, по вопросу о томъ, вреденъ онъ для лѣса или полезенъ. Было время, когда дятлы считались безусловно вредными птицами, за то, что они долбятъ деревья, такъ что чуть ли не выдавались преміи за ихъ истребленіе. Затѣмъ, когда образъ жизни дятловъ сталъ болѣе извѣстенъ, и когда выяснилось, что дятель долбитъ преимущественно деревья больныя, загнивающія или вовсе гнилыя, что онъ поѣдаетъ великое множество насѣкомыхъ, живущихъ на деревьяхъ и внутри ихъ, каковыя насѣкомыя, почти всѣ безъ различія, считались прежде вредными для лѣса,—тогда дятлы изъ вредныхъ и преслѣдуемыхъ птицъ превратились въ полезныхъ и покровительствуемыхъ. Наконецъ, въ послѣднее время, когда, въ свою очередь, образъ жизни лѣсныхъ насѣкомыхъ сдѣлался болѣе извѣстенъ, и когда оказалось, что многія изъ тѣхъ насѣкомыхъ, которыя попадаютъ на столъ дятламъ, относятся къ числу совершенно безвредныхъ для лѣса, такъ какъ водятся только въ гнилыхъ деревьяхъ, на здоровыя же не нападаютъ—слава дятла, какъ охранителя лѣсовъ, значительно померкла. Однако, въ концѣ концовъ, большинство птицевѣдовъ и лѣсничихъ считаютъ дятла все-таки весьма полезной птицей; хотя не столько полезной истребленіемъ лѣсныхъ насѣкомыхъ, сколько тѣмъ, что дятлы въ значительной степени содѣйствуютъ пребыванію и размноженію въ нашихъ лѣсахъ многихъ насѣкомоядныхъ птицъ, уничтожающихъ огромныя количества лѣсныхъ насѣко-

мыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ украшающихъ и оживляющихъ лѣсъ своимъ присутствіемъ и своими пѣснями. Таковыми именно птицами являются дуплогнѣздники, то есть птицы, гнѣздящіяся въ дуплахъ деревьевъ; таковы, напримѣръ: синицы, пищухи, вертишейки, мухоловки, горихвостки и другія. Дѣло въ томъ, что дятлы, большею частью, ежегодно выдалбливаютъ новое помѣщеніе для своего гнѣзда; кромѣ того, сплошь да рядомъ, они готовятъ себѣ еще по нѣскольку спальныхъ помѣщеній,—не потому, чтобы дятлу было мало одного ночлежнаго пріюта, а потому, что такими пріютами часто завладѣваютъ другіе дуплогнѣздники, которымъ дятель, вопреки своему вообще рѣшительному и энергичному характеру, уступаетъ, обыкновенно, безъ особенно большого сопротивленія.

Въ неволѣ дятловъ держать рѣдко,—только особые любители. Для этихъ птицъ нужна обязательно металлическая клѣтка; всякую другую онѣ разнесутъ своимъ клювомъ вдребезги. Въ кормъ даются муравьиныя яйца, къ которымъ подбавляются мучные черви и нарѣзанное узкими полосками сырое мясо, а также орѣхи, хвойныя шишки и другія лѣсныя сѣмена. Молодыхъ, взятыхъ изъ гнѣзда, выкармливаютъ булкой, намоченной въ молоко и смѣшанной съ творогомъ. Они скоро становятся совершенно ручными, но въ общей клѣткѣ ихъ держать нельзя, такъ какъ они сильно дерутся между собою.

У насъ, въ Европейской Россіи, водится 8 различныхъ видовъ дятловъ. Для того, чтобы читатель, въ случаѣ надобности, могъ опредѣлить, съ какимъ именно дятломъ ему приходится имѣть дѣло, помѣщаю на нижеслѣдующихъ строкахъ краткія ихъ описанія и нѣкоторыя особенности, свойственныя тому или другому виду.

### 1) Большой пестрый или обыкновенный дятель <sup>1)</sup>.

Преобладающіе цвѣта перьевъ—черный и бѣлый. Вся спина черная; нижняя часть брюшка ярко-красная. У самца поперекъ затылка красная полоска, которой у самки нѣтъ; у молодыхъ темя красное. Величиною немного побольше скворца <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> *Picus major*.— <sup>2)</sup> Длина (отъ кончика клюва до конца хвоста) около 10 дюймовъ (23—25 сантиметровъ).

Это самый распространенный, многочисленный, а потому и чаще других встречающийся дятель. Водится во всей Россіи.

Голосъ—рѣзкое, отрывистое «кикъ» или «киксъ», которое выкрикивается обыкновенно съ большими промежутками.

Будучи вырощенъ въ клѣткѣ, этотъ дятель очень привязывается къ своему хозяину и выказывается далеко не глупой птицей.

## 2) Средній пестрый дятель <sup>1)</sup>.

Вертлявый дятель.

Преобладающіе цвѣта—черный и бѣлый. Вся спина черная; нижняя часть брюшка розовая; темя и затылокъ ярко-красные, какъ у самца, такъ и у самки; у молодыхъ красный цвѣтъ слегка только пробивается на темени. Величиною немного менѣе предыдущаго <sup>2)</sup>.

Водится только въ южной половинѣ Россіи, и преимущественно въ западной ея части; вообще малочисленъ, такъ что встрѣчается довольно рѣдко, и почти исключительно въ чернолѣсѣ (лиственныхъ лѣсахъ).

Голосъ почти такой же «кикъ», какъ и у предыдущаго вида, но только повторяется болѣею частію нѣсколько разъ кряду: «кикъ, кикъ, кикъ, кикъ...».

## 3) Малый пестрый дятель <sup>3)</sup>. (Табл. II).

Преобладающіе цвѣта также черный и бѣлый. Спина испещрена черными и бѣлыми поперечными полосами; на брюшкѣ краснаго цвѣта нѣтъ. Темя у самца ярко-красное, у самки—бѣлое, у молодыхъ—бѣловато-бурое. Ростомъ немного болѣе воробья <sup>4)</sup>.

Водится въ сѣверной и средней Россіи, въ южной рѣдокъ; встрѣчается почти во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ есть лѣсъ и деревья, но нигдѣ не бываетъ многочисленъ и попадаетъ на глаза гораздо рѣже обыкновеннаго дятла. Чаше другихъ залетаетъ въ городскіе сады.

Голосъ—много разъ кряду повторяемое, громкое, съ какимъ-то жалобнымъ отгѣнкомъ, «ти, ти, ти, ти, ти...»; особенно часто слышно ранней весной. По этому крику его легко смѣшать съ родственной ему птицей вертишейкой.

<sup>1)</sup> *Picus medius*.— <sup>2)</sup> Длина около 8 дюйм. (21 сантим.).— <sup>3)</sup> *Picus minor*.

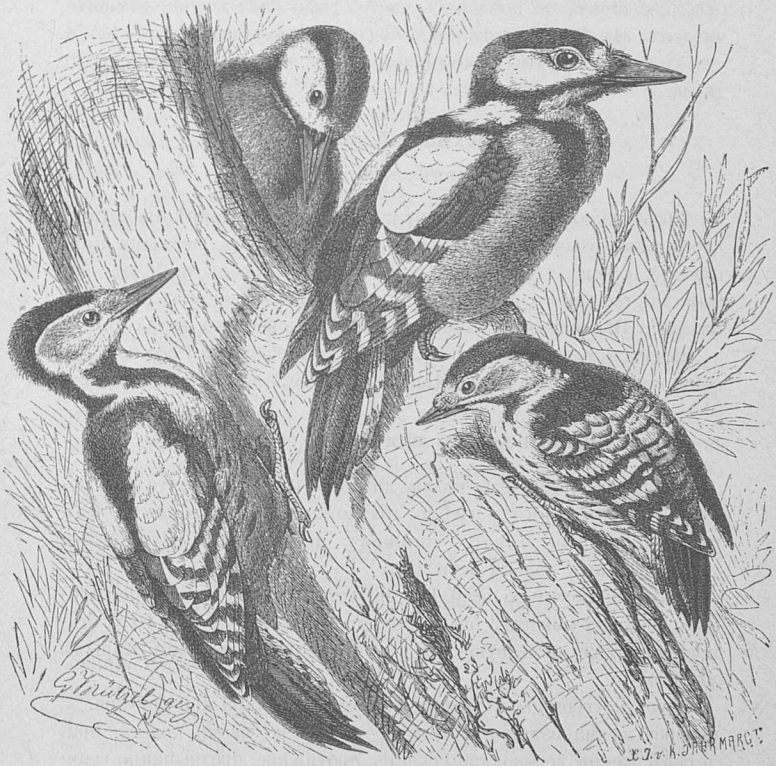
<sup>4)</sup> Длина около 6½ дюйм. (16 сантим.).

2

1

3

4



Пестрые дятлы.

1. Большой.—2. Тоже, молодой.—3. Средний.—4. Малый.

**4) Бѣлоспинный дятель<sup>1)</sup>.**

Преобладающие цвѣта черный и бѣлый. Нижняя половина спины бѣлая; брюшко розовое. Темя у самца ярко-красное, у самки черное. Величиною немного болѣе обыкновеннаго дятла<sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> *Picus leuconotus*.— <sup>2)</sup> Длина около 11 дюйм. (26—28 сантим.).

Водится преимущественно въ западной и средней Россіи, нигдѣ, при этомъ, не попадаясь часто, такъ какъ вообще немногочисленъ. Изрѣдка встрѣчается подъ Петербургомъ.

Голосъ его почти не отличается отъ голоса обыкновеннаго дятла.

### 5) Трехпалый дятель <sup>1)</sup>.

Желтоголовый дятель.

Преобладающіе цвѣта черный и бѣлый. По спинѣ проходитъ продольная бѣлая полоса; брюшко бѣловатое, съ черными пятнами. У самца темя желтое, у самки—серебристо-бѣлое. На ногахъ только три пальца (два обращены впередъ и одинъ назадъ). Величиною немного менѣе обыкновеннаго дятла <sup>2)</sup>.

Водится только въ хвойныхъ лѣсахъ сѣверной Россіи и вообще встрѣчается не часто. Попадаетъ иногда подъ Петербургомъ.

### 6) Черный дятель или желна <sup>3)</sup>. (Табл. XII).

Самый большой изъ всѣхъ дятловъ (ростомъ почти съ ворону <sup>4)</sup>). Весь чернаго цвѣта, только на головѣ ярко-красная полоса, которая у самца занимаетъ лобъ, темя и затылокъ, а у самки одинъ только затылокъ.

Водится почти во всей Россіи, гдѣ только есть большіе хвойные лѣса, но повсюду очень малочисленъ и годъ отъ году становится рѣже, вслѣдствіе быстро идущаго истребленія старыхъ лѣсовъ.

Голосъ—громкое и весьма характерное: «кри-кри-кри-кри...», которое желна издаетъ преимущественно во время полета; прилетѣвъ же на дерево, испускаетъ протяжное, чрезвычайно громкое и благозвучное «клюээ», по которому его можно узнать очень издалека.

Желна—самый заправскій плотникъ изъ всѣхъ дятловъ; своимъ необычайно крѣпкимъ и острымъ клювомъ-долотомъ онъ можетъ расщеплять даже здоровыя и довольно толстыя доски, откалывая щепки въ нѣсколько вершковъ длиною и до полудюйма толщиною. Извѣстны случаи, когда черный дятель наносилъ не-

<sup>1)</sup> *Picus tridactylus*.—<sup>2)</sup> Длина  $9\frac{1}{2}$  дюйм. (24 сантим.).—<sup>3)</sup> *Picus martius*.

<sup>4)</sup> Длина около 19 дюйм. (47—50 сантим.).



малые изъѣяны деревяннымъ постройкамъ, возведеннымъ среди лѣса, или на его опушкѣ. Такъ, напримѣръ, извѣстный ученый Карлъ Фогтъ рассказываетъ слѣдующій случай <sup>1)</sup>:

«Одинъ изъ моихъ дядей выстроилъ въ своемъ лѣсу, на полянкѣ, домикъ, служившій цѣлью его прогулокъ лѣтомъ. Это было превосходное мѣстечко, лежавшее въ тѣни чудныхъ сосенъ и лиственницъ, около журчащаго ручейка, въ которомъ мы ловили раковъ, пока дядя курилъ свою послѣбобѣденную трубку. Вся идиллія была разрушена дятломъ, съ сатанинскимъ упорствомъ избравшимъ себѣ мѣстопребываніемъ внутренность домика. Онъ влеталъ туда черезъ низкую трубу и сталъ производить страшныя опустошенія внутри обшивныхъ досокъ, въ которыхъ, правда, завелись уже черви. Дядя велѣлъ устроить въ трубѣ выюшку. День спустя, дятель пробуравилъ въ деревянной выюшкѣ дыру, величиною съ кулакъ, и снова появился въ домикѣ. Выюшки обили жестью. Когда дядя въ слѣдующее посѣщеніе отворилъ дверь, дятель бросился ему чуть не въ лицо, но тотчасъ же отлетѣлъ прочь, шумно хлопая крыльями. Онъ пробуравилъ дыру въ ставнѣ и оконномъ переплетѣ. Пришлось сдѣлать новые расходы и обить жестью ставню. Когда, по прошествіи нѣсколькихъ дней, дядя вернулся въ свой домикъ, ему бросилась въ глаза большая дыра въ толстой двери, до сихъ поръ служившей твердымъ оплотомъ отъ всѣхъ лѣсныхъ животныхъ. Тогда гнѣвъ собственника домика не зналъ болѣе границъ: устроили сѣть, въ которую и попался дятель. Но дядя былъ добродушный сборщикъ податей, выжимавшій послѣдній грошъ у платившихъ подать, но неспособный причинять страданій животнымъ. Состраданіе овладѣло имъ, когда птица, которую онъ схватилъ, взглянула на него жалобно, чуть не прося о пощадѣ. Онъ далъ одному мальчику, искавшему землянику, птицу и нѣсколько мелкихъ монетъ, съ тѣмъ, чтобы тотъ зарѣзалъ дятла въ какомъ-нибудь потаенномъ мѣстѣ. На слѣдующій день дятель снова появился въ домикѣ; скверный мальчишка взялъ себѣ монеты и отпустилъ птицу. Дядя прекратилъ борьбу. Домикъ развалился, потому что дядя пересталъ приходить въ него. Дятель же хозяйничалъ въ немъ до тѣхъ поръ, пока

---

<sup>1)</sup> Въ своей прекрасной книгѣ: «Чтеніе о полезныхъ и вредныхъ животныхъ». С.-Петербургъ. 1865 г. Изданіе Шелгуновой. (Переводъ съ нѣмецкаго).

не превратилъ послѣднихъ остатковъ въ щепки, которыми мы осенью слѣдующаго года разводили огонь, чтобы печь себѣ картофель».

Подобный же случай былъ (въ 1877 г.) близъ Выборга, на дачѣ Ривилинъ, гдѣ, появившіеся въ ноябрѣ мѣсяцѣ, нѣсколько черныхъ дятловъ въ короткое время жестоко обработали одну дачную постройку. Начали они съ оконныхъ рамъ и рѣзныхъ оконныхъ украшеній, затѣмъ набросились на крашеную обшивку дома, которая, въ непродолжительномъ времени, почти вся обращена была буквально въ щепки. (Я имѣлъ въ рукахъ нѣкоторые изъ этихъ щепокъ, на которыхъ ясно можно было видѣть слѣды клюва дятла). Для предупрежденія дальнѣйшаго разрушенія дачи, пришлось прибѣгнуть къ помощи ружья.

Отнюдь, однако, не слѣдуетъ думать, чтобы черный дятель приносилъ одинъ только вредъ. Эта птица оказываетъ, нерѣдко, весьма значительную помощь лѣсническому въ уничтоженіи вредныхъ лѣсныхъ насѣкомыхъ. Такъ, нашъ извѣстный знатокъ вредныхъ насѣкомыхъ И. Я. Шевыревъ насчиталъ въ желудкѣ одного чернаго дятла до 300 слишкомъ штукъ, а въ желудкѣ другого—до 650 штукъ личинокъ очень вреднаго жучка-короеда (*Scolytus Ratzeburgii*).

### 7) Зеленый дятель<sup>1)</sup>.

Преобладающій цвѣтъ зеленый; лобъ, темя и затылокъ ярко-красные. У самца щеки ограничены снизу красною полосою, а у самки черною. Значительно крупнѣе обыкновеннаго дятла<sup>2)</sup>.

Водится почти во всей Россіи, но предпочитаетъ лиственные и смѣшанные лѣса, въ которыхъ держится преимущественно по опушкамъ и полянамъ. Въ Крыму этого дятла нѣтъ, но на Кавказѣ онъ является обыкновенной птицей дубовыхъ лѣсовъ. Часто спускается на землю и охотно питается муравьями. Встрѣчается не часто.

Голосъ—звучное «гюкъ, гюкъ, гюкъ, гюкъ...», ускоряющееся къ концу. Этотъ крикъ особенно часто бываетъ слышенъ раннею весной и слегка напоминаетъ крикъ курицы.

<sup>1)</sup> *Gecinus (Picus) viridis*.— <sup>2)</sup> Длина 12 д. (31 см.).



Дятлы.

1. Сѣдой.—2. Бѣлоспинный.

**8) Сѣдой дятель <sup>1)</sup>.**

Преобладающій цвѣтъ зеленый. Голова сѣрая (сѣдая); только у самца на лбу находится красное пятно. Щеки окаймлены снизу узкой черной полосой. Величиною немного менѣе предыдущаго <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> *Gecinus (Picus) canus*. Сѣдоголовый дятель, зеленый дятель.

<sup>2)</sup> Длина около 12 д. (30 см.).

Водится почти по всей Россіи, но встрѣчается рѣдко, вслѣд-  
ствіе своей малочисленности. Въ Крыму и на Кавказѣ очень  
рѣдокъ. Во всемъ очень сходенъ съ предыдущимъ видомъ, въ  
томъ числѣ и голосомъ, при чемъ, только, въ его болѣе рѣзкомъ  
крикѣ больше слышится гласная *и*, чѣмъ *ю*: «гикъ, гикъ, гикъ...»

Вотъ и всѣ наши дятлы.

Поручаю, читатель, вашему вниманію и покровительству  
этихъ красивыхъ, интересныхъ и во всякомъ случаѣ скорѣе  
полезныхъ, чѣмъ вредныхъ птицъ.

## Вертишейка<sup>1)</sup>.



ЛИЗКО родственная дятлямъ, величиною не-  
много поменьше жаворонка<sup>2)</sup>, буро-сѣрая  
птичка, вся испещренная темнобурыми кра-  
пинками, черточками и полосками. На верх-  
ней поверхности хвоста 5 темныхъ поперечныхъ полосокъ; отъ  
затылка къ спинѣ тянется темнобурая полоса; сѣроватожелтое  
горло украшено чернобурыми поперечными черточками. Самецъ  
отъ самки по окраскѣ почти не отличается.

У вертишейки, такъ же какъ и у дятловъ, пальцы на ногахъ  
расположены попарно—2 обращены впередъ и 2 назадъ, но,  
тѣмъ не менѣе, лазать по дереву, подобно дятлямъ, она не мо-  
жетъ. Языкъ у нея также весьма длинный и узкій, съ острымъ  
роговымъ кончикомъ, но безъ зазубринъ.

Въ противоположность дятлямъ, проводящимъ у насъ зиму  
и лѣто, вертишейка птица перелетная: появляется она у насъ въ

---

<sup>1)</sup> *Jynx torquilla*. Вертиголовка, вертишейка (Петербургск.); верти-  
головка, тикунъ, лѣсная пиголица (Казанск.); вертошея, большая  
пестрая дулянка (Яросл. и Подмоскови.); крутыголовка, крутоголовка  
(Харьк.).

<sup>2)</sup> Длина около 7 д. (18 см.).

концѣ апрѣля или въ началѣ мая, въ сентябрѣ же или въ концѣ августа снова улетаетъ на югъ, до самыхъ внутреннихъ странъ Африки.

Вертишейка распространена почти по всей Европейской и Азіатской Россіи, хотя нигдѣ не встрѣчается особенно часто, вслѣдствіе своей малочисленности. Гнѣздится повсюду, гдѣ есть дуплистыя деревья, или вообще какія либо углубленія въ деревьяхъ, въ которыхъ она вьетъ свое незатѣйливое, но мягкое и теплое гнѣздышко, и сноситъ, къ началу іюня, 6—12 чисто бѣлыхъ, блестящихъ яичекъ. Высиживаніемъ занимаются самецъ и самка попеременно.

При приближеніи къ гнѣзду человѣка, или вообще какого либо врага, вертишейка шипитъ, какъ змѣя, и тѣмъ нерѣдко отпугиваетъ непрошеннаго гостя, въ особенности ребятишекъ, столь часто занимающихся непохвальнымъ дѣломъ разоренія птичьихъ гнѣздъ. Къ половинѣ іюля птенцы выучиваются уже летать и вскорѣ покидаютъ своихъ родителей. Къ осени вертишейки сбиваются въ небольшія стайки для совмѣстнаго путешествія въ дальніе края.

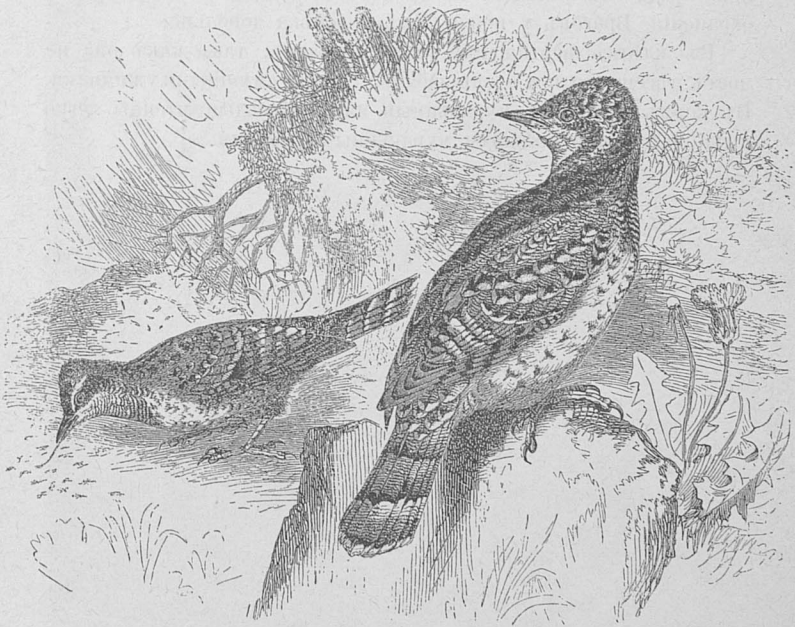
Голосъ у нашей птички—громкое и часто повторяемое «тей, тей, тей, тей...», или, пожалуй, «ти, ти, ти, ти, ти, ти...» (тикунъ), которымъ она весной извѣщаетъ о своемъ прилетѣ. Крикъ этотъ, по своему характеру, очень напоминаетъ крикъ нѣкоторыхъ дятловъ, въ особенности маленькаго пестраго дятла, и тѣмъ выдаетъ близкое родство вертишейки съ этими птицами.

Своимъ рѣзкимъ, далеко слышнымъ крикомъ, вертишейка невольно привлекаетъ къ себѣ вниманіе даже мало-наблюдательнаго человѣка. Въ первые дни по прилетѣ, пока деревья еще не одѣлись листьями, не трудно разглядѣть эту странную крикунью, тѣмъ болѣе, что она, большею частью, сидитъ при этомъ невысоко на деревѣ, располагаясь преимущественно на сучьяхъ, отходящихъ отъ ствола дерева въ горизонтальномъ направленіи.

Любимую пищу вертишейки составляютъ муравьи и ихъ яйца: она подбираетъ ихъ своимъ клювомъ съ земли, а еще чаще добываетъ изъ кучъ, на манеръ дятловъ, всовывая свой длинный, липкій языкъ въ муравьиную кучу, и втягивая его, съ набравшимися муравьями, обратно въ ротъ. Кромѣ муравьевъ, она кормится также и насѣкомыми, которыхъ обираетъ съ вѣтвей и листьевъ.



Преуморительнымъ существомъ является вертишейка, когда она вдругъ увидитъ что-нибудь, по ея мнѣнію, очень страшное. Тогда она начинаетъ выдѣлывать необычайныя гримасы и маневры: хохломъ поднимаетъ на головѣ перья, распускаетъ вѣтромъ хвостъ, длинно вытягиваетъ шею и медленно изгибаетъ ее змѣеобразно, во всѣ стороны, такъ что голова описываетъ круги, а клювъ попеременно обращается то впередъ, то совсѣмъ назадъ



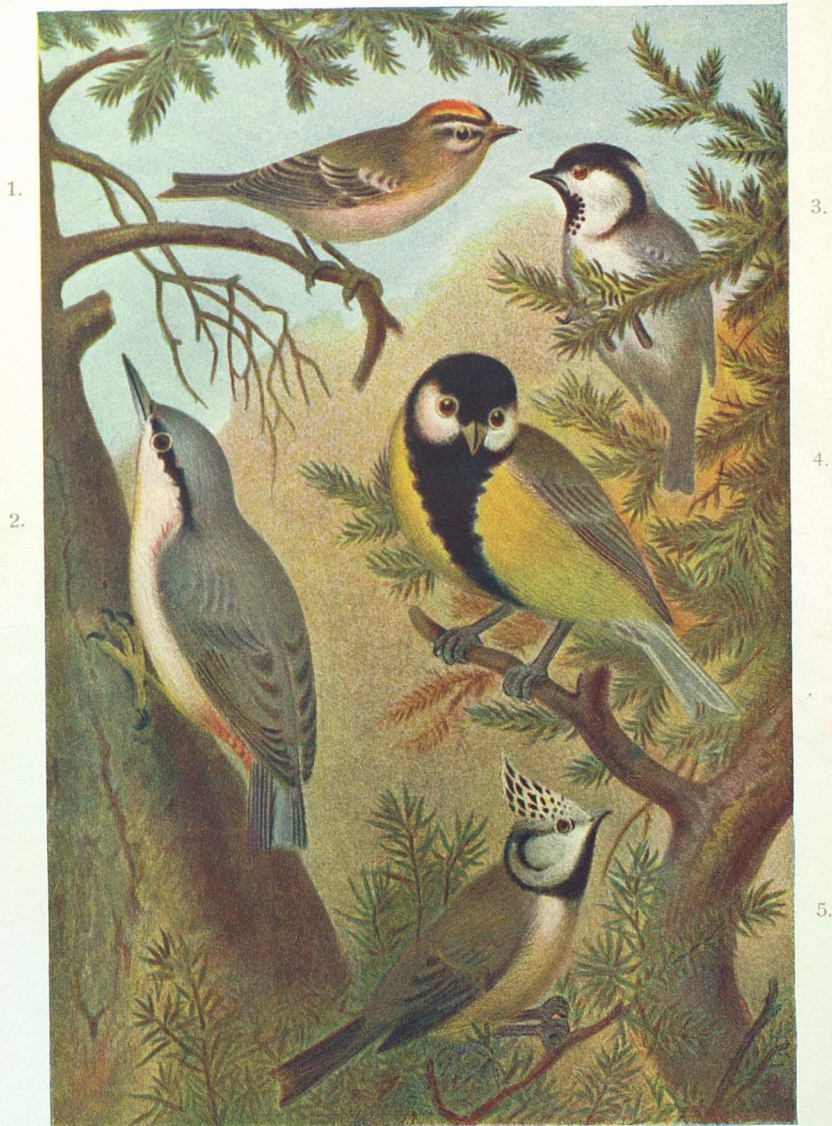
Вертишейка.

(отчего произошло и названіе вертишейка). Или же, вытянувъ шею, медленно наклоняется впередъ, закатываетъ глаза и, надувши свой зобъ, на-подобіе того, какъ это дѣлають древесныя лягушки, издаетъ какое-то странное, глухое, не то хрипѣніе, не то ворчаніе. Жившая у меня одно время въ комнатѣ, молодая вертишейка продѣлывала слѣдующее, когда предполагала, что кто-нибудь приближается къ ней съ недобрыми намѣреніями:

она вытягивала шею, медленно поднимала ее, какъ палку, кверху и затѣмъ вдругъ быстро опускала книзу,—въ родѣ того, какъ спускается курокъ у ружья во время выстрѣла; при этомъ, въ моментъ опусканія головы книзу, она издавала особенный звукъ, въ родѣ чиханія или кашля. Всю эту штуку она продѣлывала очень медленно и повторяла нѣсколько разъ кряду.

Такимъ образомъ, вертишейка является весьма забавной птицей. Вреда она никакого не приноситъ, а потому заслуживаетъ охраненія. Враговъ у нея и безъ человѣка довольно.

Въ клѣткѣ вертишейку рѣдко держать, такъ какъ она не поетъ пѣсенъ, хотя и очень забавна своими смѣшными ужимками. Въ кормъ ей даютъ муравьиныя яйца. Молодые птенцы легко выкармливаются свѣжими муравьиными яйцами.



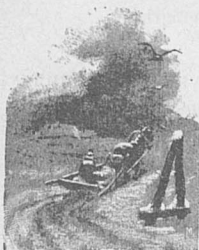
1. Королекъ красноголовый (*Regulus ignicapillus*).
2. Поползень (*Sitta europaea*).
3. Синица-московка (*Parus ater*).
4. Синица большая (*Parus major*).
5. Синица хохлатая, гренадерка (*Parus cristatus*).

## Синицы

.....  
Кругомъ вездѣ повисъ туманъ густой,  
И солнца свѣтъ ослабилъ онъ могучій.  
Недвижною все полно тишиной,  
И лишь изъ трубъ клубится дымъ летучій,  
Сливаясь съ тумана пеленой.

.....  
Въ саду все тихо. Только межъ вѣтвями,  
Кругомъ, синицы весело трещать,  
Иль бойкими, короткими свистками  
Мнѣ такъ отрадно душу веселить.

А. Соколовъ.



БѢИСТВИТЕЛЬНО, въ туманные осенніе дни, когда вся природа какъ бы съеживается, въ ожиданіи скорого прихода суровой гостыи—бабушки-зимы, и когда даже въ самое беззаботное сердце прокрадывается какое-то тоскливое чувство, звонкій свистъ синицы, раздавшійся въ опустѣломъ саду, дѣйствуетъ на тоскующую душу словно яркій лучъ солнца, прорвавшій густую пелену тумана...

Осенній туманный день и синица—наразлучные спутники. По крайней мѣрѣ въ моемъ представленіи они всегда тѣсно связаны между собою. Еще въ дѣтствѣ, какъ сейчасъ помню, выскочишь, бывало, въ одной курточкѣ, утромъ, передъ отправленіемъ въ школу, на незадѣланный еще на зиму балконъ: сыро, туманно, неуютно. Съ неопавшихъ еще, потемнѣвшихъ листьевъ сирени, словно облитыхъ водой, падаютъ на землю крупныя капли. По чернѣвшіе отъ мороза, точно опшаренные, георгины печально-



свѣсили свои листья и не успѣвшія еще доцвѣсти желтыя и пунцовыя головки... Тоскливо такъ сдѣлается на душѣ: впереди зима, со школой и скучными уроками, и такая длинная-длинная, что и конца ей, кажется, не предвидится (въ дѣтствѣ, вѣдь, время такъ тянется!)... Вдругъ, изъ куста сирени раздается веселое «пинь, пинь, пинь» — «цици-вю, цици-вю, цици-вю!» — сердце такъ и встрепенется!.. Тутъ и сама она, шустрая, живая синичка, перепрыгиваетъ съ вѣтки на вѣтку. Веселая, беззаботная, бойко вызваниваетъ стальнымъ своимъ голоскомъ, на разные лады, словно хочетъ сказать:

«Въ мірѣ, что ни дѣйся,  
Смертный все надѣйся,  
Солнце не однажды сызнова взойдетъ,  
Послѣ непогоды ярче день блеснетъ».

«Цици-фююить, цици-фююить» — стоитъ ли горевать, пока здоровъ и есть что кушать; да и гореваньемъ вѣдь горю не можешь; и не вѣкъ вѣдь будутъ осень да зима:

«Тѣмъ еще утѣшнѣй  
Будетъ праздникъ вешній;  
Вновь міръ будетъ скоро солнышкомъ согрѣтъ,  
Радужно раскрашенъ, зеленью одѣтъ» <sup>1)</sup>.

Постоишь такъ, бывало, на балконѣ, послушаешь синичку, и легко станетъ на душѣ, и въ школу какъ-то веселѣе бѣжится...

Синицы принадлежатъ къ числу самыхъ полезныхъ нашихъ птицъ, а потому мы должны обстоятельно объ нихъ побесѣдовать.

Всѣ синицы — маленькія, бойкія, умныя, ловкія, смѣлыя и вѣчно дѣятельныя птички. Онѣ великолѣпные гимнасты и акробаты: лазать, кувыркаться, висѣть внизъ головой, уцѣпившись за тонкій кончикъ вѣтки — синицы великія мастерицы, и притомъ мастерицы положительно неустомимыя: съ утра до вечера, ни минутки не передыхая, перелетаютъ, перепархиваютъ онѣ съ дерева на дерево, съ вѣтки на вѣтку, все обшаривая и осматривая, заглядывая въ каждую трещинку, въ каждое углубленіе на деревѣ, внимательно обслѣдывая каждую вѣточку, каждый укромный уго-

<sup>1)</sup> Я. Кохановскій.

локъ и безпрестанно долбя, то тутъ, то тамъ, своимъ крѣпкимъ, короткимъ клювомъ. Тамъ запряталась мушка, здѣсь притаился подъ кусочкомъ коры жучокъ, тутъ кучечкой, словно бисеринки, сложены и прилѣплены къ корѣ яички бабочки—все это годится для синицы, все это ей лакомый кусочекъ.

Для всѣхъ гимнастическихъ штукъ, которыя съ такимъ мастерствомъ продѣлываютъ синицы, превосходнымъ орудіемъ служатъ ихъ крѣпкія, сильныя ножки, снабженныя очень острыми и круто-изогнутыми когтями. Кому случалось брать въ руки синицу, тотъ навѣрное испыталъ на себѣ остроту когтей и силу клюва этой птички: такъ вцѣпится въ палецъ и зацѣпнетъ, что на одной ножкѣ поплясать заставить! Недаромъ гласить пословица: «мала птичка синичка, да ноготокъ востѣръ».

По части летанія, синицы не особенно большія искусницы. Полетъ ихъ не твердый—какъ бы порхающій, всегда короткими дугами, то вверхъ, то внизъ—и производится, видимо, съ нѣкоторымъ усиліемъ, вслѣдствіе довольно короткихъ и округлыхъ крыльевъ. Поэтому-то синицы и не любятъ открытаго поля, а всегда, при своихъ передвиженіяхъ, стараются придерживаться лѣсовъ, аллей и садовъ.

На поверхность земли синицы спускаются неохотно и передвигаются по ней не особенно ловко, вслѣдствіе круто-изогнутыхъ длинныхъ когтей. Двигаются онѣ по землѣ вприпрыжку и въ косомъ направленіи, такъ какъ ставятъ всегда одну лапку впереди другой.

Большая часть нашихъ синицъ птицы чисто лѣсныя. Жизнь ихъ тѣсно связана съ деревьями. Подобно дятламъ, онѣ не любятъ открытыхъ пространствъ и по возможности ихъ избѣгаютъ.

Синицы попадаютъ намъ на глаза больше осенью, потому что въ это время онѣ приближаются къ человѣческимъ жилищамъ, лѣто же проводятъ въ лѣсахъ и, частію, въ большихъ паркахъ, гдѣ выютъ гнѣзда и выводятъ дѣтей. Мѣстомъ для гнѣздъ синицы выбираютъ преимущественно дупла старыхъ деревьевъ, въ которыхъ и устраиваютъ колыбельку для будущихъ своихъ дѣтокъ,—изъ тонкихъ, сухихъ стебельковъ и корешковъ разныхъ травъ; внутренняя же поверхность этой колыбельки выстилается шерстью, волосами, перьями, пухомъ и тому подобными веществами. Нѣкоторыя синицы выдалбливаютъ себѣ помѣщеніе для гнѣзда въ гнилыхъ древесныхъ стволахъ, а также



пользуются и старыми дятловыми гнѣздами. Иногда гнѣзда помѣщаются въ углубленіяхъ и трещинахъ старыхъ каменныхъ стѣнъ.

Синицы-самочки кладутъ большое количество яицъ: отъ 6 до 14 и даже до 17-ти. Яички у всѣхъ почти синицъ бѣлыя, съ ржаво-красными пятнышками и крапинками. Высиживаютъ, болѣею частью, самецъ и самочка попеременно, или же, если одна только самочка занимается высиживаніемъ, то самчикъ приноситъ ей въ это время кормъ. Нерѣдко синицы выводятъ птенцовъ по два раза въ лѣто.

Осенью, когда подрастутъ птенцы, синицы оставляютъ мѣста своихъ гнѣздовій, въ лѣсахъ, и начинаютъ вести кочевую жизнь, собираясь при этомъ обыкновенно въ стайки, въ которыхъ нерѣдко перебиваются разные виды синицъ. Къ такимъ стайкамъ часто присоединяются и другія небольшія птички, родственныя синицамъ: корольки, поползни, или ведущія сходный съ ними образъ жизни пищухи. Иногда, такая смѣшанная стайка избираетъ своимъ предводителемъ какого-нибудь дятла—все равно, хочетъ онъ или не хочетъ—и слѣдуетъ повсюду за нимъ, держась всей компаніей вмѣстѣ, и въ то же время въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ дружки. Лазая и прыгая, ссорясь и играя, распѣвая и работая безъ устали, весело кочуетъ такая пестрая компанія по своей области. Иногда, гуляя осенью въ лѣсу, вдругъ, среди присущей осеннему времени лѣсной тишины, видишь себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ членами подобной веселой пернатой компаніи: пищать, трещать, цикакать на всѣ лады, перепархиваютъ съ дерева на дерево, долбятъ клювами, и черезъ нѣсколько минутъ снова все тихо, только вѣтерокъ шушукаетъ съ пожелтѣвшей осинкой...

Такимъ-то образомъ, двигаясь стайка за стайкой, обшариваютъ синицы наши лѣса, сады и рощи, очищая и освобождая ихъ отъ множества мелкихъ, но тѣмъ не менѣе очень вредныхъ и опасныхъ для деревьевъ враговъ.

Наши лѣсныя синицы не отлетаютъ на зиму въ теплыя страны; онѣ только кочуютъ, облетая, въ теченіе осени и зимы, большую или меньшую область, разыскивая себѣ дневное пропитаніе, состоящее, главнымъ образомъ, изъ насѣкомыхъ, или куколокъ, личинокъ и яичекъ, а также, частію, и изъ зеренъ и сѣмянъ разныхъ растеній.

Твердую зерновую скорлупу синицы разбиваютъ своимъ клювомъ, зажавъ зерно между лапками, и затѣмъ выклевываютъ

изъ него мякоть. Точно такъ же поступаютъ онѣ съ коконами и куколками бабочекъ и другихъ насѣкомыхъ.

Почти всѣ синицы большія охотницы до мяса и сала. Гдѣ вывѣшено на воздухѣ, для проявляванія, мясо, окорокъ или сало, тамъ, осенью и зимой, почти всегда можно встрѣтить синицу, прилетающую лакомиться этими, столь вкусными для нея, вещами, при чемъ нерѣдко попадаетъ въ разставленную для нея ловушку.

Всѣ вообще синицы большія задиры, и насколько онѣ трусливы передъ сильнымъ врагомъ—напримѣръ, передъ ястребомъ, при приближеніи котораго приходятъ въ неописанный ужасъ и совершенно теряютъ голову—настолько дерзки и задорны относительно другихъ маленькихъ птичекъ.

Выше было уже упомянуто, что синицы принадлежатъ къ числу самыхъ полезныхъ нашихъ птицъ, и именно полезныхъ для нашихъ лѣсовъ, садовъ и парковъ. Для большей наглядности, приведу слѣдующій случай, рассказанный профессоромъ Альтумомъ.

«Въ 1848 году, въ саду графа Водзицкаго (въ Германіи) появилось множество гусеницъ одной очень вредной бабочки—непарнаго шелкопряда <sup>1)</sup>, поѣвшихъ всю листву на деревьяхъ сада, такъ что среди лѣта деревья стояли совершенно голыми. Къ осени всѣ сучья и стволы деревьевъ были облѣплены яичками этой бабочки. Попытка снять эти яички при помощи человѣческихъ рукъ вскорѣ была оставлена, въ виду полной ея безуспѣшности, и графъ уже приготовился видѣть погибель своихъ лучшихъ деревьевъ. Между тѣмъ, подъ конецъ осени, садъ начали посѣщать ежедневно стайки синицъ. Количество яичекъ, отложенныхъ бабочками на деревьяхъ, стало замѣтно уменьшаться. Весной слѣдующаго года, 20 паръ синицъ свили себѣ въ этомъ саду гнѣзда, и гусеничная напасть значительно ослабѣла. Въ 1850 году, маленькая пернатая полиція такъ очистила деревья въ саду графа, что онѣ имѣли уже удовольствіе видѣть ихъ въ теченіе всего лѣта въ прекрасной зелени».

Наши синицы являются тѣмъ болѣе полезными охранительницами нашихъ лѣсовъ и садовъ, что онѣ проводятъ у насъ круглый годъ—зиму и лѣто, тогда какъ большинство остальныхъ нашихъ насѣкомоядныхъ птицъ прилетаетъ къ намъ только

<sup>1)</sup> *Bombyx dispar* (водится также и въ Россіи).

на лѣто, и, слѣдовательно, проявляетъ свою полезную дѣятельность всего только въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Хотя синицы и встрѣчаются почти повсюду, но далеко не въ такомъ количествѣ, въ какомъ можно было бы ожидать, судя по ихъ большой плодовитости. Конечно, хищныя птицы наносятъ имъ нѣкоторый изъятъ, хотя синицы, проводя свою жизнь преимущественно подъ покровомъ древесныхъ вѣтвей, менѣе другихъ птицъ подвержены опасности попасть подъ острые когти хищника. Но главными врагами нашихъ милыхъ птичекъ являются, съ одной стороны, птица сойка, а съ другой—суровая зима. Сойка большая любительница разорять птичьи гнѣзда и лакомиться находящимися въ нихъ яйцами и птенцами; бѣднымъ синичкамъ также не мало отъ нея достается. Что же касается до зимы, то она не столько пагубна синицамъ своими морозами, сколько снѣгами и, главнымъ образомъ, инеемъ. Отъ большой стужи, синицъ прекрасно защищаетъ ихъ пушистое опереніе, являющееся превосходной теплой шубкой для нашихъ птичекъ. Гораздо опаснѣе для нихъ снѣгъ и иней, покрывающіе толстымъ слоемъ вѣтви деревьевъ и лишающіе синицъ возможности, иногда по нѣскольку дней кряду, отыскивать себѣ необходимое пропитаніе. Въ такіе злосчастные для синицъ дни, много гибнетъ этихъ птичекъ отъ голодной смерти; и это какъ разъ въ тѣ самые дни, когда мы любимъ зимнимъ убранствомъ лѣса: разукрашенными инеемъ или запущенными снѣгомъ деревьями. Будьте милосердны въ такіе дни къ синичкамъ: выѣшивайте для нихъ, въ вашемъ садикѣ, кусочки сала, продѣтые на ниточку; однимъ небольшимъ кусочкомъ можетъ пропитаться цѣлая семья синицъ въ теченіе недѣли.

Хотя каждый видъ синицъ обладаетъ своимъ особымъ голосомъ, по которому знающій человѣкъ еще издали можетъ отличить одинъ видъ отъ другого, но всѣмъ видамъ синицъ, безъ исключенія, присущъ общій, характерный звукъ, необыкновенно тонкій и чистый, словно металлическій, стальной: «си-си-си», или «ци-ци-ци», по которому мало-мальски развитое ухо сейчасъ узнаетъ синицу. Собственно пѣсенъ—раскатистыхъ, переливчатыхъ, какъ, напримѣръ, у зяблика или жаворонка—у синицъ почти нѣтъ.

Содержаніе синицъ въ клѣткахъ—какъ комнатныхъ птицъ—дѣло не трудное. Большинство изъ нихъ весьма выносливы и

особенно утонченного ухода не требуют. (Я имѣю здѣсь въ виду птицъ уже выдержанныхъ, обидѣвшихся, приобрѣтенныхъ отъ птичниковъ; изъ свѣже-пойманныхъ же, при неумѣломъ уходѣ, погибаютъ очень многія, въ особенности изъ числа ополовничковъ и лазоревокъ). Главнымъ кормомъ для синицъ, въ клѣткахъ, могутъ служить муравьиныя яйца (свѣжія или сушенныя; послѣднія должны быть предварительно обварены кипяткомъ, затѣмъ отжаты и остужены). Можно также подбавлять немножко коноплянаго сѣмени, при чемъ сѣмя должно быть предварительно слегка раздавлено (напримѣръ, кухонной скалкой или бутылкой, на листѣ газетной или сахарной бумаги). Для большой синицы можно коноплю и не давить, такъ какъ у нея клювъ достаточно крѣпокъ для того, чтобы разбить скорлупу коноплянаго зерна. Слѣдуетъ также имѣть въ виду, что всѣ синицы страстно любятъ купаться, а потому, или питейка должна быть достаточно велика, или же можно ставить въ клѣтку, или подвѣсить къ ней, на-время, особую ванночку. Въ общемъ птичьимъ садкѣ синицы мало поютъ, въ отдѣльныхъ же клѣткахъ поютъ безъ умолку, большую часть года (кромѣ поры линянія). Большую синицу въ общій садокъ лучше не сажать: говорятъ, что она иногда убиваетъ другихъ птичекъ. (Я объ этомъ слыжалъ, но въ моей общей клѣткѣ никогда не случилось ничего подобнаго). Вообще же, синицы весьма милыя комнатныя птички. Ихъ живой, веселый нравъ и прилежное, бойкое пѣніе доставляютъ много удовольствія.

Познакомившись съ общими чертами характера и образа жизни синицъ, удѣлимъ теперь по нѣскольку словъ каждой изъ нихъ въ отдѣльности.

### 1) Большая синица <sup>1)</sup>. (Табл. III, 4).

Эта синица производитъ общее впечатлѣніе желтой птички, потому что вся нижняя ея сторона желтая; голова, горло и продольная полоса черезъ середину груди и брюшка черныя; щеки бѣлыя; спина желтовато-зеленая. У самочки черная полоса только на груди,—на брюшко не заходитъ. Водится по всей

<sup>1)</sup> *Parus major*. Обыкновенная синица; желтый слѣпухъ, зинька (Оренбургск.); зинзиверъ (звукоподражат.); зинька (Казанск.); зеленая большая синица (Моск.); большая синька (Яросл.); кузнечикъ, слѣпушка (Пермск.); зинька, синичка (Харьков.); джинжурка (Астраханск.).

Россіи, отъ Архангельска до Крыма и Кавказа. Въ сѣверной полосѣ своей области гнѣздовья, эта синица остается на зиму лишь въ очень небольшомъ числѣ—остальные откочевываютъ къ югу.

Большая синица самая крупная изъ всѣхъ нашихъ синицъ<sup>1)</sup>, и голосъ у нея громче, чѣмъ у другихъ. Кромѣ общаго всѣмъ синицамъ «си-си-си», она издаетъ еще много разныхъ звуковъ, изъ которыхъ наиболѣе характернымъ для нея является чрезвычайно громкое, далеко слышное пинканье: «пинь, пинь, пинь», совсѣмъ на манеръ зяблика. Сколько разъ смущало меня это пинканье, по веснамъ, при ожиданіи прилета зябликовъ: ходишь, бывало, по лѣсу или по парку, или прислушиваешься—не прилетѣли ли дорогіе весенніе гости; вдругъ раздается вдали «пинь, пинь...», «пинь, пинь, пинь...»—такъ сердце и встрепетается. Спѣвшишь увидѣть поскорѣе долго ждайнаго пѣвца, какъ вдругъ, долетѣвшее до уха, съ той же стороны: «ци-ци-вю, ци-ци-вю» или «цици-фююить» сразу словно холодной водой обдастъ, и такъ станетъ обидно, что плутовка синица такъ ловко провела...

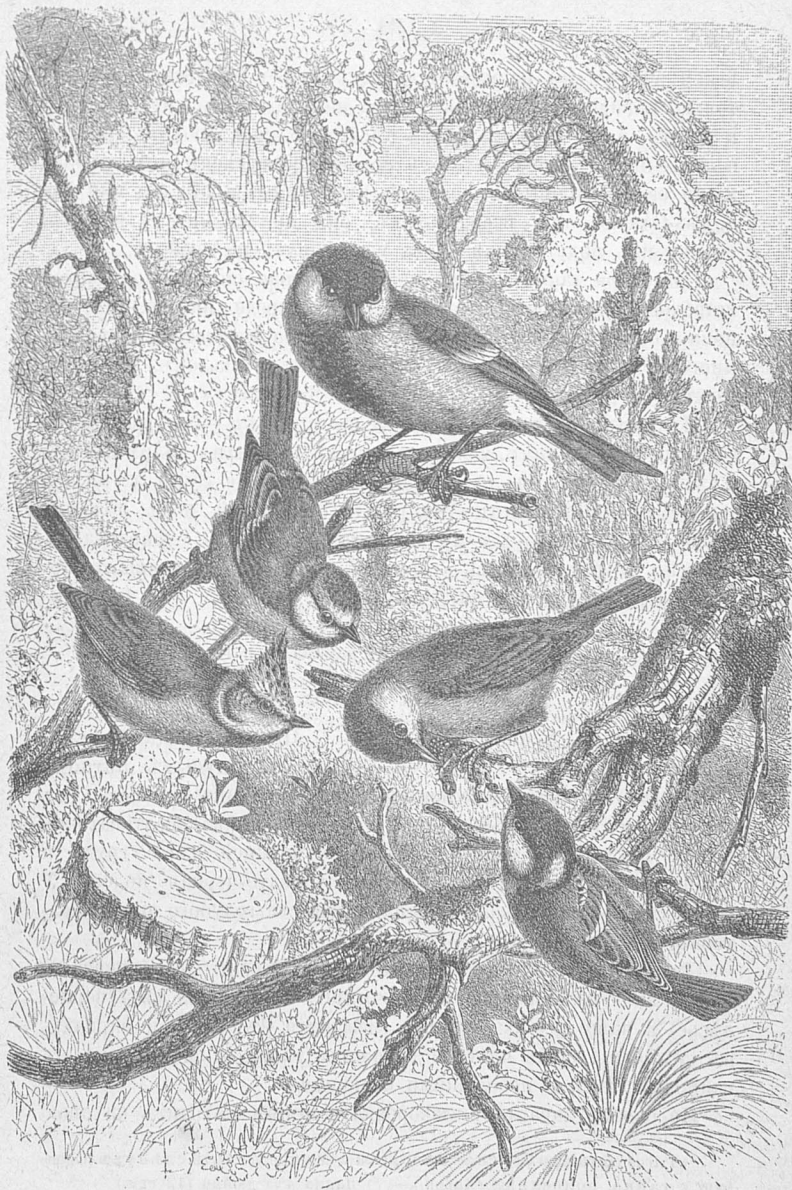
Есть у нашей синицы еще много разныхъ, какъ говорятъ птичники, «ударныхъ и свистовыхъ колѣнъ», изъ которыхъ нѣкоторыя звучатъ очень красиво, но словами ихъ трудно передать. Хорошо поющія синицы-кузнечики, у завзятыхъ птичниковъ-любителей, цѣнятся иногда очень дорого: рублей до 100 и даже болѣе.

Изъ всѣхъ нашихъ синицъ, большая синица самая бойкая и задорная. Иногда она нападаетъ даже на маленькихъ птичекъ и выклевываетъ у нихъ изъ головы мозгъ.

Большая синица чаще другихъ попадаетъ на глаза человека, потому что болѣе другихъ держится зимой около человѣческихъ жилищъ и нерѣдко залетаетъ даже, особенно въ безкормицу, въ открытыя сѣни и комнаты. Попадъ въ комнату, она ведетъ себя совсѣмъ не такъ, какъ другія птицы: черезъ нѣсколько минутъ она совершенно осваивается со своимъ новымъ положеніемъ и держитъ себя такъ, какъ будто вѣкъ прожила въ домѣ: тотчасъ начинаетъ обшаривать всѣ уголки надъ шкапами и печками и обирать всѣхъ пауковъ, мушекъ и таракановъ, если таковые, на ея счастье, водятся въ комнатѣ. За хорошо извѣстной ей кошкой слѣдить постоянно съ величайшей

<sup>1)</sup> Длина около 6 дюйм. (16 см.).





Синицы:

1. Большая.—2. Лазоревка.—3. Московка.—4. Пухляк—5. Хохлатая.



недовѣрчивостью, насмѣхается надъ нею и бранить ее, лишь только завидитъ. Къ собакѣ скоро начинаетъ относиться смѣло и дерзко, а съ людьми, черезъ нѣсколько дней, сводитъ дружбу, если только ее угощаютъ, отъ времени до времени, столь любимыми ею конопляными зернами, муравьиными яйцами или саломъ. Однако, при всемъ этомъ, она ни на минуту не упускаетъ изъ виду случая снова ускользнуть на свободу.

Благодаря такому своему нраву, большая синица пользуется широкой извѣстностью, въ особенности среди народа. Это, конечно, она, главнымъ образомъ, послужила предметомъ для тѣхъ многочисленныхъ пословицъ, поговорокъ и сказокъ, въ которыхъ фигурируетъ синица.

Не велика синичка, да та же птичка.—За моремъ и синица птица (тамъ, молъ, все ѣдятъ).—Синица въ рукахъ—лучше соловья въ лѣсу; или, что тоже: не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки (не общай, молъ, золотыя горы за моремъ, а дай лучше здѣсь копеечку).—Хвалилась синица море спалить—говорятъ нерѣдко хвастливымъ людямъ. Про нее же поется:

«За моремъ синичка весело жила,  
Весело жила,—пиво варивала, и т. д.»

## 2) Лазоревка <sup>1)</sup>. (Табл. II, 2).

Значительно меньше предыдущей <sup>2)</sup>. Преобладающіе цвѣта—желтый и голубой. Голова ея бѣлая, съ голубымъ пятномъ (шапочкой) на темени; кольцеобразный ошейникъ и полоска отъ клюва черезъ глазъ—черновато-голубые; спинка желтовато-зеленая; грудь и брюшко желтыя; на нижней части груди и брюшка, посрединѣ, продольная голубовато-черная полоса. У молодыхъ—менѣе яркая окраска, и вмѣсто голубого цвѣта желтовато-зеленый.

Лазоревка распространена по всей Россіи, до Кавказа и Крыма включительно. Она предпочитаетъ лиственные лѣса (чернолѣсье) и чаще другихъ синицъ гнѣздится въ садахъ и паркахъ, въ которыхъ очень часто встрѣчается также и зимой, какъ въ одиночку, такъ и небольшими стайками.

По своему характеру, лазоревка совсѣмъ походить на свою

<sup>1)</sup> *Parus coeruleus*. Зеленая лазоревка (Москов.); синій слѣпухъ (Оренбург.); гайка, волосянка (Харьк.).— <sup>2)</sup> Длина  $4\frac{3}{4}$  дюйма (12 см.)

старшую сестру—большую синицу, которую представляет собою, такъ сказать, въ уменьшенномъ видѣ.

Голосъ у лазоревки тоненькій, не громкій. Къ общему всѣмъ синицамъ «си-си-си» она постоянно прибавляетъ «ситэ-рэтэтэ». Во время кочеванья, лазоревки часто перекликаются—«тэтэтэ». Но въ особенности характерна для нея короткая, свѣтлая, чрезвычайно мелодичная трелька—«цилилилили», которую она часто повторяетъ въ весеннее время.

Лазоревка—одна изъ очаровательнѣйшихъ нашихъ птичекъ; къ сожалѣнію, въ комнатѣ довольно рѣдко удается ее выдержать <sup>1)</sup>.

### 3) Бѣлая лазоревка <sup>2)</sup>. (Табл. XXIII, 1).

Величиною немного менѣе обыкновенной синицы <sup>3)</sup>. Преобладающіе цвѣта—бѣлый и голубой. Голова и вся нижняя сторона бѣлая; поперечная полоса на затылкѣ и полоска черезъ глазъ—лазоревая; спина свѣтло-голубая; крылья сѣровато-черныя съ голубымъ; довольно-длинный хвостъ прекраснаго голубого цвѣта.

Эта красавица-синица водится преимущественно въ восточной Россіи, но ежегодно встрѣчается, въ зимнее время, въ небольшомъ числѣ и подъ Петербургомъ.

### 4) Московка <sup>4)</sup>. (Табл. III, 3).

Ростомъ поменьше лазоревки <sup>5)</sup>. Преобладающіе цвѣта—сѣры, черный и бѣлый. Голова и шея черныя, съ бѣлыми

<sup>1)</sup> Среди лазоревокъ средней полосы Европейской Россіи изрѣдка попадаются экземпляры съ бѣловатымъ брюшкомъ и сѣро-голубоватой спинкой. Впервые обратилъ на нихъ вниманіе, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нашъ орнитологъ О. Д. Плеске; а извѣстный нѣмецкій ученый птицевѣдъ Кабанисъ призналъ ихъ за самостоятельный видъ, которому и далъ научное названіе *Parus Pleskei* (въ честь г. Плеске).—У меня одно время жила, въ общемъ птичьемъ садѣ, одна такая голубая лазоревка, пойманная въ окрестностяхъ Петербурга. По образу жизни эта лазоревка ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной (зеленой) лазоревки.

<sup>2)</sup> *Parus cyanus*. Князекъ; большой, бѣлый слѣпухъ (Оренб.); голубая, бѣлая синичка (Казанск.); бѣлая лазоревка, князекъ (Москов. птицелов.); князекъ, бѣлая лазоревка (Петерб. птицелов.); князекъ, сибирская синица (Калужск.).

<sup>3)</sup> Длина  $5\frac{3}{4}$  д. (14,5 стм.).

<sup>4)</sup> *Parus ater*. Моховушка, моховка, синька, синочка (Московск.; Ярослав.), московка (Петерб., Калужск., Московск., Харьк., Казан., Астрах.); черный слѣпухъ (Оренб.); черненькая синичка (Калужск.).

<sup>5)</sup> Длина  $4\frac{1}{4}$  дюйм. (11 стм.).

пятнами на щекахъ и затылкѣ; спина голубовато-сѣрая; грудь и брюшко бѣловатыя.

Водится московка по всей Россіи, предпочитая хвойные—преимущественно еловые—лѣса. Въ садахъ и паркахъ встрѣчается рѣже другихъ синицъ, и преимущественно осенью.

Наша московочка представляетъ собою въ высшей степени симпатичное созданіе. Для меня, по крайней мѣрѣ, она является самою милою изъ всѣхъ нашихъ синицъ (которыхъ у меня въ комнатѣ перебивало достаточное-таки количество). Голосокъ у нея необыкновенно чистый, ласкающій ухо, мелодичный, хотя и очень тоненькій. Какъ мило распѣваетъ она свои разнообразныя колѣна: «пи-ти, пи-ти», «цици-би, цици-би», «пить-чай, пить-чай», «ситютитити», и многія другія! Поэтому-то она и чаще другихъ синицъ встрѣчается въ комнатахъ, у любителей птицъ.

### 5) Пухлякъ или Гайка <sup>1)</sup>.

Немного больше московки. Преобладающіе цвѣта—сѣрый, черный и бѣлый. Голова, затылокъ и подбородокъ черные, щеки и нижняя сторона болѣе или менѣе бѣловатыя; спина буровато-сѣрая <sup>2)</sup>.

Пухлякъ тоже очень милая птичка; онъ хорошо переноситъ комнатную жизнь, а потому, рядомъ съ московкой, часто встрѣчается въ клѣткахъ любителей птицъ. Голосъ у него вообще не такой звонкій и мелодичный, какъ у московки, но попадаютъ иногда пухляки (изъ числа сѣверныхъ) съ такъ называемой «дудкой»—громкимъ, заунывнымъ, далеко слышнымъ, нѣсколько разъ кряду повторяемымъ, свистомъ: «тію-тію-тію-тію-тію-тію», подражая которому, легко подманить къ себѣ такого «дударя», что мнѣ неоднократно удавалось дѣлать. Подоб-

<sup>1)</sup> *Parus borealis*. Гайка, гайчка (Моск., Казанск.); пухлякъ (Петерб.); московка (Симб., Оренб.); сѣрый слѣпухъ (Оренб.); луговка (Харьк.).

<sup>2)</sup> Пухляки, водившіеся въ западной полосѣ Россіи, отличаются отъ нашихъ сѣверныхъ нѣсколько меньшей величиной и бурными боками; ихъ соединяютъ въ особый видъ—бурый пухлякъ (бурая гайка—*Parus palustris*), въ отличіе отъ сѣраго пухляка (*Parus borealis*), принадлежащаго болѣе сѣверной и средней Россіи. Оба эти вида на столько схожи другъ съ другомъ, какъ по наружному виду, такъ и по характеру, голосу и образу жизни, что мы смѣло можемъ разсматривать ихъ здѣсь въ совокупности, какъ одинъ видъ.

наго звука нѣтъ ни у одной изъ прочихъ нашихъ синицъ. Затѣмъ, характерными для пухляка являются также звуки «цици-чпъ-чпъ-чпъ», которые онъ часто повторяетъ во время своихъ кочевокъ. Кромѣ того, у пухляковъ есть нѣчто въ родѣ настоящей, небольшой пѣсенки, выразить словами которую очень трудно.

Если захотите полюбоваться на пухлячковъ и на ихъ мастерскія акробатическія штуки, то выходите ранней весной (въ мартѣ) въ еловый лѣсъ, когда чешуйки еловыхъ шишекъ начинаютъ оттопыриваться отъ пригрѣвающихъ ихъ лучей солнца; вы тогда скоро увидите, какъ эти птички, искусно прицѣпившись кверху брюшкомъ къ висящимъ на деревѣ шишкамъ, вытаскиваютъ своимъ клювомъ изъ-подъ ихъ чешуекъ сѣмена.

### 6) Хохлатая синица <sup>1)</sup>. (Табл. III, 5).

Одинаковой величины съ лазоревкой. Преобладающій цвѣтъ свѣтло-шоколадный. На головѣ—высокій, остроконечный, пестрый хохолъ, изъ черныхъ, съ бѣлою каймою, перьевъ; горло и полоса, проходящая черезъ глазъ, черныя; щеки бѣлыя; спина шоколаднаго цвѣта, грудь и брюшко красновато-бѣлыя.

Эта синица распространена только въ сѣверо-западной и средней полосѣ Россіи (подъ Петербургомъ встрѣчается рѣже другихъ синицъ) и водится, преимущественно, въ хвойныхъ лѣсахъ. Осенью и зимой гренадерка изрѣдка встрѣчается въ составѣ тѣхъ смѣшанныхъ стаяхъ кочующихъ синицъ, о которыхъ у насъ рѣчь была уже выше.

Характеръ у гренадерки такой же, какъ и у прочихъ синицъ: это такая же вѣчно оживленная, бойкая и ловкая птичка. Голосокъ у нея довольно слабый. Самымъ характернымъ звукомъ для этой синицы является своеобразная сухая трель, издаваемая въ возбужденномъ состояніи и звучащая въ родѣ «пюррэ, пюрррррррэ». Весной гренадерка поетъ нѣчто въ родѣ небольшой пѣсенки, при чемъ дѣлаетъ различныя, иногда очень смѣшныя, движенія, то поднимая, то опуская свой пестрый хохолъ и вздергивая кверху хвостикъ. Къ неволѣ она привыкаетъ нѣсколько труднѣе другихъ птицъ, но, разъ обжившись, становится одной изъ милѣйшихъ комнатныхъ птичекъ.

<sup>1)</sup> Parus (Lophophanes) cristatus. Гренадеръ, гренадерка (Петерб., Моск.); хохлатая синичка (Казанск.); барашекъ, хохлушка (Яросл.?).

## 7) Длиннохвостая синица или ополовничекъ <sup>1)</sup>. (Табл. II. 3).

Маленькая, почти шарообразная, птичка, съ очень длиннымъ хвостомъ <sup>2)</sup>. Преобладающіе цвѣта—бѣлый и черный. Голова, горло и грудь бѣлыя, спинка черная, плечи розовато-бурая, брюшко также слегка розовато-буроватое. Самые характерные признаки длиннохвостой синицы, это ея необычайно длинный—длиннѣе всего тѣла—ступенчатый, красивый хвостъ, и очень короткій клювъ.

Ополовничекъ встрѣчается во всей Россіи. Это единственная изъ нашихъ лѣсныхъ синицъ, которая вѣтъ гнѣздо всегда открыто на деревьяхъ. Гнѣздо ополовничка, помѣщающееся, обыкновенно, въ развилинахъ сучковъ, имѣетъ форму большого яйца, съ боковымъ летнымъ отверстіемъ; оно мастерски сдѣлано изъ мха, лишавъ, паутины и выложено внутри постелькой изъ мягкихъ перышекъ, шерсти и волосъ. Парочка ополовничковъ работаетъ надъ постройкою своего гнѣзда около двухъ-трехъ недѣль; самочка кладетъ въ него 9, 12, 15 и даже до 17-ти яицекъ, чисто-бѣлаго цвѣта, или съ красноватыми крапинками на бѣломъ фонѣ. Когда многочисленныя птенцы начинаютъ подрастать, они мало-по-малу распяливаютъ войлокообразную ткань своей колыбели, вслѣдствіе чего мѣстами эта ткань даже прорывается. Если такія отверстія образовались на днѣ гнѣзда, то подростки уже птенцы просовываютъ въ нихъ свои, неудобные для сидѣнья въ гнѣздѣ, длинные хвосты, черезъ что получается весьма оригинальное зрѣлище круглаго гнѣзда, съ торчащими изъ него, снизу, длинными хвостами.

Осенью ополовнички собираются въ довольно большія стайки (десятка по два, по три и болѣе) и начинаютъ кочевать, при чемъ онѣ болѣею частію составляютъ отдѣльныя, самостоятельныя стаи, и рѣдко когда перемѣшиваются съ другими сини-

<sup>1)</sup> *Acredula caudata* (*Parus caudatus*). Павлиничекъ, фазанчикъ, ополовничекъ, ополовничекъ (Петерб.); синица долгохвостая, пухлякъ (Казан.); хвостовка, чумичка, виноградка, долгохвостая синица (Моск.); хвостовка (Харьк.); длиннохвостый слѣпучъ (Оренб.).—Примѣчаніе: названія ополовничка и чумички даны народомъ этой птицѣ благодаря ея очень длинному хвосту и округлой формѣ тѣльца, въ совокупности напоминающимъ извѣстную круглую ложку съ очень длинной ручкой, каковая ложка на русскихъ кухняхъ называется ополовникомъ или чумичкой.

<sup>2)</sup> Длина всей птицы  $5\frac{3}{4}$  д. (14,6 см.); хвостъ  $3\frac{1}{2}$  д. (9 см.).

цами. Въ садахъ и паркахъ окрестностей Петербурга стайки ополовничковъ появляются регулярно въ концѣ сентября мѣсяца и летятъ, весь октябрь и ноябрь, въ направленіи къ югу; иногда же держатся у насъ и всю зиму. Съ наступленіемъ весны, онѣ снова возвращаются въ свои лѣса, для гнѣздовья.

Голосокъ у ополовничковъ крошечный, незначительный; кромѣ общаго всеѣмъ синицамъ «си-си-си», особенно характерными для этихъ птичекъ являются звуки «цирири» и «черръ», которые онѣ начинаютъ учащенно издавать каждый разъ, когда увидятъ человѣка, или какое-либо враждебное имъ существо.

Стайка ополовничковъ, съ ихъ длинными хвостами, выдѣляющая свои акробатическія штуки на безлиственныхъ деревьяхъ, представляетъ собою презанимательное зрѣлище. Двигаясь по землѣ, эти птички высоко вскидываютъ кверху свой длинный хвостъ, подобно тому, какъ это дѣлаетъ сорока.

Въ неволѣ ополовнички становятся скоро совершенно ручными. Нѣсколько этихъ птичекъ, въ одной клѣткѣ, представляютъ собою премилое зрѣлище: онѣ необыкновенно нѣжны другъ къ другу, и особенно забавно бываетъ смотрѣть, когда все птички, прижавшись другъ къ другу (какъ это обыкновенно дѣлаютъ попугаи-неразлучки), спрятавъ свои головки подъ крылышки и оттопыривъ во все стороны свои густопышстыя перышки, спятъ на одной жердочкѣ въ клѣткѣ. Вообще ополовнички отличаются отъ прочихъ синицъ болѣе мягкимъ и спокойнымъ характеромъ. Жаль только, что эти милыя птички большею частію недолго выдерживаютъ комнатную жизнь.

Водящіеся на Кавказѣ ополовнички отличаются отъ нашихъ двумя темными надбровными полосами на свѣтлой головкѣ. Они принадлежатъ къ особому виду—кавказской длиннохвостой синицы <sup>1)</sup>.

---

<sup>1)</sup> *Acredula irbyi caucasica*.—Кромѣ вышеописанныхъ видовъ синицъ, въ Европейской Россіи еще водятся: на крайнемъ сѣверѣ—лапландская синица (*Parus cinetus*—гайка петербургскихъ птичниковъ), встрѣчающаяся изрѣдка осенью подъ Петербургомъ. На югѣ—бородатка (бородатая или усатая синица—[*Parurus (Parus) biarmicus*] и ремезъ [*Aegithalus (Parus) Pendulinus*]; послѣдній замѣчательнъ своимъ, необычайно искусно возводимымъ, гнѣздомъ.



Вотъ и все о синицахъ. Грустно, что эти столь полезныя и милыя птицы, болѣе чѣмъ какія-либо другія, годъ отъ году убываютъ въ числѣ, вмѣстѣ съ постепеннымъ исчезновеніемъ старыхъ вѣковыхъ лѣсовъ. Нѣтъ старыхъ дуплистыхъ деревьевъ—негдѣ и гнѣздиться синичкамъ. Въ Германіи, со многихъ уже сторонъ, все чаще и чаще слышатся жалобы на сильное уменьшеніе этихъ драгоценныхъ охранителей лѣсовъ и садовъ. Въ нѣкоторыхъ лѣсничествахъ тамъ начали уже ставить на деревьяхъ ящики (въ родѣ маленькихъ скворечницъ), которые по-немножку и заселяются парочками синицъ, не находящихъ для себя въ лѣсахъ столь необходимыхъ для нихъ старыхъ дуплистыхъ деревьевъ. Доброму, заслуживающему подраженія, дѣлу положили начало нѣмецкіе лѣсничіе, и маленькія синички, конечно, не замедлятъ отплатить имъ за это сторицею...

# Королекъ<sup>1)</sup>.

(Таб. III, 1).<sup>2)</sup>



Кругомъ все было тихо, лишь одни  
Неугомонные малютки-корольки  
Въ вершинахъ темныхъ елей копошились,  
Откуда изрѣдка до слуха доносились  
Ихъ пѣжныя, топчаише свистки.

БРОЯТНО, мало кому—кромѣ завзятыхъ любителей комнатныхъ птицъ, да ученыхъ птицевѣдовъ—знакома эта крошечная, миловидная птичка, а между тѣмъ она заслуживаетъ вниманія хотя бы уже только потому, что является самой маленькой изъ всѣхъ нашихъ, и вообще европейскихъ, птицъ. Въ длину, отъ кончика клюва до конца хвоста, королекъ имѣетъ всего  $3\frac{3}{4}$  дюйма; ощипанное же отъ перышекъ туловище его—немного болѣе наперстка! И тѣмъ удивительнѣе, что такая крошка не боится нашей русской сѣверной зимы—водится у насъ круглый годъ. Это, впрочемъ, объясняется тѣмъ, что королекъ обладаетъ прекрасной пуховой пубкой, которая вполне защищаетъ его крошечное тѣльце отъ зимней стужи.

Наружность королька чрезвычайно милая: верхняя сторона птички и ея крылья—сѣровато-зеленныя; нижняя сторона свѣтлосѣрая; поперекъ крыльевъ двѣ бѣлыя полоски; вдоль головки,

---

<sup>1)</sup> *Regulus cristatus* (R. *flavicapillus*). Гвоздикъ (Петерб.); пѣтушокъ, королекъ (Моск.); звонарикъ, сверчокъ (Яросл.); челоканчикъ (Рязанск.); королекъ, ремезъ, ремезокъ (Казанск.).

<sup>2)</sup> На таб. III изображенъ не этотъ королекъ, а его близкій родичъ, съ которымъ нашъ королекъ очень сходенъ по наружному виду (см. подстрочную выноску на стр. 53).

посрединѣ темени, золото-желтый, лежацій, хохолокъ, окаймленный по сторонамъ двумя черными полосками; клювикъ прямой, короткій и очень острый. При этомъ, весь складъ птички чрезвычайно изящень и пропорціоналенъ: такая она вся кругленькая, пухленькая, а когда подниметъ свой золотой хохолокъ—что она дѣлаетъ каждый разъ, когда находится по какому-нибудь случаю въ возбужденномъ состояніи—то вполне заслуживаетъ даннаго ей уменьшительнаго названія коронованной особы.

Характеръ королька вполне соответствуетъ его миловидной наружности: это птичка вѣчно веселая, подвижная, довѣрчивая и общительная. Цѣлый день, съ утра до вечера, она неутомимо перепархиваетъ съ вѣтки на вѣтку, съ сучка на сучокъ, въ сообществѣ съ другими корольками или синицами, обирая съ деревьевъ мелкихъ насѣкомыхъ, гусеницъ и яички бабочекъ, выдѣлывая при этомъ, подобно синицамъ, различныя мастерскія акробатическія штуки.

Копшась на деревѣ, королькъ безпрестанно издаетъ свое тонкое, стальное «с и с и с и», совершенно сходное съ подобными же звуками, издаваемыми синицами, и тѣмъ указываетъ на свое родство съ этими птичками. Кромѣ этихъ призывныхъ звуковъ, у королька есть и настоящая пѣсенка, правда, очень короткая и не громкая, но все-таки пѣсенка, которую, приблизительно, можно выразить буквами слѣдующимъ образомъ: «сюитити, сюитити, титерере», при чемъ первое колѣно этой пѣсенки—«сюитити»—звучитъ въ такомъ родѣ, какъ если бы водить крошечнымъ смычкомъ по крошечной скрипочкѣ.

Свою пѣсенку королькъ-самчикъ распѣваетъ почти круглый годъ, даже въ морозные, ясные, зимніе дни. Усерднѣе всего поется эта пѣсенка, конечно, весной, но въ эту пору слабый голосокъ нашего крошки-пѣвуна теряется среди громкоголосаго хора многочисленныхъ пернатыхъ пѣвуновъ, поющихъ свои радостныя весеннія пѣсни. Поэтому, если вы захотите познакомиться съ пѣніемъ королька и полюбоваться на эту милую птичку, выходите утромъ, самой ранней весной (въ концѣ февраля или началѣ марта), на освѣщенную солнцемъ опушку еловаго лѣса, или, еще лучше, въ такую часть сада или парка, гдѣ между группами лиственныхъ деревьевъ стоятъ, группами же, или даже одиночно, хвойныя деревья—ели и пихты; въ такихъ мѣстахъ, въ вышеуказанное время, вы—почти навѣрное можно сказать—

услышите и увидите корольковъ. Хотя, большею частію, эти птички держатся высоко на деревьяхъ, въ ихъ вершинахъ, но иногда онѣ спускаются и на нижнія вѣтви елей, гдѣ ихъ и можно удобно наблюдать—нерѣдко въ двухъ-трехъ шагахъ разстоянія.

Мастерское, сотканное изъ древесныхъ мховъ и лишавевъ, маленькое, почти шарообразное и сверху открытое, гнѣздышко королька помѣщается, обыкновенно, на высокой ели или пихтѣ, на кончикѣ одной изъ верхнихъ вѣтокъ. Самочка кладетъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ отъ 3 до 10 крошечныхъ, грязновато-желтыхъ яицекъ, скорлупка которыхъ настолько тонка, что нужно очень осторожно брать ихъ въ руки, чтобы не раздавить.

По вылетѣ изъ гнѣзда, молодые корольки недолго остаются при своихъ родителяхъ и скоро разлѣтаются въ разные стороны.

Съ наступленіемъ осени, корольки начинаютъ вести кочевую жизнь, но никогда не одиночками, а всегда въ сообществѣ съ другими корольками, или же съ синицами.

Королекъ безусловно птичка лѣсная: гдѣ нѣтъ деревьевъ, тамъ нѣтъ и корольковъ. Главнымъ его мѣстопробываніемъ служатъ хвойные—по преимуществу еловые—лѣса; въ нихъ онъ гнѣздится и проводитъ большую часть года. Лиственные лѣса посѣщаются корольками лишь при осеннихъ и зимнихъ кочевкахъ.

Распространеніе нашего королька очень обширно: онъ встрѣчается по всей Россіи—отъ крайняго сѣвера и до Кавказа.

Уничтожая огромное количество мелкихъ насѣкомыхъ, изъ числа которыхъ многія принадлежатъ къ опаснымъ врагамъ лѣса, крошечный королекъ является, наравнѣ съ синицами, одною изъ полезнѣйшихъ нашихъ лѣсныхъ птицъ <sup>1)</sup>.

Корольки переносятъ неволю очень трудно, но, разъ привыкнувъ къ жизни въ комнатѣ, они являются премилыми комнатными птичками. Не слѣдуетъ только никогда заводить одного королька, а всегда парочку, или, еще лучше, штукъ 5—6 этихъ птичекъ, посадивъ ихъ въ общую клетку, потому что одинокій

---

<sup>1)</sup> Нашего обыкновеннаго королька называютъ также желтоголовымъ или зимнимъ королькомъ, въ отличіе отъ другого королька—красноголоваго или лѣтняго (*Regulus ignicapillus*. Табл. III, 1), который изрѣдка встрѣчается на крайнемъ западѣ и югѣ Европейской Россіи. Красноголовый королекъ, по наружному виду, характеру и образу жизни, очень похожъ на желтоголоваго, отличается же отъ него тѣмъ, что хохолокъ его имѣетъ не золотистый, а огненно-красный цвѣтъ и черезъ глазъ проходитъ продольная черная полоска.

королекъ почти не переноситъ неволи. У меня жила однажды парочка королевъ въ теченіе почти цѣлой зимы. Обѣ птички такъ привязались ко мнѣ, что летали за мной изъ комнаты въ комнату, а любимымъ ихъ мѣстомъ отдохновенія была моя голова, на которую онѣ очень часто садились. Къ большому моему огорченію, одинъ изъ этихъ королевъ сдѣлался жертвою своей довѣрчивости и попался въ лапы кошкѣ; другой же, оставшись одинокимъ, началъ хирѣть, и я поспѣшилъ выпустить его на волю.

Уходъ за королевками, содержащимися въ клѣткѣ, долженъ быть самый тщательный и внимательный. Кто не можетъ дать имъ такого ухода, тотъ пусть лучше вовсе не заводитъ у себя этихъ птичекъ, если не хочетъ ихъ видѣть погибнувшими уже черезъ немного дней.

Комнатный кормъ для королевъ: лѣтомъ—свѣжія, а зимой обваренныя, отжатыя и остуженныя муравьиныя яйца, въ перемѣшку съ сухими.

# Пищуха <sup>1)</sup>.

(Табл. II. 1).



СЕНЬЮ, въ тѣ грустные дни, когда

«Обвѣянъ вѣщею дремотой,  
Полураздѣтый лѣсъ груститъ;  
Изъ лѣтнихъ листьевъ развѣ сотый,  
Блестя осенней позолотой,  
Еще на вѣткѣ шелеститъ...» <sup>2)</sup>

когда наши милые пернатые пѣвуны отлетѣли въ далекія, теплыя страны, и въ нашихъ лѣсахъ, садахъ и рощахъ водворилась тишина, изрѣдка лишь прерываемая рѣзкимъ крикомъ сойки или стрекотаніемъ сороки,—въ эти дни, во время прогулокъ въ саду или паркѣ, нерѣдко обращаетъ на себя вниманіе одинокая маленькая <sup>3)</sup> птичка, лазящая, на манеръ дятловъ, по древеснымъ стволамъ, и издающая, отъ времени до времени, то короткое, отрывистое, не очень громкое «сирръ», то «сеить-сеить», очень сходное по звуку съ синичнымъ «сисиси». Вотъ, она только что молча прилетѣла на нижнюю часть ствола старой аллеиной

<sup>1)</sup> *Certhia familiaris*.—Ползунчикъ, поползень (Петерб.); пищуха, сверчокъ, поползокъ (средн. Россія); подшкорушникъ (Харьк.).

<sup>2)</sup> Тютчевъ.

<sup>3)</sup> Длина  $5\frac{3}{4}$  дюйма (14,5 см.).



липы, и тотчасъ же, короткими скачками, начинаетъ взбираться вверхъ по стволу, изрѣдка издавая свое «сирръ» или «сситъ».

Птичка эта—пищуха.

Сверху сѣровато-бурая (совсѣмъ подъ цвѣтъ древесной коры), съ бѣлыми крапинками, снизу бѣлая, птичка эта снабжена очень острыми, круто изогнутыми когтями, сидящими на длинныхъ пальцахъ, и крѣпкимъ, пружинистымъ хвостомъ, благодаря чему она и можетъ такъ же прекрасно лазать по деревьямъ, какъ и дятлы, цѣпляясь когтями за неровности коры и опираясь, подобно дятламъ, на свой пружинистый хвостъ.

Длинный, тонкій, изогнутый клювъ пищухи, похожій на маленькое шило, позволяетъ ей тщательно обыскивать и обшаривать всякую щелочку и трещинку, каждую мшинку и лишаекъ на деревѣ, и вытаскивать изъ нихъ мелкихъ насѣкомыхъ и яички бабочекъ, которыя и составляютъ главную пищу этой птички. Работая почти безъ усталы, подобно синицамъ, съ самаго ранняго утра до поздняго вечера, маленькая пищуха обчищаетъ, въ теченіе дня, не одинъ десятокъ деревьевъ, отъ ихъ, хотя и мелкихъ, но подчасъ весьма опасныхъ, враговъ, и тѣмъ заслуживаетъ быть поставленной въ ряду полезнѣйшихъ птицъ.

Водится пищуха почти по всей Россіи, отъ Архангельска до Кавказа и Крыма, но нигдѣ не встрѣчается въ большомъ количествѣ, потому что вообще не многочисленна.

Самой ранней весной, въ ясные, тихіе дни начала марта, и даже въ февралѣ (изрѣдка и въ январѣ), можно уже слышать, въ паркахъ и по лѣснымъ опушкамъ, серебристую, коротенькую пѣсенку пищухи. Пѣсня эта очень напоминаетъ, по своему характеру и складу, пѣсню зяблика, произносимую только болѣе торопливо и менѣе звучно. Чѣмъ больше развивается весна, тѣмъ чаще и веселѣе раздается пѣсенка пищухи, въ крошечномъ сердечкѣ которой теплые лучи весенняго солнца пробуждаютъ потребность приступить къ свиванію гнѣздышка и къ выводу дѣтей. Не успѣла еще березка закурчавиться молодыми листьями, а ужъ въ гнѣздѣ пищухи находится 6—9 крошечныхъ яичекъ, усеянныхъ на бѣломъ фонѣ ярко-красными точечками, сливающимися на толстомъ концѣ яйца почти въ сплошной красный поясокъ. Изящно сплетенное изъ тонкихъ, сухихъ былиночекъ и прутиковъ, скрѣпленное паутиною и выложенное внутри мягкими перышками, уютное гнѣздышко пищухи

помѣщается очень часто между кускомъ отставшей коры и стволомъ дерева, а также въ дуплахъ старыхъ деревьевъ, въ углубленіяхъ стѣнъ, подъ крышами домовъ, и даже иногда внутри дровянной полѣнницы. При этомъ кстати будетъ замѣтить, что пищуха вообще относится къ человѣку весьма довѣрчиво и нерѣдко позволяетъ себя наблюдать съ разстоянія всего нѣсколькихъ шаговъ.

Парочка пищухъ, занятая заботами по выводу дѣтей, раздѣляетъ эти заботы между собой поровну: самецъ и самочка высиживаютъ попеременно, и затѣмъ обѣ птички вмѣстѣ усердно выкармливаютъ своихъ птенчиковъ и заботливо охраняютъ ихъ отъ всякихъ опасностей.

Потревоженные въ гнѣздѣ молодые пищухи, если онѣ не умѣютъ еще летать, выбрасываются изъ гнѣзда на землю, затѣмъ быстро вскарабкиваются по стволу дерева и исчезаютъ почти на глазахъ наблюдателя, искусно запрятываясь въ различные углубленія дерева, гдѣ отыскать ихъ уже весьма трудно.

Вырастивъ первый выводокъ птенцовъ, парочка пищухъ, въ серединѣ или концѣ іюня, обыкновенно, приступаетъ ко второму выводу. По окончаніи его, когда птенцы выучатся уже хорошо летать и сдѣлаются достаточно самостоятельными, семья разлучается, и каждый ея членъ начинаетъ, въ одиночку, вести кочевую жизнь—до будущей весны. Вотъ въ это-то время, осенью, одиночки-пищухи и появляются въ нашихъ садахъ и паркахъ. Днемъ онѣ прилежно обыскиваютъ деревья, ночь же проводятъ въ дуплахъ. Или же онѣ присоединяются къ смѣшаннымъ стайкамъ кочующихъ синицъ, съ которыми и облетаютъ, въ теченіе осени и зимы, извѣстную область, снискивая себѣ на деревьяхъ дневное пропитаніе.

Въ клѣткахъ пищуху рѣдко держатъ, потому что эта птичка очень нѣжна и требуетъ очень тщательнаго ухода. Лучше всего она выдерживаетъ неволю въ большой клѣткѣ, внутри которой прикрѣпленъ, къ стѣнкѣ, большой кусокъ древесной коры, на которомъ она и проводитъ почти весь день, а также и ночь. Кормъ для нея тотъ же, что и для королька, съ прибавкою мучныхъ червей (въ зимнее время, когда нѣтъ свѣжихъ муравьиныхъ яицъ).

# Поползень<sup>1)</sup>.

(Табл. III, I).



Люблю я блѣдный ликъ осенняго безстрастья,  
И этотъ ровный свѣтъ, разлитый по землѣ,  
Онъ тихъ, какъ зрѣлыхъ думъ сіянье на челѣ,  
Какъ созерцаніе безоблачнаго счастья.

Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Е СЛУЧАЛОСЬ ЛИ вамъ, читатель, когда-нибудь видѣть птичку, лазящую по стволу дерева внизъ головой? Если случалось, то значитъ вы видѣли поползня, такъ какъ только онъ одинъ, изъ всѣхъ нашихъ птицъ, способенъ на такую штуку.

Это небольшая, коренастая, короткохвостая птичка, величиною немного болѣе воробья, сверху голубовато-сѣрая, снизу бѣлая съ ржаво-красными боками съ бѣлымъ горлышкомъ; черезъ глазъ проходитъ черная полоска. Клювъ прямой, коническій и довольно длинный. Встрѣчается почти во всей Россіи<sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> *Sitta europaea*. Волчокъ (Петерб., Казанск. и друг.); сносъ, дюдька, ползикъ (Харьк.); ямщикъ, волчокъ, ползунокъ (Москва); синица, синюшка, синій дятель, дятелокъ, слѣпущка, бычокъ.

<sup>2)</sup> Подъ Петербургомъ поползень встрѣчается крайне рѣдко; въ Лужскомъ уѣздѣ (Петерб. губ.) онъ уже гнѣздится и является весьма обыкновенной птицей.—Поползни крайняго юга и юго-запада Европ. Россіи имѣютъ ржаво-рыжую окраску нижней стороны (*Sitta caesia*). На крайнемъ востокѣ поползни отличаются своей значительно меньшей величиною и почти совсѣмъ чисто-бѣлой нижней стороной (*Sitta uralensis*); они встрѣчаются иногда, зимой, и подъ Петербургомъ.

Поползень, несомнѣнно, самый первоклассный изъ всѣхъ нашихъ пернатыхъ лазуновъ и превосходить въ этомъ мастерствѣ даже самого дятла, который не умѣетъ лазать внизъ головой. Такое большое мастерство въ лазаньи поползня (какъ внизъ, такъ и вверхъ по стволу, и даже вокругъ ствола, въ горизонтальномъ положеніи) тѣмъ удивительнѣе, что, имѣя очень ко-



Поползень.

роткій, какъ бы обрубленный хвостъ, онъ не можетъ, подобно дятламъ и пищухѣ, извлекать изъ него пользу при лазаніи, а единственнымъ для того орудіемъ служатъ ему его ноги. Необыкновенно длинныя\* пальцы короткихъ, сравнительно, ногъ поползня, снабженные длинными, изогнутыми и очень острыми когтями, позволяютъ ему захватывать очень большую поверхность ствола дерева. Разстояніе между концами когтей среднего и задняго пальцевъ равняется почти всей длинѣ туловища птицы, и только благодаря этому она можетъ свободно лазить и держаться на стволѣ дерева внизъ головой, при чемъ шея

всегда нѣсколько втянута, а голова откинута назадъ (какъ это можно видѣть на прилагаемомъ рисункѣ (стр. 59).

Вѣчно дѣятельный, живой, подвижный, веселый и неутомимый лазунъ по деревьямъ, поползень какъ бы соединяетъ въ себѣ характеры синицы и дятла (что весьма мѣтко выразилось въ нѣмецкомъ названіи этой птицы: *Spechtmeise*, т. е. дятло-синица).

Самой ранней весной, нерѣдко даже въ февралѣ мѣсяцѣ, поползень начинаетъ оживлять лѣсныя опушки— по которымъ онъ преимущественно держится—своимъ громкимъ, по нѣскольку разъ повторяемымъ, свистомъ «кью-кью-кью», къ которому, впоследствии, среди весны, прибавляется еще громкая, звучная трель. Кромѣ этихъ звуковъ, поползень издаетъ еще призывное, очень громкое «ситтъ»; чаще же всего даетъ о себѣ знать отрывистымъ «твиттъ, твиттъ, твиттъ, твиттъ...», которое онъ выкрикиваетъ каждый разъ, когда прилетитъ и прицѣпится къ какому нибудь древесному стволу. Это «твиттъ» повторяется торопливо много разъ кряду, звучитъ очень громко и кругло и является самымъ характернымъ для поползня звукомъ.

Гнѣздо поползня помѣщается, обыкновенно, внутри древеснаго ствола—въ дуплахъ старыхъ деревьевъ, или же, чаще, въ старыхъ дятловыхъ гнѣздахъ. Если летное отверстіе гнѣзда слишкомъ велико, то птица мастерски задѣлываетъ лишнее пространство этого отверстія, для того чтобы обезпечить гнѣздо отъ посѣщеній непрошенныхъ гостей. Это задѣлываніе производится при помощи кусочковъ глины, которые поползень смачиваетъ своей слюной (подобно тому, какъ это дѣлаютъ ласточки при лѣпкѣ своихъ гнѣздъ) и выводитъ, такимъ образомъ, стѣнку, иногда дюймовъ до двухъ толщиною. Стѣнка эта, высохнувъ, становится настолько крѣпкою, что развѣ только сильный клновъ большого дятла способенъ ее разрушить.

Подкладкой для бѣленькихъ, съ красными крапинками, яицекъ служатъ рыхло набросанные, сухіе, прошлогодніе листья, или тонкія шелушки сосновой коры. Высиживаніемъ занимается одна только самочка и оканчиваетъ его въ 13—14 дней. Птенчики выкармливаются обоими родителями, которые безъ устали приносятъ разныхъ насѣкомыхъ—преимущественно гусеницъ различныхъ бабочекъ.

Послѣ вылета изъ гнѣзда, молодые поползни остаются нѣкоторое время при родителяхъ, а затѣмъ, въ началѣ осени, члены

семьи расходятся, въ одиночку, по разнымъ дорогамъ, при чемъ, обыкновенно, присоединяются къ стайкамъ кочующихъ синицъ, которыми нерѣдко даже и предводительствуютъ.

Въ теплыя страны поползень не улетаетъ, а остается у насъ круглый годъ.

Пищу поползней составляютъ, преимущественно, насѣкомыя, затѣмъ, различныя сѣмена и ягоды. Поползень также охотникъ до желудей и орѣховъ, которые всегда раскалываетъ ударами своего клюва, зацемивъ ихъ предварительно въ какую-нибудь щель на деревѣ; при такой работѣ, онъ, обыкновенно, располагается на деревѣ внизъ головой.

Будучи пойманъ и посаженъ въ клѣтку, поползень скоро привыкаетъ къ неволѣ и становится одной изъ забавнѣйшихъ комнатныхъ птичекъ, въ особенности, если его посадить въ одну клѣтку съ чижиками, чечетками или коноплянками, и прикрѣпить къ одной изъ стѣнокъ клѣтки, во всю ея ширину, кусокъ древесной коры. Часами можно сидѣть около такой клѣтки, любясь его искуснымъ лазаньемъ по корѣ и кувырканьемъ на жердочкахъ клѣтки. Кормъ—смѣсь изъ муравьиныхъ яицъ съ коноплей и другими сѣменами; въ видѣ лакомства—кедровые орѣшки.

Итакъ, вотъ мы познакомились со всѣми членами тѣхъ пернатыхъ обществъ, которыя осенью и зимой кочуютъ по нашимъ лѣсамъ и роцамъ, садамъ и паркамъ, ревностно и неутомимо исполняя возложенную на нихъ Создателемъ задачу—охранять нашъ древесно-растительный міръ. Дятлы, синицы, корольки, пищухи и поползни—вотъ члены этихъ кочующихъ обществъ. Главное ядро общества составляютъ синицы; дятлы и поползни предводительствуютъ, корольки и пищухи сопутствуютъ. Словно вѣрная стража, совершаетъ такое общество обходъ ввѣренной ей охраненію мѣстности. И если принять во вниманіе, что каждый участокъ лѣса, каждый уголокъ нашего обширнаго отечества, покрытый древесною растительностью, входитъ въ районъ дѣятельности того или другого изъ подобныхъ «древеохранныхъ обществъ», то легко станетъ понятною вся та громадная роль, которую призваны исполнять птицы, входящія въ составъ этихъ обществъ.

Да найдутъ онѣ себѣ защиту и охрану во всякомъ образованномъ человѣкѣ!



## Клесты.

И Онъ сказалъ: «за ваше состраданье  
Распятому, отнынѣ и повѣкъ,  
На память вѣчную, потомству въ назиданье,  
Останется вашъ клѣвъ крестообразенъ;  
Тлѣнъ не коснется васъ; насущный для васъ кормъ,  
Всегда въ обилие давать вамъ будетъ лѣсъ,  
И сѣверной зимы жестокіе морозы  
Безвредны будутъ вамъ. Въ любую пору года  
Любить и пѣсни пѣть,—среди зимы иль лѣтомъ,  
Весной иль осенью выращивать дѣтей,—  
Равно да будетъ вамъ...»

(Изъ старинной легенды).



СНОЕ, ТИХОЕ, морозное утро. На широкую лѣсную дорогу, лишь посрединѣ проѣзженную узкой, глубокой полосой, средь рыхлаго снѣга, падаютъ мѣстами солнечные лучи: то въ видѣ продолговато-округлыхъ пятенъ, то въ видѣ узкихъ, свѣтлыхъ полосъ, проскользнувшихъ между запушенными снѣгомъ деревьями. Мѣстами, болѣе широкія полосы солнечнаго свѣта, перебѣжавъ черезъ дорогу, взбираются на высокія, лохматые ели, свѣсившія свои лапы, подъ тяжестью наваливашагося снѣга, до самой земли, и освѣщаютъ ихъ нѣжнымъ, желтовато-розовымъ свѣтомъ. Мѣстами освѣщены только шапки высокихъ сосенъ, да верхушки плакучихъ березъ, матовымъ серебромъ вырисовывающіяся на синемъ сводѣ неба. Со всѣхъ сторонъ,

«Деревья стройныя, какъ небеса свѣтлы,  
Ведутъ какъ будто въ глубь серебрянаго сада,  
И хлопья снѣжные, пушисты, тяжелы,  
Повисли на вѣтвяхъ, какъ гроздья винограда» <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Апухтинъ.



1. Клесть сосновый (Loxia pityopsittacus) самецъ.
2. Тоже самка.
3. Тоже молодой.

Въ сухомъ морозномъ воздухѣ колеблются и сверкаютъ на солнцѣ безчисленные блески инея, убирающія въ алмазный рядъ незапущенныя снѣгомъ тонкія вѣтки деревьевъ и кустарниковъ и превращающія въ брилліантовое ожерелье паутину, еще осенью перекинутую паукомъ съ одного дерева на другое, а теперь, красивою, сверкающею дугою свѣшивающуюся книзу. Въ лѣсу царствуетъ полная тишина, — та особенная, торжественная тишина, которая только и бываетъ въ лѣсу зимой. Изрѣдка лишь донесется откуда-нибудь сухой трескъ дерева, не державшаго ледяныхъ объятій дѣдушки-мороза, — донесется и тотчасъ же потеряется въ окружающемъ снѣжномъ пуху. Съ тихимъ свистомъ крыльевъ, медленно протянетъ надъ лѣсомъ воронъ, — крикнетъ, удаляясь, разъ-другой, свое отрывистое «крукъ», — и снова все тихо... Беззвучно сорвется съ вѣтки комъ рыхлаго снѣга и беззвучно же упадетъ на землю, оставляя за собой въ воздухѣ полосу серебряной пыли... Хорошо!.. Очень хорошо! Красиво, величественно, торжественно — какъ въ Божьемъ храмѣ!..

Но чу!.. Что за звуки?.. «Цикъ, цикъ, цикъ; цекъ, цекъ; цокъ, цокъ...» — не то веселые, не то тревожные, быстро приближаются надъ вершинами деревьевъ... И только пыль серебряная полетѣла съ вершины невысокой елки, при дорогѣ, когда опустилась на ея запущенныя снѣгомъ и разукрашенные инеемъ вѣтки, стайка, штукъ около двѣнадцати, какихъ-то небольшихъ птицъ... Черезъ минуту морозные лучи солнца освѣтили прекрасную картину: по концамъ вѣтокъ, отягченныхъ обильнымъ количествомъ шишекъ, развѣсились, точно румяныя яблочки на рождественской елкѣ, ярко-красныя птички, раза въ полтора побольше воробья; — развѣсились въ различныхъ позахъ: кто внизъ головой, кто вверхъ, кто сбоку прицѣпился одной лапкой къ еловой шишкѣ, а другой держится за вѣтку; кто повисъ совсѣмъ кверху брюшкомъ. Звуковъ «цикъ, цикъ» уже больше не слышать, а съ елки начинаютъ падать одна за другой, съ небольшими промежутками времени, шишки, съ изломанными или расщепленными чешуйками.

По прошествіи нѣкотораго времени, одной изъ румяныхъ птичекъ, видимо, надобно возиться съ еловыми шишками: она перепорхнула на самую маковку сосѣдней елки, и оттуда посыпались, словно горохъ, веселые звуки, хотя малозвучной и не особенно красивой, но чрезвычайно бойкой и задорной пѣсни,

при чемъ румяный пѣвецъ безпрестанно подергиваетъ крылышками и вертитъ хвостикомъ въ разныя стороны.

Что это за птицы, которыя такъ безцеремонно нарушили торжественный декабрскій покой лѣса и въ какихъ нибудь четверть, полчаса, общипали и побросали на землю большую часть шишекъ съ вершины елки? Что это за птица, которая на трескучемъ декабрскомъ морозѣ распѣваетъ свои пѣсни, да еще съ такимъ задоромъ,—словно насмѣхаясь надъ вселеденящимъ дѣдушкой-морозомъ,—словно березы убраны не морознымъ инемъ, а молодыми изумрудными кудрями майской зелени?

Птица эта—«Христова птица» или клестъ <sup>1)</sup>.

Много есть на свѣтѣ разныхъ удивительныхъ птицъ, но клестъ нашъ является одной изъ самыхъ удивительныхъ, отличающаея особенностями, не только не встрѣчающимися у другихъ птицъ вообще, но даже и у ближайшихъ его родственниковъ изъ птичьяго міра.

Первою, легко бросающеюся въ глаза особенностью въ наружности «Христовой птицы» является ея крестообразный клювъ: верхняя часть клюва не покрываетъ у нея нижней, какъ у остальныхъ нашихъ птицъ, а загибается острымъ крючкомъ внизъ и въ сторону; нижняя же часть клюва такимъ же крючкомъ загибается вверхъ и въ противоположную сторону—у однихъ экземпляровъ въ правую, у другихъ—въ лѣвую (это чисто случайное различіе).

Въ одной старинной легендѣ, очень распространенной у народовъ Западной Европы и часть которой приведена эпиграфомъ къ этому очерку, слѣдующимъ образомъ объясняется такое странное строеніе клюва у «Христовой птицы»: при страданіяхъ Спасителя, къ кресту слетѣлось нѣсколько клестовъ, которые стали вытаскивать изъ окровавленнаго чела Распятаго тернія Его вѣнца, а также усиленно старались вытащить изъ креста гвозди, которыми былъ пригвожденъ Божественный Стра-

<sup>1)</sup> Насколько мнѣ извѣстно, у насъ въ Россіи, кажется, нигдѣ не называютъ клеста «Христовой птицей». Я позаимствовалъ это названіе у нѣмцевъ, у которыхъ, въ числѣ многихъ мѣстныхъ названій для клеста есть и названіе Christvogel, которое мнѣ очень нравится, и я нахожу его чрезвычайно подходящимъ къ нашей птицѣ.



далецъ,—старались до тѣхъ поръ, пока концы ихъ клюва не загнулись, отъ чрезмѣрныхъ усилій, крестообразно...

Благодаря своему крестообразному клюву, клестъ можетъ отлично вылуцивать изъ шишекъ нашихъ хвойныхъ деревьевъ сѣмена, которыя и составляютъ главную его пищу. У меня перемѣнялось въ комнатѣ не мало клестовъ, и я много разъ имѣлъ случай наблюдать, какъ расправляется эта птица, на примѣръ, съ еловой шишкой: захвативъ шишку крѣпко лапами, клестъ обыкновенно, сначала расщепляетъ верхнимъ концомъ клюва ту чешуйку, изъ-подъ которой желаетъ достать сѣмя; затѣмъ, просовываетъ клювъ между чешуйкой и шишкой и, раскрывъ немного ротъ, поворотомъ головы въ сторону отворачиваетъ чешуйку и вытаскиваетъ языкомъ изъ-подъ нея сѣмя, которое тотчасъ же шелушитъ клювомъ и проглатываетъ. Для того, чтобы опорожнить всю шишку, клесту требуется двѣ-три минуты времени. На волѣ онъ нерѣдко перелетаетъ, съ захваченной клювомъ шишкой, шаговъ на 15—20, до какого-нибудь дерева, на вѣткахъ котораго ему показалось особенно удобнымъ расположиться для завтрака.

Въ сосновыхъ и еловыхъ сѣменахъ заключается довольно много смолистаго вещества, а такъ какъ клестъ, живущій на свободѣ, въ лѣсу, поѣдаетъ огромное количество этихъ сѣмянъ, то все тѣло клеста, въ особенности стараго, иногда до того просмаливается, что послѣ смерти птицы оно долго противустоитъ загниванію, словно набальзамированное. Извѣстны даже случаи, когда «муміи» старыхъ клестовъ сохранялись въ теченіе 15—20 лѣтъ безъ всякихъ признаковъ разложенія. Отсюда слова легенды:

«Тлѣнь не коснется васъ»...

Впрочемъ, молодые клесты, а также и тѣ изъ старыхъ, которые болѣе или менѣе продолжительное время не получали (на примѣръ, въ клѣткахъ) смолистыхъ сѣмянъ, а питались какими-нибудь другими веществами, начинаютъ разлагаться почти такъ же скоро, какъ и всякая другая птица.

Кромѣ хвойныхъ сѣмянъ, клестъ охотно ѣстъ также и другія маслянистыя сѣмена, какъ, на примѣръ, коноплю и рѣпное сѣмя, и не прочь, при случаѣ, полакомиться ягодами (на примѣръ, рябиной) и даже насѣкомыми. Извѣстны случаи, когда стайки клестовъ тщательно очищали въ садахъ фруктовыхъ деревьевъ отъ

вредной тли. Въ южной Россіи, гдѣ нѣтъ хвойныхъ деревьевъ, клесты кормятся крылатыми сѣменами клена.

Самою удивительною особенностью «Христовой птицы»,—особенностью, которой мы не встрѣчаемъ ни у одной изъ прочихъ нашихъ птицъ,—является ея способность гнѣздиться и выводить дѣтей въ любое время года. Нѣтъ того мѣсяца въ году, въ которомъ не случалось бы находить клестовыя гнѣзда съ молодыми птенцами. То, въ одномъ году, клестъ гнѣздится въ маѣ, то, въ другомъ—въ январѣ, въ третьемъ—въ августѣ, въ четвертомъ—въ декабрѣ, и т. д., и, повидимому, съ одинаковымъ удобствомъ, какъ въ то время,

«Когда на деревѣ нагомъ—  
И соченъ и душистъ,  
Согрѣтый ласковымъ лучомъ,  
Растетъ весенній листъ»...

такъ и въ то, когда въ лѣсу хозяйничаетъ

«Сѣдой морозъ, въ одеждѣ снѣжной,  
Съ блестящей, льдистою броней...»

когда большая часть нашихъ лѣсныхъ пѣвуновъ нѣжится на солнышкѣ, въ далекихъ, теплыхъ краяхъ, а остающіеся у насъ на зиму—кое-какъ перебиваются, изо дня въ день, съ трудомъ снискивая себѣ необходимое дневное пропитаніе.

Откуда же, однако, у клеста можетъ являться фантазія заниматься выводомъ дѣтей среди нашей суровой сѣверной зимы? А вотъ откуда:

Всякая птица старается вывести дѣтей къ тому времени года, когда легче всего можно добывать пищу, необходимую для выкармливанія птенцовъ, которые, какъ извѣстно, обладаютъ всегда огромнымъ аппетитомъ. Такъ какъ большинство нашихъ птицъ выкармливаютъ своихъ дѣтей насѣкомыми, то онѣ (птицы) и выводятъ своихъ птенцовъ, обыкновенно, къ лѣту, когда насѣкомыхъ можно доставать въ изобиліи. Клестъ же можетъ выкормить своихъ птенцовъ одними хвойными сѣменами, предварительно размяченными въ зобу отца или матери. Сѣмена же эти, вызрѣвая къ концу осени, остаются въ шишкахъ, на деревѣ, до марта мѣсяца, когда начинающіе уже пригрѣвать солнечные лучи раскроютъ (оттопырятъ) чешуйки шишекъ и позволятъ сѣменамъ высыпаться на землю. Такимъ образомъ, въ теченіе всей зимы,



клестамъ накрытъ въ лѣсу обильный столъ (въ особенности въ урожайные на шишки годы) и для выкармливанія птенцовъ имѣется корму вволю. Далѣе: въ то время, когда чешуйки шишекъ начинаютъ понемногу растопыриваться и раскрываться, изъ-подъ нихъ легче всего доставать сѣмена. Если же принять во вниманіе, что молодые клесты появляются на свѣтъ съ прямымъ, не крестообразнымъ, клювомъ (онъ принимаетъ крестообразную форму лишь по вылетѣ птенцовъ изъ гнѣзда) и что птенчикамъ, въ первое время по вылетѣ, приходится еще учиться раскрывать шишки, то станетъ ясно, что наиболѣе благопріятнымъ временемъ для вылета изъ гнѣзда будетъ время начала раскрыванія шишекъ, а именно—мартъ мѣсяцъ. Для того же, чтобы вывести молодыхъ изъ гнѣзда въ началѣ марта, парочка клестовъ должна приступить къ свиванію гнѣзда въ декабрѣ или январѣ, такъ какъ дѣланіе гнѣзда—постройки весьма искусной—длится, по крайней мѣрѣ, дней 10, если не больше, да и на высиживаніе надо вѣдь не мало времени.

Но у читателя, вѣроятно, рождается уже вопросъ: какимъ образомъ уберегаются положенныя самочкой клеста яички, да и вылупившіеся изъ нихъ голые птенчики, отъ застуживанія декабрскими и январскими морозами? А вотъ какимъ образомъ: во-первыхъ, зимнее гнѣздо клеста (расположенное всегда высоко на деревѣ и прикрытое сверху, обыкновенно, какою-нибудь выдающеюся вѣткою, защищающею его отъ падающаго снѣга) имѣетъ довольно большую глубину и очень толстыя (пальца въ полтора) стѣнки. Стѣнки эти сплетены изъ тонкихъ прутьиковъ и былиночекъ, плотно затканы мхомъ и древесными лишаями и выложены внутри мягкими перышками; такимъ образомъ, гнѣздо это является очень теплымъ. (При лѣтнемъ выводѣ дѣтей гнѣздышко дѣлается попрохладнѣе). Во-вторыхъ, самочка клеста, положивъ въ гнѣздо первое яйцо, больше съ гнѣзда уже не слетаетъ; кормъ же ей доставляетъ, во все время высиживанія, самчикъ, выдающій, вообще, очень большую нѣжность къ своей подругѣ. Въ то же время, онъ не упускаетъ случая и услаждать ея слухъ своими пѣнями, ретиво распѣваемыми на морозѣ, съ макушки, обыкновенно, той самой елки, на которой находится гнѣздо.

Самочка несетъ 3—4 блѣдно-голубыхъ, или сѣроватыхъ, яичка, болѣе или менѣе испещренныхъ темными, красноватыми или бурыми, пятнышками и жилками.

Клесты водятся во всей сѣверной и умѣренной Европѣ, повсюду, гдѣ только есть хвойные лѣса. Впрочемъ, слово «водятся» будетъ не совсѣмъ правильнымъ: они не то что водятся, а вдругъ появляются, въ значительномъ количествѣ, въ лѣсу, въ которомъ многіе годы не было ни одного клеста, поселяются въ немъ, строятъ гнѣзда, высиживаютъ и потомъ вдругъ исчезаютъ, за исключеніемъ немногихъ отсталыхъ. Эти «птицы-цыгане» остаются на болѣе или менѣе продолжительное время лишь тамъ, гдѣ имъ хорошо, то есть, гдѣ онѣ находятъ изобиліе пищи. Въ противномъ случаѣ онѣ кочуютъ, нигдѣ не останавливаясь, странствуя и перелетая изъ одного хвойнаго лѣса, въ другой, изъ одной мѣстности въ другую.

У насъ, въ окрестностяхъ Петербурга, клестовъ можно видѣть почти каждый годъ, но въ весьма различное время года и въ различномъ количествѣ. Такъ, напримѣръ, въ паркѣ Лѣснаго Института они появляются стайками (штукъ по 10—15) то въ маѣ, то въ августѣ, то въ ноябрѣ; съ шумомъ перелетаютъ изъ одной части парка въ другую, выкрикивая на полетѣ свое громкое, отрывистое «цкъ, цкъ»; усядутся на какое-нибудь изобилующее шишками хвойное дерево, замолкнутъ, и—только шишки сыплются на землю.—Въ особенности жестоко хозяйничали въ нашемъ паркѣ клесты (еловые) въ августѣ и сентябрѣ 1881 и 1889 гг. на еляхъ и лиственницахъ, на которыхъ въ эти годы уродилось особенно много шишекъ. Дорожки парка были тогда, мѣстами, буквально усыпаны шишками, изломанными этими птицами.

У насъ, въ Россіи, водятся 4 вида клестовъ:

#### 1) Клестъ сосновый <sup>1)</sup>. (Табл. IV).

Это самый крупный изъ клестовъ <sup>2)</sup>, съ толстымъ и очень сильнымъ клювомъ, благодаря которому этотъ клестъ можетъ свободно ломать крѣпкія сосновыя шишки, отчего и получилъ свое названіе. Крючокъ нижней части клюва у него, обыкновенно, не выдается надъ хребтомъ верхней.—Призывное «цкъ-цкъ», или, пожалуй, «чепъ-чепъ», этого клеста звучить чрезвычайно

<sup>1)</sup> *Loxia pityopsittacus*.—Брикунъ, шлепунъ (Петерб. птицелов.).

<sup>2)</sup> Въ длину около 7<sup>1</sup>/<sub>2</sub> д. (19 см.).



1. Клестъ сосновый.—2. Клестъ еловый.—3. Клестъ бѣлопоясый.—4. Щуръ.

громко и далеко слышно по лѣсу. Въ пѣснѣ его есть довольно красивые флейтные звуки. Онъ значительно малочисленнѣе слѣдующаго вида, а потому и встрѣчается рѣже.

## 2) Клестъ еловый <sup>1)</sup>.

Значительно меньше предыдущаго <sup>2)</sup>; клювъ у него также значительно слабѣе и болѣе вытянутъ; крючокъ нижней части клюва выставляется надъ хребтомъ верхней. —Его «цыкъ-цыкъ» звучитъ значительно слабѣе, чѣмъ «цэкъ» клеста-сосновика. Это самый многочисленный и обыкновенный изъ нашихъ клестовъ. Питается преимущественно еловыми сѣменами (также и листовничными), такъ какъ ему, вслѣдствіе слабаго клюва, трудно справиться съ твердой сосновой шишкой.

## 3) Клестъ листовничный <sup>3)</sup>.

Меньше обоихъ предыдущихъ <sup>4)</sup>, отъ которыхъ отличается, главнымъ образомъ, двумя широкими, бѣлыми поперечными полосами на крыльяхъ и нѣсколькими бѣлыми пятнами, идущими вдоль крыла. Водится, преимущественно, на сѣверо-востокѣ Россіи и въ Сибири; къ намъ, въ окрестности Петербурга, залетаетъ лишь изрѣдка зимой. Питается сѣменами листовницы (также и ели). Это самый красивый изъ нашихъ клестовъ и наилучшій изъ нихъ пѣвецъ, почему и цѣнится у любителей очень дорого (до 8-ми рублей за штуку, на петербургскомъ птичномъ дворѣ).

## 4) Клестъ краснокрылый <sup>5)</sup>.

Немного крупнѣе еловаго клеста <sup>6)</sup>. Отличительнымъ его признакомъ являются двѣ нѣжно-розовыя полосы поперекъ крыла (у взрослыхъ птицъ; у годовалыхъ эти полосы желтоваты). Это самый малочисленный и рѣдкій изъ нашихъ клестовъ.

<sup>1)</sup> *Loxia curvirosta*.—Мелкій, чистый клестъ, трикунъ, кликунъ (Петерб. птицелов.).

<sup>2)</sup> Въ длину  $6\frac{1}{2}$  д. (16,4 см.).

<sup>3)</sup> *Loxia bifasciata*.—Бѣлопопый, бѣлокрылый клестъ, чиркунъ (Петерб. птицелов.); бѣлокрылый клестъ (Казанск.); бѣлопокрытый, бѣлокрылый клестъ (Москов.).

<sup>4)</sup> Въ длину около 6 д. (15 см.).

<sup>5)</sup> *Loxia rubrifasciata*.—<sup>6)</sup> Въ длину  $6\frac{3}{4}$  дюйм. (17 см.).

Старые самцы всѣхъ клестовъ окрашены, большею частію, въ красивый красный цвѣтъ различныхъ оттѣнковъ—отъ желтоватаго (огненно-краснаго) до превосходнаго цвѣта ягодъ красной смородины. У самокъ преобладаетъ сѣрый цвѣтъ, съ желтоватымъ или зеленоватымъ оттѣнкомъ,—также и у молодыхъ.

Къ сожалѣнію, столь красивый красный цвѣтъ самца-клеста скоро пропадаетъ при содержаніи птицы въ клѣткѣ; черезъ годъ, большею частію, отъ него не остается уже никакихъ слѣдовъ—онъ переходитъ въ зеленовато-желтый цвѣтъ.

Характеръ у «Христовой птицы» чрезвычайно симпатичный: отличительныя его черты—добродушіе, довѣрчивость и общительность другъ съ дружкой и даже съ другими птицами. Клесты становятся пугливыми лишь послѣ неоднократныхъ преслѣдованій. Нерѣдко клестъ остается сидѣть спокойно на деревѣ даже послѣ того, когда его сосѣдъ убить выстрѣломъ изъ ружья. Пролетающихъ по близости птицъ своего вида, или сродныхъ, клесты всегда подзываютъ звуками «цыкъ, цыкъ» и сами охотно слѣдуютъ за ними. Они всегда держатся стайками, и члены стайки никогда не удаляются отъ нея далеко.

Въ неволѣ клестъ очень скоро привыкаетъ къ своему хозяину, и, благодаря своему милому характеру и пріятному пѣнію, очень почитается любителями комнатныхъ птицъ. Въ клѣткѣ онъ находится въ постоянномъ движеніи, безпрестанно лазая, подобно попугаю, цѣпляясь клювомъ и лапками за прутья клѣтки (отчего клеста иногда также называютъ «чухонскимъ попугаемъ»). Онъ также, подобно попугаю, охотно даетъ чесать пальцемъ свою головку, выказывая при этомъ видимое удовольствіе. На улицахъ Петербурга нерѣдко можно встрѣтить бѣдныхъ людей, носящихъ, въ особо устроенныхъ клѣткахъ, совершенно ручныхъ «ученыхъ» клестовъ, вынимающихъ, по приказанію хозяина, билетки «съ предсказаніями».

Клеста необходимо держать въ клѣткѣ металлической; въ деревянной онъ живо переломаетъ своимъ клювомъ всѣ прутья. При недостаткѣ хвойныхъ шишекъ, ему необходимо, даже въ желѣзной клѣткѣ, подкладывать отъ времени до времени деревянные палочки, которыя онъ всегда съ удовольствіемъ ломаетъ. Если этого не дѣлать, то клестъ будетъ ломать жердочки своей клѣтки.



Кормить клеста лучше всего сосновыми и еловыми сѣменами, въ шишкахъ, или чистымъ хвойнымъ сѣменемъ, продающимся въ сѣмянныхъ магазинахъ. Можно также давать, въ видѣ лакомства, ягоды рябины. Отъ конопли клесты, такъ же, какъ и другія птицы, скоро жирѣютъ.

Въ клѣткахъ клестъ довольно долговѣченъ, при условіи, впрочемъ, хорошаго ухода.

Въ заключеніе, нѣсколько словъ о томъ, считать ли клеста птицей вредной или полезной.

Нѣкоторые считают клестовъ вредными птицами, ставя имъ въ вину сильное уничтоженіе шишекъ, или, вѣрнѣе, сѣмянъ хвойныхъ деревьевъ. Другіе же, наоборотъ, ставятъ клестамъ это даже въ заслугу, совершенно справедливо указывая на то, что въ урожайные на шишки годы, когда вершины деревьевъ бываютъ слишкомъ отягчены шишками, клесты, обкусывая ихъ съ вѣтвей, тѣмъ самымъ предохраняютъ не мало деревьевъ отъ поломки вершинъ, въ особенности при навалахъ мокраго снѣга. Приэтомъ, слѣдуетъ также принять во вниманіе, что клесты появляются въ большомъ количествѣ лишь въ урожайные на шишки годы, а въ такіе годы наши обширные хвойные лѣса до того изобилуютъ шишками, что, конечно, ни одному лѣсническому не придетъ въ голову пожалѣть о тѣхъ, которыя будутъ обломаны клестами.

Итакъ, если клестъ и не является особенно полезной для лѣса птицей, то и вредной, конечно, его также нельзя считать, тѣмъ болѣе, что вѣдь стоить же чего-нибудь красота и милый нравъ этой птицы, и то обстоятельство, что клесты такъ мило украшаютъ и оживляютъ лѣсъ именно въ то время, когда онъ лишенъ почти всякаго другого оживленія.

Поэтому, читатель, смѣло примите прекрасную «Христову птицу» подъ ваше покровительство.



# Снѣгирь <sup>1)</sup>.

(Табл. V).



Зима. Все уснуло покоемъ мгильнымъ,  
Все поле зарыто подъ снѣгомъ обильнымъ,  
И голыя вѣтки осинъ и березъ  
Стоять неподвижно, безъ жизни, безъ шума,  
Какъ будто томить ихъ какая-то дума,  
Какъ будто бы полны таинственныхъ грезъ...

Дм. Чертковъ.

АКЪ СЕНИЦА появляется около человѣческихъ жилищъ вмѣстѣ съ первыми осенними туманами, такъ красногрудый снѣгирь является спутникомъ бабушки-зимы и снѣга: не даромъ же онъ и названъ снѣгиремъ <sup>2)</sup>. Какъ стала, на Матрену (9-го ноября), зима на ноги, да запушила землю бѣлымъ снѣгомъ—откуда ни взялись, снѣгурки тутъ какъ тутъ—на рябинѣ, подъ окошкомъ. А какъ начала Евдокія (1-го марта) весну снаряжать, да почернѣла дорога—только ихъ и видѣли: запрыгали по двору овсяночки-золотняночки, зазвенѣла по поднебесью пѣсня жаворонка, а красногрудыхъ зимнихъ гостей и слѣдъ простылъ!

Въ дѣтствѣ, бывало, сидишь у окошка за учебнымъ столомъ, твердишь заданный урокъ, да все поглядываешь на сиреневые

---

<sup>1)</sup> *Pyrrhula coccynea (major, rubicilla)*.—Краснозобчикъ (Казанск., Симбирск.); жуланъ (Уфимск., Оренбургск.); свистунъ (Томск.); снигуръ (Малорос.).

<sup>2)</sup> Снѣгирь, а не снигирь, какъ многіе пишутъ неправильно.

кусты, запущенные выпавшимъ за ночь первымъ снѣгомъ—не покажутся ли дорогіе красногрудые гости. Показались—такъ сердце и запрыгало! Идешь, не дожدهшься конца урока, чтобы бѣжать на кухню—мастерить съ кучеромъ Иваномъ силки... А на-утро уже красуется въ клѣткѣ свѣже-пойманный толстоносый красавецъ. Глазъ съ него неводишь, не налюбишься...

Нужно ли описывать наружность снѣгиря? Кто его не знаетъ? Кто не видалъ этой пухленькой, красногрудой птички, съ бѣлымъ, какъ снѣгъ, надхвостьемъ, голубовато-сѣрой спинкой и черными, съ синимъ отливомъ, головой, крыльями и хвостомъ? Если кому, можетъ быть, и не приводилось видѣть снѣгиря на волѣ, то ужъ, вѣроятно, случалось любоваться этой красивой птичкой въ клѣткѣ, или, по крайней мѣрѣ, на раскрашенной картинкѣ.

Стайка снѣгирей-самцовъ, на запущенномъ снѣгомъ, или обнѣдѣломъ деревѣ, освѣщенная розоватыми лучами зимняго солнца, представляетъ собою, по-истинѣ, восхитительное зрѣлище. Самочки-снѣгурки далеко не такъ красивы, потому что снизу онѣ не красныя, а темно-сѣрыя. То же и у молодыхъ снѣгирей, до одного года; кромѣ того, у нихъ и головка не черная, а буровато-сѣрая.

Голосъ снѣгиря далеко не соответствуетъ его прекрасной наружности. Чаще всего эта птица издаетъ однообразный, довольно тихій свистъ мягкаго флейтоваго звука—«фю, фю». Свистъ этотъ имѣетъ какой-то особенный, грустный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезвычайно пріятный, ласкающій ухо оттѣнокъ. Этимъ свистомъ, придавая только ему различный характеръ, снѣгирь подманиваетъ къ себѣ своихъ дѣтей или другихъ товарищей-снѣгирей, предостерегаетъ ихъ отъ грозящей опасности, выражаетъ жалобу о потерянномъ другѣ и прочее тому подобное. То или другое значеніе этого свиста всегда бываетъ правильно понято другими снѣгирями, что указываетъ на замѣчательную приспособленность птичьяго уха различать тончайшіе звуковые оттѣнки, для человѣческаго уха почти неуловимые.

Очень негромкая и болѣе чѣмъ скромная пѣсня снѣгиря состоитъ изъ тѣхъ же грустныхъ, иногда какъ бы слегка картявыхъ, свистовъ, перемежающихся съ совѣмъ не музыкальными, какими-то странными скрипами, напоминающими скрипъ колеса немазанной телѣги. Но, несмотря на свою неказистость, снѣгуркина пѣсня имѣетъ, однако, свою прелесть, особенно, если она

поется на свободѣ, среди природы; напримѣръ, въ одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ, тихихъ, ясныхъ, полутеплыхъ дней, какіе бываютъ у насъ иногда во второй половинѣ февраля,—въ тѣ дни, когда въ воздухѣ чувствуется уже нѣжное, хотя еще и очень слабое, дыханіе приближающейся весны. Выйдешь, на минутку, на пригрѣтое солнцемъ крыльцо—подышать свѣжимъ воздухомъ, и вдругъ донесется до слуха тихое пѣніе снѣгиря, неподвижно сидящаго, нахохлившись, на вѣткѣ недалекой рябины,—такъ хорошо и пріятно станетъ на душѣ...

У снѣгирей поютъ не одни только самцы, но и самочки. Здѣсь мы имѣемъ довольно рѣдкое исключеніе въ птичьемъ мірѣ: обыкновенно, какъ извѣстно, у большинства пѣвчихъ птицъ способностью пѣнія одарены одни лишь самцы; самочки же, за немногими исключеніями, лишены этой прекрасной способности; и вотъ, самочка нашего снѣгиря составляетъ одно изъ такихъ счастливыхъ исключеній.

Послѣ всего сказаннаго о голосѣ и пѣснѣ снѣгиря, можетъ быть, страннымъ покажется, что эта птичка является одной изъ самыхъ переимчивыхъ и способныхъ къ заучиванію и свистыванію различныхъ мотивовъ и пѣсенокъ. Ни одна изъ прочихъ нашихъ птицъ, ни даже знаменитый искусникъ въ этомъ отношеніи—скворецъ, не способны такъ чисто, аккуратно, вѣрно и красиво насвистывать заученную мелодію, а иногда даже два и три разныхъ мотива, какъ это дѣлаетъ снѣгирь; и не только самецъ, но и самочка (последняя, впрочемъ, немножко похуже). Мнѣ привелось однажды слышать ученаго снѣгиря, свиставшаго военную «зорю»: это была такая прелесть, что нельзя было до-сыта наслушаться. Въ Петербургѣ ученыхъ снѣгирей привозятъ, обыкновенно, изъ Германіи (изъ Тюрингена). Тамъ ихъ обучаютъ особые мастера этого дѣла и затѣмъ, чрезъ посредство особыхъ торговцевъ, продаютъ въ различные большіе европейскіе города и даже въ Америку. Для обученія берутся молодые снѣгири, прямо изъ гнѣзда, прежде чѣмъ они выучатся еще летать. Главными условіями для достиженія успѣха въ такомъ обученіи являются, во-первыхъ, огромное терпѣніе, а во-вторыхъ, умѣнье чисто и хорошо свистать избранную для обученія мелодію, постоянно въ одномъ и томъ же тонѣ, что очень не легко и далеко не всякому дается. Большинство молодыхъ снѣгирей довольно скоро и хорошо заучиваютъ

мотивы, но попадаютъ иногда и малоспособные, которые путаютъ и скоро забываютъ выученное; съ такими не стоитъ долго возиться: открылъ окно, да и—съ Богомъ!

Снѣгирь водится почти по всей Европѣ. Въ Европейской Россіи онъ встрѣчается отъ Кольскаго полуострова до Кавказа. Въ южныхъ нашихъ губерніяхъ эта птичка встрѣчается только въ качествѣ зимняго гостя; въ средней же и сѣверной Россіи снѣгирь водится круглый годъ, проводя лѣто въ тѣнистыхъ лѣсахъ, а на зиму приближаясь къ человѣческимъ жилищамъ, отъ которыхъ, съ наступленіемъ весны, снова откочевываетъ въ лѣса, гдѣ и гнѣздится. Впрочемъ, изрѣдка, гнѣздящіяся парочки снѣгирей встрѣчаются и въ большихъ тѣнистыхъ садахъ и паркахъ <sup>1)</sup>).

Возвратившись, съ наступленіемъ весны, въ свои родные лѣса, снѣгири вскорѣ приступаютъ къ постройкѣ гнѣздъ. Гнѣздо помѣщается на деревѣ, обыкновенно невысоко надъ землею (<sup>1</sup>/<sub>2</sub>-до 1 сажени), и состоитъ снаружи изъ искусно свитыхъ, тонкихъ, сухихъ прутиковъ, а внутри выложено мягкимъ древеснымъ мохомъ, шерстью, волосомъ и нѣжными листиками лѣсныхъ травъ. Въ маѣ мѣсяцѣ, въ гнѣздѣ можно найти уже 4—6, сравнительно маленькихъ, блѣдно-зеленоватыхъ или зеленовато-голубыхъ яичекъ, испещренныхъ лиловатыми, черными и красно-бурыми крапинками, пятнышками и жилками. Выкармливаются молодые снѣгири преимущественно мягкими и недозрѣлыми сѣменами различныхъ растеній; болѣе жесткія сѣмена размягчаются предварительно въ зобу родителей.

По вылетѣ изъ гнѣзда, молодые еще долгое время остаются подъ надзоромъ стариковъ.

Осенью снѣгири сбиваются въ небольшія стайки и съ наступленіемъ зимы, какъ было уже упомянуто, приближаются къ человѣческимъ жилищамъ. Здѣсь они кормятся ягодами рябины и другими древесными сѣменами, ущѣлѣвшими отъ клюва другихъ птицъ, не рѣшающихся слишкомъ приближаться къ

<sup>1)</sup> На крайнемъ западѣ нашего отечества, а также и на Кавказѣ, водится особый видъ снѣгири—снѣгирь малый (*Pyrrhula vulgaris*, Temm.), отличающійся отъ нашего нѣсколько меньшей величиной, менѣе яркой красной окраской и, главное, тѣмъ, что черная шапочка на головѣ у этого снѣгири маленькая, сзади округлена и не спускается на затылокъ.

жилю человека. Въ началѣ зимы у насъ можно видѣть, преимущественно, стайки однихъ только красногрудыхъ самцовъ; во второй же половинѣ зимы къ нимъ подмѣшиваются также и самочки.

Отличительными чертами характера снѣгиря являются его большая доверчивость и добродушіе. Къ поощенію на деревѣ снѣгирю можно подойти довольно близко, не причиняя ему этимъ особеннаго безпокойства. Впрочемъ, нужно замѣтить, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ снѣгирь подвергается гоненію со стороны человека, онъ скоро начинаетъ узнавать своего врага и, вмѣсто доверчивости, выказываетъ уже осторожность, такъ что совершенно напрасно полагаютъ, будто снѣгирь глупая птица, какъ объ этомъ, напримѣръ, говорится въ одной сказкѣ:

«Были тутъ чечетки—воробышкамъ тетки;  
Были тутъ снѣгурочки—красенькія дурочки...»

Совѣтъ нѣтъ: добродушная доверчивость вовсе не служитъ непремѣнно признакомъ глупости.

Къ весьма симпатичнымъ чертамъ характера снѣгиря относится также большая его привязанность къ другимъ снѣгирямъ, товарищамъ по стайкѣ. Если одинъ изъ членовъ стайки будетъ, напримѣръ, убитъ изъ ружья, то остальные долго печалятся о потерянномъ братѣ, выражая это своими грустными, тревожными свистами, и долго не рѣшаются покинуть то мѣсто, на которомъ погибъ ихъ товарищъ.

Полетъ у снѣгиря легкій и красивый, волнообразными линиями. По землѣ онъ скачетъ короткими прыжками, довольно неуклюже. Спугнутаго съ земли снѣгиря легко узнать даже издали, благодаря его бѣлому, какъ снѣгъ, надхвостью, которое, при полетѣ, «сверкаетъ» на темномъ фонѣ земли или деревьевъ.

Пищу снѣгиря составляютъ, главнымъ образомъ, сѣмена различныхъ травъ, деревьевъ и кустарниковъ, а также зернышки различныхъ ягодъ, въ особенности рябиновыхъ. Самой мякоти ягодъ онъ не ѣстъ, а вылуциваетъ только изъ нея зернышки. Зимой, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ растетъ рябина, всегда легко можно узнать о хозяйничаньи снѣгирей—по множеству разбросанныхъ по снѣгу, въ растерзанномъ видѣ, ягодъ рябины. Кромѣ того, говорятъ, что снѣгирь имѣетъ также весьма непохвальную склонность лакомиться распускающимися древесными почками

фруктовыхъ деревьевъ, вслѣдствіе чего онъ можетъ являться иногда непріятнымъ гостемъ въ фруктовыхъ садахъ. Нѣкоторые ученые птицевѣды ставятъ это нашей милой птичкѣ въ большую вину, равно какъ и поѣданіе сѣмянъ лѣсныхъ деревьевъ, и потому причисляютъ снѣгирия къ числу вредныхъ птицъ. Но, врядь ли это справедливо; по крайней мѣрѣ, я съ этимъ никакъ не могу согласиться. Во-первыхъ, снѣгирь никогда не является въ настолько значительномъ количествѣ, чтобы наносить большіе изъязыны фруктовымъ садамъ; да и къ тому же, въ большинствѣ случаевъ, ко времени распусканія фруктовыхъ почекъ онъ удаляется уже въ лѣса, на гнѣздовье, и лишь въ исключительные годы попадаютъ въ садахъ запоздалыя стайки снѣгирей, въ то время, когда распускаются фруктовыя деревья. Во-вторыхъ, неужели можно серьезно ставить въ счетъ нашимъ милымъ снѣгуркамъ поѣданіе ими лѣсныхъ древесныхъ сѣмянъ, количество которыхъ, конечно, совершенно ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ неимовернымъ количествомъ сѣмянъ, которое урождается ежегодно въ нашихъ обширныхъ лѣсахъ? Наконецъ въ-третьихъ, вѣдь, чего-нибудь да стоятъ красота и милый, нравъ этой птички, украшающей нашу однообразную и осиротѣлую природу во время долгихъ зимнихъ мѣсяцевъ. Пускай нельзя назвать снѣгирия птицей полезной, но и причислять его къ вреднымъ—будетъ также несправедливо.

Въ неволѣ снѣгирь очень легко и скоро приручается, выказываетъ необычайную привязанность къ своему хозяину и, вообще, становится премилой комнатной птичкой. Его, безъ особеннаго труда, можно скоро приучить вылетать и снова возвращаться въ клѣтку, садиться на палецъ и т. п. Только, къ сожалѣнію, снѣгирь теряетъ въ комнатѣ свою главную красу—красный цвѣтъ перьевъ. Впрочемъ, иногда, при этомъ птица чернѣетъ, что также выходитъ въ своемъ родѣ красиво <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Мнѣ говорили, что иногда почернѣвшій въ неволѣ снѣгирь современемъ снова краснѣетъ: вѣроятно, это происходитъ отъ какой-нибудь перемѣны въ кормѣ. Также, я слышалъ, что красная окраска у снѣгирия и другихъ птицъ сохраняется въ комнатѣ, если во время линія давать имъ зеленую хвою сосны, ели и другихъ хвойныхъ деревьевъ; самому мнѣ этого испытать еще не удалось. Извѣстны также случаи, когда снѣгирия кормили круглый годъ ягодами рябины (свѣжими и сушеными), при чемъ онъ не терялъ своей красной окраски.



Кормить комнатныхъ снѣгирей слѣдуетъ мѣшаннымъ сѣмьянемъ (льнаное, канареечное, овсяное, торица, макъ и друг., съ небольшою примѣсю конопли), прибавляя, когда это возможно, можжевеловыхъ, рябиновыхъ и другихъ ягодъ.

Изрѣдка встрѣчаются снѣгири бѣлоголовые, бѣлокрылые и, наконецъ, какъ большая рѣдкость, совсѣмъ бѣлые.

О томъ, что снѣгирей ловятъ и стрѣляютъ для жаркого— не хочется даже и упоминать... На рынкахъ въ большихъ городахъ ихъ продають иногда цѣлыми вязанками...

Стыдно не тѣмъ, кто приносить ихъ на рынокъ (это, болѣею частію, люди бѣдные и темные), а тѣмъ, кто ихъ покупаетъ и несетъ къ себѣ на кухню, для «паштета»!..

# Щуръ <sup>1)</sup>.

(Табл. VI).



Мракомъ задернуты небо и даль,  
Вѣтеръ осенній наводитъ печаль,  
По небу тучи угрюмыя гонить,  
По полю листья—и жалобно стонетъ...

Н. Некрасовъ.

НЬЕ ГОДЫ, позднюю осенью, или въ началѣ зимы, налетаетъ къ намъ, стаями, изъ далекихъ сѣверныхъ лѣсовъ, близкій родственникъ снѣгиря—щуръ. Это довольно крупная <sup>2)</sup>, величиною съ дрозда, коренастая птица, вся окрашенная въ превосходный малиново-красный цвѣтъ, съ двумя бѣлыми поперечными полосками на крыльяхъ и загнутымъ въ крючокъ кончикомъ верхней части клюва (Рис. см. на стр. 69). У самокъ и молодыхъ щуровъ (до одного года) цвѣтъ оперенія красновато-желтоватый.

Родиной этой красивой птицы служатъ хвойные лѣса крайняго сѣвера Европы, Азіи и Америки, изъ которыхъ она спускается на зиму въ южнѣе лежащія страны (въ Европейской Россіи, приблизительно до 53° сѣв. широты), но далеко не каждый годъ. Правда, отдѣльные экземпляры щуровъ попадаютъ

<sup>1)</sup> Pinicola (Loxia, Pyrrhula, Corythus) enucleator.

<sup>2)</sup> Въ длину до 8½ дюйм. (22 сантим.).

1.

2.



3.

1. Свирестель (*Ampelis garrulus*).
2. Чечевица (*Carpodacus erythrinus*).
3. Щуръ (*Pinicola enucleator*).

въ сѣверной половинѣ Россіи, въ зимніе мѣсяцы, если и не ежегодно, то уже въ каждую, болѣе или менѣе, суровую зиму; большими же стаями щуры спускаются къ намъ, съ сѣвера, весьма не регулярно и иногда лишь черезъ довольно большіе промежутки лѣтъ. Въ большомъ количествѣ, многочисленными стаями, гостили у насъ щуры въ зиму 1879—1880 гг., очень суровую, изобиловавшую ягодами рябины, которой уродилось въ лѣто 1879 года огромное количество и до которой щуръ большой охотникъ. Въ упомянутую зиму, на десятокъ рябинъ небольшого сада, передъ окнами моей квартиры (въ Лѣсномъ), усаживалось иногда позавтракать болѣе полусотни щуровъ. И какое восхитительное зрѣлище представляли эти прелестныя, темно-красныя птицы, красиво качавшіяся на тонкихъ, покрытыхъ инеемъ, вѣткахъ деревьевъ и освѣщенныя солнцемъ февральскаго утра! Въ еще большемъ количествѣ объявились у насъ щуры въ декабрѣ 1892 г. Въ томъ году урожай на ягоды рябины также совпалъ съ чрезвычайно суровой зимой, и съ 9 по 14 декабря въ паркѣ Лѣсного института гостила стая штукъ въ тысячу этихъ птицъ, которыя (совмѣстно съ многосотенными стаями свирестелей) въ нѣсколько дней уничтожили весь громадный урожай рябиновыхъ ягодъ нашего парка.

Въ характерѣ щура есть много общихъ чертъ съ родственными ему снѣгиремъ и клестомъ: онъ такъ же милъ, довѣрчивъ, добродушенъ и общителенъ, какъ и эти двѣ птицы. Довѣрчивость его даже еще гораздо больше, въ особенности въ первое время по прилетѣ къ намъ, пока онъ не успѣлъ еще познакомиться съ кознями человѣка. Къ щурамъ, сидящимъ невысоко на рябинѣ и занятымъ поѣданіемъ ягодъ, можно не только подойти совсѣмъ близко, но, при нѣкоторой небольшой ловкости, можно даже легко надѣтъ той или другой птицѣ на шею волосяную петлю, укрѣпленную на концѣ длинной палки, и снять ее такимъ образомъ съ дерева. Въ то время, когда попавшійся щуръ трепещется въ рукахъ ловца, товарищи его спокойно смотрятъ, съ той же вѣтки, на происходящее внизу, и продолжаютъ, какъ ни въ чемъ не бывало, свой завтракъ. Иногда удается такимъ нехитрымъ способомъ снять съ одной и той же вѣтки 3—4 штуки щуровъ. Точно такъ же и послѣ ружейнаго выстрѣла, сбившаго съ дерева нѣсколько щуровъ, остальные ихъ товарищи почти не выказываютъ испуга: если и слетятъ съ дерева, то, давши надъ



нимъ 2—3 круга, снова на него усаживаются и продолжают лакомиться рябиной. Однако, попавъ нѣсколько разъ въ неприятную передрагу и хорошо познакомившись съ злымъ человѣкомъ, щуръ становится осторожнѣе: въ концѣ зимы къ нему уже не такъ-то легко подойти съ петлей, а ружейный выстрѣлъ прогоняетъ его на большое разстояніе. Такимъ образомъ, опять и здѣсь, какъ и относительно снѣгирия, не слѣдуетъ принимать довѣрчивость и неопытность птицы за глупость: въ неволѣ, при ближайшемъ съ нимъ знакомствѣ, щуръ является далеко не глупой птицей.

Голосъ у щура чрезвычайно красивый, громкій, флейтовый, чистый, — какъ говорится, безъ зацѣпки. Его призывный звукъ — громкій, переливчатый, чрезвычайно пріятный свистъ, въ родѣ «ліэ-ліэ», который онъ издаетъ, нерѣдко, во время полета. Пѣсня этой птицы, чрезвычайно звучная и громкая, состоитъ изъ красивыхъ флейтовыхъ переливовъ, соединенныхъ въ одну недлинную строфу; она не поддается выраженію буквами. На волѣ мнѣ ни разу не привелось слышать пѣсню щура, но въ комнатѣ я много ею наслаждался, такъ какъ у меня перебивало въ клѣткахъ не малое количество щуровъ, изъ которыхъ нѣкоторые были замѣчательные пѣвцы. Обыкновенно, уже съ Рождества щуръ начинаетъ насвистывать (въ клѣткѣ) свою пѣсню, но сначала такъ тихо, что кажется, будто пѣвецъ находится гдѣ-то очень далеко; затѣмъ, въ январѣ и февралѣ, пѣсня становится все громче и громче, и наконецъ, къ концу марта, звучитъ уже во всей своей силѣ и красотѣ.

Пойманный щуръ, уже по прошествіи нѣсколькихъ часовъ, вполне осваивается съ клѣткой, скоро начинаетъ брать предлагаемый ему кормъ, въ непродолжительномъ времени становится совершенно ручнымъ и сильно привязывается къ своему хозяину. Однажды мнѣ стоило большого труда прогнать на волю щура, прожившаго у меня около трехъ лѣтъ; онъ долго не хотѣлъ улетать и нѣсколько разъ возвращался къ окну, пока наконецъ я не отнесъ его въ лѣсъ.

Относительно содержанія щура въ комнатѣ нужно замѣтить, что онъ, какъ дитя крайняго сѣвера, сильно страдаетъ отъ нашей комнатной теплоты, что можно часто замѣтить по раскрываемому имъ клюву, когда въ комнатѣ слишкомъ сильно натоплено (подобно тому, какъ это дѣлаютъ въ лѣтнюю жару воробны). Поэтому, клѣтку со щуромъ слѣдуетъ помѣщать тамъ,

гдѣ похолоднѣе, и давать птицѣ почаще свѣжей воды для освѣженія купаньемъ, до котораго щуръ большой охотникъ. Чудный красный цвѣтъ щура, къ сожалѣнію, въ неволѣ скоро замѣняется красно-желтоватымъ.

Пищу щура, кромѣ ягодъ рябины, можжевельника и другихъ древесныхъ и кустарныхъ лѣсныхъ ягодъ, составляютъ также различныя сѣмена и зерна. Сѣмена хвойныхъ деревьевъ щуръ достаетъ клювомъ изъ-подъ чешуекъ шишекъ, а также собираетъ ихъ и съ земли. Въ клѣткѣ ему слѣдуетъ давать такой же кормъ, какой былъ указанъ для снѣгирия. Къ сожалѣнію, эта птица очень часто не выдерживаетъ неволи и черезъ нѣсколько дней погибаетъ, несмотря на самый тщательный уходъ.

Относительно лѣтняго образа жизни щура, въ глухихъ лѣсахъ его далекой родины, извѣстно пока еще весьма мало.



## Чечевица <sup>1)</sup>.

(Табл. VI).

Лѣсъ и поле зеленѣютъ;  
Звукъ рожка гудитъ надъ паствой;  
Солнце свѣтитъ, улыбаясь —  
Май, красавецъ юный, здравствуй!  
Г. Гейне.



ЖЕГОДНО, въ то время, когда наступаетъ

«..... Пора цвѣтовъ и теплыхъ ясныхъ дней,  
Пора блестящихъ зорь, черемухъ благовонныхъ» —  
— пора, когда въ лѣсу —

«....., изъ травы душистой  
Выглянегъ на солнце ландышъ серебристый» —

а въ саду начнеть распускаться душистая сирень, въ это чудное время прилетаетъ къ намъ изъ своего зимовья, въ теплыхъ странахъ, небольшая <sup>2)</sup> (немножно покрупнѣе щегла), прелестная, тоже красненькая, птичка, близкая родственница снѣгири и щура. Она тотчасъ же возвѣщаетъ о своемъ прибытіи, своей, хотя и коротенькой, но чрезвычайно мелодичной и сладкозвучной, одноко-  
лѣнной пѣсенкой, звучащей въ родѣ «че-чви-чви-чю» или «че-

<sup>1)</sup> *Carpodacus erythrinus* (*Pyrrhula erythrina*).—Красный или лѣсной воробей, чечевишникъ, черёмошникъ (Екатеринб.).

<sup>2)</sup> Въ длину около 6 дюймовъ (15 см.).

ви-чви-чіу», почему эта птичка и получила названіе чечевицы. Въ Камчаткѣ народъ переводить пѣсенку чечевицы словами: «чевичу видѣлъ». Чевичей тамъ называютъ самый крупный и цѣнный сортъ рыбы-лососа, а такъ какъ время, въ которое прилетаетъ туда чечевица, обыкновенно, близко совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда начинается ходъ рыбы-чевичи, то народъ и говоритъ, что прилетѣвшая чечевица своей пѣсней даетъ знать, что она «видѣла чевичу», и что, слѣдовательно, скоро начнется уловъ этой, всегда съ нетерпѣніемъ ожидаемой, рыбы.

Основной цвѣтъ чечевицы сѣрый, въ разныхъ оттѣнкахъ, но на головѣ, груди, надхвостьѣ, а нерѣдко и на другихъ частяхъ тѣла, перья имѣютъ карминно-красную кайму, которою закрывается ихъ сѣрое основаніе, вслѣдствіе чего эти мѣста являются сплошь окрашенными въ превосходный красный цвѣтъ, и вся птичка получаетъ чрезвычайно нарядный видъ, особенно при солнечномъ освѣщеніи.

Весной, съ прилета, чечевицы нерѣдко останавливаются въ садахъ и паркахъ, въ непосредственной близости отъ жилья; и вотъ, тутъ-то можно иногда подсмотрѣть, съ разстоянія нѣсколькихъ шаговъ, далеко не боязливаго красавца-самца, какъ онъ, безпрестанно повторяя свою прелестную пѣсенку, красиво распустивъ хвостикъ и свѣсивъ крылышки, граціозно вертится во всѣ стороны. Восхитительную картинку представляетъ тогда эта красненькая птичка, если еще въ это время ее освѣщаютъ яркіе лучи солнца. Мнѣ не разъ случалось любоваться такой картиной.

Въ Европейской Россіи чечевица водится отъ Кольскаго полуострова до Кавказа; также она встрѣчается во всей средней Азіи, отъ Урала до Камчатки, отлетая осенью на югъ—въ Персію, Индію и Китай.

Для лѣтняго мѣстопробыванія чечевица выбираетъ мелкіе лѣса, сады и кустарники, если только около нихъ протекаетъ какая-нибудь рѣчка. Въ сухихъ лѣсахъ, удаленныхъ отъ воды, чечевица рѣдко когда встрѣчается.

Въ западной части Россіи чечевица довольно малочисленна и не принадлежитъ къ числу очень обыкновенныхъ птицъ; чѣмъ далѣе же къ востоку, тѣмъ она встрѣчается все чаще и чаще.

Пищу чечевицы составляютъ, преимущественно, различнаго рода зерна и сѣмена; въ клѣткѣ она охотно ѣстъ также и муравьиныя яйца.

Гнѣздо чечевицы, обыкновенно, довольно рыхло свито изъ тоненькихъ, гибкихъ травянистыхъ стебельковъ и корешковъ; оно помѣщается всегда не высоко надъ землею, по близости отъ воды, въ какомъ-нибудь густомъ и, предпочтительно, колючемъ кустѣ, и содержитъ въ себѣ, къ концу мая или началу іюня, 5—6 хорошенькихъ, голубовато-зеленыхъ яичекъ, съ немногими темными крапинками, болѣе густо собранными на толстомъ концѣ яичка.

Въ клѣткѣ чечевица является чрезвычайно милой птичкой, много и прекрасно поетъ и скоро ручнѣетъ, но, къ сожалѣнію, послѣ перваго же линіянія теряетъ свою красивую красную окраску. Въ кормъ ей слѣдуетъ давать мѣшаное сѣмя (какъ снѣгирю), съ примѣсью небольшого количества муравьиныхъ яицъ. Водопойка должна быть достаточно просторная для купанья, до котораго чечевица большая охотница.

На высокихъ горахъ Кавказа водится другой видъ—чечевица кавказская <sup>1)</sup> (кавказскій щуръ) — гораздо болѣе крупный, чѣмъ наша чечевица <sup>2)</sup> и великолѣпной карминовой окраски (старый самецъ).

<sup>1)</sup> *Carpodacus rubicillus*, Güld.— <sup>2)</sup> До 9 дюйм. длины.

# Зябликъ<sup>1)</sup>.

(Табл. VII).



«На черешню зябликъ сѣлъ,  
Сѣлъ да и заѣлъ,  
Раздался на весь лѣсокъ  
Звонкій голосокъ».  
— ? —

АННЯЯ ВЕСНА. На поляхъ мѣстами еще бѣлѣтъ снѣгъ,—въ особенности въ лощинахъ, куда его намело зимою выше роста человѣческаго. Въ лѣсу, подъ деревьями, снѣгъ лежитъ еще почти сплошь. Ручьи уже вскрылись и разлились по лугамъ; черезъ рѣчку же еще ходятъ, хотя и съ большой опаской: ледъ порядочно уже посинѣлъ, и у береговъ выступила вода. Бѣлоносые грачи уже недѣли двѣ какъ прилетѣли—возвратились изъ своей зимней отлучки въ теплые края—и досыта нассорившись и нашумѣвши въ березовой рошѣ, изъ-за старыхъ, прошлогоднихъ гнѣздъ, переважно разгуливаютъ теперь по задворкамъ, около навозныхъ кучъ, снискивая себѣ скудное пропитаніе. Уже дня три какъ появились первые жаворонки, и все еще продолжаютъ прилетать по утрамъ, разсыпая въ воздухъ, надъ полями, свои сѣребристыя, веселящія душу трели.

---

<sup>1)</sup> Fringilla coelebs. — Зябокъ (мѣстами, въ средн. Россіи); синигарикъ (Харьковск.); сиверушка (Богословскъ).

Въ лѣсу же пока еще тихо. Правда, синицы да корольки попискиваютъ иногда довольно оживленно въ чащѣ сосновыхъ и еловыхъ вѣтвей; изрѣдка побарабаниваетъ дятель по сухому суку; пронесется временами надъ вершинами деревьевъ съ гикомъ и шумомъ стайка клестовъ, да золотоголовая овсяночка прозвонитъ на лѣсной опушкѣ свою незатѣйливую пѣсенку. Звонкихъ же, раскатистыхъ пѣсень, далеко разносящихся по лѣсу и оживляющихъ его особеннымъ, весеннимъ, оживленіемъ, пока еще не слышно. Дни стоятъ хотя и ясные, и довольно теплые (на солнцѣ), однако, по ночамъ еще порядочно морозить.

Но, вотъ, небо понахмурилось; съ юго-запада потянулъ теплый, влажный вѣтерокъ; заморосилъ, словно сквозь сито, мелкій дождичекъ, то оборачиваясь туманомъ, то снова накрапывая,—какъ днемъ, такъ и ночью—все одинаково. Будемъ теперь насторожѣ: въ это время—въ такіе тепло-пасмурные дни—весна приближается быстрыми шагами, и спѣшать къ намъ ея пернатые, быстрокрылые вѣстники, съ богатымъ запасомъ звонкихъ и задорныхъ пѣсень въ своей крошечной грудкѣ.

Утро. Дождь пересталъ моросить. Въ сыромъ, слегка туманомъ воздухѣ полная тишина и тепло. Прoberемъ къ опушкѣ лѣса и присядемъ, вонъ, на томъ старомъ пнѣ...

Теперь,—слушать и слушать!..

«Чи-чи, чиви-чиви, чимъ-чимъ»—доносится издали, съ поля, оживленная болтовня нѣсколькихъ десятковъ воробьевъ. Они обсыпали, словно мухи, большую кучу хвороста около гумна, одиноко стоящаго на пригоркѣ... «Тирлирлирлирюю, тирлирлирлирюю»—льется сверху, серебромъ, пѣсня жаворонка, неподвижной точкой чернѣющаго на сѣромъ фонѣ туманныхъ облаковъ...

Нѣсколько минутъ полной тишины... Только по вершинамъ сосенъ и елей пролетѣлъ таинственный шопотъ отъ набѣжавшаго вѣтерка...

Но, чу!.. «Пинь-пинь; пинь-пинь-пинь»—раздалось неподалеку въ сторонѣ... Сердце такъ и ёкнуло: неужто онъ, долгожданный?!.. Не синица ли?.. Вѣдь, она, плутовка, иногда точъ въ точъ такъ же «пинькаеть»...



Нѣтъ, не синица: вонъ, на самой маковкѣ высокой ели, стоящей на опушкѣ, чернѣется птичка. «Пиньканье» доносится несомнѣнно оттуда, и птичка сидитъ неподвижно на одномъ мѣстѣ; егоза же синица ни за что не усидѣла бы такъ долго на одномъ мѣстѣ, да и на вершину она рѣдко когда забирается, и то на секунду-другую, а больше держится по нижнимъ вѣткамъ, да по кустамъ... «Пинь-пинь, пинь-пинь»... Вотъ, птичка снялась съ вершины дерева и пролетаетъ неподалеку отъ насъ, описывая въ воздухѣ широкія дуги и издавая отъ времени до времени нѣжное, негромкое «йю-йю». Теперь нѣтъ уже никакого сомнѣнія, что это одинъ изъ передовыхъ зябликовъ.—«Здравствуй, милая птичка! Радуюся твоему прилету!»—Вотъ ужъ и пропала—юркнула въ лѣсъ между вершинами... «Фить-фирлить-фить-фить-фють-фють-фють-фють-фють-ляляляляляви-чю!» громко раздалось съ той стороны, въ которой скрылась птичка, и звонко раскатилась по лѣсу звучная, задорная и красивая пѣсня зяблика-самца (жалкое подобіе которой я попытался изобразить, выше, буквами). Не пройдетъ и двухъ-трехъ дней, какъ зазвучитъ эта пѣсня повсюду—въ садахъ, лѣсахъ и рощахъ, и оживитъ ихъ своими свѣтлыми, какъ лучи весенняго солнца, звуками, послѣ томительно-долгой осенней и зимней тишины...

Прилетѣли зяблики—лѣсъ ожилъ. Въ сонмѣ голосовъ пернатыхъ пѣвуновъ, наполняющихъ весной и лѣтомъ воздухъ нашихъ лѣсовъ своими пѣснями, огромное большинство голосовъ принадлежитъ именно зябликамъ, такъ какъ зябликъ одна изъ самыхъ многочисленныхъ и повсюду распространенныхъ пѣвчихъ птицъ. Начиная съ суровой Лапландіи и кончая южнымъ берегомъ Крыма и «пламенной Колхидой», почти вездѣ, гдѣ только есть деревья, можно слышать этого прекраснаго пѣвуна, можно любоваться этой красивой птичкой. Ее въ особенности хорошо можно разглядѣть ранней весной, въ первое время послѣ прилета. Тогда деревья не одѣты еще листвою, и ничто не препятствуетъ любоваться на зяблика, сидящаго подолгу на низкомъ, еще голомъ, суку дерева, и несчетное число разъ кряду повторяющаго свою веселую, коротенькую пѣсенку. Ржаво-бурая головка, съ голубовато-пепельной шапочкой и чернымъ лобикомъ; красновато-бурая спинка, переходящая къ надхвостью въ желтовато-зеленый цвѣтъ; ржаво-бурое горлышко, постепенно переходящее въ лиловатый цвѣтъ грудки и брюшка, задняя же часть брюшка, къ

хвосту, совсѣмъ бѣлая; на зеленоватыхъ, съ чернымъ, крыльяхъ двѣ бѣлыя широкія, поперечныя полоски—вотъ красивая пернатая одежда зяблика-самца. Госпожа «зяблица», хотя и имѣетъ сходную же окраску, но далеко не такъ красива, потому что всѣ цвѣта ея оперенія какъ бы полинялые и съ сильною подмѣсью сѣраго цвѣта, въ особенности на грудкѣ и головкѣ.

Спустя дней пять послѣ того, какъ показались единичные передовые зяблики, эти птицы появляются уже массами—большими стаями, по нѣсколько сотъ штукъ вмѣстѣ. Вначалѣ эти стаи состоятъ исключительно изъ однихъ только самцовъ; стаи самокъ прилетаютъ днями пятью- семью позже.

Зная мѣста, на которыхъ обыкновенно любятъ останавливаться пролетныя стаи зябликовъ-самцовъ, можно каждую весну наслаждаться такимъ грандіознымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ концертомъ, подобнаго которому нельзя услышать ни въ какое другое время года, кромѣ только этихъ немногихъ весеннихъ дней, въ теченіе которыхъ длится пролетъ стай зябликовъ-самцовъ. Такими мѣстами, обыкновенно, служатъ пригорки съ обработанной землей (пашня, огородъ), обращенные скатомъ на югъ и прилегающіе къ лѣсу, парку, аллеѣ—вообще, къ какой-нибудь группѣ деревьевъ. На такихъ пригоркахъ снѣгъ пропадаетъ обыкновенно гораздо раньше, чѣмъ на ровномъ полѣ, и здѣсь, на оттаявшей уже землѣ, птицы находятъ себѣ, хотя и не особенно обильный, но все-таки кое-какой кормъ—изъ прошлогоднихъ сѣмянъ различныхъ сорныхъ растений; сосѣднія же деревья служатъ удобнымъ мѣстомъ для отдыха послѣ далекаго перелета. Вотъ, на такихъ-то мѣстахъ, служащихъ какъ бы станціями на перелетномъ пути нашихъ птицъ, можно наблюдать, въ дни прилета, по утрамъ (часовъ до 11—12-ти дня) громадныя стаи зябликовъ и слышать единственный въ своемъ родѣ концертъ.

Приближаясь въ тихое утро къ такой «станціи», почти уже за версту можно различить какой-то необычайный шумъ, который трудно съ чѣмъ-нибудь сравнить и который приводитъ въ совершенѣйшее недоумѣніе неопытнаго человѣка. Приблизившись еще на нѣкоторое разстояніе, ухо начинаетъ различать, среди сплошного трескучаго шума, болѣе громкіе звуки, позволяющіе догадаться, что имѣешь дѣло съ огромнымъ количествомъ какихъ-то

птицъ; а вскорѣ, еще приблизившись, явственно уже слышно, что весь этотъ неимоверный шумъ складывается изъ множества зябличьихъ голосовъ, пинькающихъ и распѣвающихъ свою звонкую пѣсню. Когда подойдешь еще ближе, глазамъ представляется слѣдующая картина: деревья лѣсной опушки, еще безлиственные, буквально обсыпаны множествомъ забликовъ, изъ которыхъ каждый или пинькаетъ, или выкрикиваетъ свою пѣсенку, перелетая, отъ времени до времени, съ одного дерева на другое, или гоняясь, играючи, другъ за дружкой, при безпрестанномъ громкомъ «пиньканьи». На землѣ—на проталинѣ—кишитъ такое же множество этихъ птицъ, утѣляющихъ свой голодъ; а между деревьями лѣсной опушки и проталиной, въ воздухѣ, происходитъ необычайное движеніе—слетаніе и перелетаніе многихъ десятковъ птицъ, изъ которыхъ однѣ, подкрѣпивъ свои силы на проталинѣ, перелетаютъ попѣть и отдохнуть на деревья, къ своимъ распѣвающимъ сотоварищамъ, другія же, наоборотъ, натѣшившись вволю пѣснями и играми, спускаются снова на ту же гостепріимную проталину покормиться. И это продолжается до тѣхъ поръ, пока вся шумная пернатая ватага, отдохнувъ достаточно, перекусивъ чѣмъ Богъ послалъ и натѣшившись пѣснями, не спохватится, что пора однако и честь знать, да и трогаться въ дальнѣйшій путь. Тогда, вдругъ, точно по командѣ, смолкаютъ «пиньки» и пѣсни, прекращаются игры, и словно вихремъ снимается вся стая съ деревьевъ и съ земли, кверху, на воздухъ, и, взявъ направленіе на сѣверо-востокъ, скрывается въ нѣсколько секундъ изъ глазъ наблюдателя.

Когда мнѣ впервые привелось быть свидѣтелемъ такого явленія (до того времени никогда не слыхавъ и не читавъ ни о чемъ подобномъ),—я былъ какъ очарованный! Кто знаетъ громкую и звонкую пѣсню зяблика и любовался ею вблизи, лѣтомъ, у себя въ саду, тотъ согласится со мной, что нѣсколько сотенъ такихъ пѣсенъ, одновременно звучащихъ на небольшомъ пространствѣ, въ виду покрытыхъ еще мѣстами снѣгомъ полей, должны составить дѣйствительно восхитительный и единственный въ своемъ родѣ концертъ!

«Зябликъ принадлежитъ къ такимъ птицамъ, которыя очень привязываются къ одному и тому же мѣсту, и изъ года въ годъ свиваютъ свое гнѣздо на одномъ и томъ же деревѣ, и даже въ

одной и той же развилинѣ, образуемой какимъ-нибудь сукомъ со стволомъ дерева. Такъ, я зналъ одного зяблика, который въ теченіе 4-хъ лѣтъ каждую весну, въ концѣ марта, прилеталъ въ одинъ и тотъ же небольшой садикъ, расположенный между двумя жилыми домами, и свивалъ себѣ гнѣздо всегда на одной и той же развилинѣ сука. На пятый годъ этотъ зябликъ уже не явился,—вѣроятно, погибъ во время прилетнаго (а, можетъ быть, и отлетнаго) путешествія; вмѣсто же его, около половины апрѣля, появился другой зябликъ, съ самочкой, и эта парочка свила себѣ гнѣздо уже на другой березѣ, въ другомъ концѣ сада. — Узнавалъ я моего зяблика по пѣснѣ. (Для неопытнаго уха пѣсни всѣхъ зябликовъ звучатъ на одинъ ладъ, привычное же ухо всегда легко можетъ найти разницу въ пѣснѣ того или другого зяблика. То же можно сказать и относительно пѣсенъ многихъ другихъ птицъ). Что же касается до самочки моего зяблика, то трудно сказать, была ли всѣ эти 4 года у него одна и та же самочка, или онѣ мѣнялись. Трудно это сказать потому, что между зябликами, какъ и вообще между большинствомъ нашихъ пѣвчихъ птицъ, поютъ пѣсню одни только самцы, самочки же только, какъ говорится, чирикаютъ, т.-е. издаютъ короткіе звуки: призывные, которыми самочка призываетъ своего самца или дѣтей; звуки предостереженія или беспокойства,—любви и ласки, и т. п., собственно же пѣсенъ самочки (за немногими рѣдкими исключеніями) не поютъ; природа лишила ихъ этой прекрасной способности» <sup>1)</sup>).

Гнѣздо зяблика, представляющее собою вполне мастерскую постройку, имѣетъ почти шарообразную форму и только сверху немного срубано. Его толстыя, мягкія стѣнки, сотканныя изъ мелкаго, зеленаго мха, нѣжныхъ корешковъ и былиночекъ, снаружи покрыты лишаями, взятыми съ того дерева, на которомъ помѣщается гнѣздо; такъ что, если глядѣть на него снизу, съ земли, гнѣздо это имѣетъ поразительное сходство съ небольшимъ наростомъ, выросшимъ на деревѣ. Если гнѣздо помѣщается на березѣ, то снаружи въ него вплетаются и кусочки бѣлыхъ пленочекъ бересты, снятыхъ съ поверхности коры березы. Внутренняя полость гнѣзда имѣетъ очень мягкую постельку, состоящую изъ пуха, перышекъ и шерсти.

Помѣщается гнѣздо зяблика, обыкновенно, на высотѣ 2—3 сажень надъ поверхностью земли.

<sup>1)</sup> И въ моей книжечки: «О нашихъ перелетныхъ птицахъ».

Пока длится постройка гнѣзда и высиживаніе самочкой яицъ, самецъ-зябликъ поетъ почти непрерывно цѣлый день и ревниво охраняетъ ближайшую окрестность гнѣзда отъ посященій другихъ зябликовъ. Лишь только слышитъ онъ вблизи пѣсню своего собрата, какъ тотчасъ же съ яростью бросается въ ту сторону, откуда раздалась пѣсня, и изгоняетъ непрошеннаго гостя. При этомъ, сплошь да рядомъ, дѣло оканчивается жестокой дракой между противниками. Нерѣдко можно видѣть, какъ они, разгорячившись, буквально схватываютъ другъ друга за шиворотъ, и, не будучи болѣе въ состояніи свободно владѣть крыльями, кувырккомъ падаютъ, сцѣпившись, на землю, послѣ чего, вѣроятно, опомнившись отъ паденія, обыкновенно разлетаются въ разные стороны.

Самочка кладетъ 5—7 яицекъ, покрытыхъ, на блѣдно-голубовато-зеленомъ фонѣ, темными пятнышками и точками. Высиживаніе продолжается около 14 дней, при чемъ самчикъ смѣняетъ повремениамъ самочку, когда она слетаетъ съ гнѣзда, чтобы покормиться.

Птенчики выкармливаются совмѣстно обоими родителями и получаютъ въ пищу исключительно насѣкомыхъ—по преимуществу зеленыхъ гусеницъ разныхъ бабочекъ.

По вылетѣ изъ гнѣзда, молодые зяблики обыкновенно довольно скоро становятся вполне самостоятельными и тогда покидаютъ своихъ родителей, которые спустя нѣсколько дней приступаютъ ко второму выводу птенцовъ.

Зябликъ птица бойкая, ловкая, умная, но задорная и драчливая; въ неволѣ, въ клѣткѣ, онъ никогда не становится вполне ручнымъ. Гдѣ зябликовъ не обижаютъ, не отпугиваютъ, а, напротивъ, бросаютъ имъ зерна или крошки хлѣба, тамъ они становятся очень довѣрчивыми и безбоязненно приближаются къ человѣку. Такъ, обѣдая, на примѣръ, лѣтомъ на балконѣ или въ саду, можно настолько приручить этихъ милыхъ птичекъ, бросая имъ крошки хлѣба, что онѣ будутъ вертѣться около самаго стола и даже вскакивать на спинку стула, что мнѣ самому неоднократно случалось видѣть.

На волѣ зябликъ цѣлый день въ движеніи и нѣсколько успокаивается лишь въ самые жаркіе, полуденные часы. На сучкѣ,



во время пѣнія, сидитъ стройно, вытянувшись кверху; охотно передвигается по сучку, плавными движеніями, въ боковомъ направленіи. На землѣ держится почти горизонтально и двигается впередъ весьма граціозно, короткими прыжками, почти не отдѣляясь отъ земли, при чемъ нерѣдко «пинькаетъ» или «рюмить», т.-е. издаетъ своеобразные и довольно громкіе звуки, въ родѣ «рю-рю». Впрочемъ, «рюмить» зябликъ очень часто и сидя на деревѣ. «Рюмень» это раздается преимущественно передъ ненастной погодой. Когда, послѣ ясной погоды, солнце закроется тучами и пѣтухи начнутъ кричать, возвѣщая дождь, начинаютъ «рюмить» и зяблики.

Осенью и зимой пищу зяблика составляютъ главнымъ образомъ маслянистыя, а частію и мучнистыя сѣмена различныхъ растений, подбираемые исключительно съ поверхности земли. Съ весны же и до конца лѣта, когда всѣ прошлогоднія сѣмена проросли и развились въ растенія, а новыя еще не созрѣли, зябликъ кормится исключительно насѣкомыми, которыхъ собираетъ на землѣ, снимаетъ клювомъ съ вѣтвей и листьевъ деревьевъ, и даже ловить иногда на-лету.

Вслѣдствіе такой, двоякаго рода, пищи, зябликъ, съ одной стороны, причиняетъ хозяйству человѣка нѣкоторый вредъ, а съ другой—приноситъ пользу. Вредитъ зябликъ преимущественно посѣвамъ маслянистыхъ сѣмянъ (льна, конопли и другихъ), которыя онъ подбираетъ, какъ на поляхъ, такъ и на грядкахъ огородовъ и лѣсныхъ питомниковъ. Лѣсничему приходится много хлопотать надъ охраненіемъ въ питомникахъ своихъ посѣвовъ хвойныхъ сѣмянъ (сосны, ели, лиственницы, пихты) отъ непрошенныхъ гостей.

Пользу же приносятъ зяблики уничтоженіемъ на поляхъ, во время весеннихъ и осеннихъ перелетовъ, множества сѣмянъ сорныхъ растеній, а въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы—большого числа насѣкомыхъ, среди которыхъ есть не мало вредныхъ для лѣса и, въ особенности, для фруктовыхъ садовъ.

Итакъ, съ одной стороны—вредъ, съ другой—польза. Но если къ пользѣ прибавить еще значеніе этой птички, какъ украшенія и прелестнаго оживленія нашихъ садовъ, парковъ, рощъ и лѣсовъ и, слѣдовательно, какъ усладительницы подчасъ весьма

1.

2.

3.

4.



1. Зябликъ (*Fringilla coelebs*).
2. Чечетка (*Acanthis linaria*).
3. Вьюрокъ (*Fringilla montifringilla*).
4. Овсянка (*Emberiza citrinella*).

несладкой жизни человѣческой, то, конечно, чашка вѣсовъ съ пользой, приносимой зябликомъ, много перетянетъ чашку съ причиняемымъ имъ же вредомъ. Отсюда, очевидно, вытекаетъ обязанность—беречь, любить и охранять эту милую птичку, простивъ ей ея невольные (хотя подчасъ, можетъ быть, и весьма досадные и бьющіе нѣсколько по карману) грѣшки, а не преслѣдовать и истреблять, какъ это, къ сожалѣнію, дѣлаютъ нѣкоторые близорукіе (и безсердечные!) лѣсные и сельскіе хозяева...

Въ концѣ лѣта зяблики начинаютъ собираться въ небольшія стайки, которыя, мало-по-малу, все разрастаются, такъ что къ половинѣ сентября встрѣчаются уже стаи по нѣсколько сотъ штукъ. Онѣ странствуютъ по полямъ, лѣсамъ и рощамъ, посѣщаютъ большіе сады, парки и аллеи, повсюду находя себѣ обильную въ это время года пищу и занасаясь силами къ предстоящему далекому путешествію. Въ послѣдней трети сентября, стаи зябликовъ покидаютъ уже сѣверную Россію, отлетая на болѣе гостепріимный югъ.

Желтые листья хрустятъ по дорогѣ,  
Дождикъ наводитъ тоску;  
Всѣ перелетныя птицы въ тревогѣ.  
Сидя на голомъ суку,  
Зяблнкъ запѣлъ свою пѣсню прощальную <sup>1)</sup>,  
Пѣсню про сторону дальнюю:  
«Какъ на чужой на сторонкѣ тепло,  
«Солнышко свѣтитъ свѣтло.  
«Круглый годокъ оно свѣтитъ и грѣетъ;  
«Много тамъ ягодъ и зернышекъ зрѣетъ...  
«Эй, поскорѣй! Отъ морозовъ и व्यюгъ  
«Мы унесемся на югъ  
«Черезъ лѣса, черезъ дебри болотныя...  
«Эй, собирайтесь скорѣй, перелетныя!» <sup>2)</sup>

Зимуютъ зяблики въ южной Европѣ и сѣверной Африкѣ. Впрочемъ, единичные экземпляры нерѣдко перезимовываютъ и въ южныхъ, юго-западныхъ и даже западныхъ нашихъ губерніяхъ (напримѣръ, въ Остзейскомъ краѣ).

<sup>1)</sup> Осенью, сбиваясь въ отлетныя стаи, зяблики-самцы нерѣдко напѣваютъ въ тихое, ясное утро, свои пѣсенки, хотя далеко не такъ складно и громко, какъ весной.— <sup>2)</sup> Авторъ?

Прибывъ на мѣста своихъ зимовій, зяблики продолжаютъ держаться тѣми же многочисленными стаями, какими покинули свою родину, ясно этимъ показывая, что они тамъ чувствуютъ себя не дома, а лишь временными, зимними гостями. Съ наступленіемъ на югъ весны, зяблики-самцы начинаютъ потихонько налаживать свои пѣсни, какъ бы вновь имъ обучаясь, и затѣмъ, наладивъ ихъ какъ слѣдуетъ, въ полный голосъ, снимаются со своихъ зимнихъ квартиръ и съ радостнымъ оживленіемъ летятъ на свой, хотя и далекій и не всегда привѣтливый, но все-таки милый и дорогой сердцу, родной сѣверъ.

Въ комнатѣ, въ клѣткѣ, зябликъ встрѣчается не особенно часто. Впрочемъ, есть спеціальныя любители комнатныхъ зябликовъ, которые за хорошо поющего зяблика, съ пѣсней, состоящей—говоря языкомъ птичниковъ—«изъ очень длинныхъ и сильныхъ розсыпей, трелей и многихъ другихъ подобныхъ колѣнъ и штукъ богатѣйшей постановки и вообще исполненія» <sup>1)</sup> охотно платятъ по 25 руб. и дороже.—Но особенно развита была любовь, даже страсть, къ зябликамъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Германіи (главнымъ образомъ въ Тюрингіи). Тамъ даже бывали, въ тѣ времена, случаи, что за особенно хорошо поющего зяблика давали въ обмѣнъ не болѣе и не менѣе какъ цѣлую корову!.. «Были ножевщики, рѣзчики черенковъ и пыльные мастера», говоритъ А. Е. Бремъ <sup>2)</sup> со словъ очевидца, «которые цѣлый день, въ продолженіе своей работы у тисковъ, насвистывали зяблику, висѣвшему въ клѣткѣ у окна, до тѣхъ поръ, пока тотъ не начиналъ подражать одной пѣснѣ за другою. Послѣ работъ и въ воскресные дни, эти люди посѣщали другъ друга, чтобы «выслушивать» зябликовъ, и тотъ, у кого оказывался хорошо поющій зябликъ, былъ предметомъ зависти и славы, да и самъ гордился сознаніемъ своего богатства. На цѣлыя мили кругомъ обыскивались лѣса и выслушивались дикіе зяблики; замѣчали того, который особенно хорошо пѣлъ, и тогда употреблялись все средства, чтобы завладѣть имъ...»

Кормить слѣдуетъ комнатнаго зяблика мѣшаннымъ сѣменемъ, съ прибавкой муравьиныхъ яицъ и тертой морковки съ толче-

<sup>1)</sup> И. К. Шамовъ: «Наши пѣвчія птицы и проч.» (Москва, 1874 г.), стр. 161.

<sup>2)</sup> «Жизнь птицъ, для домашняго и семейнаго чтенія», переводъ Н. Страхова. Спб., 1866 г.



нымъ бѣлымъ хлѣбомъ. На такомъ кормѣ у меня жилъ зябликъ три года (въ большомъ садкѣ съ другими птицами) и чувствовалъ себя, повидимому, прекрасно: легко линялъ, былъ красивъ, и съ марта мѣсяца начиналъ уже пѣть полнымъ голосомъ. Впослѣдствіи, я выпустилъ его на свободу. Отнюдь не слѣдуетъ давать зяблику много коноплянаго сѣмени, отъ котораго онъ современемъ слѣпнетъ.

Въ сѣверной Россіи (къ сѣверу отъ 56° с. ш.), гнѣздится и живетъ лѣтомъ—въ средней же и южной части нашей родины показывается только весною и осенью, кратковременнымъ гостемъ—близкій родственникъ зяблика—вьюрокъ <sup>1)</sup>. (Табл. VII).

Характеромъ и образомъ жизни во всемъ очень сходный съ зябликомъ, вьюрокъ рѣзко отличается отъ него своей очень пестрой окраской: черно-синія (цвѣта воронова крыла) головка и спинка, бѣлое надхвостье, желто-красныя горлышко и грудка, бѣлое брюшко, бѣлыя и желто-красныя продольныя и поперечныя полосы на черныхъ крыльяхъ—вотъ главные краски красиваго весенняго оперенія вьюрка-самца. Въ осеннемъ опереніи головка и спинка у него пестрыя (черныя съ бурымъ). Самочка окрашена сходно съ самцомъ, но только всѣ цвѣта ея оперенія значительно блѣднѣе.

Въ средней и южной Россіи, какъ было уже упомянуто выше, вьюрка можно видѣть только позднею осенью, когда громадныя стаи этихъ птичекъ—нерѣдко тысячами въ одной стаѣ—перелетаютъ съ сѣвера на зимовье въ южныя страны Европы (въ Испанію, Италію, на Балканскій полуостровъ, Кавказъ), и раннею весною, при обратномъ пролетѣ на сѣверъ. Ихъ не трудно узнавать по призывному крику, звучащему въ родѣ протяжнаго «квээкъ», который онѣ издаютъ во время полета. Шумъ отъ тысячеголовой болтовни громадной стаи вьюрковъ, остановившейся на кормежку въ какой-нибудь рощѣ или въ перелѣскѣ, бываетъ слышенъ иногда за версту и даже больше.

Кормится вьюрокъ, такъ же, какъ и зябликъ, преимущественно мясянистыми сѣменами, весною же и лѣтомъ—насъкомыми.

<sup>1)</sup> *Fringilla montifringilla*.—Юрокъ, деряба, жимура (Яросл.); сарка, крякуша (Казанск.); сиверь (въ Богословскѣ); лѣной щеголь, вьюрокъ (у петербургск. птицелововъ); калистикъ, калистовка (Обонежь).



Въ особенности онъ большой охотникъ до буковыхъ орѣшковъ, такъ что буковымъ лѣсамъ стаи вьюрковъ наносятъ иногда весьма чувствительный вредъ и являются въ нихъ далеко не желанными гостями; на поляхъ же, напротивъ, эти птицы очень полезны истребленіемъ множества сѣмянъ сорныхъ растений.

Вьюрка-самца держатъ иногда въ клѣткѣ, за его красоту. Кормить его слѣдуетъ такъ же, какъ и зяблика. Что же касается до его пѣнія, то оно очень неказисто и состоитъ изъ безсвязнаго набора разныхъ, вовсе не музыкальных, звуковъ.

На горныхъ лугахъ Кавказа, выше древесной растительности (до 8,000 футъ высоты надъ уровнемъ моря), живетъ круглый годъ еще одинъ близкій родственникъ зяблика, а также и вьюрка—горный вьюрокъ <sup>1)</sup>. Онъ значительно крупнѣе зяблика, сверху темно-бурый, снизу сѣрый, съ чернымъ горлышкомъ и очень широкой бѣлой полосой на каждомъ крылѣ. Объ образѣ жизни этой птички пока еще извѣстно очень мало.

---

<sup>1)</sup> *Montifringilla alpicola*.

# Щеголь<sup>1)</sup>.

(Табл. VIII).

Вслѣдъ за рядомъ дней дождливыхъ,  
Дней ненастныхъ и унылыхъ,  
Дней тоски и тяжкихъ грезъ,  
Прикатилъ старикъ-морозъ.

Съ неба сѣраго снѣжинки  
Полетѣли, какъ пушинки,  
И поля, и лѣсъ густой  
Скутанъ бѣлой ценой.

На деревьяхъ, вмѣсто листа,  
Иней повисъ пушисто,  
А на рѣчкѣ тонкій ледъ  
Заковалъ собою бродъ.

Стави́скій.



А НОЧЬ выпалъ снѣгъ и подморозило.

Славно стало на улицѣ: вездѣ чистенько-бѣленько,— ни грязи, ни слякоти. Пройдешь, гдѣ хочешь—вездѣ твердо да крѣпко, только снѣгъ подъ ногами похрустываетъ.

А ужъ какъ вездѣ красиво! Про лѣсъ нечего и говорить: онъ теперь, что твой хрустальный дворецъ, сверкаетъ на солнышкѣ. Даже на полѣ и на выгонѣ, которые еще вчера своимъ однообразно-бурымъ цвѣтомъ, сквозь осеннюю «моросю», наводили тоску на душу,—сегодня каждая сухая былиночка, уцѣлѣвшая на межѣ или на краю канавы, каждый тоненькій прутикъ,

<sup>1)</sup> Carduelis elegans (Fringilla carduelis).

торчащій изъ земли, каждое корявое деревцо, обглоданное скотинкой, стоятъ нарядные-пренарядные, разубранные, словно принцесса въ волшебной сказкѣ: кружевомъ и лебяжьимъ пухомъ, серебромъ да брилліантами... На что ужъ, глинистый, поросшій сухими кустами репейника, оврагъ, въ который еще вчера чуть не на четверенькахъ приходилось спускаться, чтобы зачерпнуть студеной водицы изъ бѣгущаго въ немъ родника,—и тотъ сегодня словно садъ съ какими-то причудливыми, красивыми кустами и деревцами,—такъ разукрасила и измѣнила бабушка-зима неказистые кусты репейника.

Что это?.. да никакъ на репейникѣ за ночь распустились новые цвѣты?! Ужъ не бабушка ли зима шутку подшутила?.. Да какіе еще красивые цвѣты-то, куда красивѣе лѣтнихъ: пестренькіе—на одномъ цвѣткѣ и красный, и бѣлый, и желтый, и даже черный цвѣтъ!..

«Игликъ-игликъ, пюи-пюи»—защебетали вдругъ пестренькіе «цвѣточки», и, вспорхнувъ стайкой на воздухъ, сдѣлали кругъ надъ оврагомъ и снова спустились на репейникъ, немножко подалше.

Такъ вотъ какіе это цвѣточки!

«Пюи-пюи»—раздалось снова по близости, и совсѣмъ похоже на канарейку. Это одинъ щегленокъ отсталъ отъ своихъ товарищей и манитъ ихъ къ себѣ назадъ: ужъ очень, должно быть, по вкусу пришлись ему сѣмена большой, пушистой репейниковой головки, на которой онъ такъ искусно примостился. Воспользуемся его близостью къ намъ и полюбуемся на пестренькаго красавчика.

Что за прелестная птичка! Ростомъ поменьше воробья <sup>1)</sup>; «лицо» (передняя часть головки) ярко-красное; щежки бѣлыя; темя и затылокъ черные; крылья желтоватыя, съ черными и бѣлыми крапинками по заднему краю; хвостикъ черный и также съ бѣлыми крапинками на кончикѣ; спинка желтовато-бурая; надхвостье бѣлое; грудка и брюшко бѣлыя, съ красновато-бурымъ налетомъ; клювикъ красновато-бѣлый, съ чернымъ кончикомъ; ножки буренькія. Совсѣмъ картинка! Да и часто же малюютъ красавца-щегла на картинкахъ: въ рѣдкой раскрашенной азбукѣ

<sup>1)</sup> Въ длину  $5\frac{3}{4}$  дюйма ( $14\frac{1}{2}$  см.).

не найдется, на букву *Щ*, размалеваннаго (иногда совсѣмъ неправдоподобно) щегла.

Щегловка (самочка щегла) такая же нарядная, какъ и щеголь, и только опытные птичники умѣютъ отличать ихъ другъ отъ дружки, по болѣе развитымъ у самчика чернымъ усикамъ, находящимся при основаніи клюва; также и красный цвѣтъ на «лицѣ» щеглихи не такъ ярокъ, какъ у щегла. Молодые щеглята рѣзко отличаются отсутствіемъ красного и черного цвѣта на головѣ и бурими крапинами на груди.

«Пюи-пюи-игликъ» — защебеталъ снова нашъ сосѣдъ-щеголь, прикончивъ съ вкусной репейниковой головкой, и видя, что его товарищи, хотя и откликаются на его призывной крикъ, но, по видимому, вовсе не расположены къ нему вернуться, вспорхнулъ и полетѣлъ по направленію къ нимъ, издавая во время полета звуки: «игликъ, пюи, пиклипкили». Словно большая пестрая бабочка пропорхнулъ онъ мимо насъ. Какъ славно мелькаютъ на солнцѣ его желтыя, полупрозрачныя крылышки!..

За исключеніемъ крайняго сѣвера, щеголь распространенъ по всей Россіи, включая Крымъ и Кавказъ. У насъ, подъ Петербургомъ, щегловъ водится не особенно много; рѣдко встрѣчаются, осенью и зимой, стайки больше 6—8 штукъ. Весной и лѣтомъ эти птички также не особенно часто попадаютъ у насъ на глаза; но чѣмъ дальше на югъ, тѣмъ щеголь становится многочисленнѣе.

Любимымъ мѣстопробываніемъ щегла, весной и лѣтомъ, служатъ мѣстности, въ которыхъ группы деревьевъ, сады и рощи чередуются съ открытыми мѣстами. Большого, мрачнаго, хвойнаго лѣса (краснолѣся) щеголь вовсе избѣгаетъ и всегда предпочитаетъ ему болѣе свѣтлое, уютное и разнообразное чернолѣсье. Въ особенности же любитъ онъ фруктовые сады, въ которыхъ охотно и гнѣздится, выбирая для своего гнѣздовья преимущественно грушевыя деревья, особенно имъ любимыя.

Щеголь — птичка чрезвычайно подвижная, ловкая и изящная во всѣхъ своихъ движеніяхъ. Сидя на вѣткѣ дерева — всегда высоко и открыто — онъ держится, какъ говорится, подобравшись, всегда стройно, красиво и граціозно, и вообще производитъ впечатлѣніе, какъ будто сознаетъ свою красоту.

Характеръ у щегла чрезвычайно общительный и уживчивый, не только относительно своихъ братьевъ-щегловъ, но и другихъ птицъ, напримѣръ, въ общей клѣткѣ, въ комнатѣ; только у кормушки проявляетъ онъ здѣсь нѣкоторую драчливость.—Щеголъ уменъ, до нѣкоторой степени даже хитеръ, чрезвычайно понятливъ и легко выучивается различнымъ штукамъ и фокусамъ—въ неволѣ, разумѣется. Будучи пойманъ и посаженъ въ клѣтку, скоро осваивается со своимъ новымъ положеніемъ, привыкаетъ къ хозяину и вообще становится милѣйшей комнатной птичкой. При надлежащемъ уходѣ, онъ можетъ прожить въ клѣткѣ до 20 и болѣе лѣтъ.

Щеголъ большой мастеръ въ лазаньи и лишь немного уступаетъ въ этомъ дѣлѣ синицамъ. Онъ мастерски подвѣшивается снизу къ тончайшимъ древеснымъ вѣткамъ, для того, чтобы, напримѣръ, добыть изъ раскрытой ольховой шишечки лакомая сѣмена, или же снять съ распутившейся почки какую-нибудь гусеницу или личинку.

Пѣсня щегла довольно громкая, пріятная, разнообразная и чрезвычайно веселая и задорная. За свое пѣніе онъ состоитъ въ большомъ почетѣ у любителей комнатныхъ птицъ. Выразить словами пѣсню щегла довольно трудно; она представляетъ собою довольно пестрый наборъ совершенно своеобразныхъ звуковъ, среди которыхъ постоянно слышится характерное «иглить» или «игли-иглить».—Поющій щеголъ все время вертится то вправо, то влѣво, подобно тому, какъ это дѣлаетъ канарейка, ретиво поющая на жердочкѣ своей клѣтки. Въ неволѣ щеголъ поетъ почти круглый годъ. На свободѣ онъ молчитъ лишь во время линянія (которое происходитъ обыкновенно въ іюлѣ мѣсяцѣ), да еще въ очень ужъ дурную погоду. Морозовъ и снѣга наша птичка не боится: въ ясные зимніе дни, его милая задорная пѣсенка звучитъ почти такъ же весело, какъ и въ теплые дни мая.—Щеголовка пѣсенъ не поетъ.

Весной, съ расцвѣтаніемъ фруктовыхъ деревьевъ, щеглы приступаютъ къ выводамъ дѣтей. Гнѣздо помѣщается, обыкновенно, довольно высоко на деревѣ (1½—4 сажени), имѣетъ полушарообразную форму и чрезвычайно искусно соткано изъ мха, лишавевъ, тоненькихъ корешковъ, сухихъ былиночекъ и паутины. Щеголовка несетъ 4—5 яицекъ, голубовато-зеленая или бѣлая скорлупка которыхъ испещрена, преимущественно на тупомъ



концѣ, красноватыми крапинками и пятнышками. Высиживаніе продолжается 13—14 дней. Какъ постройкой гнѣзда, такъ и высиживаніемъ занимается одна только щеголка; щеголь же все время ретиво распѣваетъ свои пѣсенки, сидя, обыкновенно, на томъ же деревѣ, на которомъ находится его гнѣздо.

Молодые щеглята выкармливаются, вначалѣ, мелкими личинками насѣкомыхъ, живущими на вѣткахъ деревьевъ, а подѣ конецъ—размягченными въ зобу родителей сѣменами различныхъ растеній.

По вылетѣ изъ гнѣзда, молодые держатся, не разбиваясь, подѣ руководствомъ старыхъ. Кормятся они личинками насѣкомыхъ, которыхъ собираютъ по деревьямъ, а также сѣменами мака, льна, конопли и другихъ травянистыхъ растеній.

Къ осени выводки щеголовъ сбиваются въ стаи и начинаютъ вести кочевую жизнь, передвигаясь мало-по-малу къ югу, на ихъ же мѣсто передвигаются съ сѣвера новыя стаи; затѣмъ, и эти сдѣются болѣе къ югу, смѣняясь еще болѣе сѣверными, и такъ далѣе. Такимъ образомъ, въ данной мѣстности почти круглую зиму можно встрѣтить щеголовъ, изъ чего, однако, вовсе не слѣдуетъ, чтобы щеголь былъ осѣдлой птицей этой мѣстности, т. е. жилъ бы въ ней безвылетно круглый годъ. Можетъ быть, нѣкоторыя отдѣльныя парочки и остаются то здѣсь, то тамъ зимовать на своей родинѣ,—въ особенности въ благоприятные годы, когда эти птицы находятъ для себя достаточно пищи. Впрочемъ, прослѣдить это довольно трудно.

По мѣрѣ перекочевки къ югу, стайки щеголовъ все растутъ да растутъ, и достигаютъ иногда, къ концу осени, численности до нѣсколькихъ сотъ штукъ. Съ наступленіемъ зимы, большія стаи начинаютъ понемногу разбѣднѣваться, разбиваясь на болѣе мелкія; въ концѣ зимы рѣдко можно встрѣтить стайки больше 10—20 штукъ. Главными мѣстами кочевки щеголовъ служатъ мелкія заросли въ поляхъ и садахъ, огороды и пустыри, заросшіе репейникомъ, чертополохомъ и т. п. сорными растеніями, которыя торчатъ даже надъ довольно глубокимъ снѣгомъ и содержатъ въ своихъ сѣмянныхъ головкахъ обильный и столь любимый щеглами кормъ. «Зимой, гдѣ репейникъ, тамъ и щеголь», говорятъ птичники. Когда же сѣмена репейника частью обобьются птицами, частью же разнесутся вѣтромъ, щеглы перемѣщаются на березы и ольхи, гдѣ и кормятся сѣменами этихъ древесныхъ породъ.

Съ наступленіемъ весны, стайки щегловъ возвращаются къ мѣстамъ своихъ гнѣздовій, разбиваются на парочки, и въ маѣ мѣсяцѣ снова приступаютъ къ выводу птенцовъ.

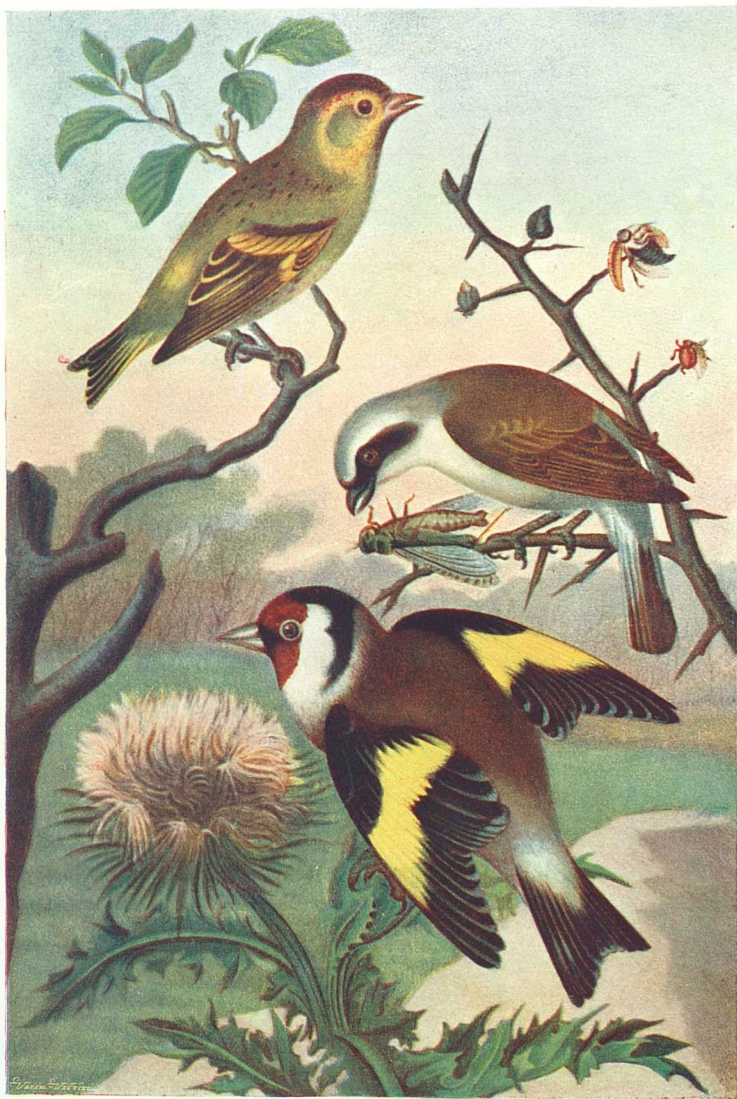
Изъ вышенаброшеннаго очерка образа жизни щегла легко можно сдѣлать выводъ относительно полезности этой птички: она несомнѣнно приноситъ значительную пользу сельскому хозяину, уничтоженіемъ огромнаго количества сѣмянъ весьма злокачественныхъ сорныхъ травъ, а также и немалаго количества вредныхъ насѣкомыхъ въ фруктовыхъ садахъ. Сравнительно съ этой пользой, является совершенно ничтожнымъ тотъ небольшой изъяснъ, который причиняетъ щеголь сѣменамъ другихъ хозяйственныхъ растений, въ небольшой промежутокъ времени между созрѣваніемъ этихъ сѣмянъ и уборкой ихъ съ поля. Къ пользѣ же, конечно, нужно причислить и то, что эта милая, красивая птичка такъ прелестно украшаетъ собою нашу природу во всѣ времена года, и въ особенности зимой, когда наши поля и сады пустѣютъ и сиротѣютъ, будучи покинуты почти всѣми пернатыми пѣвунами. Лѣсной же хозяинъ, конечно, также не станетъ жаловаться на красавца-щегла за нѣкоторый изъяснъ, наносимый имъ ольховымъ и березовымъ сѣменамъ; тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли, эта птичка держится больше внѣ лѣса.

О щеглѣ, какъ комнатной птицѣ, было уже кое-что сказано. Кормить его въ клѣткѣ слѣдуетъ смѣшаннымъ сѣменемъ и муравьиными яйцами, прибавляя къ этому немного тертой моркови съ толчеными сухарями (сухимъ бѣлымъ хлѣбомъ).

Если вынуть изъ гнѣзда молодыхъ щеглятъ, посадить ихъ въ клѣтку и повѣсить эту клѣтку на то дерево, на которомъ находилось гнѣздо, то старики будутъ прилетать и кормить своихъ птенцовъ, пока они не вырастутъ настолько, что сами будутъ уже брать кормъ изъ кормушки.

Щегла легко выучить подтаскивать телѣжку съ кормомъ, таскать ведркомъ воду изъ питейки, стоящей подъ клѣткой, и разнымъ другимъ штукамъ.

1.



2.

3.

1. Чижъ (*Chrysomitris spinus*).
2. Сорокопутъ жуланъ (*Lanius collurio*).
3. Щеголъ (*Carduelis elegans*).

# ЧИЖЪ<sup>1)</sup>.

(Табл. VIII).



«Чижики, чижики, гдѣ ты былъ...»  
Пѣсня.

ТО не пѣвалъ эту пѣсенку? Кто не поминалъ въ ней нашу милую, всѣми любимую и всѣмъ извѣстную (по крайней мѣрѣ, по имени) птичку?

Изъ всѣхъ клѣтокъ, занятыхъ комнатными пѣвчими птицами, навѣрное девять-десятыхъ, если не болѣе, придется на долю чижа — маленькой<sup>2)</sup>, зеленовато-желтенькой птички, съ черной шапочкой на головкѣ, чернымъ горлышкомъ, черными поясками на крыльяхъ, чернымъ кончикомъ хвостика и темными продольными черточками на нижнихъ частяхъ брюшка и спинки. Такимъ красавчикомъ является самчикъ-чижъ. Чижевка же (самочка) далеко не такъ красива: у нея нѣтъ на головѣ черной шапочки, а также и горлышко не черное, а желтоватое; зеленовато-желтый цвѣтъ значительно блѣднѣе и грязноватѣе, чѣмъ у чижа, и вся она, начиная съ головки, испещрена темными черточками. Молодые чижи окрашены почти такъ же, какъ и чижевка.

<sup>1)</sup> Chrysomitris (Fringilla) spinus.

<sup>2)</sup> Въ длину  $4\frac{3}{4}$  дюйма (12 см.).



Чижи́къ птица весьма многочисленная и весьма широко распространенная; онъ водится во всей Европѣ и Азiи, повсюду, гдѣ только есть лѣсъ. Въ Европейской Россiи чижи́къ встрѣчается отъ Лапландiи до Крыма и Кавказа. На югѣ и въ Крыму онъ является только зимнимъ гостемъ, во время своихъ кочевокъ, на Кавказѣ же водится круглый годъ: весной и лѣтомъ—на горахъ, въ хвойныхъ лѣсахъ, на зиму же спускается въ долины. Любимымъ мѣстопробыванiемъ чижа служатъ большiе, старые хвойные лѣса, въ которыхъ онъ гнѣздится и проводитъ большую часть лѣта. Въ чистомъ чернолѣсѣ (лиственномъ лѣсу) чижи́къ не любитъ гнѣздиться.

Характеръ у чижи́ка самый милый и привлекательный. Это птичка всегда бодрая, веселая, смѣлая, вертлявая; очень ловко лазаетъ и подвѣшивается внизъ головкой къ самымъ тоненькимъ вѣточкамъ. Чижъ въ высшей степени общителенъ, миролюбивъ и довѣрчивъ. Будучи пойманъ и посаженъ въ клѣтку, онъ черезъ нѣсколько уже часовъ начинаетъ брать кормъ, и дня черезъ два-три ведетъ себя такъ, какъ будто въ клѣткѣ и родился. Скоро привыкаетъ узнавать хозяина, садится къ нему на руку, влетаетъ и вылетаетъ изъ клѣтки, легко выучивается разнымъ штукамъ и почти круглый день и круглый годъ поетъ безъ умолку свою веселую, бойкую и задорную пѣсенку, подзадоривая ею и другихъ птицъ, находящихся съ нимъ въ одной комнатѣ или въ сосѣднихъ. Онъ также легко перенимаетъ пѣсню канарейки, щегла и другихъ своихъ сотоварищей по неволѣ.—У меня былъ чижи́къ, пойманный еще молодымъ; онъ такъ искусно перенялъ пѣсню весьма недурно пѣвшей самочки-канарейки, сидѣвшей съ нимъ въ одной клѣткѣ, что изъ другой комнаты почти невозможно было отличить, кто поетъ — канареечка или чижи́къ.

Полетъ у чижи́ка легкій, довольно быстрый, волнообразный (дугами вверхъ и внизъ). Онъ не боится перелетать обширныя открытыя пространства и поднимается иногда при этомъ на воздухъ очень высоко. Особенный характерный полетъ имѣетъ чижи́къ весной, во время гнѣздованiя. Съ пѣсней, звучащей тогда особенно громко и задорно, порхаетъ онъ и трепещется въ воздухѣ, на-подобiе бабочки, описывая небольшiе круги надъ вершинами деревьевъ. Высоко взмахивая при этомъ крылышками и распустивъ вѣромъ хвостикъ, онъ выглядываетъ го-



раздо большимъ, чѣмъ при обыкновенномъ полетѣ (подобный же, такъ называемый «токовой», полетъ имѣютъ и нѣкоторыя другія изъ нашихъ птицъ; намъ придется о немъ еще не разъ упоминать).

Во время полета, чижики постоянно издаютъ свой призывный крикъ, звучащій въ родѣ «тю-ли» или «чи-ликъ», а, пожалуй, даже и «чи-жикъ», откуда, вѣроятно, и произошло названіе нашей птички. Вслѣдъ за этимъ призывнымъ крикомъ слѣдуетъ обыкновенно особенно стрекочущее «треттеть» или «треттер-теттеть». Изъ соединенія этихъ же звуковъ состоитъ и незатѣйливая пѣсенка чижики-самца, при чемъ начинается она обыкновенно тюликаньемъ («титюли-тюлей»), затѣмъ слѣдуетъ, на разные лады, «треттертеть-тртитить-третреть» и т. д., и все заканчивается особеннымъ хриплымъ «эээээээ» («козленье» — на языкѣ птичниковъ), при чемъ птичка уморительно широко раскрываетъ свой крошечный ротикъ.

Какъ только распутятся весной на деревьяхъ почки, чижики приступаютъ къ выводу птенцовъ. Довольно глубокое и толсто-стѣнное гнѣздышко чижики представляетъ собою чрезвычайно искусную постройку — изъ тонкихъ прутьиковъ, травы, мха, лишаявъ и овечьей шерсти; внутри гнѣзда выстилается мягкая постелька изъ перышекъ. Гнѣздо помѣщается, преимущественно, на высокой старой ели, очень высоко надъ землею (5—12 саж.) и всегда такъ искусно запрыгано между вѣтками и замаскировано древесными мхами и лишаями, что даже прослѣдивъ, на какомъ именно суку дерева вѣтъ чижовая парочка гнѣздо, далеко не всегда, и то лишь съ большимъ трудомъ, удастся его найти, взобравшись, разумѣется, на дерево. Такая трудность находить чижиное гнѣздо послужила поводомъ къ баснѣ, будто чижики умѣютъ находить камушекъ-невидимку и, положивъ его въ гнѣздо, дѣлаютъ такимъ образомъ это послѣднее невидимымъ; когда же молодые чижата вырастутъ и вылетятъ изъ гнѣзда, тогда выбрасывается изъ него и камушекъ-невидимка, послѣ чего гнѣздо становится видимымъ...

Постройкой гнѣзда занимаются и чижъ и чижовка; высиживаетъ же только одна чижовка — въ продолженіе 13—14 дней. Нерѣдко парочка чижикиковъ принимается въ нѣсколькихъ мѣстахъ вить гнѣздо, пока, наконецъ, не остановится на одномъ какомъ-нибудь изъ нихъ.

Чижевка\* кладетъ 5—6 яичекъ, которыя иногда очень разнятся другъ отъ друга, какъ по величинѣ, такъ и по окраскѣ; большею частью они бываютъ окрашены въ блѣдно-голубоватый или зеленовато-голубой цвѣтъ и испещрены буроватыми крапинками, пятнышками и жилками.

Молодые чижата выкармливаются исключительно насѣкомыми, и преимущественно гусеницами бабочекъ, которыми птенцы продолжаютъ питаться и въ первое время по вылетѣ изъ гнѣзда. Пищу взрослыхъ чижей составляютъ, главнымъ образомъ, ольховыя сѣмена, а также березовыя, еловыя и сосновыя. Какъ только созрѣютъ сѣмена въ ольховыхъ шишечкахъ, чижи тотчасъ же за нихъ принимаются. Поэтому, самыя большія стаи этихъ птицъ и встрѣчаются обыкновенно въ ольховыхъ рощахъ (ольшнякахъ), отчего нашего чижики называютъ также иногда ольховымъ чижомъ (въ отличіе отъ березоваго чижа, какъ называютъ иногда чечетку, о которой рѣчь будетъ впереди).—Чижь не прочь также иногда полакомиться свѣжею, нѣжною зеленью распускающихся молоденькихъ древесныхъ листочковъ. Въ клѣткѣ онъ очень охотно ѣстъ салатъ, мокрицу<sup>1)</sup> и другую нѣжную зелень.

Въ концѣ лѣта чижи появляются небольшими стайками въ садахъ, близъ человѣческихъ жилищъ. Въ это время во множествѣ ловятъ ихъ (въ особенности молодыхъ) во всевозможныя ловушки, въ которыя чижата лѣзутъ, что называется, безъ всякой оглядки. Осенью чижи сбиваются, какъ и щеглы, въ большія стаи (иногда численностью до тысячи и болѣе штукъ); стаи эти кочуютъ по ольшнякамъ и березнякамъ, и подвигаются постепенно на югъ. (Въ окрестностяхъ Петербурга чижи зимою составляютъ большую рѣдкость).—Къ началу весны (у насъ, на сѣверѣ, въ началѣ марта), стаи чижиговъ снова прикочевываютъ къ своимъ роднымъ лѣсамъ, въ которыхъ въ это время года накрытъ для нихъ обильный столъ: у еловыхъ шишекъ, пригрѣтыхъ на деревьяхъ солнечными лучами, начинаютъ раскрываться чешуйки, подъ которыми скрыты сѣмена, и чижамъ раздолье лакомиться теперь еловыми сѣменами, которыя они съ большимъ искусствомъ достаютъ изъ раскрывшихся шишекъ, прицѣпляясь къ нимъ своими короткими, острыми коготками.

<sup>1)</sup> *Stellaria media*—любимая травка комнатныхъ птицъ.

Хотя кочующія стаи чижей и уничтожаютъ огромное количество ольховыхъ, березовыхъ, а также и еловыхъ сѣмянъ, но, такъ какъ этихъ сѣмянъ, въ особенности ольховыхъ и березовыхъ, родится обыкновенно чрезвычайно большое количество, и несмотря на поѣданіе ихъ чижами (да и другими птицами), сѣмянъ этихъ все-таки остается еще болѣе чѣмъ достаточно, то врядъ ли можетъ быть рѣчь о какомъ-либо серьезномъ вредѣ, причиняемомъ въ этомъ отношеніи нашимъ милымъ чижиномъ. Пользу же онъ приноситъ несомнѣнную (хотя, можетъ быть, и не особенно большую) уничтоженіемъ, во время выкармливанія птенцовъ, значительнаго количества вредныхъ насѣкомыхъ.

Въ неволѣ, чижики, при правильномъ за нимъ уходѣ, могутъ жить 10—12 лѣтъ. Если же случаи такой долговѣчности чижики въ клѣткѣ встрѣчаются довольно рѣдко, то это происходитъ преимущественно оттого, что его кормятъ, обыкновенно, по незнанію, коноплей. Отъ конопли всякая птица, а также и чижъ, при неимѣннй свободнаго движенія, скоро жирѣетъ, приходитъ въ болѣзненное состояніе и преждевременно оканчиваетъ свою жизнь. Чтобы чижики были здоровы, веселы и долго жили, нужно давать ему такой же кормъ, какой былъ указанъ выше для щегла (мѣшаное сѣмя, муравьиныя яйца и тертая морковь съ бѣлымъ хлѣбомъ). Также нужно, чтобы водопойка была у него достаточно широкая, въ которой птичка могла бы свободно купаться (что она чрезвычайно любитъ), и почаще смѣнять воду.

На крайнемъ юго-западѣ Европейской Россіи—въ Польшѣ и Бессарабіи—водится сходная съ чижомъ по окраскѣ и близко родственная дикой канарейкѣ желтобрюшка <sup>1)</sup> (желтозобикъ, вьюрокъ канареечный). Главными признаками, отличающими эту птичку (самца) отъ чижа, являются: отсутствіе чернаго цвѣта на головѣ и горлышкѣ и болѣе ярко-желтая окраска всей нижней стороны. Вообще, вся эта птичка является болѣе желтою, чѣмъ чижики. Желтобрюшка любитъ близость человѣка и охотно гнѣздится въ садахъ. Пѣсня ея сходна съ пѣсней чижики, но звучитъ громче и красивѣе.

<sup>1)</sup> *Serinus hortulanus*.

# Чечетка <sup>1)</sup>.

(Табл. VII).



Въ чужбинѣ свято наблюдаю  
Родной обычай старины: на волю  
птичку выпускаю  
При свѣтломъ праздникѣ весны.

А. Пушкинъ.

НАСЪ, въ Петербургѣ, такой именно птичкой, которую по обычаю выпускаютъ на волю «при свѣтломъ праздникѣ весны» (въ Благовѣщенье), является, преимущественно, чечетка.—Что именно на долю чечетки выпалъ жребій служить у насъ предметомъ этого прекраснаго обычая, объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что въ это время года легче всего можно добыть въ большомъ количествѣ именно эту, а не какую-либо другую птичку, и притомъ за дешевую цѣну.

Еще задолго до праздника Благовѣщенія, петербургскіе птичники запасаются чечетками, которыхъ ловятъ сѣтями, въ окрестностяхъ города, въ громадномъ количествѣ. Съ наступленіемъ же праздника, всѣ эти птичники, съ самаго ранняго утра собираются на Щукинъ дворъ, на площадку Птичьяго ряда, разставляютъ свои клѣтки съ чечетками (и другими птицами) и распродаютъ ихъ здѣсь «блюстителемъ родной старины» (каковыми являются,

<sup>1)</sup> *Acanthis (Fringilla) linaria*.

преимущественно, лица изъ купечества). Здѣсь можно купить чечетку «на выпускъ» за 3, 5, 8, 10 копѣекъ и дороже—смотря по покупателю и по количеству вынесенныхъ на рынокъ птицъ. Чѣмъ больше добыто птичниками чечетокъ, тѣмъ больше ихъ вынесено для продажи и тѣмъ ниже на нихъ цѣна. Въ это время года чечетки появляются у насъ, обыкновенно, громадными стаями, и ловкій птичникъ кроетъ ихъ иногда, на точкѣ, сѣтью, по нѣсколько десятковъ штукъ за одинъ разъ.

Самецъ-чечетъ, въ весеннемъ своемъ нарядѣ, принадлежитъ къ числу красивѣйшихъ нашихъ птичекъ: при общей пестро-сѣрой, или буроватой окраскѣ и двухъ свѣтлыхъ поясахъ на крыльяхъ, онъ имѣетъ красивую малиново-красную шапочку на головкѣ, такую же малиново-красную грудку, розовато-бѣлое брюшко, черный поясокъ вокругъ основанія клюва и черныя продольныя полосы, идущія отъ клюва черезъ оба глаза.—Самочка-чечетка и молодые имѣютъ только шапочку малиновую, грудка же у нихъ лишь слегка розоватая. Въ неволѣ, въ комнатѣ, красная окраска нашей птички измѣняется скоро въ буровато-желтую (такъ же, какъ это мы видѣли и у снигиря, щура, клеста и прочихъ птицъ, имѣющихъ на волѣ красный цвѣтъ въ своемъ опереніи).

Своимъ складомъ и всей фигуркой, чечетка очень похожа на чижику, котораго, однако, нѣсколько превосходитъ величиной<sup>1)</sup>.

Область распространенія чечетки чрезвычайно обширна: она захватываетъ собою холодный поясъ обоихъ полушарій нашей планеты: сѣверная полоса Европы, Азии и Сѣверной Америки, до границы распространенія древесной растительности—вотъ обширная родина нашей птички. Оттуда она спускается, позднѣею осенью, громадными стаями (до тысячи и болѣе штукъ въ стаѣ) въ южнѣ лежащія страны, доходя, въ Европейской Россіи, до Крыма и Кавказа.

Около норвежскаго города Вадзе (подъ 70° с. ш., на берегу Ледовитаго океана, близъ русской границы) и въ самомъ этомъ городѣ, чечетка составляетъ лѣтомъ такое же обыкновенное явленіе, какъ у насъ воробей, котораго она тамъ и замѣняетъ; впрочемъ, въ самомъ городѣ не гнѣздится.

<sup>1)</sup> Въ длину чечетка имѣетъ немного болѣе 5 дюйм. (13 см.).



Изрѣдка случается, что отдѣльныя парочки чечетокъ остаются на лѣто въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ средней Европы (напримѣръ, мѣстами, въ Германіи и въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ), гдѣ и гнѣздятся.

Чечетка такой же хорошій летунъ, какъ щеголь и чижики. Также она не уступаетъ имъ и въ искусствѣ лазать и цѣпляться по тончайшимъ вѣточкамъ деревьевъ. Красивое зрѣлище представляетъ собою покрытая инеемъ и слегка запущенная снѣгомъ плакучая береза, усыпанная нѣсколькими десятками этихъ красногрудыхъ и красноголовыхъ птичекъ, хозяйничающихъ на деревѣ, во всевозможныхъ позахъ, въ поискахъ за удѣлѣвшими на вѣткахъ сѣменами; въ особенности, если при этомъ еще солнце освѣщаетъ своими лучами столь красивое въ своемъ морозномъ нарядѣ дерево и копошащихся на немъ крошечныхъ пернатыхъ акробатовъ.

Во время полета, и вообще при перепархиваніи съ вѣтки на вѣтку, чечетка постоянно издаетъ свой призывный крикъ, звучащій какъ «чи-чи-чи» или «четъ-четъ», откуда, конечно, и произошло названіе этой птички. Эта постоянная болтливость чечетки послужила въ народѣ къ сравненію съ ней болтливыхъ женщинъ: «ишь, растараторилась, словно чечетка!» Также и въ пѣснѣ поется: «Тѣтки, лебедки, чечѣтки мои». Когда летитъ большая стая чечетокъ, ихъ неугомонное, иногда тысячеголосное, «чичиканье» и призывное «пѣуликанье» (сходное съ «чиликаньемъ» чижики, но болѣе звучное) бываютъ слышны на очень большое разстояніе.

Пѣсня чечетки—такая же незатѣйливая и неказистая, какъ и у чижики, но далеко не такая веселая и задорная—состоитъ все изъ тѣхъ же «чи-чи-чи», да «че-че-че», въ перемежку съ довольно звучной трелькой, передать которую буквами очень трудно.

Чечетка далеко не такой ретивый и неутомимый пѣвецъ, какъ чижики, хотя въ остальномъ, по характеру, очень съ нимъ сходна: такая же бодрая, живая, подвижная и ловкая, и такая же довѣрчивая, общительная, миролюбивая и уживчивая съ другими птицами. Она, такъ же, какъ и чижики, воспримчива къ обученію разнымъ штукамъ, такъ же легко идетъ въ разныя ловушки и почти такъ же скоро привыкаетъ къ клѣткамъ, становясь вполнѣ ручною.

Главную пищу чечетки, на волѣ, составляютъ березовыя сѣмена, которыя она не только обиваетъ съ дерева, но и подбираетъ съ земли, когда они, къ концу зимы, пообсыплются съ дерева. Вотъ почему ранней весной чечетокъ легче всего найти на проталинахъ, подъ березами (также подъ ольхами), куда эти птицы спускаются иногда большими стаями, такъ что на проталинѣ, иной разъ, какъ говорится, изъ-за птицъ живого мѣста не видно. Отъ этой же преимущественной любви къ березовымъ сѣменамъ произошло и названіе «березовый чижъ», которое иногда даютъ этой птичкѣ.

Гнѣздо чечетки, на ея далекой сѣверной родинѣ, помѣщается, обыкновенно, на низкорослой березкѣ, невысоко надъ землею; оно искусно свито изъ тоненькихъ прутиковъ, травокъ, мха, лишаевъ, и выложено внутри мягкими перышками. Молодые птенцы выкармливаются исключительно различными насѣкомыми.

Съ наступленіемъ осени, чечетки сбиваются въ стаи и начинаютъ вести кочевую жизнь, по березнякамъ, подвигаясь постепенно на югъ. При этомъ нужно замѣтить, что стаи чечетокъ появляются у насъ, въ разные годы, далеко не въ одинаковомъ количествѣ: иногда ихъ прилетаетъ великое множество, въ другіе же годы—лишь весьма немного. Вѣроятно, это зависитъ отъ большаго или меньшаго урожая березовыхъ сѣмянъ на родинѣ этихъ птицъ. Также весьма интересно, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (какъ, напримѣръ, у насъ, въ окрестностяхъ Петербурга) осенью, обыкновенно, встрѣчается не особенно много чечетокъ, въ концѣ же зимы и въ началѣ весны—на обратномъ пролетѣ на сѣверъ—чечетки пролетаютъ и временно останавливаются у насъ погостить, большею частію, въ громадномъ количествѣ. Въ другихъ же мѣстностяхъ—какъ разъ наоборотъ: осенью много летитъ чечетокъ, а весной мало. Происходитъ это оттого, что птицы возвращаются весной на сѣверъ большею частью не тѣми же путями, по которымъ спускаются на югъ.

Въ комнатѣ чечетка можетъ жить довольно долго: 7—8 лѣтъ. Кормъ ей нужно давать такой же, какъ и ея близкимъ родственникамъ—щеглу и чижику. Необходимо только замѣтить, что чечетки прилежно поютъ лишь въ одиночныхъ клѣткахъ, въ общемъ же садкѣ, съ другими птицами, онѣ поютъ мало.

Среди обыкновенных чечетокъ, а иногда и отдѣльными стайками, появляется у насъ, отъ времени до времени, бѣлая чечетка <sup>1)</sup>. Она вся гораздо свѣтлѣе (бѣлѣе) нашей обыкновенной чечетки: нижняя ея сторона, начиная отъ горла, бѣлая, съ сильно выраженной карминно-розовой окраской зоба и груди, и черноватыми черточками на бокахъ. Надхвостье чисто-бѣлое, съ прекраснымъ розовымъ оттѣнкомъ. Эта чечетка гнѣздится лишь на самомъ крайнемъ сѣверѣ (по границѣ лѣсной растительности и тундрѣ); зимой не спускается южнѣ средней Россіи. По образу жизни эта птичка не отличается отъ обыкновенной чечетки.

На горахъ Кавказа водится свой особый видъ—чечетка горная свѣтлая <sup>2)</sup>, которая также отличается болѣе свѣтлой окраской.

<sup>1)</sup> *Acanthis exilipes*.

<sup>2)</sup> *Acanthis brevirostris*.

# Коноплянка <sup>1)</sup>.

(Табл. VI).

Вотъ и лѣто. Жарко, сухо,  
Отъ жары нѣтъ мочи;  
Зорька сходится съ зарею,  
Нѣтъ совѣсьмъ и ночи.

Солнце жарче все и жарче.  
На небѣ ни тучи;  
Только вьется надъ травю  
Мошекъ рой летучий,  
Да шмели, жужжа, кружатся,  
Надъ гнѣздомъ хлопочутъ;  
Да кобылки, не смолкая,  
На полѣ стрекочутъ.

И. Суриковъ.



О ПТИЧКАХЪ нашъ поэтъ даже и не упоминаетъ; да и правъ онъ: ихъ смѣнили всевозможныхъ сортовъ кобылки, да кузнечики, которые лѣтомъ день и ночь, «не смолкая, на полѣ стрекочутъ». Пернатые же пѣвунны, съ тѣхъ поръ какъ повывели своихъ птенчиковъ, умолкли одинъ за другимъ, и только, по раннимъ утрамъ да передъ закатомъ солнца, попискиваютъ да тихонько посвистываютъ кое-гдѣ по кусточкамъ. Впрочемъ, есть одна птичка, которая среди этой всеобщей тишины, въ самое жаркое полуденное время, распѣваетъ еще иногда по цѣлымъ часамъ свою

<sup>1)</sup> *Acanthis* (*Linota*, *Fringila*) *cannabina*. — Рѣполовъ, рѣцель; попискъ (Харьковск.).

громкую и чрезвычайно красивую пѣсню. Пѣсня эта имѣетъ—по крайней мѣрѣ для моего слуха—особенную прелесть, вслѣдствіе какого-то присущаго ей грустнаго оттѣнка. Птичка, поющая эту пѣсенку, и есть коноплянка (или рѣполовъ, какъ ее большею частью называютъ птичники). Хотя я и часто и подолгу слушалъ пѣніе коноплянокъ на волѣ, да и въ клѣткахъ у меня не мало ихъ перебывало, тѣмъ не менѣе положительно затрудняюсь Передать словами, хотя бы приблизительно, пѣсню этой птички, состоящую изъ смѣшенія красивыхъ флейтовыхъ звуковъ съ какимъ-то особеннымъ, свойственнымъ одной только коноплянкѣ, щебетаніемъ. Скорѣе всего вы услышите коноплянку гдѣ-нибудь неподалеку отъ селенія, гдѣ воздѣланныя поля перемежаются съ кустарниками, мелкими полевыми лѣсочками и выгонами. Такія мѣста составляютъ ея любимое мѣстопребываніе. Поющая птичка сидитъ, большею частью, на сухой вѣткѣ куста или на жерди забора, или же на крышѣ какого-нибудь полевого строенія—сарая, овина. Нерѣдко, рядомъ или по близости другъ отъ друга, сидятъ два, три и болѣе пѣвца и какъ бы состязаются въ искусствѣ пѣнія.—Коноплянка поетъ также нерѣдко свою пѣсню и во время полета, перелетая съ одного поля на другое, подобно тому, какъ это дѣлаютъ жаворонки.

Весной и въ первой половинѣ лѣта коноплянка (самецъ) является очень хорошенькой птичкой: темя и грудка ея окрашены въ превосходный малиново-красный цвѣтъ; головка сѣрая; горлышко буровато-бѣлое, съ продольными темно-сѣрыми крапинами; брюшко бѣловатое; спинка коричневая; надхвостье бѣловатое, съ темными пятнышками; крылышки пестрыя, съ бѣлыми, черными и коричневыми каемками и полосками; хвостикъ черноватый, съ бѣлыми продольными полосками. Малоопытные люди нерѣдко смѣшиваютъ, при первомъ взглядѣ, самцовъ коноплянки съ самцами чечетки, благодаря красной окраскѣ темени и грудки у обѣихъ птичекъ. Но, при внимательномъ осмотрѣ, чечетку тотчасъ же выдаетъ черный поясокъ вокругъ клюва; притомъ же, клювъ у коноплянки значительно толще и грубѣе, и вся она покрупнѣе <sup>1)</sup> чечетки.—Самочка и молодя коноплянки не имѣютъ красной окраски; въ остальномъ же онѣ окрашены довольно сходно съ самчикомъ, который къ концу лѣта, послѣ линянія, также те-

<sup>1)</sup> Въ длину  $5\frac{1}{2}$  дюймовъ (14 см.).



ряетъ свою красноту и снова получаетъ ее лишь къ слѣдующей веснѣ.

Коноплянка встрѣчается во всей Европейской Россіи, за исключеніемъ крайняго сѣвера. Она водится также и на Кавказѣ, гдѣ лѣтомъ поднимается, для гнѣздованія, высоко въ горы (до 10,000 футъ надъ уровнемъ моря), съ приближеніемъ же осени спускается въ долины, на зимовку<sup>1)</sup>. Въ Крыму коноплянокъ также можно встрѣтить круглый годъ, и преимущественно въ степной части полуострова, вблизи хуторовъ.

Характеръ у коноплянки чрезвычайно симпатичный. Это милая, добрая, умная, довѣрчивая и чрезвычайно общежительная птичка. Парочки коноплянокъ, въ противоположность большинству другихъ птицъ, остаются неразлучными круглый годъ. Также, во время гнѣздованья, нѣсколько парочекъ мирно уживаются по близости одна отъ другой, что весьма рѣдко можно встрѣтить между другими, даже родственными ей, птицами.

Къ выводу дѣтей коноплянка приступаетъ довольно рано—въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая—и дѣлаетъ большею частью два вывода въ лѣто. Гнѣздо помѣщается охотнѣе всего въ какомъ-нибудь густомъ, отдѣльно стоящемъ неподалеку отъ лѣсной опушки, кустѣ, также въ живыхъ изгородахъ, кустахъ смородины и крыжовника—по садамъ. Внутри старыхъ большихъ лѣсовъ коноплянка никогда не гнѣздится.—Свивается гнѣздо изъ весьма разнообразнаго матеріала, смотря по тому, что легче найти подъ руками. Преимущественно же для этого служатъ тонкіе прутики, корешки и стебельки травъ, верескъ и т. п., при чемъ, во внутреннія стѣнки гнѣзда помѣщается болѣе тонкій матеріалъ, снаружи же погрубѣе; самая же постелька выстилается животною и растительною шерстью, съ небольшою примѣсью конскихъ волосъ. Самочка кладетъ до 5—6 яицекъ—при первомъ выводѣ, и не болѣе 4-хъ—при второмъ. Яички эти окрашены въ бѣловато-голубоватый или зеленоватый цвѣтъ и покрыты красными и бурыми крапинками и пятнышками. Самочка высиживаетъ одна (въ теченіе 13—14 дней); выкармливать же птенцовъ помогаетъ и самчикъ, при чемъ птенцы получаютъ въ пищу различныя сѣмена, предварительно размяченныя въ зобу родителей.

<sup>1)</sup> Впрочемъ, нѣкоторые считаютъ кавказскую коноплянку за особый видъ (*Acanthis fringillirostris*—коноплянка восточная).

Осенью—обыкновенно уже въ августѣ мѣсяцѣ, послѣ линянiя—коноплянки сбиваются въ стаи, достигающiя иногда численности до ста и болѣе штукъ, и передвигаются, къ наступленiю зимы, въ болѣе южныя широты, не забираясь, впрочемъ, слишкомъ далеко. Такъ, напримѣръ, много этихъ птицъ перезимовываютъ уже въ Кіевской губерніи. Даже въ средней Россіи, то здѣсь, то тамъ, можно встрѣтить иногда зимой коноплянокъ, въ особенности въ мягкія зимы. Возвращаются эти птички на родину, къ мѣстамъ своихъ гнѣздовій, раней весной—въ половинѣ или въ концѣ марта—и тотчасъ же даютъ знать о своемъ прибытіи своей милой пѣсней. Вообще, коноплянка поетъ почти круглый годъ, за исключеніемъ лишь конца іюля или первой половины августа, когда происходитъ ея линянiе.

Пищу коноплянки составляютъ сѣмена разныхъ сорныхъ травъ, а также капустныя, рѣпныя, маковыя, конопляныя и другія сѣмена различныхъ огородныхъ растений. Если эта птичка, такимъ образомъ, и причиняетъ нѣкоторый изъянъ огороднымъ и полевымъ растеніямъ, то, съ другой стороны, она съ избыткомъ покрываетъ этотъ изъянъ—уничтоженіемъ множества сѣмянъ вредныхъ для полевого хозяйства сорныхъ травъ, и, конечно, не должна быть причисляема къ числу вредныхъ птицъ.

У любителей комнатныхъ птицъ коноплянка состоитъ въ большомъ почетѣ. И дѣйствительно, по своему милому нраву и прилежному, прекрасному пѣнію, она вполне того заслуживаетъ. Изъ всѣхъ нашихъ вьюрковыхъ птицъ коноплянка несомнѣнно наилучшій пѣвецъ. Хотя она и уступаетъ нѣсколько зяблику въ звонкости своего голоса, но зато много превосходитъ его разнообразіемъ и обширностью своей пѣсни. Коноплянка можетъ также перенимать пѣсни другихъ птицъ: зяблика, щегла, канарейки, жаворонка и даже, отчасти, соловья. Бѣда только, что при этомъ перенимаются также нерѣдко и дурные звуки, такъ что пѣвца-коноплянку не слѣдуетъ помѣщать въ одну комнату съ плохими пѣвунами.

Кормъ коноплянкѣ слѣдуетъ давать такой же, какъ и щеглу. При хорошемъ уходѣ, эта птичка можетъ прожить въ комнатѣ до 10-ти и болѣе лѣтъ. Она, въ противоположность чечеткѣ, охотно и много поетъ также и въ общемъ садкѣ—съ другими птицами; нерѣдко поетъ и вечеромъ, при огнѣ.

# Зеленушка<sup>1)</sup>.

(Табл. XXII).



Еще весны душистой нѣга  
Къ намъ не успѣла снизойти,  
Еще овраги полны снѣга,  
Еще зарей гремитъ телѣга  
На замороженномъ пути.

А. Фетъ.

АМОЙ ранней весной (подъ Петербургомъ въ послѣдней трети марта), когда березы еще и не думали просыпаться отъ своего зимняго сна, когда мѣстами лежитъ еще снѣгъ, а изъ лѣсныхъ и садовыхъ пернатыхъ пѣвцовъ въ прилетѣ находятся пока одни только зяблики,—въ это время нерѣдко обращаетъ на себя вниманіе человѣка, прогуливающагося по дорожкамъ парка или большого сада, одна птичка: «жжрррррри»... раздается вдругъ надъ головой, какъ-то картаво и громко, такъ что невольно поднимешь къверху глаза: на одной изъ верхнихъ вѣтокъ дерева сидитъ неподвижно птичка, покрупнѣе воробья<sup>2)</sup>, и если при этомъ случайно лучи солнца освѣщаютъ вершину дерева, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сидящаго на ней страннаго музыканта, то можно рассмотреть, что птица, производящая такой немзыкальный звукъ, почти сплошь окрашена въ желтовато-зеленый цвѣтъ.

<sup>1)</sup> Chloris (Ligurinus, Fringilla) Chloris. Лѣсная канарейка, дубоносъ (Петерб.), чинаровка, распѣвъ (Казанск.), овсянка (Астраханск.).

<sup>2)</sup> Въ длину 6<sup>1</sup>/<sub>2</sub> дюймовъ (16<sup>1</sup>/<sub>2</sub> см.).

Имѣя же при себѣ бинокль, можно, отойдя нѣсколько шаговъ отъ дерева, рассмотреть и болѣе подробно опереніе этого пернатого существа, называемаго зеленушкой (а также лѣсной канарейкой и другими вышеприведенными именами). Передній край крыльевъ у нея лимонно-желтаго цвѣта; середина крыла, щеки и затылокъ пепельно-сѣрые; задній край крыльевъ, ихъ концы и кончикъ хвоста—черные; нижняя часть брюшка бѣлая; довольно толстый (какъ у воробья) клювъ и ноги—красновато-сѣрые; все остальное окрашено въ желтовато-зеленый цвѣтъ. Это окраска самца. Самочка окрашена сходно съ самцомъ, только всѣ цвѣта у нея менѣе чисты, и вмѣсто желтовато-зеленаго общаго цвѣта—оливково-зеленый. Молодые зеленушки, при общемъ сѣровато-оливковомъ опереніи, испещрены на спинкѣ, и въ особенности на грудкѣ, продольными бурыми черточками.

За исключеніемъ крайняго сѣвера, зеленушка водится во всей Европейской Россіи, съ Кавказомъ и Крымомъ включительно. Подъ Тифлисомъ, зимой, она одна изъ самыхъ обыкновенныхъ птицъ. Зеленушка далеко не такъ многочисленна, какъ, напримеръ, зябликъ, чижъ, щеголъ и другія родственныя ей птицы; она вездѣ встрѣчается въ умѣренномъ количествѣ. Въ окрестностяхъ Петербурга она попадаетъ не часто, хотя далеко не составляетъ и рѣдкости.

Любимыми мѣстами обитанія зеленушки являются плодородныя обработанныя мѣстности, гдѣ небольшіе лѣсочки перемежаются съ полями, лугами, садами или парками. Большихъ сплошныхъ лѣсовъ, въ особенности краснолѣся, зеленушка избѣгаетъ: ее лишь изрѣдка можно встрѣтить въ лѣсу—въ перелетное время, весной, и то, обыкновенно, близъ опушки.

Въ большинствѣ мѣстностей Россіи зеленушка птица перелетная, т. е. отлетающая на зиму въ болѣе южныя края, за исключеніемъ развѣ лишь южныхъ губерній, гдѣ нѣкоторыя изъ этихъ птицъ остаются и на зиму. Встрѣчающіяся зимой въ среднихъ губерніяхъ (также иногда и подъ Петербургомъ) немногія зеленушки—несомнѣнно болѣе сѣвернаго происхожденія, задержавшіяся у насъ на зиму, при своемъ осеннемъ пролетѣ на югъ. Въ особенности эти птицы часто задерживаются на зиму тамъ, гдѣ по открытымъ мѣстамъ растетъ много можжевельника. Въ густыхъ кустистыхъ деревцахъ этого вѣчно-зеленаго хвойнаго растенія, зеленушки находятъ для себя хорошій пріютъ на ночь

и въ зимнюю непогоду; ягоды же можжевельника доставляютъ имъ хорошій и весьма любимый ими кормъ.

Несмотря на свой нѣсколько неуклюжій видъ, зеленушка весьма бодрая и шустрая птичка. Летаетъ она довольно легко и быстро, волнообразными линіями (то вверхъ, то внизъ); по землѣ скачетъ также довольно ловко. Правда, сидя на деревѣ, она держится обыкновенно не особенно граціозно и распухливаетъ свои перышки, но иногда такъ подберется и вытянется, что ее сразу даже и не узнаешь.

Пѣсня у зеленушки не важная, хотя слушать ее—ранней весной, когда кромѣ зябликовъ нѣтъ почти другихъ пѣвцовъ—все-таки весьма пріятно. Поется эта пѣсня очень неторопливо и звучить въ родѣ: «видъ-видъ-видъ, ведъ-ведъ, вюдъ-вюдъ, гиррръ» (трелька), опять «видъ-видъ, вюдъ-вюдъ», а въ промежуткахъ, отъ времени до времени, вставляется то характерное, картавое «жжррини»... о которомъ упоминалось выше и по которому еще издали можно узнать зеленушку. Изрѣдка между зеленушками встрѣчаются пересмѣшники, весьма недурно подражающіе голосамъ другихъ птицъ.—Поющая зеленушка сидитъ, обыкновенно, высоко на деревѣ.

По характеру, зеленушка птица довольно недовѣрчивая и осторожная, хотя тамъ, гдѣ чувствуетъ себя въ безопасности, позволяетъ человѣку подходить къ себѣ довольно близко.

Пищей зеленушкѣ служатъ по преимуществу маслянистыя сѣмена, а также и сѣмена разнообразныхъ сорныхъ травъ. Она подбираетъ ихъ, на манеръ зяблика, съ земли. Когда же снѣгъ покроетъ землю—обиваетъ сѣмена съ деревьевъ, а также идетъ за можжевельновыми и рябиновыми ягодами. Въ особенности же зеленушка любитъ конопляное сѣмя, и въ мѣстностяхъ, гдѣ воздѣлывается конопля, эта птичка можетъ причинять весьма чувствительный вредъ. Впрочемъ, этотъ вредъ, по всей вѣроятности, вполнѣ покрывается той пользой, которую приносятъ зеленушка уничтоженіемъ большого количества сѣмянъ сорныхъ растений, такъ что, въ концѣ концовъ, она также не должна быть причисляема къ числу вредныхъ птицъ.

Зеленушка дѣлаетъ большею частію два вывода птенцовъ—въ маѣ и іюнѣ. Гнѣздо помѣщается, обыкновенно, на высотѣ 8—10 футовъ надъ поверхностью земли, въ развилинѣ двухъ толстыхъ суковъ, или вплотную къ стволу дерева. Матеріалъ



для гнѣзда берется весьма разнообразный; преимущественно для этого служат тонкіе прутики, корешки, сухія травки и былиночки, мохъ, лишай, клочки шерсти, конскій волосъ и т. п. Самочка несетъ 4—6 яичекъ, испещренныхъ, по голубовато-бѣлому или серебристому фону, красными и бурыми пятнышками и точечками. Высиживаетъ ихъ она одна, въ теченіе времени около 14 дней; самчикъ же приноситъ ей въ это время кормъ. Во все время кладки яицъ и высиживанія, зеленушка-самецъ ретиво распѣваетъ свои немудренныя пѣсенки, по близости гнѣзда, и отъ времени до времени продѣлываетъ свой токовой полетъ (подобный тому, о которомъ упоминалось въ очеркѣ о чижѣ): взлетаетъ съ пѣсней, по косому направленію, на воздухъ; поднимаетъ кверху крылышки такъ высоко, что они почти касаются другъ друга своими кончиками; колеблется такимъ образомъ въ воздухѣ нѣкоторое время то въ ту, то въ другую сторону; дѣлаетъ нѣсколько небольшихъ круговъ, и затѣмъ снова медленно опускается, большею частію, на то самое дерево, съ котораго поднялся.

Птенчиковъ своихъ зеленушки выкармливаютъ размягченными въ зобу сѣменами, при чемъ, болѣе крупныя изъ сѣмянъ, и покрытыя жесткой скорлупкой, предварительно обшелушиваются.

По вылетѣ изъ гнѣзда, молодыя перваго вывода недолго остаются при родителяхъ, которые вскорѣ всѣ свои помыслы обращаютъ на вторичный выводъ птенцовъ. Съ наступленіемъ же осени, молодыя зеленушки снова соединяются со стариками и начинаютъ, стайками, вести кочевую жизнь—по полямъ, садамъ, огородамъ и коноплянникамъ. При этомъ онѣ нерѣдко смѣшиваются со стайками зябликовъ, коноплянокъ, полевыхъ воробьевъ и другихъ родственныхъ имъ птицъ. Съ наступленіемъ холодовъ, стайки зеленушекъ отлетаютъ на югъ, откуда ранней весной снова возвращаются на родину—къ мѣстамъ своихъ гнѣздовій.

Зеленушку часто держатъ въ комнатѣ, въ клѣткѣ, къ которой эта птичка скоро привыкаетъ и становится совершенно ручною. Она тоже легко выучивается, подобно чижу, щеглу и чечеткѣ, различнымъ штукамъ и фокусамъ. Кормить ее слѣдуетъ такъ же, какъ щегла и коноплянку. Изрѣдка можно давать ей конопляное сѣмя (но понемногу, иначе птица легко зажирѣетъ и пропадетъ). Также весьма полезно давать отъ времени до времени молодую зелень—салатъ, мокрицу и другую.

## Дубоносъ <sup>1)</sup>.

(Табл. IX).



Е ПОТОМУ ЛИ получила эта птица названіе дубоноса, что своимъ здоровеннымъ клювомъ она можетъ съ легкостью раскалывать, не болѣе и не менѣе, какъ вишневые косточки, и затѣмъ лакомится заключающимися въ нихъ зернышками. Зернышки эти составляютъ самую любимую пищу дубоноса. Щелканье этой птицей вишневыхъ косточекъ бываетъ иногда слышно шаговъ за тридцать. Несмотря на свою неуклюжую коренастую фигуру, при довольно крупныхъ размѣрахъ <sup>2)</sup>, и на свой безобразно-толстый клювъ, дубоносъ-самецъ является все-таки довольно красивой птицей, благодаря своему разноцвѣтному, пестрому оперенію: голова у него желтовато-бурая; шея—пепельно-сѣрая; горлышко, узкій поясокъ вокругъ клюва, продольная полоска черезъ глазъ — черные; грудка и брюшко свѣтло-красно-бурые; спинка шоколадно-бурая; крылья блестяще-синевато-черныя, съ широкимъ бѣлымъ зеркальцемъ на плечѣ; хвостъ темно-бурый, съ бѣлой каймой на концѣ; клювъ голубоватый или буроватый, съ чернымъ кончикомъ; ноги мясного цвѣта. Са-

<sup>1)</sup> *Coccothraustes vulgaris*. Суранъ (Петерб.); дубоносъ, суранкъ (Моск.); долбоносъ (Харьков.); дюжакъ, дубоносъ (Казанск.).

<sup>2)</sup> Въ длину до 7½ дюймовъ (19 см.).

мочка окрашена сходно съ самцомъ, но всѣ цвѣта у нея менѣе чисты. Въ опереніи молодыхъ дубоносовъ преобладаетъ желтоватобурый цвѣтъ, и они испещрены—въ особенности на груди и брюшкѣ—поперечными черточками, имѣющими форму молодой луны.

Дубоносъ принадлежитъ только средней (умѣренной) полосѣ Европы, изъ которой на зиму спускается въ болѣе южныя широты. На сѣверѣ онъ не водится. Въ Петербургской и Казанской губерніяхъ дубоносъ принадлежитъ уже къ числу рѣдкихъ гнѣздящихся птицъ; въ Кіевской губ. онъ весьма обыкновененъ; въ Крыму гнѣздится въ небольшомъ количествѣ въ горахъ и зимуетъ на Южномъ берегу. На Кавказѣ дубоносъ водится круглый годъ, проводя лѣто невысоко въ горахъ, гдѣ и гнѣздится; на зиму же спускается въ долины.—Осенью и зимою, во время перелетовъ, дубоносы держатся обыкновенно небольшими стайками (штукъ около десяти въ стайкѣ).

Любимымъ мѣстопробываніемъ дубоноса, весной и лѣтомъ—до созрѣванія вишенъ и гороха—служитъ чернолѣсье, съ высокими деревьями, гдѣ онъ обыкновенно и гнѣздится.

Дубоносъ птица чрезвычайно осторожная и сторожкая. При приближеніи къ нему человѣка (въ особенности съ ружьемъ, которое онъ хорошо знаетъ и котораго очень боится), тотчасъ же весьма искусно скрывается въ густой листвѣ дерева и сидитъ въ ней совершенно смирно, такъ что отыскать его тогда на деревѣ чрезвычайно трудно.

Призывный звукъ, издаваемый дубоносомъ, звучитъ въ родѣ протяжнаго «ци» или «цитъ». Пѣсня этой птицы весьма неказиста и состоитъ изъ повторенія и варьированія на разные лады тѣхъ же призывныхъ «ци» и «цитъ» и звучитъ очень жестко и рѣзко. Такую свою пѣсню самецъ поетъ иногда по цѣлымъ часамъ, при чемъ сильно вертится своимъ неуклюжимъ тѣломъ во всѣ стороны.

Любимую пищу дубоноса составляютъ, какъ было уже упомянуто выше, зерна вишневыхъ косточекъ, при чемъ самая мякоть вишни отбрасывается въ сторону. Кромѣ того, онъ лущитъ также весьма охотно зеленый горохъ на огородныхъ грядкахъ. Позднею осенью эта птица охотно лакомится ягодами рябины, т. е. собственно не самими ягодами, а заключающимися въ нихъ зернышками, мякоть же бросается на землю (точно такъ же, какъ это дѣлаютъ снѣгири и щуры). Кромѣ того, дубоносъ не-

1.

2.

3.



1. Дубоносъ (*Coccothraustes vulgaris*).
2. Пѣночка пересмѣшка (*Hypolais icterina*).
3. Черный дроздъ (*Merula merula*).



рѣдко ошипываетъ у деревьевъ цвѣточные почки, за неимѣніемъ болѣе лакомой пищи. Лѣтомъ онъ иногда охотится также за насѣкомыми; довольно искусно ловить на-лету майскихъ жуковъ, которыхъ, затѣмъ, поѣдаетъ по частямъ, на вѣткѣ дерева, отщипнувъ и бросивъ предварительно неудобоваримыя лапки и жесткія крылья жука.

Дубоносъ гнѣздится большею частью одинъ разъ въ лѣто. Довольно большое гнѣздо его помѣщается то низко, то высоко на деревѣ, и состоитъ, съ поверхности, изъ прутиковъ; далѣе слѣдуютъ тонкіе корешки, стебельки и листья травъ, также древесный мохъ и лишай. Внутреннія стѣнки выкладываются самыми тонкими корешками, иногда также щетиной и овечьей шерстью, съ немногими конскими волосами. Гнѣздо имѣетъ полушарообразную форму, хотя снизу и выглядываетъ довольно плоскимъ. Самочка кладетъ въ него 3—5 яичекъ блѣдно-зеленоватаго цвѣта, съ болѣе или меньшимъ голубоватымъ, а иногда и желтоватымъ оттѣнкомъ; толстый конецъ яйца слегка покрытъ сѣрыми пятнышками и жилками. Высиживанію помогаетъ также и самецъ, который въ полуденные часы смѣняетъ на гнѣздѣ самку, слетающую въ это время покормиться. Птенцы выкармливаются сначала насѣкомыми, а затѣмъ, когда подрастутъ—различными мягкими сѣменами; въ особенности для этого служитъ молодой зеленый горохъ, если таковой можно добывать по близости. По вылетѣ изъ гнѣзда, молодые дубоносы долго еще держатся при родителяхъ, которые ихъ охраняютъ и продолжаютъ кормить, пока у птенцовъ не окрѣпнетъ достаточно клювъ.

На огородѣ и въ фруктовомъ саду дубоносъ можетъ проявлять иногда весьма нежелательную для человѣка дѣятельность. Фруктовыя деревья, съ которыхъ эта птица ошипываетъ весной цвѣточные почки—и въ особенности вишневые деревья, съ которыхъ небольшая стайка дубоносовъ въ короткое время очищаетъ всея ягоды,—сильно страдаютъ отъ этой птицы. Дубоносъ является тѣмъ болѣе нежелательной въ садахъ птицей, что онъ чрезвычайно прожорливъ и имѣетъ привычку возвращаться на одно и то же вишневое дерево, или на одну и ту же гряду гороха, пока на первомъ не останется уже болѣе ни одной вишенки, а на послѣдней—ни одного стручка, развѣ только выведенный изъ терпѣнія хозяинъ сада подстрѣлитъ его раньше изъ ружья. И это, къ сожалѣнію, единственное вѣрное средство избавиться отъ



посѣщенія непрощеннаго и столь убыточнаго гостя, потому что дубоносъ не боится никакихъ пугалъ и даже скоро привыкаетъ къ холостымъ ружейнымъ выстрѣламъ. Вредъ, причиняемый дубоносомъ плодоводству, значительно превышаетъ ту пользу, которую приносятъ эта птица уничтоженіемъ извѣстнаго количества насѣкомыхъ, во время выкармливанія птенцовъ.

Въ клѣткѣ дубоноса держатъ рѣдко. Хотя онъ скоро привыкаетъ къ неволѣ и становится вполнѣ ручнымъ, но весьма опасенъ тѣмъ, что, разсердившись, наноситъ жестокіе удары во всѣ стороны своимъ сильнымъ клювомъ. Маленькимъ птичкамъ, посаженнымъ съ нимъ въ одну клѣтку, нерѣдко причиняетъ смертельныя раны, и даже человѣку весьма чувствительно можетъ поранить мягкую часть руки (что я однажды испыталъ и на самомъ себѣ).

При надлежащемъ уходѣ и соответствующемъ кормѣ (рѣпное, льняное, подсолнечное сѣмя, овесъ и т. п., а также тертая морковь съ сухарями), дубоносъ можетъ прожить въ клѣткѣ много лѣтъ.

# Воробьи.

Воробышекъ «чи-чи-чи»,  
По камушкамъ поскачи.  
Дѣтская прибаутка.  
Поводился воръ-воробей  
Летати,  
Мою конопельку мою зеленую,  
Клевати.

Народная пѣсня.



О ВСЕЙ Россіи, отъ Архангельска до Крыма и Кавказа включительно, водятся два вида воробьевъ: домашній <sup>1)</sup> и полевой <sup>2)</sup>. Оба эти вида довольно существенно отличаются другъ отъ друга и почти одинаково многочисленны и обыкновенны. Домашній воробей особенно многочисленъ и обыкновененъ въ городахъ, полевой же—въ деревняхъ, селахъ и пригородахъ.

Я увѣренъ, что многіе изъ моихъ читателей, прочтя эти строки, подумаютъ: «Вотъ тебѣ и разъ! Ужъ какую другую птицу, а воробья-то, казалось, я твердо зналъ, и вдругъ извольте видѣть—полевой и домашній!..».

Да-съ, многуважаемый читатель, хоть мнѣ и очень жаль, что я смутилъ вашу твердую увѣренность въ знаніи воробья, но тѣмъ не менѣе—лучше поздно, чѣмъ никогда... Мы такъ мало

<sup>1)</sup> Passer domesticus. Воробей (повсемѣстно); горобецъ (Малоросс.).

<sup>2)</sup> Passer montanus. Воробей (повсемѣстно); горобецъ (Малоросс.).

привыкли всматриваться въ окружающіе насъ предметы и явленія, что ходимъ какъ слѣпые и глухіе среди того богатства разнообразія и красоты, которыми окружилъ насъ Создатель міра. Не подумайте, однако, что я намѣренъ воспѣвать здѣсь красоту воробья: нѣтъ,—это только такъ, къ слову...

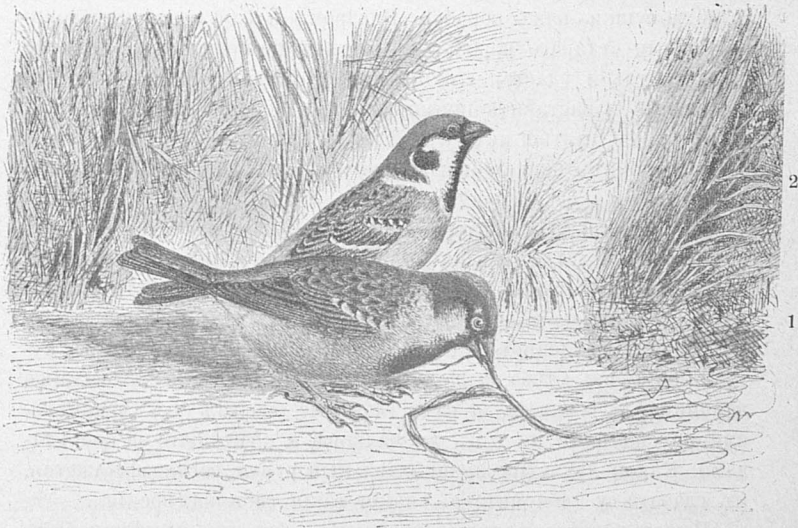
Умѣть различать обоихъ нашихъ воробьевъ слѣдуетъ не потому только, что это интересно и что какъ-то совѣстно образованному человѣку не умѣть различать самыхъ близкихъ къ нему птицъ,—но и потому, что это умѣніе имѣетъ также и нѣкоторое практическое значеніе. Достаточно будетъ, напримѣръ, сказать, что одинъ изъ нашихъ воробьевъ, а именно домашній, большой лакомка до ягодныхъ плодовъ и сѣмянныхъ всходовъ, другой же—полевой—почти не трогаетъ ни тѣхъ, ни другихъ.

Для того чтобы научить отличать домашняго воробья отъ полевого и наоборотъ, я не стану вдаваться въ тонкости описанія пернатой одежды того и другого, а укажу лишь на тѣ, самыя характерныя, примѣты, по которымъ я при самомъ бѣгломъ взглядѣ тотчасъ же узнаю, какой воробей находится предо мною: если у моего воробья имѣется по черному пятну на бѣлыхъ щекахъ и вокругъ шеи бѣлый ошейникъ, то, значить, это воробей полевой. Будетъ ли это самчикъ или самочка—трудно сказать, такъ какъ у полевого воробья самецъ и самка окрашены почти одинаково (у послѣдней только черное пятно на щекѣ нѣсколько меньшей величины). Затѣмъ, полевой воробей немного поменьше ростомъ и поскладнѣе домашняго <sup>1)</sup>. Вообще, онъ представляетъ собою, такъ сказать, нѣсколько уменьшенное и болѣе изящное изданіе домашняго воробья-самца, съ которымъ окрашенъ очень сходно: у обоихъ тѣ же цвѣта въ опереніи (бѣлый, сѣрый, черный и коричневый), распределенные почти одинаково, и только, какъ было уже сказано, у полевого имѣются черныя пятна, скобочкой, на щекахъ, у домашняго же ихъ не имѣется. Что же касается до самочки домашняго воробья, то она, въ общемъ, можно сказать, вся сѣрая, съ нѣкоторой пестриной и свѣтлой полоской черезъ глазъ (въ родѣ брови). Итакъ, слѣдовательно, если вы видите передъ собой воробья въ общемъ сѣраго—это будетъ самочка домашняго воробья; если передъ вами пестрый воробей съ черными

<sup>1)</sup> Длина домашняго воробья— $6\frac{1}{4}$  дм. (16 см.), а полевого  $5\frac{1}{2}$  дм. (14 см.).

пятнами на бѣлыхъ щекахъ и бѣлымъ ошейникомъ, то это будетъ, значить, полевой воробей (самчикъ или самочка), если жепестрый съ гладкими бѣлыми щеками и безъ бѣлаго ошейника—то это самецъ домашняго воробья.

При первомъ же удобномъ случаѣ, присмотритесь и увидите, какъ просто и не трудно выучиться различать нашихъ воробьевъ, и какъ вамъ будетъ пріятно этого достигнуть. Современемъ вы найдете и другіе, болѣе мелкіе, отличительные признаки домаш-



Воробьи.

1. Домашній.—2. Полевой.

няго и полевого воробья (какъ, напримѣръ, буровато-сѣрую шапочку на головѣ у перваго и красно-бурую у втораго, отчего полевого воробья иногда называютъ также и красноголовымъ). Но я не стану болѣе утомлять васъ перечисленіемъ этихъ мелкихъ признаковъ, а перейду къ описанію характера и образа жизни этихъ неразлучныхъ пернатыхъ спутниковъ человѣка. При этомъ, рѣчь проведется объ обоихъ воробьяхъ совмѣстно, такъ какъ они имѣютъ слишкомъ много общаго между собою; мѣстами же, гдѣ это будетъ нужно, будемъ ихъ различать и дѣлать сравненія.

Съ незапамятныхъ временъ сопутствуя всюду человѣку и живя съ нимъ, можетъ быть, уже многія тысячелѣтія, что называется, бокъ-о-бокъ, воробей естественно долженъ былъ отразить на своемъ характерѣ вліяніе столь близкихъ отношеній къ умному, но въ то же время и весьма коварному «царю природы». Это птица необычайно тонкаго ума, въ высшей степени наблюдательная и сообразительная. Почти ручная и домашняя—съ одной стороны, съ другой—строгая и дикая въ такой степени, что рѣдко какую птицу такъ трудно изловить въ какія бы то ни было ловушки, какъ воробья. Недаромъ и въ пословицѣ говорится, что «старого воробья на мякинѣ не проведешь». Если же какъ-нибудь и удастся его поймать, то очень трудно приучить къ клѣткѣ и заставить примириться съ нею. Впрочемъ, молодой воробышекъ, взятый изъ гнѣзда въ то время, когда у него надъ ушами торчитъ еще пушокъ, приручается очень легко, и сильно привязывается къ своему хозяину.

Также весьма характерной чертой воробья является его наглость и нахальство, соединенныя въ то же время съ необычайною осторожностью и осмотрительностью. Нужно видѣть, напримеръ, домашнюю воробыху, когда она скачетъ по накрытому на балконѣ обѣденному столу, съ цѣлью набить себѣ зобъ кусочками булки, хлѣба, сыра и проч., чтобы снести все это своимъ птенчикамъ:—скачетъ, а сама глазъ не сводитъ съ человѣка, смирно сидящаго на томъ же балконѣ и слѣдящаго за нею глазами. Какой лукавый, проникательный у нея взглядъ! Кажется, въ глазахъ у тебя читаетъ, какія такія твои намѣренія...

Весьма характерна также для воробья его чрезвычайная болтливость. Нѣтъ другой птицы, которая столько бы шумѣла, какъ воробей. Кричать, ссориться, горланить изъ-за всякой бездѣлицы—безъ этого воробью никакъ невозможно. Даже молодые птенцы въ гнѣздѣ, и тѣ почти цѣлый день пищать, въ противоположность птенцамъ другихъ птицъ, которые въ гнѣздѣ обыкновенно держатся весьма молчаливо. Ссоры у воробьевъ особенно часты и шумны ранней весной, когда начинается разбивка зимнихъ стай на парочки и оспариваніе мѣстъ для гнѣздовья. Господи, что тутъ только творится! Шумъ, гамъ, крикъ, гоньба, штукъ по пяти-шести другъ за дружкой; драка, хватанье другъ друга за шиворотъ и проч. Иногда вся ссорящаяся на деревѣ компанія комомъ летитъ, съ неимовѣрнымъ гамомъ, на землю, гдѣ ссора обык-



новенно и оканчивается жестокой взаимной потасовкой, послѣ которой буяны разлетаются въ разныя стороны, съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣкоторое время снова затѣять ссору на другомъ мѣстѣ.

За исключеніемъ самаго крайняго сѣвера Европейской и Азіатской Россіи, воробей повсюду является птицей осѣдлой, т. е. круглый годъ держится на одномъ и томъ же мѣстѣ, принимая только ежедневные вылеты въ окрестныя поля, гумны, огороды, конопляники и т. п., на ночь же всегда возвращается домой, во дворъ, на которомъ гнѣздится.

Полевой воробей большею частію откочевываетъ весной въ рѣчныя долины, поля, рощи, гдѣ гнѣздится въ дуплистыхъ деревьяхъ, или подъ крышами полевыхъ построекъ, гдѣ и проводитъ все лѣто и осень; съ наступленіемъ же зимы прикочевываетъ, съ прибылыми молодыми, къ человѣческимъ жилищамъ—въ селенія, деревни, къ окраинамъ городовъ, гдѣ и держится всю зиму, прокармливаясь около человѣка. Въ большихъ городахъ полевой воробей почти не встрѣчается, за исключеніемъ только обширныхъ садовъ, гдѣ его можно иногда встрѣтить рядомъ съ домашнимъ воробьемъ. Въ Петербургѣ полевой воробей попадаетъ иногда на улицахъ, во время суровыхъ и снѣжныхъ зимъ. Итакъ, сельскіе и пригородные жители могутъ часто—въ особенности зимою—наблюдать совмѣстно оба вида воробьевъ, городскимъ же жителямъ приходится большею частію имѣть дѣло съ однимъ лишь домашнимъ воробьемъ.

Насчетъ воробьиного голоса врядъ ли нужно особенно распространяться. Кто не знаетъ этихъ неугомонныхъ «чивъ-чивъ», «чимъ-чимъ», «теререре» и тому подобныхъ воробьиныхъ звуковъ. Впрочемъ, и къ этимъ мало-музыкальнымъ звукамъ ухо прислушивается, даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ, въ ясные февральскіе дни, когда начинающее уже пригрѣвать солнышко распускаетъ въ капли залежавшійся снѣгъ на крышахъ и въ то же время будить, въ маленькихъ воробьиныхъ головкахъ, смутныя грезы о будущемъ праздникѣ весны. Въ мартѣ же и апрѣлѣ—въ самый разгаръ гнѣздованья—отъ господина воробья можно услышать даже нѣчто въ родѣ небольшой трельки, звучащей довольно недурно и имѣющей нѣкоторое, правда, весьма отдаленное, сходство съ отрывкомъ трели жаворонка, собственно же пѣнія—настоящаго, заправскаго пѣнія—у воробья не имѣется, а есть только торопливое, несуразное чирканье да чимканье. У полевого

воробья, соотвѣтственно его болѣе изящной внѣшности, и голосъ звучитъ нѣжнѣе—не такъ жестокъ и грубъ, какъ у домашняго; а призывный его звукъ—когда, напримѣръ, полевой воробей, отставшій отъ своей стаи, призываетъ ее, сидя на вершинѣ высокаго дерева—такъ этотъ звукъ даже совсѣмъ почти не имѣетъ воробьиного характера, а скорѣе похожъ на призывный крикъ щегла.

Оба воробья, какъ полевой, такъ и домашній, начинаютъ весной очень рано вить гнѣзда, когда не только еще березка не начинала зеленѣть, но и травка-то еще на припѣчныхъ мѣстахъ не показывалась. (Подъ Петербургомъ—въ началѣ апрѣля и даже въ концѣ марта). Гнѣздо домашняго воробья помѣщается, обыкновенно, закрыто: подъ крышей, за карнизами оконъ и домовъ, подъ отставшей обшивкой домовыхъ стѣнъ и т. п., а также въ дуплахъ деревьевъ, въ ласточкиныхъ гнѣздахъ, скворечницахъ и разныхъ другихъ укромныхъ уголкахъ, безопасныхъ отъ посѣщеній домашней кошки—злѣйшаго врага домашняго воробья. Воробьиное гнѣздо представляетъ собою, обыкновенно, грубую, не искусную постройку—кучку разнаго натасканнаго отовсюду хлама: соломинокъ, мочалочекъ, сухихъ травинокъ, перышекъ, тряпочекъ и т. п. Среди этой кучки обмято и выкружено небольшое углубленіе, слегка выстланное перышками и конскими волосами. Изрѣдка случается, что воробей, не найдя подходящаго закрытаго помѣщенія, устраиваетъ свое гнѣздо и открыто, ущемляя его, напримѣръ, между стволомъ и сукомъ какого-нибудь дерева; въ исключительныхъ же случаяхъ даже подвѣшиваетъ его къ концамъ древесныхъ вѣтвей, и тогда, конечно, гнѣздо представляетъ собою уже не кучку хлама, а болѣе или менѣе искусную постройку, прикрытую сверху и имѣющую сбоку лѣтнее отверстіе.

Полевой воробей также помѣщаетъ свое гнѣздо всегда закрыто, по преимуществу въ древесныхъ дуплахъ. (Въ паркѣ Лѣснаго Института полевые воробьи охотно гнѣздятся въ домикахъ, поставленныхъ по деревьямъ—для синицъ, скворцовъ, мухоловокъ и другихъ дуплогнѣзтниковъ).

Самочка воробья несетъ, на каждый выводъ, по 5—6, а иногда и до 8-ми яичекъ, которыя нерѣдко встрѣчаются весьма разнообразной окраски и рисунка, преимущественно же красноватобѣлыя, испещренныя бурыми и пепельно-сѣрыми пятнышками, крапинками и точечками. Яйца полевого воробья имѣютъ нѣ-

сколько меньшую величину, чѣмъ домашняго. При благопріятной погодѣ, въ половинѣ апрѣля (а на югѣ въ концѣ марта) въ воробыномъ гнѣздѣ можно найти уже полную кладку. Высиживаніемъ занимаются попеременно, какъ самочка, такъ и самчикъ, и черезъ 13—14 дней вылупляются уже молодые воробышки.

Выкармливаніе птенцовъ производится почти исключительно насѣкомыми—преимущественно гусеницами бабочекъ и личинками мухъ и жуковъ. Той же самой пищей кормятся въ это время и старики.

По вылетѣ молодыхъ изъ гнѣзда, старики въ теченіе 8—10 дней держатся при нихъ, продолжая ихъ прилежно выкармливать, а затѣмъ приступаютъ ко второму выводу. За вторымъ выводомъ, почти обыкновенно, слѣдуетъ еще и третій, иногда же, на югѣ, даже и четвертый. Такимъ образомъ, пара воробьевъ производитъ въ теченіе лѣта весьма многочисленное потомство.

Молоденькіе воробышки-подлетки являются чрезвычайно милыми и симпатичными созданіями; можно подолгу любоваться на нихъ, въ саду или на дворѣ, когда они выкармливаются стариками. Вотъ скачетъ большими прыжками, по усыпанной пескомъ садовой дорожкѣ, старая воробыха, съ озабоченнымъ видомъ, стройно вытянувшись и высоко неся свою голову. Вокругъ нея—справа, слѣва и сзади—то прыжочками, то припархивая, поспѣшаетъ, съ безпрестаннымъ «чивканьемъ», ея пухлая, желторотая дѣтвора. Едва успѣла почтенная мамаша ловкимъ движеніемъ поймать пролетаващаго мимо мотылька, какъ уже она атакована своими неотступными дѣтками, которыя, съ распушенными трясущимися крылышками и широко-раскрытыми желтыми ротиками, съ крикомъ осаждаютъ ее со всѣхъ сторонъ, пока несчастный мотылекъ не исчезнетъ безвозвратно въ горлышкѣ котораго-нибудь счастливца.

Гдѣ много гнѣздится воробьевъ, тамъ, обыкновенно, молодые разныхъ гнѣздъ соединяются въ общія стайки. Разсядется такая стайка по кустамъ, вдоль садовой дорожки, подѣ присмотромъ какого-нибудь стараго воробья, и чирикаетъ себѣ баззаботно и весело. Остальные же старики промышляютъ для своей дѣтвора кормъ. То-и-дѣло подлетаетъ то одинъ, то другой изъ нихъ, неся въ клювѣ что-нибудь съѣстное для своихъ дѣтокъ. Старый же воробей-гувернеръ находится безотлучно на своемъ дежурствѣ и, сидя на какой-нибудь выдающейся вѣткѣ, внимательнымъ гла-

зомъ слѣдить по сторонамъ, чтобы во-время предупредить ввѣренныхъ его охранѣ воробьятъ объ угрожающей опасности. Завидѣвъ, напримѣръ, приближающагося ястреба, онъ тотчасъ издаетъ тревожное «чрррр...» и всѣ воробьята, беззаботно чирикавшіе на вѣткахъ и прыгавшіе по дорожкамъ, стремглавъ бросаются въ чащу кустовъ, гдѣ и остаются, пока не минуетъ опасность.

Къ началу осени, когда уже покончатся всѣ хлопоты по выводу дѣтей, воробьи сбиваются въ общія, иногда весьма большія, стаи, въ которыхъ и держатся всю зиму, вблизи человѣческихъ жилищъ, до наступленія весны.

Въ заключеніе, намъ остается еще рассмотреть весьма существенный и практически-важный вопросъ: вредная птица воробей или полезная?

Если бы мнѣ пришлось на этотъ вопросъ дать отвѣтъ, что воробей птица вредная, то больше и нечего было бы особенно распространяться, такъ какъ большинство читателей, вѣроятно, легко согласилось бы съ такимъ приговоромъ и не потребовало бы отъ меня особыхъ доказательствъ. Сказано—«воръ-воробей». Всѣ и всегда его такъ называютъ и называли; даже въ пѣсняхъ, поговорахъ и поговоркахъ его величаютъ воромъ, значитъ, вѣрно, что воръ, а ужъ какой пользы ожидать отъ завѣдомаго вора. Но, такъ какъ я хочу утверждать какъ разъ противное, а именно, что воробьи, какъ домашніе, такъ и полевые, хотя въ извѣстномъ смыслѣ и воры, тѣмъ не менѣе птицы полезныя, то я не могу здѣсь ограничиться парюю словъ, а долженъ нѣсколько распространиться.

Никто не разобралъ такъ ясно и опредѣленно вопроса о вредности или полезности воробья, какъ это сдѣлалъ покойный М. Н. Богдановъ (въ своей превосходной книжкѣ «Мірскіе Захребетники»); а такъ какъ мнѣ пришлось бы почти буквально повторить тѣ же доводы, которые привелъ въ пользу воробья вполнѣ авторитетный авторъ упомянутой книги, то я и считаю наиболѣе цѣлесообразнымъ привести здѣсь, въ выдержкахъ, его собственные слова.

«Какъ хотите, но я съ этимъ не согласенъ» (т.-е. что воробей—воръ и тунеядецъ). «Воробей честный работникъ; онъ исправно трудится на своего хозяина; онъ приноситъ ему много

пользы, и за это-то его гонять вездѣ, бранять воромъ и не любить. Виноватъ ли онъ, что его труды не хотятъ цѣнить и что его вынуждаютъ воровать? Да онъ и не воруетъ, а беретъ только свое».

Разсказавъ, далѣе, что воробей дѣлаетъ въ лѣто три вывода птенцовъ и выкармливаетъ ихъ насѣкомыми, которыми и самъ въ это время питается, М. Н. Богдановъ говоритъ, что «съ апрѣля по конецъ іюля, или даже до начала августа, воробьи, волей-неволей, питаются не зернами, а гусеницами, личинками насѣкомыхъ, жучками, бабочками, мушками, улитками. Сколько они съѣдятъ ихъ сами, сколько перетаскаютъ своимъ воробьятамъ,—не могъ перечестъ того и акуратный нѣмецъ. Судите же, какъ велико количество съѣдаемыхъ воробьемъ насѣкомыхъ».

«Чтобъ оцѣнить пользу, которую въ теченіе весны и лѣта принесетъ намъ воробей, намъ надо посмотрѣть на наши огороды, сады, луга, цвѣтники, и узнать, что тамъ дѣлается. А не то, спросимъ у огородника, отчего онъ принесъ такую скверную капусту, всю въ дырочкахъ? Кто изъѣлъ ее? Отчего такой червивый горохъ? Отчего перепорчены всѣ овощи, которые онъ принесъ намъ? «Червяки, говоритъ, съѣли». Разверните кочанъ капусты: тамъ цѣлая куча сѣроватыхъ гусеницъ, которыя изъѣли его весь...» «Самый заботливый огородникъ не въ состояніи оборвать всѣхъ этихъ гусеницъ. Скажите же спасибо воробью. Если бы не онъ, у васъ не было бы ни капусты, ни другихъ овощей. Онъ каждый день внимательно осматриваетъ грядки и съ утра до вечера истребляетъ всѣхъ тѣхъ воровъ, которые ѣдятъ овощи. Я знаю, вы тотчасъ вспомните обиды, причиненныя вамъ воробьемъ. Вы скажете, что вашъ огородникъ жаловался на воробьевъ. «Что ни поѣшь, говорилъ старикъ, все испортятъ. Какъ только выйдетъ росточекъ изъ земли, налетятъ, объѣдятъ, повыдергаютъ, и сажай снова». Это правда: молодымъ росткамъ сильно достается отъ воробья» (и ихъ надо прилежно оберегать отъ этого лакомки,—прибавлю отъ себя), «но, когда растеніе укоренится, распуститъ листья, тутъ воробей ужъ не тронетъ его».

«Приходитъ садовникъ: «надо, говоритъ, сѣтки надѣть на вишни; воробьи одолѣли, всѣ ягоды испортятъ». Ну, а это что такое? спросите-ка его: вотъ вишенка не испорченная воробьемъ. Отчего на ней пятнышко? Откуда взялась гусеница внутри вишневой косточки? Въ томъ-то и дѣло. Воробей тутъ не воръ, а



охранитель нашего добра. Онъ поѣдаетъ молодые росточки главнымъ образомъ потому, что находитъ на нихъ насѣкомыхъ, а если онъ соблазнится вкусной ягодкой вишни, то и мы съ вами не утерпѣли бы, чтобы не съѣсть ее. Зато онъ на томъ же вишневомъ деревѣ переловитъ не одну сотню жучковъ и бабочекъ, мухъ, осъ и другихъ насѣкомыхъ, которыя прокалываютъ вишневые ягоды, чтобы положить туда яички. Изъ каждаго такого яичка выйдетъ гусеница; она проточитъ вишневую косточку и начнетъ ѣсть горькое зернышко, лежащее въ ней. Ягодка захрипѣетъ, не выростетъ, какъ слѣдуетъ, и не будетъ вкусна. Достаточно одной-двухъ бабочекъ или другихъ насѣкомыхъ, чтобы испортить ягоды на всемъ деревѣ. Вотъ полюбуитесь: садовникъ прикрылъ вишневое дерево сѣткой. Не достать теперь воробью сладкихъ вишенъ. Но развѣ сѣтка защититъ отъ бабочекъ, мухъ и жучковъ? Нѣтъ, и береженье вишни вышло хуже не береженье: столько между ними кривобокихъ, маленькихъ, не вкусныхъ, что хоть и не собирать ихъ, такъ въ ту же пору...» «Видите ли, какъ бы вы ни старались обвинять воробья въ воровствѣ, учиненномъ имъ въ теченіе весны и лѣта, а все-таки выйдетъ, что воровство это вамъ же полезно. И окажется на провѣрку, что, не будь воробья, не пришлось бы вамъ ѣсть многихъ вкусныхъ овощей и фруктовъ».

«Началась осень, воробей полетѣлъ на коноплянники, и тогда онъ становится неузнаваемъ. Онъ вошелъ во вкусъ грабежа. Нѣтъ конопли—онъ летитъ на поля, гдѣ сложенъ хлѣбъ, летитъ на гумно, на молотильные тока, порхаетъ по дорогамъ, гдѣ возятъ снопы. Хлѣбное зерно стало его исключительной пищей. Въ теченіе всей осени воробей сущій воръ; но вѣдь онъ служилъ намъ всю весну и лѣто вѣрой и правдой; не жалѣйте же нѣсколькихъ горстей зеренъ, которыя вы все равно потеряли бы при сборкѣ хлѣба: по полямъ, при перевозкѣ сноповъ по дорогамъ, при сушкѣ въ овинахъ, при молотбѣ, при пересыпкѣ зеренъ изъ мѣшка въ мѣшокъ. Воробей и тутъ беретъ только то, что уже брошено, чего вы не можете поднять, что съѣдятъ другія птицы и звѣри...» «Воробей не только не воръ, но птичка полезная и умная, которую всякій благоразумный человѣкъ долженъ оберегать».

Вотъ что говоритъ нашъ извѣстный знатокъ и тонкій наблюдатель птичьяго міра, и я, на основаніи собственныхъ моихъ

многолѣтнихъ наблюденій надъ жизнью воробьевъ, всецѣло и вполне къ нему присоединяюсь. Главное, необходимо твердо помнить, что полезная насѣкомоядная дѣятельность воробья проходитъ обыкновенно мало замѣченной. Ее знаютъ и замѣчаютъ только тѣ, кто привыкъ постоянно слѣдить за птицами—ихъ жизнью и времяпрепровожденіемъ. Когда же воробей клюетъ вишню или треплетъ колосъ на снопѣ, это легко бросается въ глаза, это видятъ всѣ и начинаютъ кричать: «Воръ, воръ,—вишню объѣдаетъ, хлѣбъ таскаетъ! Бейте его, стрѣляйте!..»

Наконецъ, относительно полевого воробья слѣдуетъ также помнить, что онъ, какъ уже было упомянуто выше, не трогаетъ ни плодовъ, ни ростковъ, а потому и долженъ всегда быть желаннымъ гостемъ въ фруктовыхъ садахъ и на огородахъ. Если онъ занимаетъ иногда домики, разставленные по деревьямъ для скворцовъ и другихъ дуплогнѣздиговъ, то его не слѣдуетъ оттуда выгонять.

Итакъ, въ концѣ концовъ, оба наши воробья—а въ особенности полевой—приносятъ больше пользы, чѣмъ вреда, и потому ихъ должно охранять, а не преслѣдовать.

Клесты, снѣгирь, щуръ, чечевица, зябликъ, вьюрокъ, щеголь, чижъ, чечетка, коноплянка, зеленушка, дубоносъ и оба воробья,—все эти птицы родственны другъ другу и относятся къ группѣ вьюрковыхъ <sup>1)</sup> птицъ—одной изъ обширнѣйшихъ группъ пернатого царства, имѣющей еще многихъ другихъ представителей среди птицъ жаркихъ странъ (тропическихъ и экваторіальныхъ).

Внимательный читатель, конечно, замѣтилъ общія, сходныя черты въ характерѣ и образѣ жизни вышепоименованныхъ птицъ. Все безъ исключенія вьюрковыя птицы принадлежатъ къ числу зерноядныхъ, т.-е. питающихся главнымъ образомъ зернами и сѣменами различныхъ растений; къ такой пищѣ приспособленъ и ихъ клювъ—большею частію толстый, крѣпкій и болѣе или менѣе коническій.

Группа вьюрковыхъ птицъ принадлежитъ къ числу наиболѣе важныхъ и интересныхъ для насъ группъ пернатого царства.

<sup>1)</sup> Fringillidae.

Большинство представителей этой группы стоит довольно близко къ человѣку, не чуждается его, гнѣздится по близости его жилищъ, населяетъ его сады и рощи, и, будучи, въ большей или меньшей степени, одарено способностью пѣнія, весьма пріятно оживляетъ окружающую человѣка природу—оживляетъ не только лѣтомъ, но даже и зимой, такъ какъ многія изъ птицъ этой группы живутъ у насъ круглый годъ. Наконецъ, вьюрковыя птицы играютъ также весьма немаловажную роль въ хозяйствѣ человѣка: онѣ оказываютъ ему большія услуги уничтоженіемъ громаднхъ количествъ сѣмянъ сорныхъ растеній, а также и немалого количества насѣкомыхъ, которыми большинство этихъ птицъ выкармливаетъ своихъ птенцовъ, и въ числѣ которыхъ (т.-е. насѣкомыхъ) находится не малое количество враговъ нашихъ полей, лѣсовъ садовъ и огородовъ.

Большинство птицъ вьюрковой группы принадлежитъ къ числу любимыхъ комнатныхъ птицъ. Онѣ легко становятся ручными и при хорошемъ уходѣ подолгу живутъ въ клѣткахъ.

Всѣмъ извѣстная канарейка—родомъ съ Канарскихъ острововъ—также принадлежитъ къ числу вьюрковыхъ птицъ.

## Овсянка<sup>1)</sup>.



Надъ землею воздухъ дышетъ  
День отъ дня теплѣе;  
Стали утромъ зорьки ярче,  
На небѣ свѣтлѣе.  
Всходитъ солнце надъ землею  
Съ каждымъ днемъ все выше,  
И весь день, кружась, воркуютъ  
Голуби на крышѣ.

И. Суриковъ.

**К**ТО ЗНАКОМЪ съ желтоголовой овсяночкой (а незнакомы съ нею развѣ только постоянные жители большихъ городовъ), тотъ, почти наверняка можно сказать, познакомился съ нею еще въ дѣтствѣ, и въ то именно время года, когда—

Надъ землею воздухъ дышетъ  
День отъ дня теплѣе

и когда на дворѣ каждый день образуются, отъ быстро тающаго снѣга, все новыя и новыя лужи, изъ которыхъ такъ весело спускать воду и подгонять ее метлой въ ближайшую канаву,— когда изъ навозной кучи, набросанной около конюшни, паръ «валомъ валить», а воробьи, обсыпавшіе, словно мухи, раскидистый кустъ бузины, оглушительно чирикаютъ на всякіе лады, отъ восторга, что наконецъ-то кончается несносная зима съ ея голодовками и раскрывается долгожданная «скатерть самобранная»...

---

<sup>1)</sup> Emberiza citrinella. Овсянка, овсяночка (почти повсемѣстно); овсянка, свертушка, желтопузикъ (Харьковск.).

Вотъ въ такіе-то дни любознательный и наблюдательный глазъ ребенка часто и съ любовью останавливается на желто-головыхъ и желтогрудыхъ птичкахъ, немного покрупнѣе воробья <sup>1)</sup>, которыя то копошатся вмѣстѣ съ воробьями на навозной кучѣ, то, прыгая короткими прыжками и держа почти горизонтально свое тѣло, подбираютъ овсинки, оброненныя на дворѣ кучеромъ, то, разсѣвшись по верхушкамъ березъ и сиреневыхъ кустовъ прилегающаго ко двору сада, напѣваютъ оттуда, серебристымъ голоскомъ, свою коротенькую пѣсенку: «дзинь-дзинь-дзинь-дзинь-дзинь—сsii». Эта, безпрестанно повторяемая и звучащая иногда словно крошечный колокольчикъ, немудреная пѣсенка, съ ея нѣсколько грустнымъ оттѣнкомъ, глубоко западаетъ въ душу ребенка, потому что это первая птичья пѣсня <sup>2)</sup>, ласкающая его слухъ, послѣ продолжительнаго зимняго затишья и скучнаго сидѣнья въ душныхъ комнатахъ. Эта пѣсня какъ бы говоритъ ему, что теперь кончилось это скучное сидѣніе, и наступаетъ другая, лучшая пора—цѣлый заманчивый рядъ чудныхъ дней и недѣль, когда распустятся на деревьяхъ почки, зацвѣтетъ садъ, зазеленеетъ поле, зашумитъ лѣсъ,—когда отовсюду зазвучатъ свѣтлыя пѣсни тысячей пернатыхъ пѣвцовъ и наполнятъ восторгомъ его маленькое дѣтское сердечко...

Когда ребенокъ вырастетъ, станетъ взрослымъ человѣкомъ, и когда

«Заботъ немолчныхъ скучная тревога»

окраситъ въ розовый цвѣтъ и сдѣлаетъ столь дорогими сердцу воспоминанія далекаго золотого дѣтства, тогда—съ какимъ неизъяснимо-пріятнымъ чувствомъ прислушивается онъ, въ тихое мартовское утро, къ монотонной, не совсѣмъ еще налаженной, пѣсенкѣ желтоголовой овсяночки... Звуки этой пѣсни безсознательно запади въ его душу еще въ далекія времена дѣтства. Теперь они поднимаются изъ глубокихъ тайниковъ душевныхъ и извлекаютъ съ собою оттуда, окружавшія ихъ тамъ, дорогія и милыя-милыя воспоминанія...

На свѣтѣ все относительно. Одинъ считаетъ себя богачомъ, въ то время, когда другой, обладая такимъ же «богатствомъ», считалъ бы себя совсѣмъ бѣднымъ человѣкомъ. Одинъ, создавъ

<sup>1)</sup> Въ длину  $6\frac{3}{4}$  дюйма (17 см.)

<sup>2)</sup> По крайней мѣрѣ, на моей родинѣ—въ Бѣлоруссіи.



въ своей головѣ совершенно недостижимый идеаль счастья, жалуется на свою судьбу при тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ, при которыхъ другой, болѣе скромный въ своихъ требованіяхъ, почитаетъ себя вполне счастливымъ человѣкомъ... Такъ же и съ нашей овсяночкой: появляясь она со своей скромной пѣсенкой въ апрѣлѣ или маѣ мѣсяцѣ, пѣсенка эта легко затерялась бы среди богатыхъ и разнообразныхъ пѣсенъ болѣе одаренныхъ пѣвцовъ, населяющихъ тогда наши сады и рощи; но, запѣвая въ мартѣ мѣсяцѣ, а иногда даже и въ концѣ февраля, эта птичка тѣмъ самымъ становится намъ дорога. По крайней мѣрѣ, меня первая пѣсня овсянки, въ февралѣ, радуетъ не менѣе, чѣмъ первая пѣсня соловья, въ маѣ...

Лишь только сойдетъ снѣгъ, овсянки разбиваются на парочки и собираются къ мѣстамъ своихъ гнѣздовій. Любимыми мѣстами, гдѣ гнѣздятся лѣтомъ эти птицы, служатъ лѣсный опушки, небольшие перелѣски, пригородные сады и парки, словомъ, такія мѣста, гдѣ есть деревья и кустарники, вперемежку съ полями и открытыми мѣстами. Глухого, сплошного лѣса овсянка не любитъ.

Гнѣздышко овсянки, довольно грубо свитое изъ сухихъ стебельковъ и листиковъ разныхъ травъ, и выложенное внутри конскими волосами, помѣщается большею частью непосредственно на землѣ, среди травы. Самочка кладетъ въ него 4—5 яичекъ, испещренныхъ по бѣловатому, зеленоватому или красноватому фону темными пятнышками и жилками. Высиживанію, продолжающемуся 13 дней, помогаетъ также и самчикъ, смѣняющій самочку на то время, когда она слетаетъ кормиться. Въ остальное время самчикъ усердно распѣваетъ свою однообразную пѣсенку, повторяя ее, съ небольшими промежутками, несчетное число разъ кряду. Во время пѣнія онъ всегда сидитъ неподвижно на самой маковкѣ дерева или куста, находящагося по близости отъ гнѣзда. Въ это время овсянка подпускаетъ къ себѣ человѣка очень близко и безпрепятственно позволяетъ себя наблюдать на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ.—Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что между овсянками, какъ и между прочими пѣвчими птицами, встрѣчаются хорошіе и плохіе пѣвцы. Иногда встрѣчаются овсянки, пѣсня которыхъ—какъ было уже упомянуто выше—звучитъ почти какъ колокольчикъ. Такая пѣсня чрезвычайно мила

и много содѣйствуетъ прелести лѣснаго пернатого хора, въ тихій весенній вечеръ, напоенный ароматомъ распускающихся березовыхъ почекъ.

Птенцовъ своихъ овсянки выкармливаютъ исключительно одними только насѣкомыми, каковыми и сами преимущественно питаются въ это время. Спустя недѣли три, молодые овсяночки могутъ уже летать и становятся вполнѣ самостоятельными, старики же вскорѣ принимаются за второй выводъ, за которымъ, въ благоприятные годы, нерѣдко слѣдуетъ еще и третій (на югѣ).

По окончаніи вывода дѣтей, къ концу лѣта, овсянки, старыя и молодыя, соединяются въ стаи, которыя, по мѣрѣ приближенія зимы, становятся все болѣе и болѣе многочисленными. Осенью эти стаи кочуютъ по пашнямъ, полямъ и огородамъ, кормясь различными мучнистыми сѣменами и зернами, изъ которыхъ особенно предпочитаютъ овесъ, откуда и произошло, вѣроятно, названіе этой птицы. Съ наступленіемъ зимы, когда поля и огороды покроются снѣгомъ, стаи овсянокъ приближаются къ человѣческимъ жилищамъ и съ трудомъ отыскиваютъ себѣ здѣсь пропитаніе, по дворамъ, около конюшенъ и навозныхъ кучъ, нерѣдко въ сообществѣ съ воробьями, воронами и другими «мірскими захребетниками». Зимой, стаи овсянокъ охотно держатся также по большимъ, обсаженнымъ деревьями, дорогамъ, гдѣ кормятся, выбирая непереваренныя зерна овса изъ конскаго навоза. Изъ сѣверныхъ краевъ стаи овсянокъ передвигаются во время зимы къ югу—чѣмъ суровѣе зима, тѣмъ дальше—но, съ первымъ же дыханіемъ весны, слѣдуютъ обратно на свою родину.

Красивую лимонно-желтую окраску головки и грудки имѣетъ только самчикъ овсянки, и то не круглый годъ, а лишь съ конца зимы и до конца лѣта, то есть до того времени, когда происходитъ у этой птички линяніе—такъ сказать, переодѣваніе въ болѣе скромную осеннюю одежду. Осенью и зимой овсянка выглядитъ, въ общемъ, буровато-сѣрой птичкой, съ приближеніемъ же весны сѣрые и темные края перышекъ постепенно стираются, изнашиваются, изъ-подъ нихъ начинаетъ мало-по-малу выступать наружу болѣе ярко окрашенная середина перышекъ: у самчика—на головкѣ, грудкѣ и вообще на всей нижней сторонѣ—все болѣе и болѣе выступаетъ лимонно-желтый цвѣтъ, на спинкѣ же—красновато-бурый и черныя полосы. У самокки, къ этому времени, также выступаетъ немного желтой окраски на головкѣ и

горлышкѣ, общая же ея одежда гораздо скромнѣе—въ ней преобладаетъ буровато-сѣрый цвѣтъ.

У насъ, въ Россіи, овсянка водится повсюду, отъ Лапландіи до Кавказа и Крыма включительно. На Кавказѣ она многочисленнѣе по сю сторону горъ, чѣмъ въ Закавказьѣ, гдѣ встрѣчается довольно рѣдко. Въ Крыму встрѣчается преимущественно зимой.

Несмотря на свою большую общительность, овсянка птица далеко не миролюбивая: въ стаѣ овсянокъ происходятъ постоянныя ссоры и драки, въ особенности подъ весну, когда эти птички уже выходятъ изъ-подъ гнета суровой зимы и жизни впроголодь.

Въ клѣткѣ овсянку хотя и держатъ, но, сравнительно, довольно рѣдко; вѣроятно, потому, что она долго не можетъ привыкнуть къ неволѣ и дичится, что весьма непріятно. Кормить слѣдуетъ ее канареечнымъ сѣменемъ, овсомъ, макомъ (немного) и муравьиными яйцами, перемѣшивая все это съ тертою морковью и толченымъ сухимъ бѣлымъ хлѣбомъ.

Относительно полезности или вредности овсянки трудно сказать что-нибудь опредѣленное. Въ этомъ отношеніи ее можно считать почти безразличною, т.-е. ни особенно полезною, ни вредною. Хотя, конечно, слѣдуетъ зачесть ей въ немалую заслугу то, что она оживляетъ зимой нашу скудную природу и радуется своей ранней весенней пѣсенкой.

Наша желтоголовая овсяночка является представительницей довольно многочисленнаго семейства подорожниковъ<sup>1)</sup>. Такъ какъ остальные наши подорожники весьма сходны характеромъ и образомъ жизни съ только что описанной овсянкой, то я и ограничусь здѣсь лишь краткой характеристикой нѣкоторыхъ изъ нихъ, тѣмъ болѣе, что эти птицы, большею частію, имѣютъ ограниченное распространеніе—встрѣчаются далеко не вездѣ.

(Примѣчаніе: читатель, не особенно интересующійся птицами, можетъ пропустить эту пару страницъ).

### 1) Снѣжный подорожникъ<sup>2)</sup>.

Родина этой птицы—сѣверныя тундры, откуда она на зиму спускается большими стаями на югъ, при чемъ, въ особенно су-

<sup>1)</sup> Emberizidae. <sup>2)</sup> *Emberiza (Plectrophanes) nivalis*—Подорожникъ (болѣе или менѣе повсемѣстно); снѣгурка, зимній подорожникъ (Оренбургск.);

ровыя и снѣжныя зимы, добирается даже до крымскихъ степей и сѣверныхъ склоновъ Кавказа. Позднею осенью многочисленныя стаи этихъ птичекъ часто можно встрѣтить на поляхъ, преимущественно по пожнямъ и озимямъ. (Подъ Петербургомъ, въ концѣ зимы, ихъ нерѣдко можно встрѣтить на дорогѣ между Ораніенбаумомъ и Кронштадтомъ). Это та бѣленькая съ черной спинкой птичка, которую петербургскіе птичники продаютъ подъ названіемъ морского голубка или просто подорожника; нерѣдко еще помѣщаютъ въ клѣтку съ колесомъ, въ которомъ эта птичка иногда подолгу бѣгаетъ. Лѣтомъ старый самецъ является окрашеннымъ въ снѣжно-бѣлый цвѣтъ, кромѣ только черной спинки.

## 2) Лапландскій подорожникъ <sup>1)</sup>).

Также обитатель необозримыхъ нашихъ сѣверныхъ тундръ, откуда, къ зимѣ, спускается въ болѣе южныя широты. Встрѣчается гораздо рѣже предыдущаго. Опереніе, въ общемъ, пестрое красновато-бурое; у стараго самца (лѣтомъ) голова, горло и зобъ совершенно черные, брюшко бѣлое.

Обѣ эти птички отличаются отъ остальныхъ подорожниковъ очень длиннымъ и острымъ ногтемъ задняго пальца (шпора).

## 3) Подорожникъ садовый или ортоланъ <sup>2)</sup>).

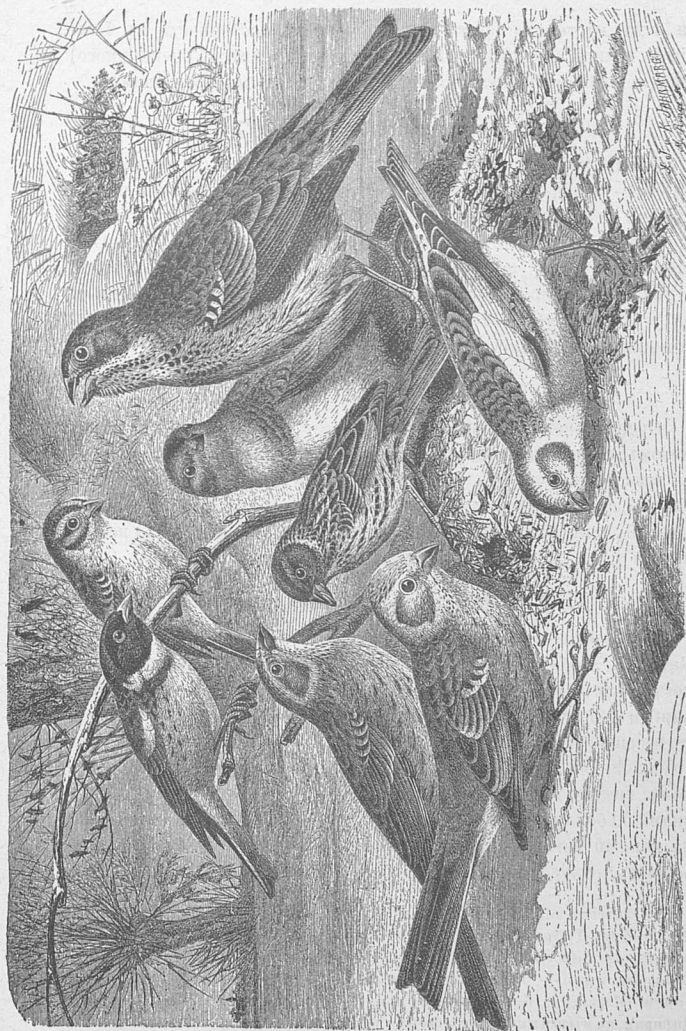
Пестрая, красновато-бурая, съ желтымъ горлышкомъ, птичка, водящаяся въ Средней и Южной Россіи, съ Крымомъ включительно. На Кавказѣ она весьма обыкновенна въ равнинахъ и долинахъ рѣкъ. На зиму улетаетъ въ Африку.

Пѣсня ортолана, по характеру, очень схожа съ пѣсней овсянки, но покороче (въ родѣ «тси-тси-тси-тюръ»). Ортоланъ легко откармливается искусственно въ короткое время и становится тогда очень жирнымъ и вкуснымъ. Еще въ древнія времена у римлянъ существовали особенные птичники для откармливанія ортолановъ;

---

снѣгирь, снѣгурка (Пермск. и Зауралье); морской голубокъ (у петерб. птицелов.); пунакъ, пуналица (Русск. Лапланд.); снѣгурка (Херсонск.).

<sup>1)</sup> *Emberiza (Plegrophanes) lapponica*. Дубровникъ (Поволжье); овсянка (Южн. Росс.).— <sup>2)</sup> *Emberiza hortulana*. Ремезъ настоящій (Петербургск. птицелов.).



Подорожники.

1. Овсянка (самец).— 2. То же (самец).— 3. Спѣвальный подорожникъ (самец).— 4. То же (самка).— 5. Просинка.— 6. Подорожникъ луговой (самец).— 7. То же (самка).— 8. Подорожникъ карликовый.



да и въ настоящее время гастрономы (въ особенности въ Италиі и южной Франціи, гдѣ этихъ птицъ водится очень много) нерѣдко лакомятся жареными и маринованными ортоланами.

#### 4) Подорожникъ просянка <sup>1)</sup>.

Одинъ изъ самыхъ крупныхъ подорожниковъ (величиною съ полевого жаворонка). Эта сѣрая птичка, вся испещренная черными черточками и пятнышками, также принадлежитъ преимущественно югу Россіи, гдѣ мѣстами весьма обыкновенна. Держится преимущественно по полямъ и лугамъ, на которыхъ находятся отдѣльныя группы деревьевъ и кустовъ. Очень любитъ садиться на телеграфную проволоку, съ которой и распѣваетъ свою коротенькую неказистую пѣсенку.

#### 5) Подорожникъ луговой <sup>2)</sup>.

Очень красивая птичка съ черными щеками, ярко-желтымъ низомъ, каштаново-краснымъ верхомъ и широкой бѣлой полосой на крыльяхъ (самецъ). Водится исключительно въ средней Россіи, по лугамъ рѣчныхъ долинъ. На зиму отлетаетъ въ южные края. Лучшій пѣвецъ изъ всѣхъ подорожниковъ и нерѣдко встрѣчается въ клѣткахъ у любителей комнатныхъ птицъ.

#### 6) Подорожникъ тростниковый <sup>3)</sup>.

Распространенъ по всей Россіи—отъ Лапландіи до Крыма и Кавказа. Любимыми мѣстами его пребыванія являются низменности, гдѣ есть вода и высокія водяныя растенія — тростникъ, камышъ, а также ивовые и другіе прибрежные кусты. Самецъ, въ весенней и лѣтней одеждѣ, легко бросается въ глаза своей черной головкой, окаймленной бѣлымъ ошейникомъ, и чернымъ горлышкомъ; грудка и брюшко бѣлыя, съ черными продольными черточками по бокамъ; верхняя сторона пестро-бурая. Издали эта птичка, на первый взглядъ, имѣетъ нѣкоторое сходство съ полевымъ воробьемъ, откуда, конечно, и произошло названіе болотный во-

<sup>1)</sup> *Emberiza miliaria*. Овсянка, просянка (Харьк.); овинникъ. — <sup>2)</sup> *Emberiza aureola*. Дубровникъ (Центр. Россія и у петербургск. птицелововъ); луговой воробей (Поволжье); желтый болотный воробей (Калужск.); луговая овсянка. — <sup>3)</sup> *Emberiza schoeniclus*. Тростниковый, болотный воробей (Казанск.); болотный воробей (Петерб.); завирушка (низовье Днѣпра); камышникъ; камышева овсянка.



Подорожникъ тростниковый (болотный воробей).

1. Самецъ. — 2. Самка.

робей. На зиму отлетаетъ въ теплые края. Въ окрестностяхъ Петербурга чаще всего попадаетъ на глаза ранней весной, во время пролета (въ началѣ апрѣля).

#### 7) Подорожникъ лѣсной <sup>1)</sup>.

#### 8) Подорожникъ-карликъ <sup>2)</sup>.

Обѣ эти птички очень сходны между собою по окраскѣ: полосатая головка (у лѣсного бѣлыя и черныя полосы, у карлика—бурая и черныя), бѣлое брюшко, съ темными крапинами

<sup>1)</sup> *Emberiza rustica*. Ремезъ (Петербургск.).

<sup>2)</sup> *Emberiza pusilla*. Овсянка-крошка (Мензбиръ «Птицы Россіи»).

по бокамъ, и пестро-бурая спинка. Какъ тотъ, такъ и другой подорожникъ гнѣзятся на крайнемъ сѣверѣ и сѣверо-востокѣ (отъ Лапландіи до Камчатки), отлетая на зиму на югъ. Лѣсной подорожникъ встрѣчается ежегодно, въ небольшомъ числѣ, на весеннемъ пролетѣ, въ окрестностяхъ Петербурга. Лѣтнимъ мѣсто-пребываніемъ этихъ двухъ подорожниковъ служатъ лѣса и преимущественно ивовыя заросли по берегамъ и островамъ большихъ сѣверныхъ рѣкъ.

### 9) Подорожникъ черноголовый <sup>1)</sup>).

Этотъ очень красивый подорожникъ—снизу желтый, сверху буровато-красный и съ черной шапочкой на головѣ—водится у насъ преимущественно на крайнемъ юго-востокѣ. На Кавказѣ, очень обыкновененъ повсюду, въ мелколѣсѣхъ и кустарникахъ степей, полей и рѣчныхъ долинъ.

### 10) Подорожникъ горный <sup>2)</sup>).

Красновато-бурая птичка, съ голубовато-сѣрымъ горлышкомъ и зобомъ и полосатой (бѣлое съ чернымъ) головкой. Водится на горахъ Кавказа и южнаго берега Крыма, въ области горныхъ луговъ, придерживаясь лѣсныхъ опушекъ и кустарниковъ. Названіе дурачка получилъ за то, что очень неостороженъ и легко попадаетъ въ сѣти и другія ловушки.

Подорожники приходятся близко сродни вьюрковымъ птицамъ, отъ которыхъ отличаются главнымъ образомъ своимъ клювомъ, а именно: ихъ клювъ — толстый, короткій и коническій, какъ и у вьюрковъ—имѣетъ ту особенность, что верхняя его половина уже и тоньше нижней, и края обѣихъ половинокъ дугообразно изогнуты, а на нѣбѣ находится небольшая костяная шишечка, способствующая птицѣ раздроблять зерна. Кромѣ того, всѣ подорожники имѣютъ, относительно, довольно длинный хвостъ. По этимъ признакамъ не трудно узнать птицу изъ рода подорожниковъ.

<sup>1)</sup> *Emberiza melanocephala*.

<sup>2)</sup> *Emberiza cia*. Овсянка горная (Мензбиръ «Птицы Россіи»). Дурачокъ.

# Полевой жаворонокъ <sup>1)</sup>.

На солнцѣ темный лѣсъ зардѣлъ,  
Въ долинь паръ бѣлѣтъ тонкій  
И пѣсно раннюю запѣлъ  
Въ лазури жаворонокъ звонкій.  
Онъ голосисто съ вышины  
Поетъ, на солнышкѣ сверкая:  
«Весна идетъ къ намъ молодая!  
«Я здѣсь пою приходъ весны.  
«Здѣсь такъ легко мнѣ, такъ радужно,  
«Такъ безпредѣльно, такъ воздушно,  
«Весь Божій міръ здѣсь вижу я  
«И славить Бога пѣснь моя!

Жуковскій.



АКЪ ПЕРЕВОДИТЬ поэтъ на понятную для насъ рѣчь серебристо-переливчатую пѣсню воздушнаго пѣвца полей.

«Я здѣсь пою приходъ весны»...

какъ это прекрасно и вѣрно сказано! Дѣйствительно, это она—«могущественная волшеб-

ница»—вложила въ крошечную душу пернатого пѣвца свѣтлые звуки очаровательной пѣсни, и выслала его впередъ—возвѣстить о своемъ приближеніи... Всѣмъ эта пѣсня радостна; всѣмъ мила пѣсня жаворонка, всѣ любятъ этого пернатого вѣстника,—любятъ, нерѣдко, даже не зная его, а лишь по наслышкѣ... А между тѣмъ съ нимъ такъ не трудно познакомиться. Стоитъ только выйти, въ весеннее утро, или въ тихій весенній вечеръ, на поле, и немножко прислушаться: со всѣхъ сторонъ станутъ долетать до слуха переливчатые пѣсни воздушныхъ пѣвцовъ—жаворон-

<sup>1)</sup> *Alauda arvensis*.—Жаворонокъ (болѣе или менѣе повсемѣстно); жайворонокъ (Малоросс.); вырей (Курск.); вещевременникъ (Арханг.).

ковъ. Одни кончаютъ, другіе начинаютъ. Иногда, кажется, словно весь воздухъ поетъ—такъ наполняютъ его своими пѣснями десятки одновременно поющихъ жаворонковъ. Всмотритесь попристальнѣе въ вышину, по направленію къ ближайшей пѣснѣ, и вы навѣрное вскорѣ откроете, какъ бы висящую въ воздухѣ и слегка колеблющуюся, темную точку. Имѣйте нѣсколько терпѣнія и послѣдите за этой точкой: черезъ нѣсколько минутъ она начнетъ медленно опускаться. Пѣсня слышится все явственнѣе и громче—единственная въ своемъ родѣ пѣсня: свѣтлая, серебристая, непрерывно переливающаяся на всевозможные лады, поющая безъ передышки и остановки, въ теченіе многихъ и многихъ минутъ кряду. Видимо, пѣвецъ самъ безгранично наслаждается своей пѣсней и словно не можетъ съ нею разстаться... Но, наконецъ, нужно же маленькому существу перевести духъ и дать нѣкоторый отдыхъ крылышкамъ; и вотъ, пѣсня сразу обрывается, крылышки складываются, и птичка словно камень падаетъ, слегка въ косомъ направленіи, на землю. Въ послѣдній моментъ паденія крылышки снова раскрываются, дѣлаютъ нѣсколько взмаховъ, и, пропорхнувъ нѣкоторое разстояніе надъ самой поверхностью земли, жаворонокъ садится на землю, нерѣдко всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ, или отъ того мѣста, съ котораго онъ незадолго передъ тѣмъ поднялся, съ пѣсней, на воздухъ. Такимъ образомъ, и рассмотрѣть вблизи жаворонка также не трудно. Это небольшая, но и не очень маленькая <sup>1)</sup>, птичка, съ весьма скромной окраской. Въ общемъ, съ нѣкотораго разстоянія, она представляется буровато-сѣрой, съ небольшой пестриной; при рассмотрѣніи же ея вблизи, она является, при общемъ желтовато-сѣромъ тонѣ, сверху окрашенною въ блѣдный красновато-бурый цвѣтъ, снизу же въ бѣловатый, съ темными пятнышками и черточками. На ножкахъ у жаворонка, на заднемъ пальцѣ, ноготь вытянутъ въ длинный, острый, почти прямой шпорецъ, а не изогнутъ крючкомъ, какъ у большинства птицъ. На переднихъ пальцахъ ногти очень короткіе и слабо изогнутые. Благодаря такому устройству ногтей, жаворонку очень удобно бѣгать по землѣ, но зато неудобно садиться на деревья, такъ какъ трудно держаться на вѣткѣ. Вотъ почему вы никогда не увидите жаворонка на деревѣ. Изрѣдка его можно увидѣть сидящимъ на полевомъ заборѣ, а также на плоскомъ

<sup>1)</sup> Въ длину около  $7\frac{1}{2}$  дюйм. (18 см.).





Жаворонки.

1. Полевой.—2. Хохлатый.—3. Лѣсной (юла).

зонтикѣ какого-нибудь крупнаго зонтичнаго растенія. Обыкновенно же онъ сидитъ на землѣ или, еще охотнѣе, на кочкѣ, съ которой перѣдко и расцѣвываетъ свои утреннія и вечернія пѣсни.

Отъ самаго крайняго сѣвера до Крыма и Кавказа, вездѣ, гдѣ только есть равнины съ обработанными полями, водится и полевой жаворонокъ.

Едва природа начнетъ пробуждаться изъ своего зимняго оцѣпенѣнія, едва зачернѣютъ на поляхъ первыя проталины, —

начинается и прилетъ жаворонковъ, проводившихъ зиму въ болѣе гостепріимныхъ южныхъ странахъ. Съ пѣснями возвращаются птички на свою родину и спускаются на проталины, гдѣ находятъ для себя кормъ—зерна и сѣмена разныхъ прошлогоднихъ травъ.

Весело встрѣчать весной первыхъ жаворонковъ. Выйдешь утромъ на поле, остановишься и превратишься весь въ слухъ—не донесется ли откуда-нибудь трель долгожданнаго, дорогого гостя... Вдали, надъ многолюднымъ городомъ, стоитъ гулъ отъ тысячъ экипажныхъ колесъ. Отъ времени до времени слышится далекіе свистки желѣзной дороги... На ближнемъ огородѣ галдитъ немилосердно стая воробьевъ... «Крукъ, крукъ»—медленно протянула надъ головой пара вѣроновъ, слегка свистя крыльями. На вершинѣ молодой березки, при дорогѣ, потихоньку налаживаетъ свою короткую пѣсенку желтоголовая овсяночка... На нѣсколько секундъ водворяется тишина, и только вѣтерокъ шумитъ по ушамъ. Поворачиваешься къ нему бокомъ—такъ меньше шумитъ... Чу! никакъ тамъ, вдали... словно будто съ того края поля донесся отрывокъ трели... Такъ сердце и ёкнуло! Устремляешь въ ту сторону весь свой слухъ... «Гал-ка, гал-ка, карръ, карръ...»—цѣлая стая воронья съ шумомъ проносится надъ головой... Слава Богу, пролетѣла... и въ наступившей снова тишинѣ теперь уже ясно слышится приближающаяся пѣсня: «тирлирлирлирлююю-тирлирлирлирлююю»—разливается по влажному весеннему воздуху широкая пѣсня, и въ то же самое время, вдругъ, надъ самой головой, зазвучала другая такая же пѣсня—громкая, свѣжая, серебряная... И рука невольно поднимается къ шляпѣ, глаза любовно слѣдятъ за плавно пролетающимъ вверхъ пѣвцомъ, а губы сами собою нашептываютъ привѣтствіе: «здравствуй, милая, хорошая, долгожданная птичка!»...

И какъ вдругъ все перемѣнилось вокругъ! Словно стали это и не тѣ поля, и не тѣ деревья, и не тотъ воздухъ: словно все это было нѣсколько минутъ тому назадъ мертво, безжизненно, а теперь вдругъ ожило, одухотворилось. Былъ будень, и вдругъ сталъ праздникъ. На душѣ просвѣтлѣло, на сердцѣ повеселѣло, и бодро спѣвшишъ домой—легко несутъ ноги—спѣвшишъ подѣлиться съ близкими сердцу радостною вѣстью: «жаворонки прилетѣли!»...

Да, много чудныхъ минутъ даритъ природа тому, кто подходитъ къ ней съ открытымъ сердцемъ и раскрытыми глазами

и ушами... А какъ мало еще между нами (людьми образованными) способныхъ воспринимать эти дорогіе дары...

Прилетѣ жаворонковъ длится одну-двѣ недѣли, смотря повеснѣ: въ холодную погоду—долѣе, въ теплую же приканчивается скорѣе. Летятъ они преимущественно по утрамъ, часовъ до 11—12 дня, и въ это время повсюду можно услышать пѣсни прилетающихъ жаворонковъ,—даже надъ лѣсомъ, и надъ городомъ, гдѣ въ прочее время года никогда не услышишь эту птицу.

Вскорѣ по прилетѣ, соединившись въ парочки, жаворонки приступаютъ къ гнѣздовымъ дѣламъ. Гнѣздо устраивается обыкновенно на землѣ (въ бороздахъ, между кочками, въ травѣ) изъ соломинокъ, тонкихъ корешковъ, сухой травы, и выстилается внутри конскими волосами. Въ гнѣздо кладется 4—5 грязновато-бѣлыхъ, испещренныхъ сѣровато-коричневыми пятнышками и точечками, яичекъ, которыя высиживаются въ теченіе 14-ти дней. Вышедшіе по истеченіи этого срока птенчики выкармливаются насѣкомыми; они скоро подрастаютъ и оставляютъ гнѣздо раньше, чѣмъ выучатся летать,—какъ только окрѣпнуть на ногахъ. Когда птенцы перваго вывода научатся сами доставать себѣ кормъ, тогда старики оставляютъ ихъ и принимаются за второй выводъ, за которымъ иногда (на югѣ) слѣдуетъ еще и третій. Во все время вывода птенцовъ, жаворонокъ-самецъ прилежно поетъ, при чемъ, весною и въ началѣ лѣта, пѣсни его раздаются почти весь день, отъ зари и до зари, впослѣдствіи же онъ поетъ преимущественно по утрамъ и вечерамъ. Съ Петрова дня пѣніе жаворонковъ начинается замѣтно ослабѣвать, а около половины іюля и вовсе прекращается. Впрочемъ, въ тихіе, ясные и теплые дни первыхъ чиселъ сентября—въ такъ называемое «бабье лѣто»—когда наступаетъ пора отлета на югъ, нерѣдко снова можно услышать поющего надъ полемъ жаворонка. Но эти осеннія прощальныя пѣсни уже далеко не то, что весеннія!

Отлетъ жаворонковъ идетъ весьма медленно. Онъ длится обыкновенно почти весь сентябрь и значительную часть октября. Эти птицы не забираются слишкомъ далеко на югъ: конечными пунктами зимняго странствованія нашихъ жаворонковъ служатъ южныя окраины Европы. За море они не улетають.

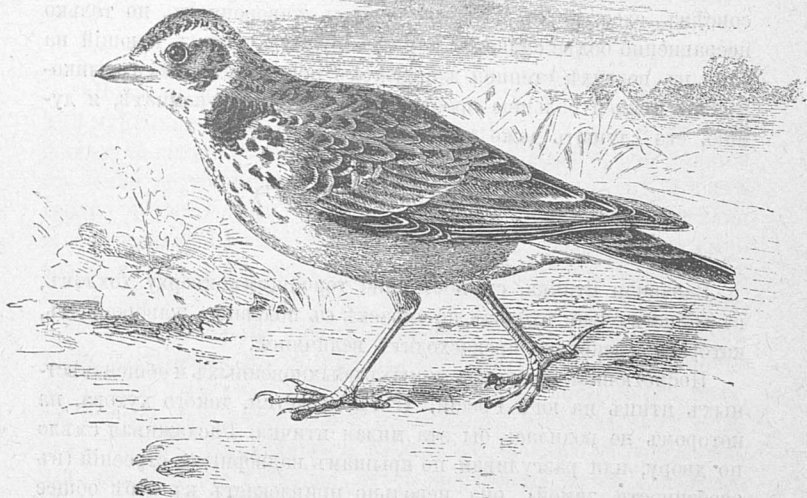
Жаворонокъ преимущественно птица зерноядная, на что уже указываетъ его крѣпкій короткій клювъ. Весной, осенью и

зимой, эта птичка кормится различными мучнистыми сѣменами, преимущественно отъ разныхъ сорныхъ травъ (маслянистыя сѣмена, какъ напимѣръ конопляное и льняное, беретъ неохотно); лѣтомъ же, пищу его составляютъ различные насѣкомыя (преимущественно гусеницы и личинки), такъ какъ сѣмянъ въ это время года не достать: прошлогоднія прикончились, а свѣжія еще не созрѣли.

Несмотря на многочисленныхъ враговъ (кошки, лисицы, ласки, хищныя птицы и друг.), численность жаворонковъ, въ противоположность многимъ другимъ птицамъ, съ годами не уменьшается, а увеличивается, такъ какъ съ каждымъ годомъ увеличивается площадь воздѣлываемыхъ полей, составляющихъ мѣсто обитанія этихъ птицъ. И этому, конечно, можно только радоваться, такъ какъ, помимо доставляемаго намъ удовольствія пѣніемъ, жаворонокъ является еще и весьма полезной для сельскаго хозяина птицей, уничтожая множество сѣмянъ сорныхъ травъ и обирая съ полей не малое количество насѣкомыхъ.

Какъ прекрасный пѣвецъ, жаворонокъ очень часто содержится въ клѣткахъ. Клѣтка для этой птицы должна быть съ мягкимъ верхомъ и, лучше, не круглая (или, вѣрнѣе, шестиугольная, какія обыкновенно продаются въ птичныхъ лавкахъ), а четырехугольная, съ выдвижнымъ дномъ, чтобы каждое утро удобно было его чистить и посыпать пескомъ, который въ лѣтнее время нужно спрыскивать водой. Кормушки и водопойки должны быть снаружи (жаворонокъ въ водѣ не купается, а только въ песокѣ). Жердочекъ никакихъ не надо, такъ какъ жаворонокъ по нимъ не скачетъ, а бѣгаетъ по полу. Взамѣнъ жердочекъ, на середину клѣтки нужно класть свитую изъ травы тумбочку, въ вершокъ, примѣрно, вышины, или же маленькій кусочекъ свѣжаго дерна, съ травой, и отъ времени до времени его смѣнять. На такую тумбочку жаворонокъ любитъ вскакивать во время пѣнія. Кормить его надо мѣшаннымъ сѣменемъ, съ подмѣсью муравьиныхъ яицъ и тертой моркови съ толчеными сухарями. При хорошемъ уходѣ, жаворонокъ можетъ прожить въ клѣткѣ лѣтъ до 10-ти. Запѣвать онъ начинаетъ нерѣдко уже около Рождества и поетъ ретиво почти до конца іюля. Приручить жаворонка довольно трудно; въ клѣткѣ онъ всегда остается довольно пугливымъ (такowymi были, по крайней мѣрѣ, жившіе у меня жаворонки).

Въ степяхъ южной Россіи, рядомъ съ полевымъ жаворонкомъ, но только не на обработанныхъ поляхъ, а, напротивъ, на покрытыхъ травой цѣлинахъ, водится—



Степной жаворонокъ.

### Степной жаворонокъ <sup>1)</sup>.

Онъ покрупнѣе полевого, и, при общей «жавороночной» окраскѣ, имѣетъ по бокамъ зоба два большихъ черныхъ пятна, издали бросающіяся въ глаза.

Въ особенно большомъ количествѣ встрѣчалъ я этого жаворонка въ приморскихъ степяхъ Крымскаго полуострова, близъ Сакъ и Евпаторіи, а также въ каменистой степи окрестностей Севастополя, гдѣ онъ вполне замѣняетъ нашего полевого жаворонка, съ которымъ ведетъ также и одинаковый образъ жизни. И по характеру пѣсни степной жаворонокъ схожъ съ полевымъ; но, что касается до силы и красоты пѣнія, то онъ въ этомъ отно-

<sup>1)</sup> *Alauda (Melanocorypha) calandra*.—Джурбай (Херсонск.); снѣгурочка (Астраханск.).



шеніи много превосходитъ полевого. Степной жаворонокъ такой великолѣпный пѣвецъ, какихъ мало въ пернатомъ царствѣ. Говорятъ, будто бы онъ мастерски умѣетъ влетать въ свою пѣсню голоса другихъ птицъ; мнѣ этого не приходилось слышать. Тѣ степные жаворонки, которыхъ я слышалъ, пѣли пѣсню, по складу совсѣмъ схожую съ пѣснями нашихъ жаворонковъ, но только несравненно болѣе сильную и полновзвучную. Одинъ поющій на зарѣ въ воздухѣ степной жаворонокъ покрываетъ своей великолѣпной пѣсней большое пространство степи. Въ комнатѣ, я думаю, его слушать даже невозможно—оглушить!

### Хохлатый жаворонокъ <sup>1)</sup>.

(Табл. XVII).

Забавная птичка, съ постоянно торчащимъ кверху хохломъ, въ общемъ очень сходная по окраскѣ съ полевымъ жаворонкомъ, котораго нѣсколько превосходитъ величиной.

Посметюшка—одна изъ самыхъ обыкновенныхъ и общеизвѣстныхъ птицъ на югѣ Россіи. Нѣтъ, кажется, такого хутора, на которомъ не водилась бы эта милая птичка. Расхаживая смѣло по двору, или разгуливая по крышамъ надворныхъ строеній (въ особенности зимой), она невольно привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе—своимъ оригинальнымъ хохлатымъ видомъ.

Кромѣ южныхъ губерній, хохлатый жаворонокъ водится также и въ средней полосѣ Россіи, но только тамъ онъ не такъ многочисленъ и обыкновененъ, какъ на югѣ. Изрѣдка попадаетъ даже подъ Петербургомъ.

Этотъ жаворонокъ почти повсюду, гдѣ только водится, принадлежитъ къ числу осѣдлыхъ птицъ (на зиму не улетаетъ). Держится онъ исключительно по близости человѣческихъ жилищъ, близъ которыхъ и гнѣздится—гдѣ-нибудь на краю огорода, непосредственно на поверхности земли.

Пѣніе посметюшки, сходное въ общемъ характерѣ съ пѣніемъ полевого жаворонка, уступаетъ ему, однако, весьма значительно по своему достоинству: оно значительно бѣднѣе, не такъ связно и менѣе разнообразно, чѣмъ пѣніе его полевого братца. Тѣмъ не

<sup>1)</sup> *Alauda (Galerita) cristata*. — Сусидка, посметюшка (Малоросс.); хохлатка, хохлушка, посметушка (южная Россія); вьюнъ (Петербург).

менѣе, пѣніе хохлатого жаворонка слушается съ большимъ удовольствіемъ, въ особенности самой ранней весной, въ дни перваго пробужденія природы, пока еще не возвратились изъ зимней отлучки его болѣе богато одаренные братья—полевые и степные жаворонки.

### Лѣсной жаворонокъ или юла <sup>1)</sup>).

«Полночь. Лишь вдали кричитъ ушастая сова, или козодой мурлычить свою ночную пѣсню; только кое-какіе жуки жужжать и со свистомъ пролетаютъ мимо. Какъ вдругъ, поднимается съ земли неутомимый лѣсной жаворонокъ, точно во снѣ, и поетъ громко и чисто среди тихой лѣсной ночи, переливается трелями и, побуждаемый наплывомъ любви и пѣсень, взвизываетъ къ сверкающимъ звѣздамъ, какъ будто днемъ къ солнцу; и сердце странника слѣдуетъ за нимъ туда, куда за нимъ уже не можетъ слѣдовать взоръ. Нужно самому проходить въ тихую полночь чрезъ такія пустынные мѣста, нужно самому испытать на себѣ почти наводящее ужасъ спокойствіе лѣсной глуши, чтобы понять силу, съ которою эта милая птица овладѣваетъ человѣческимъ сердцемъ. Надолго остановишься, слушая его, и невольно подумаешь, что онъ нарочно поднялся, чтобы порадовать своею близостью одинокаго, покинутаго человѣка, чтобы привѣтствовать его дружескими устами, чтобы подкрѣпить и ободрить его».

Такими словами передаетъ А. Е. Бремъ <sup>2)</sup> впечатлѣніе, производимое ночнымъ пѣніемъ лѣсного жаворонка. Мнѣ самому не приводилось слышать пѣсню этой птицы въ ночное время, но по зарямъ и днемъ случалось наслаждаться ею неоднократно, и каждый разъ она приводила меня положительно въ восторгъ. Что-то необыкновенно чарующее есть въ этихъ мягкихъ, пѣжныхъ флейтовыхъ звукахъ—«юли-юли-юли-юли... юля-юля-юля-юля... юлю-юлю-юлю-юлю...» и т. д., въ разныхъ тонахъ и переливахъ, то быстрѣе, то медленнѣе. При этомъ пѣвецъ трепещется обыкновенно высоко въ воздухѣ, совершенно такъ же, какъ это дѣлаетъ и обыкновенный полевой жаворонокъ.

<sup>1)</sup> *Alauda arborea*.

<sup>2)</sup> «Жизнь Птицъ», для домашн. и семейн. чтенія (въ русск. переводѣ Н. Страхова).

По наружному виду юла <sup>1)</sup> очень похожа на полевого жаворонка—такая же пестрая, буровато-сѣрая; отличается же отъ него широкой свѣтлой полосой, проходящей надъ обоими глазами и огибающей кругомъ верхнюю часть головки. Также и ростомъ юла немножко поменьше своего полевого брата <sup>2)</sup>.

Водится лѣсной жаворонокъ во всей Россіи, за исключеніемъ лишь крайняго сѣвера. На Кавказѣ встрѣчается изрѣдка—осенью и зимой. Въ горной части Крыма живетъ въ небольшомъ числѣ осѣдло. Онъ нигдѣ не встрѣчается въ большомъ количествѣ, такъ какъ вообще малочисленъ. Любимое мѣстопробываніе этой птицы составляютъ сосновые боры, съ гарями и вырубками, поросшими верескомъ. Тамъ можно любоваться лѣснымъ жаворонкомъ, бѣгающимъ маленькими шажками, съ выставленною впередъ грудкою и слегка приподнятымъ кверху хохолкомъ. Замѣтивъ врага, онъ тотчасъ же припадаетъ въ какое-нибудь маленькое углубленіе на поверхности земли; тогда его очень трудно отыскать глазами. Нерѣдко онъ садится также на выдающіеся крупные сучья или на вершины деревьевъ, на которыхъ нерѣдко остается сидѣть и во время лѣтнія. На тонкія вѣтки юла тоже не можетъ садиться, потому что и у нея ноготь задняго пальца вытянутъ въ прямой почти шпорецъ.

Лѣсной жаворонокъ чрезвычайно милая птичка, быстрая и ловкая во всѣхъ своихъ движеніяхъ, но очень пугливая и осторожная; впрочемъ, она дѣлается пугливою, лишь испытавъ многократныя преслѣдованія.

Кормится юла преимущественно насѣкомыми, а также и сѣменами. То и другое она собираетъ съ поверхности земли.

Весною лѣсной жаворонокъ прилетаетъ къ намъ изъ южныхъ странъ, въ которыхъ проводитъ зиму, очень рано—почти одновременно съ полевыми жаворонками (подъ Петербургомъ—во второй половинѣ марта). Ко времени распусканія почекъ на березѣ, у него готово уже гнѣздышко, помѣщаемое обыкновенно въ какомъ-нибудь кустикѣ травы или верска. Самочка кладетъ 4—5 яичекъ, испещренныхъ, по бѣловатому фону, сѣрыми или бурыми точечками и пятнышками. Она высидиваетъ ихъ одна, самчикъ же въ это время ее кормитъ.

<sup>1)</sup> У любителей комнатныхъ птиц лѣсной жаворонокъ извѣстенъ болѣе подъ именемъ юлы; названіе это, очевидно, звукоподражательное.

<sup>2)</sup> Въ длину 7 дюйм. (17 см.).

Птенцы выкармливаются исключительно насекомыми, и вскорѣ по вылетѣ изъ гнѣзда предоставляются самимъ себѣ, старые же, обыкновенно, приступаютъ затѣмъ ко второму выводу.

Осенью лѣсные жаворонки соединяются въ небольшія стайки (штукъ до 10 — 12-ти) и покидаютъ насъ довольно поздно (въ сентябрѣ—октябрѣ), отлетая на зиму на югъ.

Хозяйственного значенія, въ смыслѣ приносимой пользы, эта птичка почти не имѣетъ, вслѣдствіе своей малочисленности. Украшаетъ же она лѣсъ своимъ прекраснымъ пѣніемъ чрезвычайно, тѣмъ болѣе, что въ тѣхъ участкахъ лѣса, которые обитаетъ лѣсной жаворонокъ, водится вообще мало птицъ, хорошихъ же пернатыхъ пѣвцовъ по такимъ мѣстамъ и вовсе почти не встрѣчается.

Юлу держатъ часто въ клѣткахъ за ея пѣніе. Все, что было сказано относительно содержанія въ клѣткѣ полевого жаворонка, одинаково относится и къ юлѣ. Слѣдуетъ только замѣтить, что эта птичка не такъ вынослива въ клѣткѣ, какъ полевой жаворонокъ, и рѣдко выживаетъ долѣе 3—4-хъ лѣтъ.

# Бѣлая трясогузка<sup>1)</sup>.

(Табл. XI).

Еще въ поляхъ бѣлѣть снѣгъ,  
А воды ужъ весной шумять,  
Бѣгутъ и будятъ сонный берегъ,  
Бѣгутъ и блестятъ, и гласятъ...  
Онѣ гласятъ во всѣ концы:  
«Весна идетъ, весна идетъ,  
«Мы молодой весны гонцы;  
«Она насъ выслала впередъ».

Ө. Тютчевъ.



АКЪ «ГЛАСЯТЬ» шумно-бѣгущія вешнія воды, а имъ радостно вторить, своимъ серебристымъ голосомъ, маленькая милая птичка — бѣлая трясогузка. Она всего лишь нѣсколько дней какъ прилетѣла изъ теплыхъ странъ, гдѣ проводила нашу зиму, и теперь весело «цизикаетъ», сидя на пригрѣтой солнцемъ дровяной полѣнницѣ, стоящей, въ ожиданіи сплава, на берегу вздутой вешними водами рѣчки. (Большія рѣки еще не вскрылись, но прилетѣвшія трясогузки скоро «перебьютъ ледъ своими трясучими длинными хвостиками» — какъ говоритъ народъ, шутя, про трясогузку). Вотъ, наша птичка вспорхнула, сдѣлала искусный, крутой поворотъ въ воздухѣ и снова сѣла на прежнее мѣсто, неистово замахавъ при этомъ вверхъ и внизъ своимъ хвостикомъ. «Ци-зи, ци-зю!» раздалось опять весело съ полѣнницы: должно быть очень вкусно оказалась только что пойман-

<sup>1)</sup> Motacilla alba L. — Бѣлая синичка (Казанск.); бѣлая долгохвостая синичка (Оренб.); пастушка, пастушокъ (Харьк.); синичка (Боровичск. у.); водяночка (Нижегородск.); иванчикъ (Херсонск.); синюшка (Пермск.).





1. Трясогузка бѣлая (*Motacilla alba*).
2.       »       желтая (       »       *flava*).
3.       »       горная (       »       *boarula*)

ная большая блестящая муха, изъ тѣхъ, которыя всегда появляются ранней весной на солнечной сторонѣ деревянныхъ домовъ, заборовъ и дровяныхъ полѣнницъ. А вонъ тамъ, на узкой песчаной полоскѣ берега, у самой воды, бѣгаетъ другая трясогузочка: она гоняется за мелкой мошкой, танцующей въ воздухѣ надъ мокрымъ пескомъ. Какія быстрыя, порывистыя и вмѣстѣ съ тѣмъ граціозныя движенія! Съ какой неимовѣрной быстротой перебираетъ она, на бѣгу, своими ножками, вытянувши горизонтально свой хвостикъ и головку; но чуть остановилась—тотчасъ же подобралась и усиленно замахала хвостикомъ. Она изрѣдка отвѣчаетъ отрывистымъ, громкимъ «ци-зи» или «ци-зю» своему супругу, охотящемуся за мухами на дровяной полѣнницѣ.

Наружность трясогузки, конечно, извѣстна всякому. Найдя ее на Таблицѣ XI-й, вы тотасъ же, конечно, скажете, что много разъ видѣли эту хорошенькую птичку и преимущественно встрѣчали ее близъ воды, по берегамъ ручьевъ и рѣкъ, которые и составляютъ любимое ея мѣстопробываніе. Госпожа трясогузочка мало отличается, по наружному виду, отъ своего супруга, съ которымъ окрашена почти одинаково въ пестрый бѣло-черно-сѣрый нарядъ; только черный нагрудничекъ у нея нѣсколько меньшей величины, чѣмъ у самчика.

Бѣлая трясогузка одна изъ самыхъ распространенныхъ и многочисленныхъ нашихъ птицъ. Она гнѣздится по всей Россіи, отъ Лапландіи до Кавказа и Крыма, и повсюду является одной изъ самыхъ обыкновенныхъ и общеизвѣстныхъ птичекъ. На зиму улетаетъ, стайками, на югъ, до внутреннихъ странъ Африки и южной Азіи, хотя, впрочемъ, нѣкоторые единичные экземпляры перезимовываютъ нерѣдко и въ южной Европѣ.

Характеръ у трясогузки необыкновенно живой и подвижный. Эта птичка сидитъ спокойно и не машетъ хвостикомъ только въ то время, когда поетъ свою, хотя и весьма простенькую и мало-звучную, но чрезвычайно оживленную и веселую пѣсенку. Впрочемъ, пѣсенка эта поется также, нерѣдко, и во время полета или бѣготни въ погоню за насѣкомыми, составляющими исключительную пищу трясогузки.

Одною изъ отличительныхъ чертъ характера трясогузки является непримиримая вражда къ хищнымъ птицамъ, которыхъ она преслѣдуетъ съ необыкновеннымъ ожесточеніемъ и смѣлостью. Завидя пролетающаго невдалекѣ ястреба или кобчика, трясогузка

тотчасъ же бросается вслѣдъ за нимъ и начинаетъ отчаянно «цизикать». На ея крикъ быстро слетаются трясогузки со всей окрестности, и всѣ, съ шумомъ и гамомъ, гонятся за ненавистнымъ хищникомъ, пока не прогонятъ его достаточно далеко отъ той области, которую считают своею. Очень часто, въ такой погонѣ, къ трясогузкамъ присоединяются ласточки и другія птицы.

Гнѣздятся трясогузки преимущественно въ рѣчныхъ долинахъ, въ трещинахъ береговъ, на перекладинахъ подъ мостами, въ мельничныхъ плотинахъ, въ дровяныхъ полѣнницахъ, въ дуплахъ береговыхъ ивъ и т. п., а также иногда и около лѣсныхъ болотъ, на сухихъ пняхъ. Самочка кладетъ 6—8 яицекъ, густо испещренныхъ, по свѣтлому, бѣловатому фону, множествомъ маленькихъ сѣроватыхъ пятнышекъ. Высиживаетъ птенцовъ одна самочка, выкармливанію же помогаетъ и самчикъ; обѣ птички выказываютъ при этомъ горячую и по-истинѣ трогательную любовь къ своимъ дѣткамъ. Извѣстны случаи, когда парочка бѣлыхъ трясогузокъ, свивъ гнѣздо въ стоящей у берега баркѣ, или въ другомъ какомъ-либо рѣчномъ суднѣ, не покидала своихъ птенцовъ даже и тогда, когда судно это отправлялось въ плаваніе по рѣкѣ.

Трясогузки дѣлають, обыкновенно, два, и даже три, вывода въ лѣто. Подъ осень, молодые всѣхъ выводковъ соединяются вмѣстѣ, въ одну стайку, и начинаютъ вести кочевую жизнь по полямъ, заливнымъ лугамъ, огородамъ, забираясь на ночь въ древесную чащу или въ береговые камыши рѣкъ и озеръ. Къ однимъ стайкамъ постепенно пристають и другія, и наконецъ, съ наступленіемъ осеннихъ заморозковъ, эти милыя, столь оживляющія нашу сѣверную природу, птички, покидаютъ насъ до наступленія того времени, когда снова зашумятъ вешнія воды...

Такъ какъ трясогузка питается исключительно только насѣкомыми и ихъ личинками, то поэтому она является безусловно полезной птицей.

Въ большомъ обществѣ садкѣ, въ обществѣ другихъ птицъ, бѣлая трясогузка живетъ очень хорошо. Кормить ее надо муравьиными яйцами, съ прибавкою мучныхъ червей.

Желтая трясогузка <sup>1)</sup>.

(Табл. XI).

Кому случалось бродить по сырým низменнымъ лугамъ и выгонамъ, тотъ не могъ не познакомиться съ желтой трясогузкой, въ которой всякій тотчасъ же узнаетъ близкую родственницу обыкновенной бѣлой трясогузки. Водится желтая трясогузка по всей Россіи, отъ Лапландіи до Крыма и Кавказа. Весной она возвращается изъ теплыхъ странъ значительно позже своей бѣлой сестрицы (подъ Петербургомъ въ концѣ апрѣля) и отлетаетъ осенью раньше. Сверху она пепельно-сѣрая, съ бѣлой бровкой надъ глазами, снизу свѣтло-желтая, съ чернымъ, сравнительно короткимъ, хвостикомъ. По характеру, голосу и манерамъ она весьма сходна съ бѣлой трясогузкой.

Кое-гдѣ на югозападѣ и югѣ Россіи, а также на южномъ берегу Крыма и повсюду на горныхъ рѣчкахъ и ручьяхъ Кавказа, водится еще одна трясогузка—горная <sup>2)</sup>. По окраскѣ сходная съ желтой трясогузкой, она отличается отъ нея чернымъ горлышкомъ и болѣе длиннымъ хвостомъ.

<sup>1)</sup> *Motacilla (Budytes) flava*.—Желтая синичка (Поволжье); долгохвостая желтая синичка (Оренбургск.); пастушка, пастушокъ, трясогузка (Харьк.); плиска, плистовка (Петерб.).

<sup>2)</sup> *Motacilla boarula*.



## Лѣсной конекъ <sup>1)</sup>.

(Табл. XVIII).

Сіяетъ солнце, воды блещутъ,  
На всемъ улыбка, жизнь во всемъ,  
Деревья радостно трепещутъ,  
Купаясь въ небѣ голубомъ.

Поютъ деревья, блещутъ воды,  
Любовью воздухъ растворенъ,  
И міръ, цвѣтущій міръ природы,  
Избыткомъ жизни упоенъ.

Ө. Тютчевъ.



СЛИ ВЫ, гуляя въ лѣсу весной, станете внимательно прислушиваться къ отдѣльнымъ голосамъ многочисленнаго пернатаго хора, то вашъ слухъ не замедлитъ выдѣлить изъ этого хора одного пѣвца, который складомъ и звучностью своей пѣсни легко можетъ заставить васъ подумать, что вы слышите никого иного какъ канарейку (пѣсня которой, конечно, извѣстна большинству, моихъ читателей). Прислушиваясь къ этой пѣснѣ, вы скоро замѣтите, что она является всегда какъ бы незаконченною: словно невидимая канарейка все распѣвается, да никакъ не можетъ распѣться. Пѣсня эта всегда раздается высоко вверху, съ вершинъ деревьевъ, а иногда кажется, что она звучитъ даже надъ вершинами, въ воздухѣ. И дѣйствительно, если вы постараетесь увидѣть этого пѣвца и выйдете на поляну, или лѣсную опушку—около каковыхъ мѣстъ по преимуществу и держится эта птичка,—

<sup>1)</sup> Anthus arboreus (A. trivialis).—Лѣсной жаворонокъ (Казанск., Петерб.); ерникъ, ерничекъ (Харьковск.).



то вы скоро увидите заинтересовавшего васъ пѣвуна (величиною немножко побольше воробья)<sup>1)</sup>, поднимающагося, на манеръ поющаго жаворонка, почти отвѣсно, съ вершины дерева на воздухъ, и вскорѣ затѣмъ спускающагося, съ распластанными крыльями, на вершину того же самага, или ближайшаго, сосѣдняго дерева. Съ подъемомъ птицы кверху, пѣсня начинается, оканчивается же она обыкновенно почти вслѣдъ за тѣмъ, какъ пѣвецъ снова опустится на дерево (это, такъ называемый, токовый полетъ), о которомъ у насъ была уже рѣчь въ предыдущихъ очеркахъ).

Птичка, о которой идетъ рѣчь, называется лѣснымъ конькомъ<sup>2)</sup> (у птичниковъ же она больше извѣстна подъ названіемъ лѣснаго жаворонка, каковое дано ей, вѣроятно, вслѣдствіе жаворонкообразнаго подъема на воздухъ, во время пѣнія, а также отчасти, быть можетъ, и вслѣдствіе нѣкотораго наружнаго сходства съ полевымъ жаворонкомъ). Лѣсной конекъ находится въ близкомъ родствѣ съ трясогузками, каковое родство тотчасъ же сказывается въ привычкѣ этой птички постоянно махать вверхъ и внизъ своимъ довольно короткимъ хвостикомъ, который у нея остается спокойнымъ, при сидячемъ положеніи, только во время пѣнія (напримѣръ, въ клѣткѣ, на жердочкѣ), да еще во время бѣганія, въ которомъ эта птичка такъ же ловка, какъ и трясогузка.

Наружность лѣснаго конька довольно скромная: это буровато-сѣренькая птичка, съ зеленоватымъ оттѣнкомъ сверху и блѣловатая снизу, испещренная крупными, черноватыми крапинами, въ особенности на груди, съ свѣтлой полоской надъ глазами и двумя свѣтлыми полосками на крыльяхъ. Это чисто лѣсная птица, хотя и избѣгающая темныхъ сплошныхъ лѣсовъ. Любимыми мѣстами ея пребыванія являются, какъ было уже упомянуто раньше, лѣсныя опушки, края полянъ, а также рѣдколѣсье, въ особенности сосновое, по песчанымъ мѣстамъ, гдѣ лѣсной конекъ нерѣдко является почти единственнымъ пѣвцомъ: прочія пѣвчія птицы—кромѣ развѣ лѣснаго жаворонка (юлы) да, пожалуй, зяблика—не любятъ такихъ мѣстъ.

<sup>1)</sup> Дл.  $6\frac{1}{3}$  дюйм. (17 см.)

<sup>2)</sup> Покойный М. Н. Богдановъ говоритъ въ своей книгѣ: «Птицы и звѣри Поволжья» (стр. 97): «названіе конекъ очень мѣтко дано птицеловами этой птичкѣ; дѣйствительно, самца, съ весны и во время вывода дѣтей, до линія, постоянно видишь перепархивающимъ съ вершины на вершину около того мѣста, гдѣ гнѣздо».

Кормъ свой, состоящій исключительно изъ насѣкомыхъ, лѣсной конекъ подбираетъ съ поверхности земли, на которой онъ и проводитъ почти все свое время, за исключеніемъ лишь времени, удѣляемаго пѣнію. По вѣткамъ скачетъ онъ очень неловко и неуклюже; также и въ клѣткѣ неохотно и неловко прыгаетъ съ жердочки на жердочку, а больше все бѣгаетъ быстрыми шажками по ея дну.

Неискусно свитое гнѣздо лѣсного конька помѣщается на землѣ, тщательно скрытое гдѣ-нибудь подъ кустикомъ травы или вереска. Самочка кладетъ въ него 4—5 пестренкихъ, очень измѣнчивыхъ по окраскѣ, яичекъ.

На зиму лѣсные коньки отлетаютъ въ теплыя страны, причѣмъ совершаютъ свои перелеты по ночамъ.

Гнѣздится эта птица по всей Россіи, отъ Лапландіи до Крыма и Кавказа включительно, и повсюду довольно обыкновенна.

Какъ исключительно насѣкомоядная птица, лѣсной конекъ долженъ быть причисленъ къ числу безусловно полезныхъ лѣсныхъ птицъ.

Пойманный и посаженный въ просторную клѣтку, онъ скоро начинаетъ брать кормъ (муравьиныя яйца съ тертой морковью, перемѣшанною съ толчеными сухарями) и дня черезъ два-три уже напѣваетъ, сначала вполголоса, свою пѣсенку, которую со временемъ поетъ такъ же звучно и превосходно, какъ и въ лѣсу.

### Луговой конекъ <sup>1)</sup>.

Охотящіеся осенью, съ ружьемъ, за дупелями, безпрестанно спугиваютъ изъ травы маленькую сѣренькую птичку, которая съ частыми, тревожными «пи-пи-пи...» круто поднимается на воздухъ, какъ бы отрывистыми скачками, и скоро исчезаетъ изъ виду. Это и есть луговой конекъ. Онъ немного поменьше своего лѣсного брата <sup>2)</sup>, сверху зеленовато-оливково-бурый, снизу желтовато-бѣлый и почти весь испещренъ черными пятнышками. Онъ прилетаетъ весной очень рано (подъ Петербургомъ большею частію въ концѣ марта) и гнѣздится по болотистымъ лугамъ и торфянымъ болотамъ. Въ сентябрѣ отлетаетъ на югъ.

<sup>1)</sup> *Anthus pratensis*.—Болотный жаворонокъ (Петерб.).

<sup>2)</sup> Въ длину 6 дюйм. (35 см.).



1. Конекъ лѣсной (*Anthus arboreus*).  
2. Скворецъ розовый (*Pastor roseus*).

Въ степяхъ южной и восточной Россіи водится степной или полевой конекъ<sup>1)</sup>. Въ особенности онъ многочисленъ въ каменистой степи Трахейскаго полуострова (въ окрестностяхъ Севастополя). Проѣзжая или проходя по степи лѣтомъ, даже въ самые жаркіе полуденные часы середины іюля, можно безпрестанно слышать однообразные звуки «цирли-цирли-цирли-цирли...», повторяемые много разъ кряду, при чемъ не трудно увидѣть и выкрикивающую эти звуки птичку, дѣлающую въ воздухѣ свой жаворонкообразный токовый полетъ. Въ жаркіе іюльскіе дни, это почти единственная поющая птица, которую можно услышать въ степи. Величиною одинаковый съ лѣснымъ конькомъ, степной конекъ является сверху желтовато-сѣрымъ, снизу желтовато-бѣлымъ, съ немногими темными пятнышками на груди и головѣ. На зиму отлетаетъ на югъ.

---

<sup>1)</sup> *Anthus campestris*.



## Иволга <sup>1)</sup>.

(Табл. I).

«Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ—  
Разсказать, что солнце встало,  
Что оно горячимъ свѣтомъ  
По листьямъ затрепетало;  
Разсказать, что лѣсъ проснулся,  
Весь проснулся, вѣткой каждой,  
Каждой птицей встрепенулся  
И весенней полонъ жаждой».

А. Фетъ.

—  
«Чу! въ рождѣ голосъ заунывный  
Весенней иволги звучить!»

А. Майковъ.



ЗЪ СОНМА ярко-раскрашеннымъ пернатымъ обитателей тропическихъ лѣсовъ, изъ круга своихъ близкихъ родственниковъ, проводящихъ круглый годъ среди пальмъ и банановъ, выдѣлилась одна птица, которая ежегодно прилетаетъ къ намъ весной, свиваетъ у насъ свое гнѣздо, выводитъ птенцовъ и осенью снова улетаетъ на далекой югъ — въ глубь Африки.

Сама золотая, какъ лучъ майскаго солнца, иволга — такъ зовутъ эту птицу — приноситъ намъ самое «золотое» наше время года, когда —

«Небо смѣется и ласково  
Вѣтеръ цѣлуетъ цвѣты» <sup>2)</sup>...

и когда лѣсъ «весенней полонъ жаждой»...

---

<sup>1)</sup> *Oirolus galbula*, L.—Желтушникъ (Казанск.).

<sup>2)</sup> Дм. Минаевъ.





Ссорящиеся иволги.

Прилетъ иволги проводить яркую черту въ общемъ ходѣ постепеннаго развитія нашей весны: съ ея появленіемъ (въ окрестностяхъ Петербурга 8—12 мая) наступаетъ періодъ самаго пышнаго расцвѣта весенней природы,—начинающійся цвѣтеніемъ черемухи и заканчивающійся отцвѣтаніемъ сирени и ландыша.

Иволга пользуется, сравнительно, довольно большою извѣстностью. Мало кому не извѣстно хотя бы ея имя. Собственно говоря, одной уже красоты этой птицы (по формѣ и величинѣ близко подходящей къ дроздамъ)<sup>1)</sup> было бы вполне достаточно, чтобы сдѣлать ее знаменитой: сочетаніе превосходнаго оранжево-или золото-желтаго цвѣта головы и туловища, съ бархатно-чернымъ цвѣтомъ крыльевъ и хвоста, дѣлаетъ самца иволги по-истинѣ великолѣпной птицей (самочка и молодые имѣютъ болѣе скромное желтовато-зеленое опереніе). Но не этой своей красотѣ обязана иволга главнымъ образомъ своею извѣстностью: красотой ея не часто удастся полюбоваться, потому что птица эта чрезвычайно строга и осторожна и держится обыкновенно въ густолиственныхъ вершинахъ высокихъ деревьевъ, гдѣ ее весьма не легко отыскать глазами, а разсмотрѣть порядочно можно развѣ только при помощи бинокля. Итакъ, не красота иволги доставила ей извѣстность, а удивительный голосъ этой птицы, съ одной стороны великолѣпный, съ другой же—очень скверный. Великолѣпна пѣсня иволги, состоящая, правда, всего только изъ одного короткаго колѣна, въ родѣ «фіуліу» (или, пожалуй, «и-вол-га-а»), но звучащая необыкновенно громко, полно, кругло и красиво, съ легкимъ унылымъ оттѣнкомъ. Это чисто флейтовые звуки, но только несравненно болѣе громкіе, чѣмъ тѣ, которые можно воспроизводить на нашей обыкновенной флейтѣ. Особенной силы и красоты достигаютъ эти звуки, когда, вскорѣ послѣ весенняго прилета, два или три самца ссорятся и гоняются другъ за дружкой, выживая одинъ другого изъ облюбованнаго и ранѣе уже занятаго однимъ изъ нихъ района мѣстности. Въ это время ссорящіеся соперники высвистываютъ свою короткую пѣсню по нѣсколько разъ кряду, вставляя въ нее, въ азартѣ, еще и другіе прибавочные свисты. Можно подумать, что при этомъ птицы состязаются также и въ искусствѣ пѣнія. Во время такихъ ссоръ, нерѣдко происходящихъ на нижнихъ сучьяхъ деревьевъ, легче всего удастся подойти

<sup>1)</sup> Въ длину 10 дюймовъ (25 см.).

близко и разсмотрѣть ссорящихся красавцевъ, въ пылу своего задора почти забывающихъ обыкновенную свою осторожность.

Рядомъ съ великолѣпными звуками своей пѣсни, иволга, къ сожалѣнію, издаетъ также довольно часто весьма скверные рѣзкіе звуки, благодаря которымъ эта птица получила даже въ народѣ названіе дикой или лѣсной кошки. Дѣйствительно, эти непріятные звуки очень напоминаютъ крикъ кошки, которой наступили на хвостъ...

Поетъ иволга очень ретиво—съ восхода и до заката солнца, съ небольшими лишь перерывами. Пѣсню ея у насъ (подъ Петербургомъ) нерѣдко можно слышать еще во второй половинѣ іюля, когда почти всѣ остальные лѣсные и садовые пѣвуны уже умолкли.

Иволга гнѣздится почти по всей Европейской Россіи, съ Крымомъ и Кавказомъ включительно, за исключеніемъ лишь крайняго сѣвера. Любимыми мѣстами гнѣздовій и лѣтняго пребыванія этой птицы служатъ лиственные и смѣшанные (хвойно-лиственные) лѣса, при чемъ она придерживается преимущественно лѣсныхъ опушекъ. Большіе сады и парки также весьма охотно избираются ею для гнѣздовья. Въ чистомъ хвойномъ лѣсу иволгу можно встрѣтить лишь во второй половинѣ лѣта, когда она коцуетъ со своими молодыми птенцами по округѣ своего гнѣздовья.

Гнѣздо свое иволга вьетъ большею частію весьма высоко на деревѣ и помѣщаетъ его обыкновенно въ развилинѣ бокового, горизонтально отстоящаго отъ дерева, сука; при этомъ верхній край гнѣзда, имѣющаго форму продолговатой корзиночки, прививается къ обѣимъ вѣткамъ, составляющимъ развилину сука, самая же чашечка гнѣзда виситъ свободно между вѣтками. Матеріаломъ для гнѣзда, чрезвычайно искусно свитаго, служатъ сухія травки и былинки, тонкія ленточки бересты (верхняго слоя березовой коры), паутина, перышки, шерсть и т. п.; въ гнѣздахъ же, свитыхъ по близости человѣческихъ жилищъ, нерѣдко попадаетъ также пакля, тряпочки и нитки (иногда даже съ иголкой).

Самочка кладетъ 4 — 5 бѣлыхъ, иногда слегка розоватыхъ, глянцевиныхъ яичекъ, покрытыхъ сѣрыми и темно-коричневыми пятнышками и точками. Высиживаніе, производимое попеременно самцомъ и самочкой, продолжается 14 — 16 дней.

Выводитъ иволга дѣтей только одинъ разъ въ лѣто. Вылѣтѣвшіе изъ гнѣзда птенцы остаются при своихъ родителейъ до самой осени, когда, совмѣстно съ ними, отлетаютъ до будущей весны въ теплыя страны.

Пищу иволги составляютъ разныя насѣкомыя, преимущественно изъ крупныхъ, каковы, напримѣръ, майскіе и другіе жуки, гусеницы ночныхъ бабочекъ и проч. Она беретъ также и косматыхъ гусеницъ, которыхъ остальные птицы, кромѣ кукушки, обыкновенно избѣгаютъ. Кромѣ того, иволга большая охотница до ягодъ, которыя въ концѣ лѣта и осенью составляютъ ея главную пищу. Особенно она любитъ вишни, а потому посѣщаетъ весьма усердно, цѣлыми семьями, вишневые и фруктовые сады, являясь очень нежеланнымъ гостемъ для хозяина сада.

Съ лѣсохозяйственной точки зрѣнія иволга безусловно полезная птица. Владѣльцы же фруктовыхъ садовъ могутъ съ значительнымъ правомъ считать ее вредною, хотя имъ не слѣдуетъ упускать изъ виду тѣхъ услугъ, которыя оказываетъ иволга тѣмъ же садамъ обильнымъ поѣданіемъ, весной и въ началѣ лѣта, майскихъ жуковъ, вредныхъ волосатыхъ гусеницъ и многихъ другихъ враговъ фруктовыхъ деревьевъ. Не въ малую же заслугу слѣдуетъ зачесть иволгѣ и то обстоятельство, что она является, благодаря своей красотѣ и великолѣпной пѣснѣ, истиннымъ украшеніемъ нашихъ лѣсовъ, садовъ и парковъ.

Въ клѣткѣ иволгу рѣдко держатъ, потому что она лишь съ большимъ трудомъ выдерживаетъ жизнь въ неволѣ и большею частію погибаетъ при первомъ линянніи. Въ кормъ ей слѣдуетъ давать лѣтомъ свѣжія муравьиныя яйца, зимой же—сухія (обваренныя), съ тертою морковью и толченымъ бѣлымъ хлѣбомъ, а также рябину, виноградъ, ломтики яблокъ и другихъ фруктовъ, въ видѣ лакомства.

Одна иволга, взятая нами изъ лѣсу еще маленькимъ птенчикомъ и вполне прирученная, жила въ моемъ домѣ болѣе года. Это была пріинтересная птица <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> См. Разсказъ «Муцикъ» въ моей книгѣ «Лепестки».

## Рляпка<sup>1)</sup>.

(Табл. XXIII).



Зыблется тихо волна голубая,  
Нѣгой ея переливы полны;  
Вѣтеръ цѣлуетъ ее и, лаская,  
Шепчетъ волшебные, чудные сны!

Слушаетъ сказку волна и мечтаетъ:  
Утро далеко и въ тучахъ востокъ...  
Тихо на берегъ она набѣгаетъ,  
Приподымаетъ разбитый челнокъ...

В. Юрьевъ.

ТО БЫ ВЫ СКАЗАЛИ, читатель, если бы васъ стали увѣрять, что есть на Божьемъ свѣтѣ такая птица, которая бѣгаетъ подъ водой, по дну быстро текущей рѣчки, такъ же хорошо,

какъ перепелъ по поверхности земли;—птица, которая, пролетая въ морозный зимній день надъ поверхностью рѣчки, имѣющей мѣстами не замерзающія полыньи или «окошки», съ полета бросается въ одно изъ такихъ окошекъ, исчезаетъ подо льдомъ, ныряетъ, какъ самый лучший нырець, черезъ нѣсколько секундъ вновь появляется изъ другого такого же окошка, продолжаетъ свой полетъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, расписываетъ еще при этомъ веселую пѣсенку;—птица, которая свободно пронизываетъ на полетѣ водяную стѣну водопада, подъ защитой котораго нерѣдко свиваетъ свое гнѣздо?..

<sup>1)</sup> *Cinclus melanogaster*. — Водяной воробей (болѣе или менѣе повсемѣстно); водяной дроздъ, водяной скворецъ, ручейка.



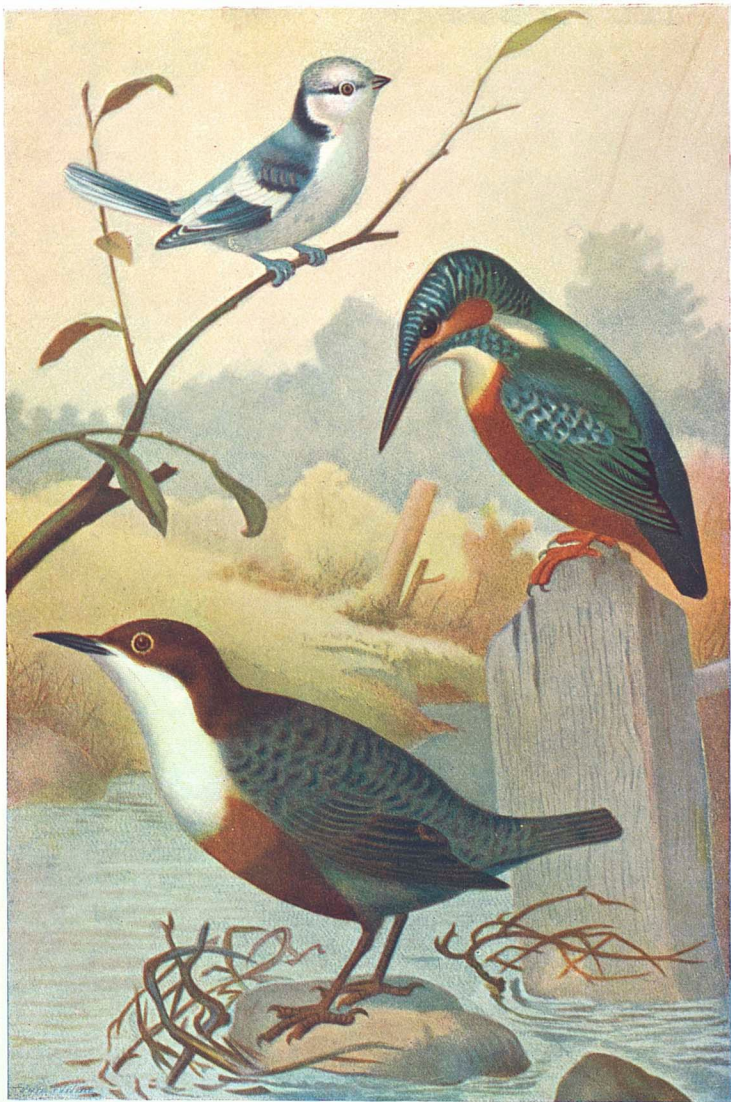
Не правда ли, какъ все это похоже на сказку, или на рассказъ изъ книжки «Не любо—не слушай!..» А вѣдь это вовсе не сказка и не извращеніе истины: такая удивительная птица дѣйствительно существуетъ, водится почти по всей Россіи, и изображеніе ея вы можете видѣть на Табл. XXIII. Зовутъ ее оляпкой (а также и другими вышеприведенными именами). Встрѣчается она, правда, не особенно часто, потому что вообще не многочисленна, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ представляетъ собою довольно обыкновенное явленіе. Главными мѣстами ея гнѣздовій служатъ быстро текущіе горные ручьи и рѣчки. Осенью же и зимой оляпокъ можно встрѣтить также и на такихъ рѣчкахъ, которыя, хотя текутъ и не въ гористыхъ мѣстахъ, но имѣютъ характеръ горныхъ рѣчекъ: каменистое дно, быстрое теченіе и холодную, свѣтлую воду. Въ такихъ рѣчкахъ обыкновенно водятся форели, и такимъ образомъ оляпка является характерной птицей форельныхъ рѣчекъ. Такъ, напримѣръ, въ окрестностяхъ Гатчины, гдѣ всѣ почти рѣчки имѣютъ горный характеръ и издавна еще славятся своими форелями, оляпка зимою представляетъ собою довольно обыкновенное явленіе. Дѣло въ томъ, что подобныя форельныя рѣчки, даже въ самыя суровыя зимы, никогда сплошь не замерзаютъ: въ мѣстахъ съ особенно быстрымъ теченіемъ, или гдѣ быють изъ земли ключи, всегда остаются незамерзающія полыньи и окошки. Вотъ, присутствіе этихъ-то не покрытыхъ льдомъ пространствъ и необходимо для оляпки, потому что только черезъ нихъ она можетъ имѣть свободный доступъ на дно рѣчки, гдѣ эта птица исключительно и добываетъ въ это время года свой насущный кормъ.

Почему же это оляпка именно только въ водѣ можетъ добывать зимою свой кормъ? А вотъ почему: пищу ея составляютъ насѣкомыя, въ разныхъ стадіяхъ своего развитія, а также и мелкая рыбѣшка; въ водѣ же, и преимущественно на днѣ—подъ камнями и между ними—живетъ множество личинокъ разныхъ насѣкомыхъ, а также нѣтъ недостатка и въ рыбѣшкѣ. Другія насѣкомоядныя птицы вынуждены улетать отъ насъ на зиму на югъ, въ теплыя страны, потому что иначе имъ пришлось бы умереть у насъ съ голоду; оляпка же, будучи одарена, не въ примѣръ прочимъ птицамъ, вышеупомянутыми удивительными способностями, можетъ спокойно проводить у насъ зиму, если только къ ея услугамъ имѣется незамерзающая рѣчка.

1.

2.

3.



1. Бѣлая лазоревка (*Parus cyanus*).
2. Зимородокъ голубой (*Alcedo ispida*).
3. Оляпка (*Cinclus aquaticus*).

По наружному виду и величинѣ<sup>1)</sup>, оляпка нѣсколько напоминает собою дроздовъ. Общая окраска ея буровато-сѣрая, со снѣжно-бѣлыми горлышкомъ и грудкой<sup>2)</sup>. Такая окраска какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ той обстановкой, среди которой проводитъ свою жизнь эта красивая, граціозная птичка: когда она сидитъ на камнѣ, среди быстрого, мѣстами пѣнящагося потока, то буро-сѣрый цвѣтъ ея почти сливается съ цвѣтомъ камня, а снѣжно-бѣлая грудь легко можетъ быть принята за приставшій къ камню kloekъ бѣлой пѣны. Благодаря такой окраскѣ, сидящую на камнѣ оляпку не такъ-то легко открыть глазами; большею частью ее замѣчаешь только тогда, когда она, завидѣвъ приближеніе человѣка, спархиваетъ съ своего мѣста и летитъ низко надъ поверхностью рѣки, при чемъ слѣдуетъ обыкновенно за всѣми ея изгибами.

Будучи спугнута съ берега, оляпка иногда кидается съ мѣста въ воду, подобно тому, какъ это дѣлаютъ лягушки; нырнувъ на значительное разстояніе или пробѣжавъ по дну, она вновь появляется изъ воды и продолжаетъ дальнѣйшее бѣгство уже по воздуху—полетомъ.

Бѣгая проворно по берегу, подобно трясогузкѣ и подобно этой птичкѣ безпрестанно помахивая своимъ хвостикомъ, оляпка нерѣдко забѣгаетъ въ воду, все глубже и глубже—до шеи, до глазъ, и еще глубже—совсѣмъ подъ воду, и продолжаетъ тамъ свою прогулку, бѣгая по дну или ныряя, и пользуясь своими крыльями, какъ веслами или плавниками. Подъ водой оляпка можетъ оставаться въ теченіе 10—15 и даже болѣе секундъ.

Вѣчно бодрая, живая и веселая—за исключеніемъ только продолжительныхъ ненастныхъ дней, когда въ помутнѣвшей и вздувшейся отъ дождей рѣчкѣ охота становится затруднительною—оляпка въ то же время и очень умная, осторожная и внимательная птица, отлично умѣющая распознавать своихъ друзей и враговъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, она весьма недурная и въ высшей степени ретивая пѣвунья. Ея довольно звучная и продолжительная

<sup>1)</sup> Въ длину 8 дюймовъ (20 см.).

<sup>2)</sup> На табл. XXIII изображенъ средне-европейскій видъ оляпки (*Cynclus aquaticus*), водящійся также въ Польшѣ и на крайнемъ юго-западѣ Европ. Россіи. У оляпокъ, живущихъ въ сѣверной полосѣ Россіи (*Cynclus melano-gaster*), буро-сѣрый цвѣтъ окраски имѣетъ болѣе темный тонъ, а на нижней части груди и брюшка переходитъ въ черновато-бурый.

пѣсня напоминаетъ своимъ болтливымъ характеромъ журчаніе бѣгущаго по камнямъ горнаго ручейка. Поется эта пѣсня безпрестанно: во время купанья; во время бѣготни по берегу; въ промежуткахъ между подводной охотой; во время ссоръ съ другими оляпками—непрощенными посѣтителеми; во время чистки и перебирания перышекъ; даже, наконецъ, въ послѣднія, предсмертныя минуты жизни. Пѣсня эта звучитъ такъ же весело въ зимніе, морозные дни, какъ и въ теплые, лѣтніе,—было бы лишь надъ пѣвцомъ голубое небо.

Гнѣздо оляпки помѣщается обыкновенно близъ воды: въ углубленіи берега, скалы, стѣны; нерѣдко его можно также найти въ ковшѣ долго стоявшаго безъ дѣйствія колеса водяной мельницы. Форма гнѣзда большею частью шарообразная, съ боковой лѣткой, но иногда гнѣздо бываетъ и открыто сверху. Въ наружныхъ стѣнкахъ его обыкновенно вплетено много моху. Самочка кладетъ 4—6 совершенно бѣлыхъ, безъ всякихъ крапинъ, яичекъ и сидитъ на нихъ такъ крѣпко, что ее можно въ это время взять съ гнѣзда руками. Выводить птенцовъ оляпка только одинъ разъ въ лѣто.

Что касается до полезности или вредности оляпки, то въ этомъ отношеніи ее можно считать птицей почти безразличной. Хотя она и причиняетъ нѣкоторый ущербъ рыбьему населенію обитаемыхъ ею водъ, но такой изынанъ, конечно, можетъ и долженъ быть прощенъ этому прекрасному и удивительному маленькому созданію, составляющему истинное украшеніе обитаемой имъ мѣстности и являющемуся однимъ изъ поразительныхъ примѣровъ неисчерпаемой премудрости Творца вселенной.



# Крапивникъ<sup>1)</sup>.

(Табл. XVII).

Сбирались птицы, сбирались пѣвчи,  
Стадами;  
Садились птицы, садились пѣвчи,  
Рядами.  
А кто у васъ, птицы, а кто у васъ, пѣвчи,  
Большія?  
А кто у васъ, птицы, а кто у васъ, пѣвчи,  
Меньшія?

(Изъ оперы «Снѣгурочка»).



ТА крошечная, коренастая, со вздернутымъ кверху короткимъ хвостикомъ, красновато-буренькая птичка, вся испещренная темными, поперечными, черточками и крапинками — вторая (послѣ королька) изъ самыхъ маленькихъ нашихъ птицъ.

Крапивникъ водится во всей Россіи, за исключеніемъ только самаго крайняго сѣвера. Это птичка исключительно лѣсная, или, по крайней мѣрѣ, она водится лишь тамъ, гдѣ есть деревья и кусты. Открытаго поля крапивникъ боится и избѣгаетъ, потому что летаетъ довольно плохо. Онъ повсюду встрѣчается лишь единичными экземплярами, и хотя нельзя сказать, чтобы былъ очень малочисленъ и избѣгалъ близости человѣческихъ жилищъ, однако довольно рѣдко попадаетъ на глаза и потому не пользуется особенно извѣстностью. Происходитъ это оттого, что

<sup>1)</sup> *Troglodytes parvulus*. — Подкоренникъ (Петерб.); орѣшекъ, орѣшникъ, задерживистъ (Харьк.); орѣшекъ (Подмосковн. губ.).



нѣтъ другой птицы, которая бы такъ искусно умѣла прятаться, какъ крапивникъ. Кучи хвороста, плетеные заборы, старыя полуразвалившіяся строенія, сплетшіеся и перепутанные между собою корни деревьевъ—на обрывѣ или подмытомъ водою берегѣ, въ перемежку съ кустами и деревьями—вотъ настоящая сфера, въ которой живетъ и дѣйствуетъ крапивникъ, и въ которой онъ шмыгаетъ, шныряетъ и пролѣзаетъ съ ловкостью и быстротою мышонка. Вотъ онъ только что сидѣлъ и распѣвалъ пѣсенку на выдавшемся съ одной стороны хворостяной кучи прутикѣ, но подошелъ человѣкъ, пробѣжала мимо собака—крошечный пѣвецъ исчезъ въ хворостѣ и черезъ двѣ-три секунды выглядываетъ уже съ противоположной стороны кучи. По поводу того, что крапивникъ постоянно держится въ такихъ мѣстахъ, гдѣ можно скоро и хорошо спрятаться, сложилась слѣдующая легенда:

Когда птицы выбирали себѣ изъ своей среды царя, то, послѣ продолжительныхъ споровъ и ссоръ, рѣшено было быть царемъ тому, кто выше всѣхъ поднимется къ облакамъ. Началось состязаніе. Стрѣлой бросились птицы кверху, на воздухъ, но, по прошествіи большаго или меньшаго времени—смотря по силѣ крыльевъ—начали утомляться и спускаться одна за другою обратно на землю. Только одинъ орелъ, медленно паря широкими кругами, все выше да выше поднимался къ облакамъ. Наконецъ, и онъ остановился, въ то время, когда всѣ остальные птицы уже опустились на землю. Видя свое полное торжество, орелъ крикнулъ, изъ-подъ облаковъ, свой побѣдный, царственный кличъ. Лишь только хотѣлъ онъ начать спускаться на землю, какъ надъ нимъ, сверху, раздался тоненькій, пискливый, вызывающій голосокъ: «а я еще выше поднялся!» То былъ не кто иной, какъ крошечный крапивникъ, притаившійся, подъ шумокъ, между перьями на спицѣ орла, а теперь выпорхнувшій изъ своей засады и кружившійся надъ орломъ. Догадавшись, въ чемъ дѣло, и бросивъ на своего ничтожнаго соперника гордый, презрительный взглядъ, орелъ плавными кругами спустился на землю и тотчасъ же былъ провозглашенъ почтительно ожидавшими его птицами царемъ всего пернатаго царства. Но тутъ крапивникъ началъ протестовать и доказывать, что царская корона должна принадлежать, по праву, не орлу, а ему—крапивнику, такъ какъ онъ поднялся еще выше орла. Тогда орелъ уличилъ его въ плутовской уловкѣ, и когда крапивникъ сталъ было возражать, что

вѣдь не сказано было, что надо непременно подняться на своихъ крыльяхъ, а просто—кто выше всѣхъ поднимется, тогда раздалось со всѣхъ сторонъ такое шиканье, свистки и крики по адресу маленькаго нахала, что онъ счелъ за благоразумное поспѣшно ретироваться. Преслѣдуемый наиболѣе задорными и горячими изъ своихъ пернатыхъ собратій, крапивникъ едва успѣлъ шмыгнуть подъ находившуюся, по счастью, невдалекѣ кучу хвороста; а то бы ему, пожалуй, и совсѣмъ не сдобровать... Вотъ съ тѣхъ поръ онъ все и прячется...

Будучи чѣмъ-нибудь возбужденъ, крапивникъ производитъ особенные, порывистые поклоны: быстро опускаетъ и тотчасъ же поднимаетъ вверхъ свою головку и закидываетъ чуть не на спину свой, и безъ того ужъ сильно торчащій вверхъ, хвостикъ. Такіе «книксенъ» сопровождаются обыкновенно особенными, короткими, отрывистыми звуками—въ родѣ «тикъ-тикъ», которые, при очень сильномъ возбужденіи, повторяются по нѣскольку разъ кряду и, слѣдуя быстро одинъ за другимъ, получаютъ характеръ стрекотанья.

Пѣсня у крапивника весьма громкая и звучная, для такой крошечной птички. Услышавъ въ первый разъ эту пѣсню, какъ-то не вѣрится, чтобы такіе громкіе звуки могли выходить изъ столь маленькой грудки. Состоитъ эта пѣсня изъ ряда быстро смѣняющихся колѣнъ, трелей и переливовъ, и звучитъ чрезвычайно свѣтло, весело и красиво. По общему характеру, она ближе всего подходитъ къ пѣснѣ канарейки, уступая ей только въ звучности и продолжительности. Крапивникъ такой же ретивый пѣвецъ, какъ и родственная ему оляпка; подобно ей, и онъ нерѣдко распѣваетъ свои пѣсни среди зимы—въ ясные морозные дни. Въ окрестностяхъ Петербурга мнѣ нерѣдко случалось слышать въ лѣсу поющего крапивника въ первыхъ числахъ марта, когда подъ деревьями лежалъ еще глубокій снѣгъ. Въ такое, такъ сказать, неурочное время, когда въ лѣсу не слышно еще почти никакихъ другихъ пѣсень, свѣтлая, веселая пѣсенка этой милой птички имѣетъ особенную, очаровательную прелесть.

Какъ видно изъ только что сказаннаго, крапивникъ встрѣчается у насъ и среди зимы; но, все-таки нельзя сказать, чтобы онъ былъ птицей совсѣмъ осѣдлой, т.-е. жилъ бы круглый годъ на одномъ и томъ же мѣстѣ: большинство крапивниковъ ведетъ зимою жизнь кочевую, разыскивая, во всевозможныхъ потаенныхъ уголкахъ, запрятавшихся на зиму пауковъ, личинокъ и

куколокъ насѣкомыхъ, придерживаясь преимущественно такихъ мѣстностей, въ которыхъ находятся не замерзающіе ключи. Морозовъ эта крошечная птичка не боится, будучи снабжена отъ природы прекрасной пуховой шубкой.

Любимыми мѣстами гнѣздовій крапивника являются канавы, ручьи и рѣчки, съ подмытыми и заваленными всякимъ хламомъ берегами и свѣсившимися надъ водою деревьями и кустарниками. Нерѣдко также свиваетъ себѣ эта птичка гнѣздо въблизи человѣческихъ жилищъ: подъ крышею садовыхъ построекъ, въ трещинахъ старыхъ каменныхъ стѣнъ, въ кучахъ хвороста, сложенныхъ въ углу сада, и т. п. Довольно большое, сравнительно съ величиной птицы, гнѣздо имѣетъ округлую, закрытую со всѣхъ сторонъ, форму, съ боковой лѣткой въ верхней части. Самочка несетъ два раза въ лѣто по 6—8 бѣлыхъ, съ немногими красными точечками, яичекъ, которыя высидиваетъ, попеременно съ самчикомъ, въ теченіе двухъ недѣль.

Интересно, что крапивникъ-самчикъ, услаждая насъ зимой своими пѣснями, вьетъ также иногда зимой для себя гнѣздо. То же дѣлаютъ обыкновенно и оставшіеся на лѣто холостыми, т. е. не нашедшіе для себя подруги, самчики. Такія гнѣзда служатъ крапивнику для ночлега, а также и убѣжищемъ во время непогоды. Вообще, крапивники охотно проводятъ ночь въ гнѣздѣ, хотя бы и чужомъ, незанятомъ, собираясь обыкновенно при этомъ по нѣсколько штукъ вмѣстѣ. Однажды, въ корзинкѣ, употребляемой для ловли угрей, было найдено 12 штукъ мертвыхъ крапивниковъ. Съ ними произошло то же, что происходитъ и съ рыбой: влѣзть-то они влѣзли, а вылѣзть и не сумѣли!

Польза, приносимая крапивникомъ, вслѣдствіе поѣданія насѣкомыхъ, нѣсколько ослабляется уничтоженіемъ большого количества пауковъ, весьма полезныхъ истребленіемъ множества неслетныхъ и нерѣдко вредныхъ мухъ.

Въ неволѣ выдержать крапивника не легко: онъ птица нѣжная и требуетъ тщательнаго ухода. Кормъ для него тотъ же, что и для оляпки, съ прибавкой таракашекъ, мухъ, пауковъ, мелкихъ ягодъ—въ видѣ лакомства. Онъ чрезвычайно любитъ купаться, послѣ чего нерѣдко копается въ пескѣ; поэтому, воду ему нужно мѣнять два-три раза въ день и насыпать на дно клѣтки побольше песку. Клѣтка должна быть частая, проволочная.

## Дрозды.

— «Посланныкъ, весны, милый пѣвецъ, — дружескій, искренній привѣтъ тебѣ! Сколько чудныхъ пѣсенъ ты уже спѣлъ для меня! Какъ ты ободрилъ и порадовалъ меня! Сколькими хорошими часами я тебѣ обязанъ. Великолѣпный пѣвецъ, великій артистъ, привѣтъ тебѣ!»

А. Е. Бремъ.



Ъ ТАКИМИ словами обращается Бремъ къ черному дрозду <sup>1)</sup>.

Я увѣренъ, что многіе изъ моихъ читателей, мало знакомыхъ съ птичьимъ міромъ, значительно удивятся: такая возвышенная рѣчь и къ такой простой, «прозаической» птицѣ—дрозду!

И дѣйствительно, большинство публики знакомо съ дроздомъ только какъ съ птицей, которая большими стаями летаетъ осенью по садамъ и паркамъ, поѣдая рябину и другія ягоды, и которую въ это время стрѣляетъ почти всякій, кто только умѣетъ ружье въ рукахъ держать, прельщаясь лакомымъ кусочкомъ дроздинаго мяса... А то, что у насъ водится нѣсколько разныхъ породъ дроздовъ, что между ними есть первоклассные мастера пѣнія, вполне заслуживающіе «возвышенныхъ рѣчей»,—что дрозды наши имѣютъ еще и иное значеніе, болѣе важное, чѣмъ значеніе кусочка вкуснаго мяса, для паштета или какого-нибудь фрикасе,—это знаютъ, къ сожалѣнію, лишь весьма немногіе. Надѣюсь, что,

<sup>1)</sup> «Жизнь птицъ» (перев. Н. Страхова).

по прочтеніи нижеслѣдующихъ строкъ, многіе изъ моихъ читателей перемѣнятъ свое мнѣніе о «прозаическомъ» дроздѣ...

Въ предѣлахъ Европейской Россіи водится нѣсколько видовъ дроздовъ. Всѣ они, какъ близко родственныя между собою птицы, имѣютъ много общихъ чертъ, какъ въ характерѣ, такъ и въ образѣ жизни.

Всѣ наши дрозды птицы богато одаренныя, чрезвычайно подвижныя, бодрыя, ловкія, смышленныя, любящія сообщество себѣ подобныхъ, хотя и не особенно миролюбивыя,—часто другъ съ другомъ ссорятся. Съ самаго ранняго утра и до поздняго вечера находятся они въ непрерывномъ движеніи, и только въ знойные полуденные часы нѣсколько успокаиваются, скрываясь въ тѣни древесныхъ вѣтвей. По землѣ скачутъ дрозды очень ловко, большими прыжками, на манеръ сороки. Замѣтивъ что-нибудь особенное или подозрительное, они тотчасъ же порывисто вздергиваютъ кверху свой довольно длинный хвостъ и судорожно подергиваютъ книзу крыльями, слегка ихъ при этомъ распуская. Въ то же время они обыкновенно издаютъ особенные предостерегательные звуки, которыхъ слушаются не только другіе дрозды, но и многія изъ прочихъ, вовсе не родственныхъ имъ, птицъ. Завидя приближеніе завѣдомаго врага—въ особенности во время вывода птенцовъ—дрозды храбро нападаютъ на него, съ ожесточеннымъ стрекотаніемъ, и стараются изгнать нарушителя покоя за предѣлы занимаемой ими области; если же храбрость не помогаетъ, то стараются отманить непріятеля подальше отъ гнѣзда, притворяясь слабыми, едва летающими.

Благодаря прекрасно устроеннымъ крыльямъ, почти всѣ дрозды отличные летуны. Они съ легкостью и большой быстротой переносятся, высоко въ воздухѣ, черезъ обширныя пространства.

Всѣ дрозды одарены, въ бѣльшей или мѣньшей степени, способностью пѣнія, и хотя рядомъ съ великолѣпными пѣвцами между ними есть и очень неважные музыканты, но всѣ они, безъ исключенія, чрезвычайно ретивыя пѣвуны. Въ весенніе мѣсяцы, дрозды въ высшей степени оживляютъ лѣсной ландшафтъ своими голосами. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что манера пѣнія дроздовъ противорѣчитъ общему характеру этихъ птицъ. Многія птицы сопровождаютъ свои пѣсни оживленными тѣлодвиженіями, дрозды же,



1.

2.

3.



1. Дроздъ-деряба (*Turdus viscivorus*).
2. Дроздъ-рябинникъ (*Turdus pilaris*)
3. Синѣгирь (*Pyrrhula coccynea*).

столь подвижные въ другое время, при пѣніи сидятъ совершенно тихо, большею частью на макушкѣ высокаго дерева, и самая пѣсня ихъ льется оттуда спокойно и торжественно, далеко разносясь по окрестностямъ. Къ сожалѣнію, большинство изъ нихъ рано прекращаетъ свои пѣсни: когда въ саду зацвѣтетъ сирень, а въ лѣсу ландышъ, пѣніе дроздовъ къ этому времени можно услышать въ лѣсу лишь весьма раннимъ утромъ и позднимъ вечеромъ, послѣ заката солнца, къ Петрову же дню они и вовсе умолкаютъ.

Въ большей части Европейской Россіи дрозды являются птицами перелетными, т.-е. на зиму улетаютъ въ теплыя, южныя страны (на южныя оконечности Европы и не далѣе сѣверной Африки), весной же снова возвращаются къ мѣстамъ своихъ гнѣздовій. Во время этихъ перелетовъ, нѣкоторые виды собираются въ огромныя стаи, доходящія численностью до тысячи и болѣе штукъ. Возвращаются дрозды весной на родину довольно рано: въ средней Россіи—въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля. Вскорѣ по прилетѣ они приступаютъ къ свиванію гнѣздъ.

Гнѣздо дрозда довольно большое—соотвѣтственно величинѣ птицы—и весьма тщательно свивается изъ тоненькихъ прутиковъ, стебельковъ, травъ, мха, лишаевъ и т. п.; у нѣкоторыхъ видовъ оно, кромѣ того, еще особымъ образомъ оштукатуривается изнутри.

Яйца всѣхъ нашихъ дроздовъ, въ общемъ, окрашены довольно сходно между собою: на голубовато-зеленомъ фонѣ покрыты многочисленными бурыми пятнышками и точками.

Большинство дроздовъ выводитъ птенцовъ два раза въ лѣто. Высиживаніе продолжается 14—16 дней. Черезъ три недѣли по вылупленіи изъ яйца, молодые дрозды обыкновенно уже вылетаютъ изъ гнѣзда. Такъ какъ выпорхнувшіе изъ гнѣзда дроздята въ первое время еще плохо летаютъ и сидятъ большею частью на землѣ, то, бродя въ это время по лѣсу, въ особенности съ собакой, очень часто можно наткнуться на пухленькаго и почти круглаго, какъ шаръ, дрозденка. Замѣтивъ приближеніе человѣка, птенчикъ сначала дѣлаетъ попытку улетѣть, но, пролетѣвъ низко надъ землею на небольшое разстояніе, скоро утомляется и, уткнувшись въ землю, какъ-то добродушно-растерянно смотритъ въ глаза наклонившагося надъ нимъ человѣка, не оказывая почти никакого сопротивленія, когда протянутая рука беретъ его съ земли. Боже мой, какой шумъ и стрекотаніе поднимаются обыкновенно

при этомъ вокругъ похитителя, если въ лѣсу гнѣздится цѣлая колонія дроздовъ (напримѣръ рябинниковъ)! Всѣ жители колоніи принимаютъ участіе въ общей тревогѣ и съ ожесточеннымъ стрекотаніемъ кружатся вокругъ врага, перелетая съ дерева на дерево.

Молодого дрозденка, въ особенности взятаго изъ гнѣзда въ то время, когда у птенчика, на головѣ, между перьями, кое-гдѣ торчитъ еще пушокъ, очень легко выкормить и приручить, что мнѣ неоднократно случалось дѣлать. Поступалъ я при этомъ обыкновенно такъ: сажалъ пойманную птичку въ небольшую корзиночку съ крышкой; кормилъ, попеременно, то черствой булкой, намоченной въ свѣжемъ, каждый разъ, молоко и затѣмъ отжатой, то свѣжими муравьиными яйцами; затѣмъ, понемногу начиналъ прикармливать птицу земляными червями, каковыя въ послѣдствіи и составляли главный ея кормъ. При каждомъ кормленіи слѣдуетъ почмокивать губами и называть птицу по имени; въ послѣдствіи она такъ привыкнетъ къ своему имени и чмоканью, что, когда подрастетъ и станетъ летать на волѣ — въ саду или въ лѣсу — всегда будетъ откликаться и прилетать на эти знакомые ей звуки. (Впрочемъ, это слѣдуетъ дѣлать и при выкармливаніи всякихъ другихъ птенцовъ). Первые два-три дня пойманную птичку надо держать въ закрытой корзиночкѣ, потому что въ темнотѣ она скорѣе ручнѣетъ и, не развлекаясь видомъ постороннихъ предметовъ и людей, лучше привыкаетъ къ хозяину, часто открывающему крышку корзинки, для того, чтобы покормить своего питомца.

Всѣ наши дрозды — чисто лѣсныя птицы; гдѣ нѣтъ лѣса или деревьевъ, тамъ нѣтъ и дроздовъ.

Пищу дроздовъ составляютъ всевозможныя насѣкомыя, улитки, слизняки и черви. Все это они подбираютъ непосредственно съ поверхности земли, или же достаютъ изъ-подъ опавшей листвы, переворачивая и вороша ее своимъ клювомъ. Осенью же и зимой пищу дроздовъ составляютъ, кромѣ того, и ягоды, до которыхъ эти птицы чрезвычайно лакомы, при чемъ разные виды дроздовъ имѣютъ и свои любимые сорта ягодъ.

Такой образъ питанія дроздовъ дѣлаетъ ихъ въ высшей степени полезными для лѣса, а именно въ двоякомъ отношеніи: осенью, какъ было уже упомянуто, большинство дроздовъ собираются въ стаи; стаи эти облетаютъ наши лѣса и набрасываются массами на поспѣвшія къ тому времени ягоды различныхъ лѣс-

ныхъ деревьевъ и кустарниковъ. Такъ какъ дрозды при этомъ всегда выбрасываютъ обратно, черезъ клювъ, въ видѣ сухихъ шариковъ (погадка) непереваренныя косточки и сѣмячки съѣденныхъ ими ягодъ, то, вслѣдствіе этого, болѣе чѣмъ какія-либо другія птицы, содѣйствуютъ распространенію лѣсныхъ ягодныхъ деревьевъ и кустарниковъ, каковы, напримѣръ, рябина, черемуха, можжевельникъ, крушина, бузина, терновникъ, шиповникъ, боярышникъ, кизилъ и многіе другіе. Такимъ путемъ, дрозды содѣйствуютъ образованію въ нашихъ лѣсахъ полезнаго подлѣска, а въ то же время способствуютъ и къ украшенію лѣса, въ особенности по краямъ полянъ и по лѣснымъ опушкамъ. Во-вторыхъ, эти птицы уничтожаютъ множество вредныхъ лѣсныхъ насѣкомыхъ, въ особенности во время осеннихъ странствованій стаями по лѣсамъ, когда большинство этихъ насѣкомыхъ зарывается, на зимній покой, подъ опавшую листву и хвою. Спустившаяся для кормежки на землю стая дроздовъ переворочитъ и перековыряетъ всю листву и хвою, и мало кто изъ запрятавшихся туда личинокъ, гусеницъ и куколокъ-бабочекъ уцѣлѣетъ послѣ такого дроздинаго нашествія.

Хотя черный а отчасти также и пѣвчій дроздъ и причиняютъ нѣкоторый изъянъ вишневымъ садамъ и виноградникамъ, но этотъ вредъ, конечно, съ избыткомъ оплаченъ ими уже заранѣе, а именно—уничтоженіемъ массы вредныхъ тварей въ тѣхъ же садахъ, и тѣми чудными пѣснями, которыми они въ изобилии дарили насъ въ весенніе мѣсяцы.

Нѣкоторыхъ дроздовъ (какъ, напримѣръ, пѣвчаго и чернаго) нерѣдко держатъ за ихъ прекрасное пѣніе въ клѣткахъ. Лучшій для нихъ кормъ составляетъ смѣсь изъ муравьиныхъ яицъ съ тертою морковью, перемѣшанною съ толченымъ сухимъ бѣлымъ хлѣбомъ, и съ прибавкою разныхъ ягодъ, когда это возможно, а также и мучныхъ червей. Водопойка въ клѣткѣ должна быть большая, чтобы дроздъ могъ свободно въ ней купаться.

Сдѣлавъ этотъ общій обзоръ образа жизни и характера нашихъ дроздовъ, познакомимся теперь вкратцѣ съ отличительными и характерными чертами, присущими каждому изъ нихъ въ отдѣльности.



У большинства видовъ нашихъ дроздовъ нижняя сторона испещрена характерными «дроздовыми» (треугольными или кругловатыми) крапинками или пятнышками — чернобурыми, на свѣтломъ фонѣ; другіе же виды этихъ птицъ (у взрослыхъ экземпляровъ) не имѣютъ такихъ крапинъ; поэтому, для удобства ознакомленія съ водящимися у насъ дроздами, ихъ всѣхъ можно раздѣлить на двѣ группы.

## 1. НИЖНЯЯ СТОРОНА СЪ ДРОЗДОВЫМИ КРАПИНАМИ.

Къ этой группѣ принадлежатъ 4 вида, у которыхъ нижняя сторона испещрена, по бѣлому фону, черно-бурыми крапинками. Самцы и самочки этой группы окрашены почти одинаково. Общій видъ окраски пестрый — бѣло-сѣро-бурый.

### 1) Дроздъ-деряба <sup>1)</sup>.

Самый крупный изъ всѣхъ нашихъ дроздовъ <sup>2)</sup>. Кромѣ своей величины, отличается отъ остальныхъ дроздовъ этой группы продолговато-округлой (почковидной) формой крапинъ на брюшкѣ и бокахъ (на головѣ и груди крапины имѣютъ треугольную форму — какъ и у другихъ дроздовъ).

Водится деряба по всей Россіи. Онъ гнѣздится отъ Лапландіи до Крыма и Кавказа, но распространенъ весьма неравномѣрно: въ однѣхъ мѣстностяхъ является весьма обыкновенной птицей, въ другихъ же не встрѣчается вовсе, несмотря на существованіе, повидимому, всѣхъ подходящихъ для него условій. Такъ, напримѣръ, въ Гдовскомъ уѣздѣ Петербургской губерніи этотъ дроздъ принадлежитъ къ обыкновеннымъ гнѣздящимся птицамъ, въ окрестностяхъ же Лѣсного (близъ Петербурга) является лишь рѣдкимъ кратковременнымъ налетнымъ гостемъ.

Любимыми мѣстами гнѣздовій этого дрозда является старое, высокое красноелѣсье; листовенные лѣса посѣщаются имъ только во время весеннихъ и осеннихъ перелетовъ.

Съ наступленіемъ осени дерябы сбиваются въ стаи (рѣдко очень большія) и странствуютъ по лѣсамъ, разыскивая свои лю-

<sup>1)</sup> *Turdus viscivorus*.—Большой рябинникъ, большой сѣрый дроздъ (Казанск.); большой дроздъ (Оренбург.).

<sup>2)</sup> Въ длину до  $11\frac{3}{4}$  дюйма (27—39 см.).



бимыя ягоды и подвигаясь постепенно на югъ. Съ другими дроздами они при этомъ не любятъ смѣшиваться.

Изъ ягодъ, дѣряба особенно любитъ рябину и шиповникъ. Въ южныхъ же лѣсахъ, гдѣ водится много омелы <sup>1)</sup>, тамъ ягоды этого растенія составляютъ любимое лакомство нашего дрозда, и мѣстные лѣсничіе имѣютъ полное основаніе претендовать на дѣрябу—за разноску по деревьямъ вредной омелы <sup>2)</sup>. Клейкія, непереваренныя сѣмячки ягодъ этого растенія, выбрасываемыя дроздами, прилипаютъ къ стволу и сучьямъ деревьевъ, на которыхъ затѣмъ и прорастаютъ; развившееся же изъ сѣмени растеніе омелы вбуравливаетъ свои корешки въ древесину дерева и такимъ образомъ портитъ его, дѣлая негоднымъ на многія подѣлки.

Дѣряба—прекрасный пѣвецъ. Хотя пѣсня его состоитъ изъ очень немногихъ (не болѣе 5—6) строфъ, при томъ весьма короткихъ и очень сходныхъ между собою, но всѣ онѣ составлены изъ чистыхъ, въ высшей степени сладкозвучныхъ, флейтовыхъ переливовъ, звучащихъ необычайно кругло, мягко, съ меланхолическимъ, грустнымъ оттѣнкомъ, и далеко разносящихся вечерними и утренними зорями по окрестностямъ. Пѣсня эта очень сродна, по характеру звуковъ, съ пѣніемъ черного дрозда.

Въ окрестныхъ лѣсахъ Петербурга, пѣніе дѣрябы можно слышать лишь ранней весной.

Призывный крикъ, издаваемый дѣрябою (преимущественно въ перелетное время), звучитъ въ родѣ короткаго, сухого храпа.

## 2) Дроздь-рябинникъ <sup>3)</sup>.

Второй по величинѣ <sup>4)</sup> изъ числа дроздовъ этой группы и самый многочисленный и обыкновенный,—по крайней мѣрѣ, въ сѣверной и средней Россіи, гдѣ онъ гнѣздится. Южную Россію рябинникъ посѣщаетъ только во время своихъ осеннихъ

<sup>1)</sup> *Viscum album*—чужеядное, живущее на лиственныхъ деревьяхъ, деревянисто-кустистое растеніе, съ вѣчно-зелеными, кожистыми, удлинено-овальными листьями и бѣлыми ягодами, содержащими въ себѣ чрезвычайно клейкія сѣмена.

<sup>2)</sup> У нѣмцевъ этотъ дроздь носитъ поэтому и названіе омеловаго дрозда (*Mistel-Drossel*, отъ *Mistel*—омела отсюда же и латинское названіе—*viscivorus*, что значитъ: поѣдающій омелу).

<sup>3)</sup> *Turdus pilaris*.—Малый рябинникъ (Симбирск. и друг.); чилатень, дроздь (Харьковск.); сизоголовый дроздь (Оренбург.).

<sup>4)</sup> Въ длину 19<sup>1</sup>/<sub>4</sub> дюйм. (26 см.).

и весеннихъ перелетовъ, а иногда останавливается тамъ и зимовать.

По окраскѣ, рябинникъ отличается отъ прочихъ дроздовъ этой группы преимущественно пепельно-сѣрыми головой и надхвостомъ, а также—почти отсутствіемъ крапинъ на средней бѣлой части брюшка, и, напротивъ, скопленіемъ ихъ по бокамъ шеи, вслѣдствіе чего издали кажется, будто у него въ этихъ мѣстахъ находится по большому темному пятну.

Рябинникъ—птица въ высшей степени общительная. Онъ не только странствуетъ громадными стаями (до тысячи и болѣе штукъ вмѣстѣ), но даже и гнѣздится колоніями, при чемъ иногда на одномъ деревѣ помѣщается нѣсколько гнѣздъ этой птицы.

Нерѣдко, у насъ, на сѣверѣ, можно встрѣтить рябинниковъ и зимой. Это бываетъ обыкновенно въ особенно урожайные для рябины годы. Въ такіе годы нерѣдко можно встрѣтить, въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ, тысячныя стаи этихъ птицъ. Когда, въ зимній морозный день, такая стая хозяйничаетъ въ изобилующемъ рябиною уголкѣ лѣса или парка, то издали можно подумать, что слышишь скрипъ полозьевъ цѣлаго обоза по морозному снѣгу,—такой шумъ производитъ множество этихъ птицъ своей неумолкаемой болтовней.

Призывный крикъ рябинника, звучащій въ родѣ «чакъ-чакъ», издается имъ безпрестанно, какъ во время полета, такъ и сидя на мѣстѣ. Крикъ безпокойства звучитъ въ родѣ «трррр-трррр».

Пѣсня у этого дрозда довольна неказистая. Она состоитъ изъ малозвучнаго и немзыкальнаго, хотя очень оживленнаго скрипа, производимаго на всевозможные лады, будто на скверной беззвучной скрипкѣ, и въ очень быстромъ темпѣ.

### 3) Пѣвчій дроздъ <sup>1)</sup> (Табл. X).

Третій, по величинѣ, изъ этой группы <sup>2)</sup>. Помимо величины, отличается отъ дерябы и рябинника главнымъ образомъ ржаво-желтой окраской нижней поверхности крыльевъ (у обоихъ предыдущихъ видовъ крылья снизу бѣлыя).

Пѣвчій дроздъ гнѣздится во всей Россіи—отъ южной части Кольскаго полуострова до Крыма и Кавказа—повсюду много-

<sup>1)</sup> *Turdus musicus*.—Чистый дроздъ. (Петерб.).

<sup>2)</sup> Въ длину 8<sup>3</sup>/<sub>4</sub> дюйм. (22 см.).

численъ и распространенъ весьма равномерно. Гдѣ только есть лѣсъ, хвойный или лиственный—безразлично, тамъ почти всегда можно найти и пѣвчаго дрозда. Только въ старыхъ сосновыхъ борахъ, растущихъ на сыпучемъ пескѣ, эта птица рѣдко гнѣздится,—вѣроятно, вслѣдствіе того, что въ такихъ борахъ, если только тамъ нѣтъ можжевельника, очень часто не бываетъ никакого подлѣска, который такъ любятъ и требуютъ всѣ дрозды.

Вышеприведенныя хвалебныя слова, обращенныя Бремемъ къ черному дрозду (см. стр. 181), всецѣло—если даже не болѣе—могутъ быть примѣнены и къ дрозду пѣвчему. По крайней мѣрѣ, тотъ же Бремъ, въ своей «Иллюстрированной жизни животныхъ», присуждаетъ пальму первенства въ пѣніи именно этому дрозду, изъ числа всѣхъ остальныхъ. И дѣйствительно, эта птица—великолѣпный пѣвецъ. Недаромъ же заслужила она свое видовое научное названіе—*musicus* (музыкантъ). Конечно, какъ и среди другихъ нашихъ пѣвчихъ птицъ, такъ и среди пѣвчихъ дроздовъ, встрѣчаются и посредственные, а иногда даже и весьма неважные пѣвуны (большую частію это бываютъ молодыя птицы, еще не успѣвшія, такъ сказать, разработать свой музыкальный талантъ). Но хорошій пѣвчій дроздъ, мастеръ своего дѣла, можетъ по-истинѣ поспорить даже съ самымъ царемъ пѣвчихъ птицъ—соловьемъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторыя свистовыя строфы пѣсни хорошаго пѣвчаго дрозда звучатъ такъ красиво, громко и великолѣпно, что мнѣ извѣстны многіе случаи, когда несвѣдущіе люди принимали этотъ свистъ за соловьиный и увѣряли, что слышали уже соловья, въ то время, когда въ лѣсу еще мѣстами лежалъ не стаявшій снѣгъ, и не хотѣли вѣрить, чтобы подобные звуки могли принадлежать «какому-то дрозду!» Для характеристики этой пѣсни слѣдуетъ сказать, что она ведется отдѣльными строфами—отрывистыми фразами, повторяемыми большую частію по два раза кряду, съ небольшими паузами передъ каждой новой строфой. Пѣвчій дроздъ поетъ—словно стихи читаетъ, медленно, съ постановкой. Разнообразіе строфъ иногда бываетъ чрезвычайно богатое, и пѣвецъ хорошій долго даетъ все новыя и новыя строфы, прежде чѣмъ начнетъ повторяться.

Призывный звукъ пѣвчаго дрозда—слабое «цси». При безпокойствѣ онъ издаетъ отрывистое «такъ-такъ», а при сильномъ возбужденіи ожесточенно стрекочетъ, издавая быстро, одинъ за другимъ, рѣзкіе звуки въ родѣ «тиксъ-тиксъ-тиксъ...»

При осеннихъ и весеннихъ перелетахъ, пѣвчіе дрозды соединяются въ небольшія, сравнительно, стаи и рѣдко смѣшиваются съ другими дроздами.

Изъ образа жизни этого дрозда нужно отмѣтить еще одну характерную черту: поѣдая, подобно остальнымъ дроздамъ, большое количество голыхъ слизняковъ (не имѣющихъ раковины), онъ наноситъ не малый изъянъ также и слизнякамъ «съ домиками». Выбравъ въ лѣсу небольшой, плоско изъ земли выступающій камень, пѣвчій дроздъ приноситъ къ нему раковинчатую улитку и, разбивъ о камень ея домикъ, поѣдаетъ добытаго изъ него слизняка. Если одинъ и тотъ же камень долго служилъ подобной оригинальной наковальней, то около него можно иногда найти цѣлыя сотни разбитыхъ раковинъ.

Гнѣздо пѣвчаго дрозда внутри какъ бы выштукатурено измельченными древесными гнилушками, изъ смѣси которыхъ со своей слюной, приготовляетъ эта птица свой оригинальный штукатурный матеріалъ.

#### 4) Дроздъ-бѣлобровикъ <sup>1)</sup>.

Самый маленькій изъ всѣхъ нашихъ дроздовъ <sup>2)</sup>. Въ окраскѣ отличается отъ предыдущихъ трехъ дроздовъ свѣтлою, ржаво-желтою полосой надъ глазами, тянущеюся почти до затылка (отсюда названіе бѣлобровикъ), и ржаво-красной окраской нижней поверхности крыльевъ.

Родиной этого дрозда является сѣверная и, частію, средняя Россія; въ южной же онъ встрѣчается лишь во время осеннихъ и весеннихъ перелетовъ, которые совершаетъ огромными стаями, смѣшиваясь при этомъ нерѣдко съ рябинниками.

Призывный звукъ бѣлобровика—протяжное, негромкое «тсии»—очень сходенъ съ таковымъ же звукомъ пѣвчаго (а также и чернаго) дрозда. Относительно пѣнія этого дрозда пришлось бы повторить почти то же самое, что было сказано въ этомъ отношеніи про дрозда-рябинника, съ тою только разницею, что, начиная свою скрипучую и малозвучную пѣсню, бѣлобровикъ сначала даетъ три или четыре громкихъ свистовыхъ ноты, звучащихъ очень красиво и слышныхъ на далекое разстояніе, и затѣмъ уже разсы-

<sup>1)</sup> *Turdus iliacus*.—Орѣховый, малый, бѣлобровый дроздъ.

<sup>2)</sup> Въ длину 8<sup>1</sup>/<sub>2</sub> дюйм. (21<sup>1</sup>/<sub>2</sub> см.).



Дрозды.

1. Деряба.—2. Бѣлобровикъ.—3. Пѣвчій.—4. Рябинникъ.—5. Черный.



пается въ совершенно такой же скрипотнѣ, какъ и рябинникъ. Встрѣчаются бѣлобровики, дѣлающіе первые, громкіе, свисты своей пѣсни хроматическою гаммою внизъ, что выходитъ чрезвычайно красиво и эффектно. (Такіе бѣлобровики появились, въ послѣдніе годы, въ окрестностяхъ Петербурга, и весною, также и въ началѣ лѣта, украшаютъ своими пѣснями нашу природу чрезвычайно). Поющій бѣлобровикъ сидитъ всегда на самой маковкѣ дерева.

У насъ, подѣ Петербургомъ, дроздъ-бѣлобровикъ встрѣчается весьма нерѣдко, какъ гнѣздящимся, такъ и большими пролетными стаями, въ особенности ранней весной.

## II. НИЖНЯЯ СТОРОНА БЕЗЪ ДРОЗДОВЫХЪ КРАПИНЪ.

### 5) Черный дроздъ <sup>1)</sup>. (Табл. IX).

Величиной немножко поменьше рябинника <sup>2)</sup>. Старый самецъ весь черный, съ оранжевымъ клювомъ. Самочка и молодые—черно-бурого цвѣта, съ бѣловато-сѣрымъ горлышкомъ и неясными, болѣе свѣтлыми, пятнышками на передней части тѣла.

Родину черного дрозда составляетъ средняя и южная Россія, съ Кавказомъ и Крымомъ включительно. Въ Петербургской губерніи онъ представляетъ весьма рѣдкое явленіе.

Гнѣздится черный дроздъ какъ въ хвойныхъ, такъ и въ лиственныхъ лѣсахъ, имѣющихъ густой подлѣсокъ, а также весьма охотно—въ садахъ и паркахъ. На зиму обыкновенно отлетаетъ на югъ, соединяясь въ небольшія группы, по 10—20 штукъ; въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ остается круглый годъ и нерѣдко переселяется на зиму даже въ города. (Въ Дрезденѣ мнѣ случалось видѣть черного дрозда на крышѣ каменныхъ домовъ, рядомъ съ воробьями и воронами, распѣвающего свои прекрасныя пѣсни во второй половинѣ февраля мѣсяца). Въ Крыму черный дроздъ живетъ осѣдло, и туда же (на южный берегъ) прилетаютъ зимовать его сородичи, гнѣздящіеся въ болѣе сѣверныхъ широтахъ Европ. Россіи.

Летаетъ черный дроздъ хуже остальныхъ дроздовъ, вслѣдствіе нѣсколько иного устройства крыльевъ, а потому и не такъ охотно пускается въ далекія странствованія.

Великолѣпное пѣніе черного дрозда, какъ было уже сказано выше, по общему характеру сходно съ пѣніемъ дерабы, но

<sup>1)</sup> *Turdus merula*.—Косикъ, косъ (Харьк.).

<sup>2)</sup> Въ длину 10 дюйм. (25<sup>1</sup>/<sub>2</sub> см.).

въ то же время много превосходить его богатствомъ содержанія и разнообразіемъ строфъ.

Такъ какъ черный дроздъ выводитъ дѣтей большею частію два раза въ лѣто, то его пѣніе можно нерѣдко слышать еще во второй половинѣ іюля мѣсяца. При безпокойствѣ онъ издаетъ отрывистые «чакъ-чакъ», при сильномъ же возбужденіи стрекочетъ совсѣмъ сходно съ пѣвчимъ дроздомъ «киксъ-киксъ-киксъ»... Черный дроздъ большой любитель винограда, за что нерѣдко расплачивается своею жизнью отъ рукъ неразумныхъ и жестокосердыхъ виноградарей..

#### 6) Бѣлозобый дроздъ <sup>1)</sup>.

Нѣсколько крупнѣе предыдущаго <sup>2)</sup>. Опереніе стараго самца матово-черное, съ сѣрой каемкой на каждомъ перышкѣ; на верхней части грудки находится бѣлый или сѣроватый поясъ. Самочка окрашена точно такъ же, но только черный и бѣлый цвѣта у нея менѣе чисты и рѣзки.

Родиной бѣлозобаго дрозда являются у насъ лишь крайніи сѣверъ (Лапландія) да Кавказскія горы. Въ остальныхъ мѣстностяхъ этотъ красивый дроздъ появляется пролетомъ—осенью, зимой и весной, и представляетъ собою весьма рѣдкое явленіе. Нѣсколько разъ наблюдался подъ Петербургомъ, въ пролетное время.

#### 7) Каменный дроздъ <sup>3)</sup>. (Табл. XXIV).

Поменьше чернаго дрозда <sup>4)</sup>. Гнѣздится въ горахъ Крыма и Кавказа, а также кое-гдѣ и въ Польшѣ (куда проникаетъ изъ Карпатовъ). Окрашенъ весьма красиво: голова и шея голубовато-сѣраго цвѣта, спина бѣлая, грудь и брюшко великолѣпнаго ярко-рижavo-краснаго цвѣта, въ каковой окрашенъ также и хвостъ (кромѣ двухъ среднихъ, сѣро-бурыхъ, перьевъ); клювъ черный. Любимыми мѣстами его пребыванія являются скалы и каменные розсыпи, по которымъ онъ съ большою ловкостью бѣгаетъ. Принадлежитъ также къ числу первоклассныхъ пѣвцовъ и обладаетъ талантомъ пересмѣшничанья.

<sup>1)</sup> *Turdus torquatus*.

<sup>2)</sup> Въ длину 11 дюйм. (28 см.).

<sup>3)</sup> *Monticola saxatilis*.

<sup>4)</sup> Въ длину 10 дюйм. (23 см.).

# Соловей<sup>1)</sup>

(Табл. XIX).



Лазурнымъ зеркаломъ стоятъ недвижно воды.  
Притихла, вся въ слезахъ, густая снь вѣтвей,  
И только пѣсню, царь пѣсни, соловей,  
Привѣтствуетъ зарю, великій свѣточъ Бога,  
Побѣдно блещущій съ лазурнаго чертога.

В. Величко.

АЛЕНЬКАЯ, сѣренькая птичка, съ большими черными глазами. Великолѣпный, не имѣющій себѣ равныхъ, пѣвецъ. Любимецъ майской ночи, очаровывающій своими безподобными пѣснями даже самыя жесткія сердца и зачерствѣлыя души. Художникъ-музыкантъ, вдохновитель поэтовъ всѣхъ временъ и народовъ.

Это удивительное Божье твореніе, это маленькое чудо пернатого царства, этотъ несравненный «пѣвецъ любви» называется—соловей.

Давно уже жаворонки разливаютъ серебристые потоки своихъ пѣсень надъ полями и нивами. Давно уже сады и рощи оживляются звонкими раскатами пѣсень зябликовъ. Давно уже лѣсъ оглашается звучными строфами пѣвчаго дрозда, поющаго подъ акомпаниментъ цѣлаго хора разноголосыхъ пѣвуновъ, приле-

---

<sup>1)</sup> Erithacus philomela.—Обыкновенный восточный соловей. Нѣм. Sprosser—Франц. Philomèle.—Филомела, дочь Пандіона, царя Атики, была превращена богами въ соловья, для спасенія ея отъ преслѣдованія Терей. Вотъ почему *восточный* (нашъ) соловей и получилъ видовое названіе Philomela, въ отличіе отъ *западнаго* соловья, о которомъ рѣчь будетъ впереди, въ своемъ мѣстѣ.



1. Соловей западный (*Erithacus luscinius*).
2. Соловей обыкновенный (*Erithacus philomela*).
3. Камышевка болотная (*Acrocephalus palustris*).



тѣвшихъ въ свитѣ таинственной царицы—красавицы-весны. Но, до сихъ поръ все еще чего-то недоставало: не было главного капельмейстера не было самого «великаго маэстро», съ появленіемъ котораго раздается настоящій, величественный и великолѣпный гимнъ богинѣ веснѣ,—гимнъ «торжествующей любви»...

И, вотъ онъ явился—этотъ «великій маэстро»: явилась маленькая <sup>1)</sup>, сѣренькая птичка, съ большими, умными, черными глазами,—явился соловей! Явился онъ, по обыкновенію, ночью, и тотчасъ же —

«Щелкнулъ, свистнулъ, разсыпался,  
Разошелся по воздуху  
Серебристыми звеньями,  
Загремѣлъ перекатами,  
Застоналъ перекликами,  
Разлился звонкимъ голосомъ  
По всему по поднебесью.  
Его слушала, зарумянившись  
Подъ фатой своей, браной золотомъ,  
Съ неба синяго, заря майская»... <sup>2)</sup>).

По народной примѣтѣ, соловей начинаетъ пѣть, «когда напьется воды съ березоваго листка» (т.-е. когда у березы листъ настолько развернется изъ почки, что на немъ можетъ умѣститься капля росы), и примѣта эта совершенно вѣрная. У насъ, подѣ Петербургомъ, время это приходится, въ заурядную весну, на первые дни мая. Сначала прилетаютъ самцы, а спустя дней 5—6 и самочки. Въ первое время по прилетѣ, соловьи поютъ преимущественно по ночамъ, днемъ же лишь изрѣдка насвистываютъ небольшіе кусочки изъ своихъ пѣсенъ. Не будучи вовсе ночной птицей, соловей превращается на это время въ ночного пѣвца, въ виду того, чтобы пѣсней своей извѣщать и приманивать летящихъ по ночамъ самочекъ (во время весенняго прилета и осенняго отлета соловьи летятъ только по ночамъ). Когда же начнется витѣ гнѣздъ, тогда пѣсни поются больше днемъ, а также по утреннимъ и вечернимъ зорямъ. Впрочемъ, нѣкоторые соловьи такъ и остаются преимущественно ночными пѣвцами, и это большею частью бываютъ лучшіе мастера пѣнія.

Самый разгаръ соловьиного пѣнія приходится на время витя гнѣздъ и кладки яицъ. Время это совпадаетъ у насъ съ цвѣте-

<sup>1)</sup> Въ длину 7 дюйм. (18 см.).—<sup>2)</sup> Д. Минаевъ.



ніемъ ландыша и сирени. Съ отцвѣтаніемъ сирени ослабѣваетъ и соловьиная пѣсня, а къ 15-му іюня и вовсе умолкаетъ. «Пѣвецъ любви» замолкъ, и мы не услышимъ его болѣе — до слѣдующей весны!

Любимыми мѣстами пребыванія соловьевъ являются поросшія ивовыми и другими кустами долины рѣкъ, полевые болота и вообще всякаго рода кустарники, вблизи проточной или даже стоячей воды, а также большіе сады и парки. Только въ этихъ послѣднихъ, для того чтобы въ нихъ держались соловьи, должны быть глухіе, запущенные и поросшіе кустами (въ особенности крыжовникомъ и смородиной) уголки, въ которыхъ не убирается опавшая, прошлогодняя листва: подъ прикрытіемъ кустовъ соловей безопасно будетъ вить свое гнѣздо на землѣ или не высоко надъ нею, въ прошлогодней же листвѣ будетъ копошиться, разыскивая въ ней, подобно дроздамъ, свой кормъ, состоящій изъ различнаго рода червей, гусеницъ, личинокъ, небольшихъ жучковъ и другихъ насѣкомыхъ. Осенью соловьи охотно ѣдятъ также и разныя ягоды, въ особенности бузину.

По землѣ соловей прыгаетъ на манеръ дрозда — большими, энергичными скачками. При этомъ, послѣ каждаго трехъ-четыреохъ прыжковъ, обыкновенно, останавливается и, граціозно выпрямившись и вздернувъ свой довольно длинный хвостикъ высоко надъ крыльями, оглядывается вокругъ, — совсѣмъ такъ, какъ это дѣлаютъ дрозды, которымъ соловей приходится весьма близкимъ родственникомъ.

Во время пѣнія соловей сидитъ большею частью не высоко, всегда насупившись, какъ бы сгорбившись, свѣсивъ крылышки, и позволяетъ, обыкновенно, подойти къ себѣ довольно близко. Вообще, соловей птица довѣрчивая и не строгая, а потому легко идетъ во всякія западни и ловушки.

Гнѣздо соловья не представляетъ собою особенно искусной постройки. Снаружи оно состоитъ, обыкновенно, изъ сухихъ прошлогоднихъ листьевъ, внутри же — изъ тонкихъ, сухихъ травокъ и былиночекъ. Самочка кладетъ въ него 5—6 одноцвѣтныхъ сѣровато-зеленыхъ яичекъ. Высиживаніе продолжается 14—15 дней; птенчики выкармливаются гусеницами, личинками и червячками. Въ концѣ іюня молодые соловушки вылетаютъ изъ гнѣзда, — въ сѣроватомъ опереніи, съ бурыми крапинками; старики же вскорѣ послѣ этого начинаютъ линять. Соловей дѣлаетъ только одинъ

выводъ въ лѣто; ко второму онъ приступаетъ только въ томъ случаѣ, если первый былъ кѣмъ-нибудь разоренъ.

Въ концѣ августа соловьи отлетаютъ на югъ. Сначала все собираются, перелетаютъ по кустамъ одинъ къ другому, какъ бы переговариваясь тихимъ «такъ-такъ», потомъ вдругъ оставляютъ обитавшуюся ими мѣстность. Трогаются въ путь всегда вечеромъ, когда стемнѣетъ, и летятъ небольшими стайками—въ два-три семейства. Улетаютъ они далеко—въ тропическія страны. Лѣтомъ соловей водится, за исключеніемъ крайняго сѣвера, во всей Россіи, повсюду, гдѣ только есть подходящія для него мѣста. Онъ гнѣздится также въ Крыму и на Кавказѣ.

Пѣніе соловья, конечно, извѣстно каждому. Нужно только замѣтить, что между соловьями, рядомъ съ первоклассными пѣвунами, бываютъ и весьма посредственные. Плохіе пѣвуны—это большею частью соловьи молодые, еще не успѣвшіе перенять у стариковъ ихъ мастерство. Также и по мѣстностямъ есть различія въ пѣніи этихъ птицъ: въ однихъ мѣстахъ держатся все хорошіе пѣвцы (конечно, не считая начинающихъ молодыхъ), въ другихъ же—знатокъ соловьиного пѣнія забракуетъ всѣхъ поющихъ соловьевъ. Выражаясь словами птичника, «иной дѣльно поетъ, съ толкомъ, и колѣна хороши, и складъ есть, а иного и слушать досадно: огородникъ—кричитъ зря. Ни складу, ни ладу, только мѣшаетъ хорошаго слушать. Радъ его палкой убить...»<sup>1)</sup>. По мнѣнію птичниковъ, превосходные пѣвцы водятся именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ птица держится свободно въ большомъ количествѣ, не пугана, не вылавливается, потому что одинъ хорошій соловей нѣсколькихъ «ставитъ на хорошую пѣсню». Лѣтъ 20—30 тому назадъ особенно славились курскіе соловьи, за которыхъ любители плачивали до 2,000 рублей за штуку! Въ настоящее время предпочитаютъ соловьи кievскіе; 100—200 рублей за хорошаго пѣвца—и въ нынѣшнее время не рѣдкость. А какіе бываютъ любители и знатоки соловьевъ, можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа<sup>2)</sup>:

«Въ пору прилета приводилось намъ крыть соловьевъ. Чудесная это охота. Въ то время, когда полѣзетъ молодая травка и забурѣютъ зеленую деревья, сердце такъ и колотитъ въ грудь.

<sup>1)</sup> И. К. Шамовъ. «Наши пѣвчія птицы».

<sup>2)</sup> Тамъ же.

Какое-то особенное, отрадно-тревожное чувство охватывает тебя всего; сила этакая овладѣваетъ и управляетъ тобою, какъ себѣ хочетъ. О чемъ ты ни думай, какъ ни развлекайся, а все стоишь на одномъ: если такая погода постоитъ еще недѣлю, соловьи должны прилетѣть. И пойдешь лучки прилаживать. Не порвалась ли сѣть, крѣпки ли петли, не перетерлась ли веревка. Все хорошо, все задолго осмотрѣно и улажено. Нѣтъ—тебѣ не терпится. Двадцать разъ возьмешься, повертишь, прикинешь на полу, покроешь—и какъ бы успокоишься. Подойдешь къ окну, взглянешь на деревья въ сосѣднемъ саду, на кустарникъ, и самъ себѣ говоришь: дня черезъ два, черезъ три должны соловьи прилетѣть. Тепло, такъ и парить; почка расхохлатилась; кустарникъ покрывается мелкимъ листомъ. Ночью не спится, ворочаешься, припоминаешь мѣста; думаешь: покроютъ, мошенники—потому мѣсто такое; кто его обойдетъ. Особенно рыжій—вычистить, ни одного пера не оставить... И рѣшишь: завтра пойду посидѣть съ вечера, должны прилетѣть. Такимъ образомъ, передумаешь нѣсколько разъ одно и то же—и соберешься...». «Помнится, въ барскомъ лѣсу крылъ я соловьевъ. Пришелъ ночью: темно, зги не видно; мѣсто было замѣчено. По дорогѣ кое-какъ прошелъ, а какъ своротилъ въ сторону, къ осиннику,—саженьхъ въ трехъ отъ дороги нужно сѣсть,—все лицо изодралъ сучьями. Ночь была теплая, тихая. Не шелохнетъ нигдѣ; только сучья щелкали по лѣсу въ разныхъ мѣстахъ. Изрѣдка что-то шарахалось, да вдали камышевка всю ночь пѣла. Потомъ варакушки слышались съ болота и разные голоса: этакъ переключкою, то тутъ, то тамъ. Къ утру, чуть только забрезжилось невдалекѣ, слышу, дроздъ (пѣвчій) началъ: тихо этакъ свистѣ далѣ и запѣлъ—едва разобрать можно. Потомъ, словно словами, закричалъ сильно: «приди-кумъ», «приди-кумъ», такъ и выговариваетъ: раза три повторилъ это; да «деньги—есть!» «деньги—есть!» «выпьемъ», «выпьемъ» скажетъ, потомъ съ хрипотцей этакъ перещелкнетъ, да какъ филилюкнетъ по лѣсу-то—ну, просто цѣловать надо птицу. Тутъ, слышу, сзади фррру, и полѣвѣе фррру, фю...ить, и подальше фю...ить, тїд, тїд, тїд, тїд, тїд. Здорово сдѣлалъ: кажется, каждое слово-то у него въ землю уходитъ на три аршина. Потомъ, какъ шаркнетъ дробями—такъ это по лѣсу-то заговорило, Господи Боже мой! потомъ какъ пульканье сдѣлалъ, фу-ты! отчетливость какая. И что онъ тутъ дѣлалъ—уму помраченіе. Двѣнадцать колѣнъ у

него было, и одно къ одному, ни одной помарки. Пѣсня была высокая, не было у него этой бабьей томности, а сила и торжественность этакая: ницъ упадешь передъ нимъ. Ахнулъ онъ, помнится, раскатомъ, такъ лѣсъ-то, кажется, дрогнулъ отъ этой силы. Началь обыкновенно, потомъ выше и такъ просыпаль, что себѣ не вѣришь, птица ли это дѣлаетъ? И тутъ же, раскатъ еще не стихъ по лѣсу, длинно пустилъ стукотней, потомъ сдвоилъ этакъ раза четыре свистомъ и сильно сдѣлалъ га-га-га-га-га... Этакій чудный былъ соловей...»

А вотъ какъ этотъ соловей былъ пойманъ рассказчикомъ:

«На краю лѣса шла ровная, узкая дорога, по линіи которой, рѣдко одинъ отъ другого, стояли большіе дубы, а съ другой стороны ровно, длинной полосой стоялъ орѣшникъ. Тутъ въ одномъ мѣстѣ возлѣ него стояли четыре небольшія, въ руку толщиною, осинки. На одной изъ нихъ, какъ сейчасъ гляжу, кривая этакая, поменьше всѣхъ, и держался соловей. Бывало, постоянно на ней, на верхнемъ сучкѣ сидитъ и тарарахаетъ на весь лѣсъ. И часто поетъ-поетъ—сморкнетъ, вскинетъ нѣсколько разъ хвостомъ и сразу пультъ внизъ, въ орѣшникъ. Вотъ это самое мѣсто и было мною замѣчено, тутъ я и сидѣлъ шагахъ въ десяти отъ него: въ поросли у пня былъ у меня шалашикъ забранъ. Сижу въ ту пору здѣсь утромъ, слушаю, а самого такъ и бьетъ, рукъ не могу удерживать, трясусь. Гляжу по осинамъ-то—весь на глазахъ, на той же самой сидитъ стройно, крылья этакъ опустилъ и сильно дѣлаетъ отличное колѣно желной, потомъ какъ пустить этакимъ глухимъ свистомъ, такъ точно меня снизу-то кто шиломъ ткнулъ: вскочилъ съ мѣста-то, шаговъ пять отбѣжалъ и всталъ, какъ каменный. Опомнился, когда онъ увидалъ меня и перелетѣлъ. И тутъ скорѣе бы уже лучокъ ставить, а я—то къ шалашу сунусь, то къ соловью, бѣгаю, какъ дуракъ и не знаю, за что взялся. Насилу опомнился, схватилъ лучокъ, подбѣжалъ; туда-сюда глазами-то, смотрю—шагахъ въ пяти отъ меня такаетъ въ орѣшникъ; поскорѣе поставилъ лучекъ, пустилъ подвязного <sup>1)</sup>, отбѣжалъ за кустъ, да самочкой ему—фить-фить! Смотрю—перелетаетъ, подобрался этакъ, хвостомъ помахиваетъ, да такаетъ. А я ему опять—фить; какъ сдѣлаю, такъ онъ ближе. Вижу шагахъ въ двухъ сѣлъ отъ лучка, увидалъ подвязного и разъ къ нему. Я хлопъ! Вскочилъ: тутъ, бьется

<sup>1)</sup> Приманная птица, подвязываемая на ниточкѣ.

подъ сѣткой... Бѣгу къ нему, да крещусь—дѣльно ужъ очень покрылъ. Вынимаю его изъ-подъ сѣти, а руки такъ и скачутъ; крылья бы связать—не могу, колотить лихорадка всего, да и шабашъ: раззарился очень. Посадилъ въ кутейку, снялъ лучки и не завязалъ ничто, маршъ домой. Съ версту этакъ прошелъ, хватъ—да гдѣ же у меня картузъ-то? Въ лѣсу оставилъ. Ну, да, молъ, завтра схожу, гдѣ-нибудь тамъ».

«Четыре года жилъ у меня этотъ соловей и забыть я его не могу. Бывало, запоетъ—по всей улицѣ сосѣди окна отворяютъ. И что ни возьми у него, любое колѣно чисто, отчетливо, и вся пѣсня истинно нотная; постановка колѣнъ, стройность—рѣдкая. Конечно, какъ на кого: иной цѣнить нѣжность, а иной силу и чистоту. Въ томъ и другомъ случаѣ главное дѣло—сложить пѣсни. Хорошій соловей поетъ съ толкомъ, у него пѣсня, помимо достоинства колѣнъ, имѣетъ складъ. Послѣ сильнаго колѣна поставить легкое, нѣжное, потомъ пойдетъ переставлять колѣна въ среднихъ нотахъ, примѣрно кlyканье, дудки, свисты и проч., потомъ двумя колѣнами повыситъ, шаркнетъ—и опять умилишь до слезъ. Чѣмъ полнѣе пѣсня, тѣмъ лучше; только рѣдкій многоколѣнный соловей безъ помарки—мажетъ, что называется: ставить въ пѣснѣ пискливо-скрипящія колѣна. Въ колѣнахъ цѣнятся чистота исполненія и нѣжность, въ пѣснѣ—полнота и складъ».

Я позволилъ себѣ сдѣлать эту большую выписку въ виду того, что, во-первыхъ, этотъ безъискусственный разсказъ—въ своемъ родѣ художественный перлъ. Во-вторыхъ, мнѣ хотѣлось познакомить читателя со столь характернымъ и образнымъ языкомъ птицелововъ и дать понятіе о томъ, до какого самозабвенія можетъ доходить у любителя страсть къ хорошо поющей птицѣ. Наконецъ, въ-третьихъ, прочтя внимательно характеристику мастерского соловьиного пѣнія и познакомившись съ тѣми требованіями, которыя ставятся знатокомъ-любителемъ хорошему соловью, читателю будетъ легче оцѣнить пѣніе того или другого соловья, что представляетъ большой интересъ и доставляетъ много удовольствія. Совсѣмъ другое дѣло, слушаешь ли соловья просто такъ, чтобы только слушать, или вникаешь въ его пѣсню и умѣешь относиться къ ней сознательно-критически<sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Обращаю вниманіе читателя, который, можетъ быть, заинтересуется изученіемъ соловьиного пѣнія, на письмо И. С. Тургенева къ С. Т. Аксакову «О соловьяхъ», напечатанное въ пятомъ томѣ полного собранія сочиненій С. Т. Аксакова (Изд. Н. Г. Мартынова. Спб., 1886 г., стр. 292).



Въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ птицевѣдцовъ встрѣчаются попытки изобразить словами пѣсни нѣкоторыхъ, особенно мастерски пѣвшихъ, соловьевъ. Конечно, эти жалкія звукоподражанія, изображенныя буквами, ничего не говорятъ для человѣка непосвященнаго, но для любителя-знатока соловьиного пѣнія онѣ являются весьма интересными и понятными, и онъ легко восстанавливаетъ по нимъ, какъ музыкантъ по нотамъ, тѣ звуки, которые имѣлъ въ виду изобразить записывавшій пѣсню. Для того, чтобы дать понятіе о такого рода записяхъ, я приведу здѣсь, записанную мною пѣсню одного прекраснаго соловья, гнѣздившагося весной 1880 г. въ паркѣ Лѣснаго Института.

Фи-тчурррръ, фи-тчурррръ, вадъ - вадъ - вадъ - вадъ - вадъ - ции!  
(очень эффектно и рѣдко).

Тю-литъ, тю-литъ, тю-литъ.

Клю-клю-клю-клю.

Юу-литъ, юу-литъ (затѣмъ то же три раза, съ повышеніемъ на нѣсколько тоновъ).

Ци-фи, ци-фи, ци-фи.

Пью, пью, пью.

Ци-фи, ци-фи, чо-чо-чочочочочочочочовить!

Цицитювить, тю-вить, тю-вить (последніе два могучимъ по-свистомъ).

Юу-литъ, чочочочотррррррррръ (въ концѣ «помарка»).

Пи, пи, пи, пи, клю-клю-клю (превосходно!).

Чричи-чу, чричи-чу, чричи-чу.

Ци-вить (тихо), клюи (громко), клюи (очень громко).

Послѣ этихъ 12 колѣнъ пѣсня повторялась, при чемъ колѣна нерѣдко переставаливались въ иномъ порядкѣ.

Въ заключеніе, нѣсколько словъ о томъ, какъ нужно обращаться съ соловьемъ въ неволѣ. Только что пойманному соловью нужно тотчасъ же связать крылышки, посадить его въ клѣтку, обтянутую какою-нибудь тканью (лучше всего рѣдкимъ, «посылочнымъ» холстомъ), и помѣстить въ тихій уголокъ, чтобы птица не пугалась, иначе она можетъ забиться до-смерти. Черезъ часъ, или болѣе, когда птица нѣсколько оглядится и проголодается, станетъ прыгать по клѣткѣ, дать ей немного свѣжихъ муравьиныхъ яицъ. Когда съѣстъ первую порцію, значитъ, дѣло ладно — будетъ жить. Затѣмъ слѣдуетъ дать вторую и третью порцію. На другой день повѣсить клѣтку на потолокъ, подальше отъ окна

(чтобы не дуло), и давать кормъ аккуратно два раза въ день—утромъ и часа въ 3—4 пополудни, также и въ слѣдующіе дни. Дня черезъ 2—3 соловей (весенняго лова) обыкновенно уже начинаетъ запѣвать. Когда совсѣмъ обсеидется и привыкнетъ къ хозяину, крылья нужно развязать и клѣтку съ одной стороны открыть до половины. Кормить свѣжими муравьиными яйцами, пока можно доставать, а затѣмъ сухими, обваренными предварительно кипяткомъ и отжатыми, смѣшивая ихъ съ тертой свѣжей морковью и толченымъ сухимъ бѣлымъ хлѣбомъ. Хорошо подмѣшивать отъ времени до времени мелко нарубленнаго варенаго мяса, таракановъ и червячковъ, въ особенности во время линія. Питейка должна быть просторная, чтобы птица могла купаться. При хорошемъ уходѣ соловей можетъ держаться лѣтъ 5—6 и даже болѣе. Запѣвать начинаетъ въ клѣткѣ нерѣдко уже къ Рождеству, постепенно пополняя пѣсню до весны; съ апрѣля до половины іюня поетъ въ полной силѣ и красотѣ, потомъ начинаетъ убавлять понемногу и сокращать—до линьки, когда замолкаетъ до декабря.

Въ юго-западной Россіи, рядомъ съ нашимъ обыкновеннымъ соловьемъ, водится и другой, такъ называемый западный соловей<sup>1)</sup> (Табл. XIX) или австрійскій (у птичниковъ). Нашъ соловей доходитъ только до восточной части Германіи, далѣе же, къ западу, во всей остальной Европѣ, водится только соловей западный. Отличается этотъ послѣдній отъ восточнаго нѣсколько меньшей величиной<sup>2)</sup> и, немного, по окраскѣ<sup>3)</sup>. Въ пѣснѣ эти два соловья разнятся весьма значительно: пѣсня обыкновеннаго (восточнаго) соловья отличается болѣею мощностью, торжественностью, звучностью; она болѣе членораздѣльна и колѣна въ ней болѣе разграничены; она поется строфами, приближаясь въ этомъ отношеніи къ характеру пѣсни пѣвчаго дрозда. Въ пѣснѣ же западнаго соловья болѣе нѣжности, закругленности, слитности,

<sup>1)</sup> *Erithacus lusciniæ*.—Нѣмецк. *Nachtigal*.—Франц. *Rossignol*.

<sup>2)</sup> Въ длину 6½ дюймовъ (17 см.).

<sup>3)</sup> Восточный соловей снизу темно-сѣрый, съ бѣловатыми горлышкомъ и нижнею частью брюшка (къ подхвостью), съ волнистымъ рисункомъ (скобочками) на груди, сверху же темно-оливково-бурый; хвостъ красновато-бурый. Западный же—снизу сѣровато-бѣлый, сверху красновато-бурый, съ краснымъ хвостомъ; вообще, у послѣдняго болѣе преобладаетъ ржавый (красновато-бурый) цвѣтъ, который особенно замѣчается во время полета птицы, при солнечномъ освѣщеніи.

а меньше звучности и силы. Мнѣ приводилось слушать пѣніе западнаго соловья въ Германіи, во Франціи и въ Крыму (въ долинѣ Бельбека, близъ Севастополя). Признаться, послѣ могучихъ, величественныхъ посвистовъ нашего (восточнаго) соловья, мнѣ показался очень слабенькимъ, столь воспѣваемый нѣмецкими поэтами, Nachtigal (а французами—Rossignol). Впрочемъ, можетъ быть, я попалъ на не особенно хорошихъ пѣвцовъ?

На Кавказѣ, кромѣ восточнаго соловья, водится еще соловей персидскій или соловей Гафиза <sup>1)</sup> (названный такъ нашимъ извѣстнымъ ученымъ Сѣверцевымъ, вѣроятно, въ честь знаменитаго персидскаго поэта Гафиза, столь прекрасно воспѣвавшаго, въ своихъ стихотвореніяхъ, «царя пѣвцовъ»—соловья, и его любовъ къ «царицѣ цвѣтовъ»—розѣ). Персидскій соловей, по окраскѣ и нѣжности пѣнія, ближе стоитъ къ западному соловью, чѣмъ къ восточному. Говорятъ, въ его пѣснѣ вовсе нѣтъ сухихъ, трескучихъ колѣнъ, такъ часто встрѣчающихся въ пѣсняхъ нашихъ соловьевъ, но что, въ то же время, пѣсня эта значительно бѣднѣе содержаніемъ и однообразнѣе, чѣмъ пѣсня нашего соловья.

Образъ жизни обоихъ этихъ соловьевъ ничѣмъ почти не отличается отъ образа жизни нашего, восточнаго, соловья.

---

<sup>1)</sup> Erithacus Naphisi.

# Малиновка<sup>1)</sup>.

(Табл. X).



Ужъ летать твои сестрицы  
Къ намъ изъ-за моря сюда,  
Жди же, жди весны-царицы,  
Теплой ночи и гвѣзда.  
Я пушу тебя на волю;  
Но послушай: заведешь  
Ты мнѣ пѣсенку, что полю  
И своимъ лѣсамъ поешь?  
Знаешь, ту, что полюбили  
Волны, звѣзды и цвѣты,  
А задумали-сложили  
Ночи вѣшнія, да ты.

Л. Мей.

ЛИЗКАЯ родственница соловья, малиновка принадлежитъ къ числу такихъ птицъ, узнать которыхъ — значить полюбить, — и скучать, когда не имѣешь ихъ близко около себя.

Нынче первая зима — послѣ цѣлаго ряда зимъ — что у меня нѣтъ въ комнатѣ малиновки<sup>2)</sup>, и рѣдкій день проходитъ безъ того, чтобы кто-либо изъ домашнихъ не вспомнилъ объ этой птичкѣ, не пожалѣлъ, что нѣтъ у насъ нынче «милочки». (Названіе «милочки» давалось у насъ каждой малиновкѣ, пріобрѣтавшейся, обыкновенно, осенью, по веснѣ же выпускавшейся на волю). И дѣйствительно, эта птичка — одно изъ очаровательнѣй-

<sup>1)</sup> *Erythacus rubecula*. — Зорька, зарянка, малиновка (болѣе или менѣе повсемѣстно); подкоренница, крапивница (въ Москвѣ); желтушечка (Боровичск. у.); ольшанка, краснозобка. — Величина въ длину немного болѣе 6 дюйм. (15<sup>1</sup>/<sub>2</sub> стм.).

<sup>2)</sup> Писано въ декабрѣ 1889 г.

шихъ Божьихъ созданій; столько въ ней граціи, изящества и поэзіи. Стройныя длинныя ножки; красиво выпяченная впередъ желтовато-красная грудка; акуратная головка, съ большими, умными, черными глазами и изящнымъ тонкимъ клювикомъ; довольно длинный, элегантный хвостикъ, который птичка такъ граціозно вздергиваетъ кверху, выдѣлывая свои отрывистые поклоны, съ характернымъ «тикъ-тикъ» въ минуты волненія,—все это въ высшей степени изящно, граціозно и красиво. Если же къ этому еще прибавить, что малиновка прекрасная пѣвунья, что она легко ручѣтъ и, разъ сдѣлавшись ручною, становится какъ бы членомъ семьи или другомъ дома, то, надѣюсь, читатель согласится со мною, что такую птичку нельзя не полюбить и не привязаться къ ней всей душой.

Водится малиновка, кромѣ крайняго сѣвера, по всей Европейской Россіи. Въ Крыму ее знаютъ больше какъ пролетную—весеннюю и осеннюю—гостью, хотя она тамъ и гнѣздится. На Кавказѣ ее замѣняетъ очень сходная съ ней персидская малиновка <sup>1)</sup>.

Прилетаетъ къ намъ эта птичка весной весьма рано, обыкновенно ко времени распусканія цвѣточныхъ сережекъ ольхи (подъ Петербургомъ въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля). Какъ и большинство мелкихъ насѣкомоядныхъ птицъ, малиновка прилетаетъ ночью, и въ первое же утро по прилетѣ даетъ о себѣ знать своей прелестной пѣсней. Пѣсню эту невозможно выразить, даже приблизительно, какими-либо буквами. Она представляетъ собою рядъ слегка прерывающихся серебристыхъ переливовъ (словно пересыпаются маленькіе серебряные бубенчики); среди этихъ переливовъ, мѣстами выдаются громкія флейтовые нотки, и вся пѣсня имѣетъ какой-то торжественный и въ то же время грустный, меланхолическій отгѣнокъ. Слушать ее, въ туманное мартовское утро, когда природа едва только начинаетъ приходить въ себя отъ зимняго забытья—истинное наслажденіе. Съ прилетомъ малиновокъ весенняя природа дѣлаетъ большой шагъ впередъ—настолько ее сразу оживляютъ прелестныя пѣсни и красныя грудки этихъ милыхъ птичекъ.

Кто желаетъ познакомиться съ малиновкой и ея пѣснями, тотъ долженъ это сдѣлать именно ранней весной, пока деревья и кусты не одѣлись еще листьями и пока пѣсни этой птички

<sup>1)</sup> *Erythacus hyrcanus*.



еще не заглушаются громкоголосымъ пестрымъ хоромъ другихъ, позже прилетающихъ пѣвчихъ птицъ. Въ это ранне-весеннее время малиновка поетъ почти цѣлый день. Сидитъ она, во время пѣнія, на вѣткѣ дерева, неподвижно и большею частію довольно открыто, такъ что найти и разглядѣть ее хорошенъко весьма не трудно. Съ распусканіемъ зелени на деревьяхъ, малиновка поетъ уже больше лишь по утреннимъ и вечернимъ зорямъ. Нерѣдко можно услышать пѣніе малиновки и осенью, въ теплый сентябрьскій день, въ отлетное время, но только тогда ея пѣсня, конечно, далеко не такъ звучитъ, какъ весной, хотя и чрезвычайно цѣнна, при общемъ осеннемъ молчаніи.

Малиновка—пѣвецъ чрезвычайно ретивый: она почти послѣдняя умолкаетъ вечеромъ и первая встрѣчаетъ пѣснями утреннюю зарю (отсюда названіе «зарянка»).

Любимыми мѣстами пребыванія малиновки являются сырые, смѣшанные (хвойно-лиственные), не старые лѣса, съ подлѣскомъ. Въ особенности она любитъ держаться по близости лѣсныхъ ручейковъ, поросшихъ ольховыми деревьями (отсюда названіе «ольшанка»). Стоя въ такихъ мѣстахъ, въ концѣ апрѣля, вечеромъ, на тягѣ вальдшнеповъ, или проводя ночь на глухариномъ току, можно иногда услышать десятки одновременно поющихъ малиновокъ. (Въ наши сѣверныя свѣтлыя весеннія ночи эти птички поютъ чуть что не всю ночь напролетъ). Также, охотно держатся малиновки въ большихъ садахъ и паркахъ, гдѣ есть вода. Онѣ не боятся близости человѣческихъ жилищъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ малиновка вьетъ гнѣздо—изъ сухихъ листочковъ, мха, тонкихъ вѣточекъ и былинчекъ, выстилая его внутри волосомъ, перстью и перышками. Помѣщается гнѣздо или въ кустахъ, на землѣ, или невысоко надъ землею, въ дуплѣ дерева, въ углубленіяхъ стѣнъ садовыхъ построекъ и въ разныхъ другихъ удобныхъ закрытыхъ мѣстахъ. Самочка несетъ 5—7 бѣлыхъ или желтоватыхъ яичекъ, испещренныхъ ржаво-желтыми пятнышками и крапинками. Высиживаютъ самочка и самчикъ попеременно, при чемъ самчикъ обыкновенно сидитъ на гнѣздѣ днемъ, самочка же ночью; вотъ почему съ половины мая днемъ уже рѣдко приходится услышать пѣсню малиновки (поетъ вѣдь только самчикъ).

Кормится малиновка личинками, гусеницами, мелкими жуками, пауками, слизняками и тому подобными тварями, которыхъ

разыскиваетъ обыкновенно на землѣ, шаря, на манеръ дроздовъ, подъ опавшими листьями, въ травѣ и во мху. Осенью эта птичка охотно лакомится также и всякими сочными ягодами. Птенцы выкармливаются исключительно различными червячками (гусеницами, личинками и т. п.).

Первые двѣ недѣли по вылетѣ птенцовъ изъ гнѣзда, старики держатся вмѣстѣ съ молодыми, отличающимися отъ стариковъ своимъ пестрымъ, буро-красчатымъ опереніемъ. При этомъ безпрестанно можно слышать предостерегательное, тонкое «тсссъ» и призывное «тикъ-тикъ», или «тикъ-тирикъ-тиктиктикъ»—въ родѣ сухой трели или стрекотанья—при очень сильномъ возбужденіи.

Какъ только молодые малиновки сдѣлаются достаточно самостоятельными, родители ихъ приступаютъ ко второму выводу.

Покончивъ съ заботами по выводу дѣтей, старыя малиновки, вмѣстѣ съ молодыми, бродятъ преимущественно по садамъ, куда ихъ привлекаютъ лакомыя ягоды. Здѣсь онѣ держатся до наступленія отлетной поры, которая у насъ, подъ Петербургомъ, начинается съ середины сентября и продолжается до середины октября, а иногда и долѣе. Мнѣ случалось встрѣчать у насъ малиновокъ даже въ концѣ ноября, спустя нѣсколько недѣль послѣ того, какъ устанавливался санный путь и бывали уже весьма изрядные морозы. Въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ, нерѣдко, отдѣльные экземпляры малиновокъ остаются зимовать, при чемъ онѣ придерживаются человѣческихъ жилищъ, и, въ особенно бурное и морозное время, даже залетаютъ въ сараи и сѣни домовъ. (Въ Западной Европѣ это явленіе почти нормальное, благодаря чему, тамъ, всякій—въ особенности деревенскій житель—хорошо знаетъ эту милую птичку. Поэтому-то «Rotkelchen» и «Rouge-gorge» такъ часто и фигурируютъ въ различныхъ нѣмецкихъ и французскихъ стихотвореніяхъ и дѣтскихъ разсказахъ).

Характеръ у малиновки весьма своеобразный. Въ немъ есть и дурныя, и хорошія стороны. Къ числу первыхъ принадлежить драчливость и неуживчивость, какъ съ себѣ подобными, такъ и съ другими птицами, благодаря чему эти птички и держатся на волѣ всегда по-одиночкѣ; также и въ комнатѣ ихъ почти нельзя держать въ общихъ садкахъ съ другими комнатными птичками; исключенія бываютъ, но весьма рѣдкія. Мнѣ принесли однажды осенью, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, молоденькую, совсѣмъ еще пестренькую, малиновку. Не зная еще тогда хорошо нрава этой

птички, я посадилъ ее въ большой общій садокъ, гдѣ у меня находилось 14 штукъ различной пернатой публики (зеленушка, щуръ, щеголь, зябликъ, коноплянка, клестъ, чечетка, ополоничекъ, чечевица, чирикъ, снѣгирь со снѣгуркой, пухлякъ и московка). До декабря мѣсяца, пока наша «милочка» не смѣнила еще вполнѣ своего дѣтскаго пестраго костюма на нарядъ взрослой красногрудой малиновки, до тѣхъ поръ все обстояло благополучно: она была мила, скромна и составляла даже истинное украшеніе садка. Чуть, бывало, вечеромъ зажгутся на роялѣ свѣчи и раздастся музыка, какъ «милочка» встрепенется, «затиктакаетъ», со своими обычными отрывистыми поклонами, усядется на ближайшую къ огню жердочку (садокъ стоялъ недалеко отъ рояля) и, уставившись прелестными большими черными глазенками на играющаго, такъ мило станетъ напѣвать въ полголоса свою серебристую пѣсенку, что просто хотъ расцѣлуй ее! Но однажды (кажется, это было въ концѣ декабря) слышу я, изъ другой комнаты, необычайное смятеніе въ садкѣ и, отъ времени до времени, громкій, великолѣпный, переливчатый свистъ. Прибѣгаю и что же вижу? Наша тихая, скромная «милочка» словно вдругъ переродилась въ какого-то ястребенка: распугавъ по угламъ всѣхъ птичекъ (даже большого щура), сидитъ, пригнувшись къ жердочкѣ, свѣсивъ крылья, плотно подобравъ всѣ перышки, вытянувъ шею и вперивъ «молніеносный» взглядъ на самую верхнюю жердочку, на которой испуганно прижималась къ стѣнкѣ добродушная зеленушка. Точь-въ-точь какъ тигръ, собирающійся сдѣлать смертоносный прыжокъ на подкарауленную добычу! Не успѣлъ я опомниться, какъ маленькая забіяка, съ громкимъ флейтовымъ свистомъ, стрѣлой ударила въ бѣдную зеленушку и, сбивъ ее съ жердочки (даже пухъ полетѣлъ!), снова приняла прежнюю угрожающую позицію, только теперь устремивъ свой взоръ уже книзу, туда, куда перемѣстилась сбитая сверху зеленушка. Видя всеобщее смятеніе обитателей садка (ничего подобного прежде между ними не бывало) и опасаясь какъ за ихъ благополучіе, такъ и за благополучіе самой «милочки», я поспѣшилъ принести сѣтку, которою ловятъ бабочекъ (безъ палки, конечно), и накрывъ маленькую злючку, пересадилъ ее въ отдѣльную клѣтку—въ одиночное заключеніе! Здѣсь она снова стала прежней «милочкой»: брала изъ рукъ таракашекъ, напѣвала вполголоса свои пѣсенки, вылетала и влетала въ клѣтку, словомъ—была

очаровательная птичка. Спустя нѣкоторое время, я попытался снова впустить ее въ общій садокъ; но, дня черезъ два она опять стала бунить, такъ что пришлось окончательно отказаться отъ мысли держать ее въ общемъ садкѣ. Два года спустя, я снова сдѣлалъ попытку держать взрослую малиновку въ общемъ садкѣ. Эта держала себя совсѣмъ скромно и ни съ кѣмъ не ссорилась, но только вовсе не пѣла; когда же я отсадилъ ее въ отдѣльную клѣтку—тотчасъ же начала напѣвать. Вообще, нужно замѣтить, что большинство пѣвчихъ птицъ охотнѣе поютъ, когда находятся въ клѣткѣ совсѣмъ однѣ.

Къ числу хорошихъ сторонъ малиновки относится ея сострадательность къ больнымъ и безпомощнымъ птичкамъ. Бремъ рассказываетъ (въ своей «Иллюстрированной жизни животныхъ») слѣдующіе два случая, въ которыхъ прекрасно выразилась эта трогательная черта характера нашей птички.

Двѣ малиновки (самчики) были посажены вмѣстѣ въ одну клѣтку. Съ первой же почти минуты между ними установились враждебныя отношенія: вѣчно онѣ ссорились изъ-за каждаго кусочка пищи, вѣчно дрались и гонялись другъ за дружкой, словно смертельные враги. Какъ-то разъ случилось, что одна изъ нихъ сломала себѣ ножку. Тотчасъ же прекратились все ссоры и раздоры: оставшаяся здоровою малиновка не только забыла все свои счеты со столь ненавистнымъ прежде сожителемъ, но даже стала немедленно ухаживать за больнымъ, приносила ему пищу и всячески выражала свою о немъ заботливость. Сломанная ножка срослась и зажила; выздоровѣвшій самчикъ сталъ снова бодръ и крѣпокъ, какъ и прежде, но ссоры между нимъ и его благодѣтелемъ прекратились уже навсегда.

Въ другомъ случаѣ, пойманный на гнѣздѣ самчикъ малиновки, принесенный вмѣстѣ со своими птенцами въ комнату, продолжалъ и здѣсь кормить и согрѣвать ихъ, какъ и прежде на волѣ, и вполне благополучно выростилъ въ комнатѣ всехъ своихъ птенцовъ. Спустя недѣлю, въ ту же комнату было принесено другое гнѣздо, съ птенцами другой малиновки. Тотъ же сердобольный самчикъ, тотчасъ же, какъ только услышалъ жалобный пискъ голодныхъ и безпомощныхъ птенцовъ, подлетѣлъ къ нимъ, долго и внимательно ихъ разсматривалъ, затѣмъ поспѣшилъ къ кормушкѣ съ муравьиными яйцами, и, набравъ полный клювъ корма, угостилъ голодныхъ крикуновъ. Съ этой минуты онъ

принялъ на себя уходъ за вновь принесенными птенчиками, которыхъ и выкормилъ въ лучшемъ видѣ, какъ будто это были его собственные птенцы.

Насколько ручная малиновка привязывается къ дому и своимъ хозяевамъ, можно судить по слѣдующему примѣру: однажды, въ маѣ мѣсяцѣ, собираясь уѣзжать на все лѣто съ семьей изъ дому, я вынесъ клѣтку съ прожившей у меня всю зиму «милочкой» на крыльцо и открылъ дверцу. Птичка выпорхнула на ближайшій кустъ сирени, но, черезъ нѣсколько минутъ снова вернулась на крыльцо, усѣлась на спинку стула, среди сидѣвшей на крыльцѣ публики, и вслѣдъ затѣмъ юркнула между нами, черезъ открытую дверь, въ сѣни. Пришлось ее вторично выпроваживать, послѣ чего она еще долго держалась по сосѣдству—близъ моей квартиры.

Уничтоженіемъ большого количества насѣкомыхъ малиновка приноситъ намъ весьма существенную пользу.

Содержать въ клѣткѣ малиновку нужно такъ же, какъ и соловья, только для нея не требуется непременно клѣтка съ мягкимъ верхомъ. Вообще эта птица гораздо крѣпче и менѣе взыскательна, чѣмъ соловей, требующій всегда весьма тщательнаго ухода. Такъ какъ малиновка очень любитъ купаться, то ей нужно по крайней мѣрѣ два раза въ день мѣнять воду. А какъ весело смотрѣть, когда она купается, и какъ, затѣмъ, вымокнувъ, что называется, до послѣдней нитки, станетъ на жердочкѣ отряхаться и граціозно охорашивать свои перышки! Также, слѣдуетъ ей давать осенью и зимой по 3—4 таракашка (или мучныхъ черви) въ день, для того чтобы она не заставила долго ждать со своими пѣснями. А звучать эти пѣсни въ комнатѣ еще красивѣе, чѣмъ на волѣ, и тогда кажется, среди зимы, словно влетѣла въ комнату красавица-весна!..



1.

2.

3.



1. Горихвостка (*Ruticilla phoenicurus*).
2. Дроздъ бѣлобровикъ (*Turdus iliacus*).
3. Лѣсной жаворонокъ, юла (*Alauda arborea*)

# Горихвостка <sup>1)</sup>.

(Табл. XIV).

Для воскресшей земли дни страданій прошли  
Съ непогодой, мятежью, морозами.  
Пробудилась весна... Счастьемъ вѣсть она,  
Возрожденная сладкими грезами...

В. Величко.

Изъ-подъ камней пробиваются  
Зелени яркой листы,  
Небо смѣется, и ласково  
Вѣтеръ цѣлуетъ цвѣты.

Дм. Минаевъ.



УТЬ НАЧНУТЬ зеленѣть въ садахъ газоны,  
а у березы и черемухи станетъ расхолоди-  
ваться почка, прилетаетъ въ наши сады и  
парки маленькая <sup>2)</sup>, красиво окрашенная пти-

чка, тотчасъ же дающая о себѣ знать весьма громкимъ, какъ бы грустно-тревожнымъ, свистомъ, повторяемымъ обыкновенно много разъ кряду: «уить-уить-уить...». Ржаво-красная грудка и брюшко, черное горлышко, бѣлый лобъ, буровато-сѣрая спинка и ржаво-красный хвостикъ—вотъ красивый нарядъ самца горихвостки. Самочка окрашена въ болѣе скромный сѣровато-бурый нарядъ, и только хвостикъ у нея такой же красный, какъ у самца. Молодые горихвостки—почти сплошь буренькія и испещрены свѣтлыми пятнышками.

<sup>1)</sup> *Ruticilla phoenicurus*.—Гористовка, горихвостка (б. или м. повсемѣстно); калуферка (Моск. губ.); лысушка (Казанск.).

<sup>2)</sup> Въ длину 14 сантиметр. (5<sup>1</sup>/<sub>2</sub> дюйм.).

Горихвостка одна изъ самыхъ распространенныхъ и довольно многочисленныхъ нашихъ птицъ. Она гнѣздится повсей Россіи, отъ самаго крайняго сѣвера до Кавказа включительно. (Въ Крыму гнѣздится очень сходная съ нею бѣлокрылая горихвостка<sup>1)</sup>—съ бѣлыми продольными полосами на крыльяхъ). Нѣтъ почти такого сада—даже среди многолюдныхъ городовъ,—въ которомъ не водилось бы горихвостокъ; про парки уже и говорить нечего. Впрочемъ, горихвостка водится не въ однихъ только садахъ и паркахъ: нерѣдко ее можно встрѣтить также и на лѣсныхъ опушкахъ, вдали отъ человѣческаго жилья; лѣсной чащи она избѣгаетъ.

Въ мѣстахъ своего лѣтняго пребыванія, горихвостка ведетъ довольно открытую жизнь. Во время пѣнія она сидитъ обыкновенно на виду и близко подпускаетъ къ себѣ наблюдателя, такъ что ее не трудно хорошо рассмотреть, въ особенности въ бинокль. Еще удобнѣе наблюдать ее въ то время, когда она слетаетъ на землю, чтобы схватить какое-нибудь насѣкомое. Также, нерѣдко можно видѣть горихвостку сидящую на заборѣ, на живой изгороди, на полѣнницѣ дровъ, среди которыхъ иногда помѣщается и ея гнѣздо.

Пѣсня горихвостки большею частію состоитъ изъ одной только строфы, довольно короткой (почти не длиннѣе, чѣмъ у зяблика), но весьма звучной и красивой, съ грустнымъ оттѣнкомъ. Словами выразить эту пѣсню очень трудно. Особенно характерно въ ней начало—весьма громкое и очень высокое «и», за которымъ слѣдуетъ переливъ изъ ряда болѣе низкихъ тоновъ; окончаніе строфы неопредѣленное—почти каждый разъ иное. У нѣкоторыхъ горихвостокъ—мастерицъ пѣнія—встрѣчаются иногда въ пѣснѣ отдѣльные свисты, почти соловьиной силы и красоты, но это рѣдко. Нѣкоторыя изъ нихъ являются также и весьма недурными пересмѣшниками, прекрасно подражающими голосамъ другихъ пѣвчихъ птицъ. Такая горихвостка-пересмѣшникъ начинаетъ свое пѣніе обыкновенно чужими голосами, оканчиваетъ же всегда своей, характерной для нея, фразой.

Выше было упомянуто о характерномъ «унть», которымъ горихвостка извѣщаетъ обыкновенно о своемъ прилетѣ. Къ этому громкому, далеко слышному свисту (въ общемъ сходному съ «фюить» пѣночекъ, но только несравненно болѣе громкому и

<sup>1)</sup> *Ruticilla mesoleuca.*

рѣзкому) нерѣдко придается прибавка «тэкъ, тэкъ», что особенно часто дѣлается во время вывода птенцовъ, когда къ гнѣзду приближается человѣкъ, кошка или вообще какое-нибудь существо, въ которомъ горихвостка почему-либо подозрѣваетъ злое намѣреніе. Когда безпокойство этой птички достигаетъ высшей степени, тогда даже почти сплошь издается одно только «тэкъ, тэкъ» много разъ кряду, и лишь изрѣдка вставляется съ большими промежутками, «уйтъ». Чѣмъ больше приближается враждебное существо къ гнѣзду, тѣмъ чаще слѣдуетъ одно за другимъ «тэкъ, тэкъ, тэкъ» и тѣмъ рѣже «уйтъ».

Горихвостка принадлежитъ къ числу самыхъ ретивыхъ пернатыхъ пѣвцовъ. Въ самый разгаръ весны она поетъ чуть что не круглыя сутки: умолкая лишь въ десятомъ, одиннадцатомъ часу вечера (у насъ, на сѣверѣ), снова начинаетъ пѣть около полуночи, такъ что просто удивительно, какъ мало требуется отдыха для этой маленькой пѣвуньи. Во время пѣнія горихвостка сидитъ всегда неподвижно — обыкновенно высоко на деревѣ, стройно вытянувшись — при чемъ, какъ было уже упомянуто, ее не трудно и увидѣть.

Самымъ характернымъ отличіемъ горихвостки, отъ всѣхъ остальныхъ нашихъ птичекъ, является ея безпрестанное потряхиваніе хвостикомъ, — именно потряхиваніе, а не размахиваніе, какъ, напримѣръ, у трясогузки.

Вскорѣ по прилетѣ, горихвостки приступаютъ къ выводу дѣтей. Плохенькое, рыхлой постройки, гнѣздо помѣщается большею частію въ дуплѣ дерева; за недостаткомъ же дуплистыхъ деревьевъ — также въ углубленіяхъ стѣнъ, въ дровяныхъ полѣнницахъ, въ оставшихся свободными скворечницахъ и т. п., иногда же и просто на землѣ, въ какомъ-нибудь углубленіи, прикрытомъ свѣсившимися вѣтками куста. Самочка несетъ 5—7 хорошенькихъ, блѣдно-голубовато-зеленыхъ, яичекъ, гладкихъ, безъ всякихъ крапинокъ, и высидываетъ ихъ попеременно съ самчикомъ.

Когда молодые горихвостки вылетятъ изъ гнѣзда и выучатся сами кормиться, старики приступаютъ ко второму выводу.

Кормятся горихвостки различными насѣкомыми, во всѣхъ стадіяхъ ихъ развитія; ловятъ на-лету бабочекъ, мухъ, а также собираютъ съ земли личинокъ, гусеницъ, куколокъ и т. п. Осенью, при недостаткѣ насѣкомыхъ, горихвостки кормятся также и ягодами.



Уничтожая большое количество насекомыхъ, въ числѣ которыхъ попадаетъ не мало и вредныхъ для садовода и сельскаго хозяина, горихвостка является полезной для человѣка птицей, не говоря уже о томъ, какъ мило украшаетъ собою это хорошенькое и красиво-поющее пернатое существо наши сады, парки и рощи.

Въ клѣткѣ горихвостка встрѣчается не часто. Говорятъ, что она очень надоѣдаетъ своимъ безпрестанно повторяемымъ, безпокойнымъ «уйть», хотя я вовсе не могу этого сказать про горихвостку, которая жила у меня одну зиму въ клѣткѣ. Клѣтка для свѣже пойманной горихвостки должна быть съ верхомъ (какъ для соловья и жаворонка); обидѣвшуюся же птицу можно держать въ любой клѣткѣ. Кормить ее слѣдуетъ такъ же, какъ и соловья.

Въ Польшѣ, кромѣ обыкновенной горихвостки, мѣстами гнѣздится еще и другая—горихвостка-чернушка <sup>1)</sup>. Если на нее смотрѣть спереди, то она кажется почти совсѣмъ черною. На лбу у нея нѣтъ бѣлаго пятна, но крылья—съ бѣлымъ. Хвостъ ржавокрасный. Эта горихвостка очень любитъ распѣвать свои пѣсенки (гораздо менѣе звучныя, чѣмъ у обыкновенной горихвостки) сидя на конькѣ крыши или на домовой трубѣ. Чернушка иногда залетаетъ въ Лифляндію; также ее встрѣчали въ окрестностяхъ Кіева и подъ Одессой.

<sup>1)</sup> *Ruticilla tithys*.



# Варакушка <sup>1)</sup>.

(Табл. XV).

.....  
Въ окно повѣяло весною...  
Засвищутъ скоро соловьи:  
И лѣсъ одѣнется листвою.

А. Плещеевъ.

Уже утомившійся день  
Склонился въ багряныя воды,  
Темнѣютъ лазурные своды.  
Прохладная стелется тѣнь...

В. Жуковский.



ОКОНЧИВЪ съ дневными трудами, сельскій житель, передъ отходомъ ко сну, вышелъ посидѣть на крылечкѣ—подышать смолистымъ ароматомъ распускающейся березовой почки, освѣжить голову ласкающей прохладой ве-

сенняго вечера, послушать, не донесется ли изъ прибрежныхъ кустовъ щелканье, со дня на день ожидаемаго, «пѣвца любви». Изъ сосѣдняго лѣса изрѣдка доносятся послѣднія строфы пѣвчаго дрозда. Въ саду и ближней рошѣ допѣваютъ свои вечернія пѣсни малиновки и горихвостки,—все рѣже и рѣже—полусонливо... Вотъ и онѣ умолкли. «Лазурные своды» темнѣютъ все болѣе и болѣе. Съ песчаной отмели рѣки долетѣлъ тоскливый свистъ спугнутаго кѣмъ-то куличка-перевозчика,—долетѣлъ, повторился

---

<sup>1)</sup> *Cyanescula leucocyana*.—Зорька (Казанск., Харьков.); варакушка; синешейка; синегрудка; лазоревка.

эхомъ въ березовой рощѣ и потерялся въ клубахъ тумана, поднявшася изъ сырой лощины. Вслѣдъ затѣмъ, какъ бы въ отвѣтъ, изъ глубокой, широко размытой и поросшей ольховыми и ивовыми кустами полевой канавы, раздалась отрывистая, свѣжая, полная весенняго задора, пѣсня: «ти---ти---ти-титити, рю, рю, рю, рю (какъ сверчокъ), титирю, тирю»—далѣе разнообразныя прищолкиванья, громкіе свисты и затѣмъ какое-то пестрое, негромкое бормотанье-щебетанье, плохо слышное издали. Слушатель на крылечкѣ, собиравшійся было уже уходить во-свояси, остановился и сталъ прислушиваться къ этой странной пѣснѣ. Заинтересовавшись пѣніемъ таинственной ночной пѣвуньи, онъ захотѣлъ поближе разслушать неясное, издали, бормотанье птички. Подойдя осторожно къ тому мѣсту заросшей канавы, изъ котораго раздавалось пѣніе, онъ ясно могъ разслышать, что упомянутое бормотаніе состоитъ изъ пестраго смѣшенія разнообразныхъ птичьихъ голосовъ, перемѣшиваемыхъ съ какимъ-то особымъ груднымъ ворчаніемъ или храпѣніемъ. Въ общемъ, вся пѣсня была интересна до чрезвычайности; повременамъ она звучала необыкновенно свѣтло и красиво, повременамъ же напѣвалась какъ бы про себя, втихомолку. То пѣла варăкушка <sup>1)</sup>.

Долго слушалъ сельскій житель, сидя на полевомъ камнѣ, у края канавы, пѣніе этой интересной и прекрасной пѣвуньи, пока холодокъ апрѣльской ночи не заставилъ его вздрогнуть, раздругой, и вспомнить о теплой постели... Засыпая, онъ все еще прислушивался къ звучнымъ строфамъ этой пѣсни, изрѣдка долетавшимъ до его слуха, даже чрезъ закрытое окно комнаты.

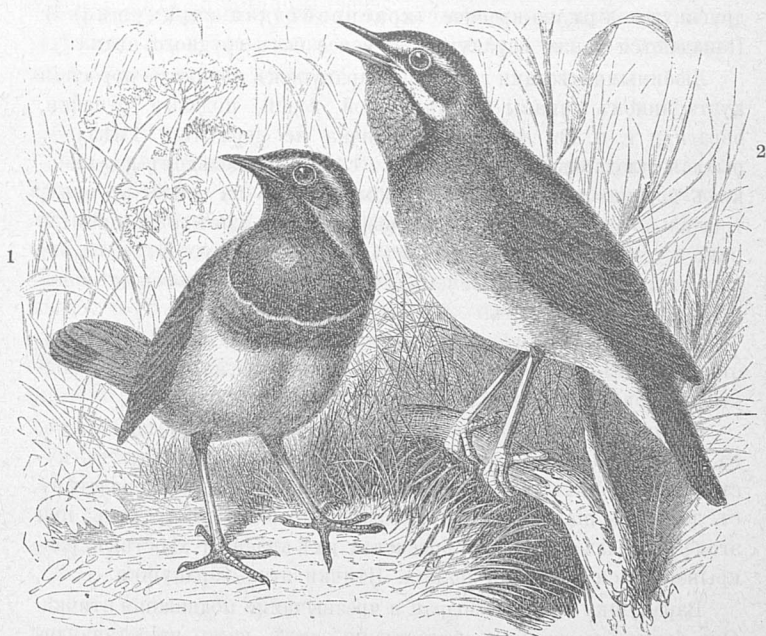
Варăкушка одна изъ самыхъ красивыхъ и поэтичныхъ нашихъ птичекъ. Стройная, изящная, на высокихъ тонкихъ ножкахъ, сверху буренькая, снизу бѣловатая, съ ярко-синимъ горлышкомъ и грудкой, съ хвостикомъ наполовину (отъ основанія) краснымъ, наполовину темно-бурымъ, и со свѣтлой бровкой надъ глазами—вотъ каковою является эта милая птичка, приходящаяся, вмѣстѣ съ малиновкой, близкой родственницей соловью. Въ такомъ нарядѣ, впрочемъ, щеголяетъ только самчикъ; у самочки же

---

<sup>1)</sup> Варăкушить на народномъ говорѣ значитъ передразнивать, поддѣлываться подъ кого-нибудь. Очевидно, что названіе варăкушки дано этой птичкѣ за ея подражаніе, въ пѣсняхъ, голосамъ другихъ птицъ.

горло бѣловатое, и только на зобу находится голубая полоска. У молодыхъ—верхняя сторона съ желтыми пятнышками, горло бѣлое, зобъ черный.

Къ сожалѣнію, это прелестное созданіе встрѣчается далеко не такъ часто, какъ этого можно бы желать. Хотя варакушка и попадаетъ на всемъ протяженіи Европейской Россіи, но гнѣ-



1. Варакушка.—2. Соловей-красношейка.

здится преимущественно въ сѣверныхъ и среднихъ губерніяхъ, а также и на Кавказѣ. Въ Крыму если и бываетъ, то только на весеннемъ и осеннемъ пролетѣ. Кромѣ того, она не особенно многочисленна, и на мѣстахъ своихъ гнѣздовой ведетъ довольно скрытный образъ жизни. Легче всего ее увидѣть весной, въ прилетное время (у насъ, подѣ Петербургомъ, во второй половинѣ апрѣля). Въ первые дни по прилетѣ, поющую варакушку нерѣдко можно встрѣтить вблизи человѣческихъ жилищъ, на невысокомъ,

еще безлиственномъ, деревѣ, гдѣ-нибудь по близости проточной канавы или ручья; также на крышѣ водяной мельницы, полевого амбара, на перилахъ моста и т. п. открытыхъ мѣстахъ. Позднѣе же, во время вывода птенцовъ, варакушки больше скрываются въ кустахъ и рѣдко попадаютъ на глаза.

Изъ встрѣчающихся у насъ варакушекъ однѣ имѣютъ среди синей грудки серебристо-бѣлое пятно (бѣлозвѣздая варакушка)<sup>1)</sup>, другія же — ржаво-красное (краснозвѣздая варакушка)<sup>2)</sup>. Попадаютъ также варакушки и вовсе безъ грудного пятна<sup>3)</sup>.

Любимыми мѣстами гнѣздовій варакушекъ являются поросшія кустарникомъ канавы съ проточной водой, полевые ручейки, овраги и т. п. Въ лѣсахъ эта птичка не держится. Гнѣздо — рыхлая, плохенькая постройка, изъ сухихъ стебельковъ и тоненькихъ корешковъ — помѣщается обыкновенно на землѣ, въ ямкѣ, тщательно скрытой подъ нависшей травой, или прикрытой вѣтвями кустарника. Самочка несетъ 6—7 свѣтло-голубыхъ, съ буроватыми крапинками, яичекъ, которыя высиживаются ею попеременно съ самчикомъ.

Пищу варакушки составляютъ насѣкомыя и ихъ личинки, отыскиаемыя ею преимущественно на землѣ, на менеръ ея родственниковъ — дроздовъ и малиновокъ.

Осенью, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, варакушки отлетаютъ на югъ, въ Африку. Въ это время нерѣдко случается спугивать въ кустахъ небольшихъ темно-буренькихъ птичекъ, которыя, пролетѣвъ съ десятокъ шаговъ, снова быстро скрываются въ кустахъ; при этомъ въ глаза невольно бросается ихъ красный хвостикъ, раскрывающійся во время полета. Птички эти — варакушки.

Варакушка — умная, бодрая и чрезвычайно подвижная птичка. Она быстро и граціозно бѣгаетъ по землѣ, часто приостанавливаясь и осанисто приподнимаясь при этомъ на своихъ стройныхъ, тонкихъ ножкахъ. При каждой остановкѣ, она обязательно покиваетъ нѣсколько разъ своимъ хвостикомъ (въ родѣ трясогузки, но только не такъ учащенно).

Въ клѣткѣ варакушка — милѣйшая птичка и поетъ весьма приятно — какъ днемъ, такъ и вечеромъ, при огнѣ. Клѣтка для нея

1) *Erithacus leucocyanus*.

2) *Erithacus sueticus*.

3) *Erithacus Wolfii*.

должна быть немного длиннѣе, чѣмъ для другихъ пѣвчихъ птичекъ—чтобы было гдѣ побѣгать, такъ какъ варакушка, если только не поетъ, большею частію бѣгаетъ по клѣткѣ (а не скачетъ съ жердочки на жердочку, какъ другія птички). Кормъ ей полагается такой же, какъ и соловью.—У меня жила одну зиму прекрасная пѣвунья-варакушка на слѣдующемъ кормѣ: къ тертой моркови, смѣшанной до-суха съ толченымъ сухимъ бѣлымъ хлѣбомъ, прибавлялись муравьиныя яйца, моренные мелкіе муравьи (мураши—пріобрѣтаются въ птичныхъ лавкахъ) и 8—10 таракановъ-прусаковъ въ день.

На нашемъ рисункѣ, рядомъ съ варакушкой, изображенъ (съ правой стороны) соловей-красношейка<sup>1)</sup>—прелестная азіатская птичка, гнѣздящаяся, между прочимъ, и въ азіатской части Пермской губерніи и нерѣдко залетающая въ Оренбургскій край. Сверху буроватая, снизу желтовато-бѣлая, съ великолѣпнымъ ярко-краснымъ (рубиновымъ) горлышкомъ, птичка эта, по своему характеру и образу жизни, очень сходна съ близко родственной ей варакушкой. Поетъ она, говорятъ, превосходно, хотя отнюдь не можетъ соперничать съ нашимъ соловьемъ.

<sup>1)</sup> Erithacus Calliope.



## Каменка <sup>1)</sup>.



ОМУ СЛУЧАЕТСЯ часто ѣздить по шоссе-нымъ дорогамъ, или чьи прогулки направляются мимо старыхъ каменоломенъ, или вообще какихъ-либо мѣстъ, на которыхъ находятся кучи камней, тотъ, при нѣкоторой наблюдательности, не могъ не познакомиться съ каменкой. Это та сѣро-бѣлая птичка, которая такъ часто провожаетъ прохожаго, или проѣзжаго, на значительномъ разстояніи пути, быстро перелетая вдоль дороги, низко надъ поверхностью земли, съ одной кучи щебенки на другую, и показывая при этомъ свое ослѣпительно-бѣлое надхвостье (отсюда названіе попутчикъ). Присѣвъ, хотя на секундочку, на верхушку щебеночной кучи, или на тумбочку дорожнаго мостика, каменка обязательно дѣлаетъ одинъ-другой поклонъ, порывисто вздергивая вверхъ свой, на половину бѣлый (при основаніи), на половину черный, хвостикъ и наклоняя впередъ головку (совсѣмъ такъ, какъ это дѣлаетъ малиновка и другія родственныя ей птицы дроздовой группы). Нерѣдко можно видѣть ее также сидящею на телефонной проволокѣ.

---

<sup>1)</sup> *Saxicola oenanthe*.—Бѣлогузикъ, трещененокъ (Боровичск. у.); иванчикъ, чиолка (Хрсон.); чикъ (Забайкалье); попутчикъ, каменка (б. или м. повсемѣстно); чеканъ-каменка (Мензбиръ: «Птицы Россіи»).

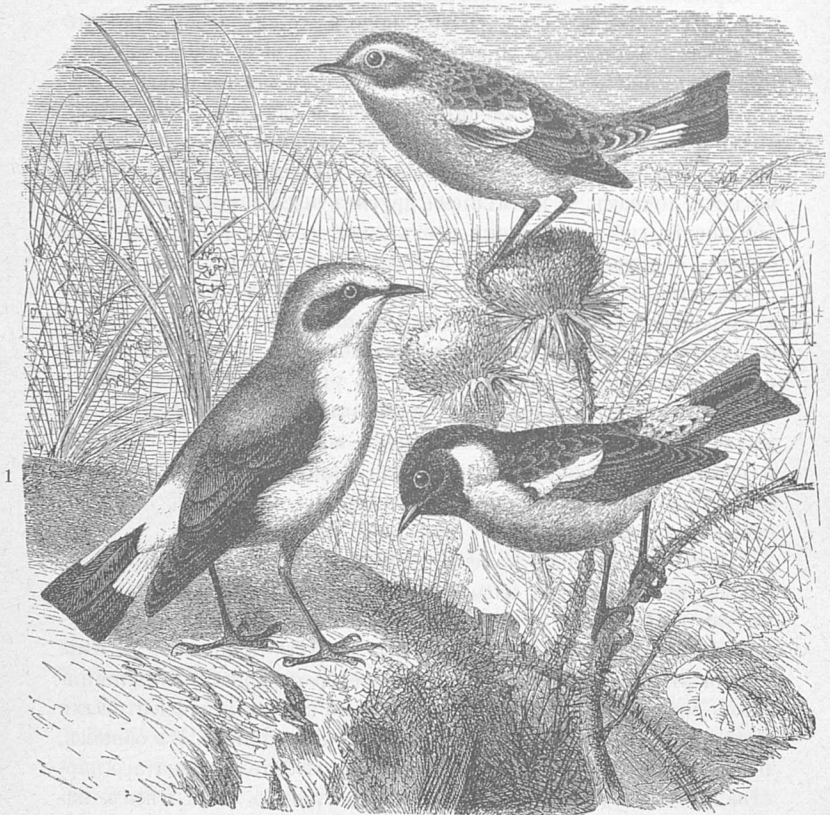
Прилетаетъ къ намъ каменка весною довольно рано—въ первой трети апрѣля. Гнѣздо ея мнѣ чаще всего случалось находить въ кучахъ булыжника, приготовленного для шоссеиной щебенки. Впрочемъ, она помѣщаетъ свое гнѣздо также и въ другихъ мѣстахъ: въ трещинахъ каменныхъ стѣнъ и скалъ, въ дровяныхъ полѣнницахъ, изрѣдка въ древесныхъ дуплахъ, въ покинутыхъ норахъ земляныхъ ласточекъ и разныхъ другихъ углубленіяхъ. Въ мягкихъ почвахъ, за неимѣніемъ другихъ подходящихъ мѣстъ для помѣщенія гнѣзда, каменка роетъ даже сама норы. Гнѣздо состоитъ, снаружи, изъ грубо и рыхло сплетенныхъ корешковъ, сухихъ травъ, мочалокъ и т. п., изнутри же плотно и мягко выстлано шерстью, перьями и пухомъ. Самочка кладетъ 4—7 яицъ, нѣжно-голубоватаго или блѣдно-зеленоватаго цвѣта, иногда съ небольшою красноватою пестриной на утолщенномъ концѣ яйца.

Птенчики выкармливаются исключительно насѣкомыми (преимущественно разными кузнечиками), каковыми питаются также и взрослые каменки. Послѣ вылета молодыхъ, семья каменокъ держится вмѣстѣ, близъ мѣста гнѣздовья, и вмѣстѣ же, всей семьей, отлетаетъ на югъ—въ концѣ августа.

Призывный крикъ каменки звучитъ въ родѣ нѣжнаго и довольно низкаго свиста «гью, гью», къ которому, если птица чѣмъ-нибудь возбуждена, прибавляется еще характерное «чракъ», звучащее подобно тому, какъ если бы ударять камень о камень. Пѣсня этой птички состоитъ изъ своеобразнаго смѣшенія шипящихъ звуковъ, съ отдѣльными, довольно красивыми, флейтовыми нотками, и произносится очень быстро и отрывисто. Въ общемъ, пѣсня каменки стоитъ немногаго, хотя любитель пернатого царства не безъ удовольствія прислушивается къ этой пѣснѣ, напримѣръ, самымъ раннимъ апрѣльскимъ утромъ, когда на дворѣ почти совсѣмъ еще темно и не слышно никакихъ другихъ пѣсень.

Распространеніе каменки очень обширно: она гнѣздится по всей Европейской Россіи—отъ Кольскаго полуострова и Мурманскаго берега до Крыма и Кавказа включительно. Она повсюду встрѣчается лишь единично и принадлежитъ къ числу не особенно многочисленныхъ птицъ.

Пойманныя каменки трудно свыкаются съ клѣткой и рѣдко встрѣчаются въ комнатахъ, даже у самыхъ записныхъ любителей птицъ. Кормить ихъ слѣдуетъ такъ же, какъ соловья.



1. Каменка. — 2. Чеканка луговая. — 3. Чеканка чернохвостая.

На юго-востокѣ Россіи, а также на Кавказѣ и мѣстами въ Крыму (напримѣръ, въ каменистыхъ окрестностяхъ Севастополя) является весьма обыкновенной птицей каменка-плѣшанка<sup>1)</sup>, легко отличающаяся отъ обыкновенной каменки тѣмъ, что у нея верхняя часть головы (отъ клюва до нижней части шеи) бѣлая, горлышко же совершенно черное. Во всемъ остальномъ—по характеру, манерамъ и образу жизни—плѣшанка очень похожа на нашу каменку.

<sup>1)</sup> *Saxicola morio*.

На нашемъ рисункѣ, вмѣстѣ съ каменкой, изображены еще двѣ близко родственныя ей птички—чеканки.

Верхняя, сидящая на цвѣткѣ чертополоха—чеканка луговая <sup>1)</sup>—встрѣчается обыкновенно по пустырямъ, старымъ гарямъ, вырубкамъ, поросшимъ высокой травой и молоденькими деревцами. Весной и подъ осень она нерѣдко попадаетъ на огородахъ и картофельныхъ поляхъ. Эта пестро-буренькая птичка, съ бѣлой бровкой надъ глазомъ и бѣлыми плечами, весьма немногочисленна и попадаетъ на глаза гораздо рѣже каменки. Гнѣздится она по всей Европейской Россіи, отъ крайняго сѣвера до крайняго юга, отлетая на зиму въ тропическія страны. Въ Крыму бываетъ только на пролетѣ.

Изображенная на нижней части рисунка, чеканка чернохвостая <sup>2)</sup> или черноголовая водится только въ юго-западной части Россіи и повсюду довольно рѣдка.

Оляпка, крапивникъ, дрозды, соловьи, малиновка, горихвостки, варакушки, каменки и чеканки относятся къ одной общей группѣ птицъ—дроздовыхъ. Всѣ эти птицы отличаются большой, сравнительно, головой, большими глазами, широкой грудью, средней длины клювомъ—хотя довольно тонкимъ, но крѣпкимъ—и довольно высокими ногами. Всѣ онѣ питаются насѣкомыми, при чемъ многія изъ нихъ охотно идутъ также, въ концѣ лѣта и осенью, на ягоды. Почти всѣ дроздовыя птицы принадлежать къ числу перелетныхъ, т. е. къ зимѣ отлетаютъ на югъ. Большинство изъ нихъ—прекрасные пѣвцы. Весьма характерною особенностью птицъ этой группы являются звуки «такъ-такъ» или «чакъ-чакъ» и другіе въ этомъ родѣ, издаваемые въ моменты душевнаго возбужденія и сопровождаемые порывистымъ вздергиваніемъ кверху хвоста, съ одновременнымъ наклоненіемъ головы.

<sup>1)</sup> *Pratincola rubetra*.—Чеканъ, чеканка, каменка, каменщикъ (б. или м. повсем.); суранчикъ (у Петерб. птицелов.).

<sup>2)</sup> *Pratincola rubicola*.

## Славки <sup>1)</sup>.

Весь юный міръ, томясь любовной жаждой,  
Объятій ждётъ волшебницы-весны...  
И вотъ она, вся въ радужномъ сіяньи  
Златыхъ одеждъ, парчи и багрянницъ,  
За стаями прилетныхъ пѣвчихъ птицъ,  
Приносится на страстное свиданье,  
На брачный пиръ, исполненный чудесъ,  
На торжество природы и небесъ!..

Гр. Голенищевъ-Кутузовъ.



Е ПРАВДА ЛИ, какое красивое, ласкающее ухо названіе—славка, славочка? Невольно съ нимъ связывается представление о чемъ-то миломъ и изящномъ. И въ самомъ дѣлѣ, птички, носящія это названіе, вполнѣ ему соотвѣтствуютъ: скромныя по своей пернатой одеждѣ, не блещущей никакими яркими цвѣтами, онѣ чрезвычайно милы, изящны и, такъ сказать, благородны во всемъ своемъ существѣ; къ тому же, большинство изъ нихъ и превосходные пѣвцы.

Въ Европейской Россіи водится нѣсколько видовъ славокъ; всѣ онѣ, какъ близко родственныя другъ другу птицы, имѣютъ между собою много общаго. Это маленькія птички, съ короткимъ, тонкимъ клювомъ и шелковисто-мелкимъ опереніемъ, въ которомъ преобладаетъ сѣрый цвѣтъ. Онѣ прилетаютъ къ намъ весною обыкновенно въ то время, когда

«Весь юный міръ

«Объятій ждётъ волшебницы-весны»,

---

<sup>1)</sup> Sylvia.





1. Славка черноголовка (*Sylvia atricapilla*).
2. » смородинка ( » *hortensis*).
3. говорунчикъ ( » *cinerea*).
4. мельничекъ ( » *curruca*).

и когда деревья только что начинают одѣваться первою листвою. Осенью, въ августѣ и сентябрѣ, эти милыя птички снова насъ покидаютъ. Такимъ образомъ, слѣдовательно, славочки остаются у насъ весьма недолго—поздно прилетаютъ и довольно рано улетаютъ; остальную же, большую, часть года проводятъ на далекомъ югѣ—частью на южныхъ оконечностяхъ Европы, частью же въ сѣверной и средней Африкѣ.

Вскорѣ по прилетѣ, славки приступаютъ къ выводу птенцовъ. Гнѣздо ихъ обыкновенно помѣщается въ кустахъ, невысоко надъ землею (рѣдко выше 1½ аршина), и представляетъ собою довольно плохую, рыхлую постройку, состоящую почти изъ однихъ только тонкихъ, сухихъ стебельковъ или корешковъ травъ, съ немногими конскими волосами внутри гнѣздовой чашечки. Самочки кладутъ 4—6 яичекъ, всегда испещренныхъ, по свѣтлому фону, темными пятнышками и крапинками. Высиживаніе длится 14—15 дней, при чемъ, въ полуденные часы, самчикъ смѣняетъ самочку, слетающую въ это время кормиться. Если приблизиться къ гнѣзду славки, въ которомъ находятся птенчики, достаточно уже оперенные, но еще не летающіе, и заглянуть во внутрь гнѣзда, то, обыкновенно, птенцы не выдерживаютъ взгляда человѣка и выбрасываются на землю, быстро скрываясь въ окружающей травѣ. Мать ихъ, притворяясь больною, старается отманить непрошеннаго посѣтителя въ сторону отъ дѣтей, подобно тому, какъ это продѣлываютъ и многія другія птицы.

Пища славокъ состоитъ изъ различныхъ насѣкомыхъ, преимущественно голыхъ (не волосатыхъ) гусеницъ и личинокъ, которыхъ онѣ обираютъ съ вѣтвей деревьевъ и кустарниковъ и которыми выкармливаютъ также и своихъ птенцовъ. Во второй половинѣ лѣта, и осенью, славки охотно также лакомятся различными сочными ягодами.—Если, такимъ образомъ, эти птицы, съ одной стороны, и наносятъ нѣкоторый ущербъ ягодному урожаю нашихъ садовъ, то, съ другой стороны, уничтожая множество вредныхъ гусеницъ и личинокъ въ тѣхъ же садахъ, онѣ, конечно, съ лихвою покрываютъ этотъ ущербъ и должны быть причислены къ несомнѣнно полезнымъ птицамъ, не говоря уже про то, поистинѣ превосходное, украшеніе нашихъ садовъ и парковъ, которое доставляютъ славки своимъ пѣніемъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что, не будь славокъ, концертъ нашихъ садовыхъ пернатыхъ пѣвцовъ потерялъ бы добрую половину своей прелести.

Въ средней и южной Россіи, въ рѣдкомъ саду не встрѣтится тотъ или другой видъ славки.

Всѣ славки чрезвычайно бодрыя, подвижныя, но въ то же время и осторожныя птички: за ними весьма трудно слѣдить, и вообще онѣ неохотно попадаютъ на глаза человѣку.

Въ неволѣ, при хорошемъ уходѣ, славки держатся весьма хорошо и доставляютъ много удовольствія своему хозяину; онѣ скоро ручнѣютъ и ретиво поютъ большую часть года. Кормъ имъ слѣдуетъ давать такой же, какъ и птицамъ дроздовой группы.

Вотъ, что касается до нашихъ слявокъ вообще. Затѣмъ — нѣсколько словъ объ этихъ птичкахъ въ отдѣльности. Я размѣщаю ихъ въ порядкѣ по достоинству пѣнія, начиная съ самаго лучшаго мастера, каковымъ является несомнѣнно

### 1) Славка-черноголовка <sup>1)</sup>. (Табл. XIII).

Маленькая <sup>2)</sup>, почти сплошь пепельно-сѣрая птичка, съ черной «шапочкой» — у самца; у самочки же и у молодыхъ шапочка рыжевато-бурая. Водится черноголовка по всей Европейской Россіи, кромѣ крайняго сѣвера <sup>3)</sup>, и повсюду у насъ является птицей перелетной, появляясь съ первыми листьями на черемухѣ и березѣ и отлетая на югъ съ началомъ осени. Сады, парки и лѣсныя опушки, поросшія кустами, составляютъ любимыя мѣста обитанія черноголовки; сплошныхъ дремучихъ лѣсовъ, и вообще лѣсной чащи, она не особенно долюбиваетъ, какъ и всѣ прочія славки. Въ окрестностяхъ Петербурга черноголовка водится во всѣхъ паркахъ, хотя и въ небольшомъ числѣ. (Въ паркѣ Лѣснаго Института обыкновенно гнѣздится пять-шесть парочекъ этихъ птицъ).

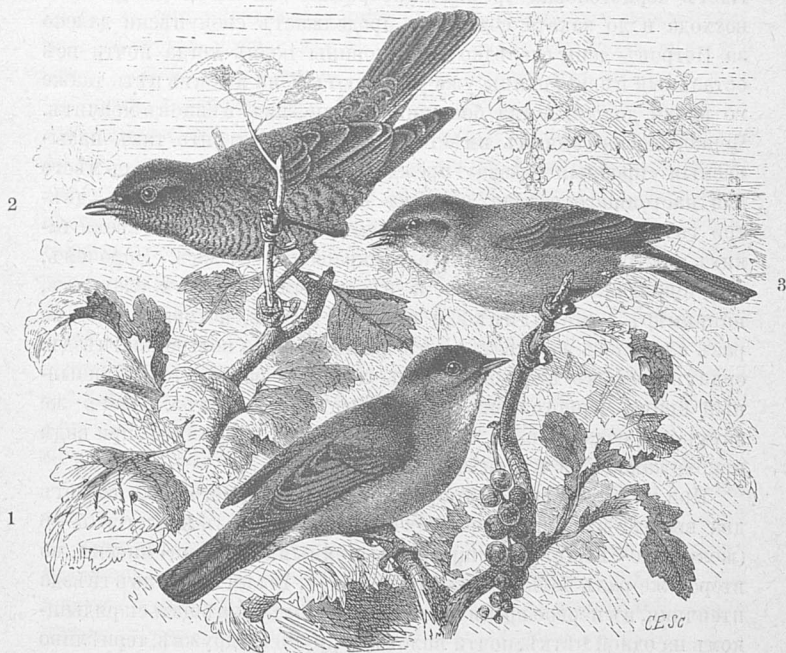
Послѣ соловья и пѣвчаго дрозда, черноголовка является несомнѣнно однимъ изъ лучшихъ нашихъ пернатыхъ пѣвцовъ. Пѣсня ея состоитъ изъ довольно длинной, переливчатой строфы, начи-

<sup>1)</sup> *Silvia atricapilla*; черноголовикъ, черноголовка, черношляпка (б. или м. повсемѣстно); крапивникъ (Харьков.).

<sup>2)</sup> Въ длину  $5\frac{3}{4}$  д. (15 см.).

<sup>3)</sup> Сѣверная граница распространенія черноголовки опредѣляется, приблизительно, линіей, проведенной черезъ Улеаборгъ, Шенкурскъ и Петропавловскъ (на Уралѣ).

нающейся негромко, вполголоса, затѣмъ постепенно усиливающейся и, наконецъ, заканчивающейся великолѣпными громкими флейтовыми звуками. Первую половину этой пѣсни можно слышать только на близкомъ разстояніи отъ пѣвца, заключительное же флейтовое колѣно слышно на весьма большое разстояніе. Нерѣдко можно встрѣтить черноголовокъ, вплетающихъ въ свою



Славки.

1. Черноголовка.—2. Пестрогрудка.—3. Смородинка.

пѣсню звуки, заимствованные отъ другихъ пѣвчихъ птицъ, къ чему вообще, болѣе или менѣе, склонны почти всѣ славки. Мнѣ случалось слышать черноголовокъ, до того искусно высвистывавшихъ нѣкоторыя соловьиныя строфы, что въ первый моментъ я думалъ, что имѣю дѣло съ соловьемъ. Подражательные звуки вставляются черноголовкой обыкновенно въ началѣ громкаго колѣна, заключеніе же его—флейтовое переливаніе—почти одина-



ково у всѣхъ (по крайней мѣрѣ, петербургскихъ) черноголовкѣ. Весьма характерно для этой птички—впрочемъ, и для всѣхъ остальныхъ славокъ—что она никогда не поетъ долго на одномъ мѣстѣ, а безпрестанно перемѣщается съ вѣтки на вѣтку и съ дерева на дерево, облетая такимъ образомъ, съ пѣсней, извѣстный районъ мѣстности и умолкая на короткое время только при перелетахъ. Поетъ черноголовка чрезвычайно ретиво—почти цѣлый день, съ восхода и до заката солнца, и продолжаетъ свои пѣсни далеко за Петровъ день (нерѣдко до половины іюля), когда почти всѣ остальные пѣвчія птицы уже умолкаютъ. Она любитъ пѣть также во время дождя, когда большинство другихъ пѣвцовъ молчитъ. Черноголовка-самчикъ имѣетъ обыкновеніе строить такъ называемыя «пробныя гнѣзда»: прежде чѣмъ самочка облюбуетъ мѣсто для настоящаго гнѣзда, самчикъ начнетъ, но не кончитъ, двѣтри гнѣздовыхъ постройки, при чемъ, обыкновенно, во время такихъ построекъ поется много прекрасныхъ пѣсенъ. Впрочемъ, эта привычка свойственна и нѣкоторымъ другимъ славкамъ, напримѣръ, смородинкѣ и пестрогрудкѣ, которыхъ мнѣ не разъ случалось заставать за пѣснями во время постройки гнѣздъ: сидитъ себѣ въ недоконченномъ гнѣздѣ и заливается! Призывный крикъ черноголовки звучитъ въ родѣ «чекъ». Этотъ же звукъ она издаетъ и въ минуты опасности—напримѣръ, при видѣ приближающейся къ гнѣзду кошки.

При мало-мальски благопріятномъ лѣтѣ, черноголовка дѣлаетъ два вывода птенцовъ, при чемъ, въ первый разъ кладется 5—6 (желтовато-бѣлыхъ, испещренныхъ темными пятнами) яицекъ, во второй же разъ большею частію только 4. Вылетѣвшіе изъ гнѣзда птенчики, въ первое время по вылетѣ, любятъ размѣщаться рядышкомъ на одной вѣткѣ, почти вплотную другъ къ другу, терпѣливо ожидая своихъ родителей, приносящихъ имъ отъ времени до времени червячковъ. Видъ такой дружной семейки, среди просвѣчивающей на солнцѣ зелени древесныхъ вѣтвей, представляетъ собою чрезвычайно милое зрѣлище, которымъ можно долго любоваться.

Изъ всѣхъ нашихъ славокъ, черноголовка наиболѣе падка на ягоды.

Въ комнатѣ это одна изъ восхитительнѣйшихъ птичекъ. Хотя она и требуетъ довольно внимательнаго за собою ухода, но вознаграждаетъ за него сторицею—своимъ милымъ нравомъ и превосходными пѣснями, распѣваемыми почти круглый годъ. Въ на-



стоящую минуту, когда я пишу эти строки <sup>1)</sup>), мой слухъ усиливается прекрасной пѣсней черноголовки, живущей у меня уже пятый мѣсяцъ. Она начала пѣвать еще въ октябрѣ, вскорѣ послѣ того, какъ я ее получилъ, и теперь поетъ почти уже полнымъ голосомъ—по утрамъ, днемъ же—вполголоса. Я заплатилъ за нее 4 рубля (на птичьемъ рынкѣ), но она уже давно окупилась своими превосходными пѣснями. Въ кормъ она получаетъ 2 раза въ день муравьиныя яйца, сухія и обваренныя, перемѣшанныя съ тертою морковью и толченымъ сухимъ хлѣбомъ, и по утрамъ 1—2 мучныхъ червя, которыхъ беретъ изъ рукъ.

Брэмъ рассказываетъ (въ своей «Иллюстрированной жизни животныхъ») объ одной черноголовкѣ, выучившейся произносить фразу: «mi nino chiceritito» (мое милое дитятко), съ каковою ежедневно приносила ей пищу ея хозяйка—монахиня одного монастыря, на Канарскихъ островахъ. Весь городъ зналъ эту замѣчательную черноголовку и не могъ надивиться, что маленькая пѣвчая птичка выучилась говорить. Большія деньги предлагались счастливой обладательницѣ этого маленькаго чуда, но монахиня и слышать не хотѣла о разлукѣ со своей любимицей, составлявшей единственное ея счастье и радость въ жизни. Однако, чего не могли сдѣлать самыя соблазнительныя предложенія, то сдѣлала мелкая людская злоба: въ одинъ прекрасный день монахиня лишилась своей удивительной птички: она была отравлена завистливой рукой...

Въ Закавказьи (и на южномъ берегу Крыма?) встрѣчается славка масличная <sup>2)</sup>) (Табл. XXIV), сходная съ черноголовкой по черной окраскѣ верхней части головы, но въ то же время отличающаяся отъ нея бѣлой окраской нижней стороны тѣла, а также и тѣмъ, что крайнія перья въ хвостѣ у масличной славки бѣлыя, у черноголовки же весь хвостъ сѣровато-черный.

## 2) Славка-пестрогрудка <sup>3)</sup>).

Самая крупная изъ нашихъ славокъ <sup>4)</sup>). По своей одеждѣ, въ общемъ пепельно-сѣрой, отличается отъ остальныхъ своихъ сестеръ пестрой грудкой: вся нижняя сторона этой птички ис-

<sup>1)</sup> Февраль 1891 г.

<sup>2)</sup> *Silvia orphea*.

<sup>3)</sup> *Silvia nisoria*.—Подорѣшникъ, пересмѣшникъ (Петерб. птицелов.); травникъ (Харьк.); кустарникъ, ястребина славка.

<sup>4)</sup> Въ длину около 7 дюйм. (18 см.).

пещрена, по свѣтлому фону, темными серповидными поперечными скобочками (подобно тому, какъ испещрена грудь у ястреба-перепелятника, откуда и произошли названія: пестрогрудка и ястребиная славка). Кромѣ того, у пестрогрудки радужина вокругъ зрачка глаза ярко-желтая, что также служитъ характернымъ ея отличіемъ отъ остальныхъ славокъ, имѣющихъ радужину темную.

Водится пестрогрудка въ средней и южной Россіи, а также въ Крыму и на Кавказѣ. Вообще, относительно этой птички слѣдуетъ замѣтить, что о ней имѣется еще весьма недостаточно свѣдѣній, какъ о мѣстахъ ея нахожденія, такъ и объ образѣ жизни, хотя она встрѣчается вовсе нерѣдко и принадлежитъ къ числу лучшихъ нашихъ садовыхъ пѣвцовъ (такъ, по крайней мѣрѣ, въ Петербургской губерніи). Происходитъ это, вѣроятно, оттого, что пестрогрудка, подобно прочимъ славкамъ, не легко попадаетъ на глаза; пѣсня же ея имѣетъ столь большое сходство съ пѣсней смородинки (или садовой славки, о которой рѣчь будетъ сейчасъ впереди), что нужно имѣть очень большой навыкъ и хорошо развитое ухо для того, чтобы умѣть различать порознь пѣсни этихъ двухъ, близко родственныхъ между собою, птицъ, да и то нерѣдко можно ошибиться. Характеръ пѣсни пестрогрудки лучше всего выяснится изъ сравненія ея съ пѣснями черноголовки и смородинки: у первой, какъ было уже сказано въ своемъ мѣстѣ, пѣсня (или, вѣрнѣе, послѣднее громкое ея колѣно) состоитъ изъ превосходныхъ, неторопливыхъ, слегка прерывающихся флейтовыхъ звуковъ; у смородинки, почти столь же превосходные, но нѣсколько менѣе громкіе, флейтовые звуки слѣдуютъ быстро одинъ за другимъ, сливаясь въ одну непрерывную и весьма длинную, переливчатую строфу—флейтовую болтовню, начало которой также нерѣдко поется вполголоса; у той и у другой въ пѣснѣ необычайная чистота и нѣжность звуковъ. У пестрогрудки же флейто-переливчатая болтовня менѣе слитна и болѣе громка и звучна, чѣмъ у смородинки, и тѣмъ приближается отчасти къ пѣснѣ черноголовки. Впрочемъ, необходимо оговориться, что все только что сказанное о пѣснѣ пестрогрудки относится до пестрогрудокъ Петербургской губерніи, съ каковыми мнѣ до сихъ поръ и приходилось имѣть дѣло. Въ различныхъ мѣстностяхъ пѣсни этихъ птицъ весьма рознятся между собою (какъ это видно изъ всего того, что мнѣ приходи-

лось читать о пѣніи пестрогрудки въ разныхъ книгахъ). Кромѣ того, пестрогрудка, подобно другимъ славкамъ, также любитъ вплетать въ свою пѣсню звуки голосовъ другихъ пѣвчихъ птицъ, почему ее даже называютъ иногда пересмѣшникомъ (напримѣръ, на петербургскомъ птичномъ дворѣ), хотя мнѣ лично ни разу еще не привелось слышать пестрогрудки-пересмѣшки. Характернымъ для пестрогрудки является еще слѣдующее обстоятельство: во время пѣнія, весной и въ началѣ лѣта, поющій самчикъ нерѣдко поднимается почти вертикально на воздухъ (не высоко) и затѣмъ медленно опускается по близости отъ того мѣста, съ котораго поднялся (такъ называемый «токовой полетъ», о которомъ у насъ уже упоминалось въ предыдущихъ очеркахъ), чего мнѣ ни разу не привелось наблюдать ни у смородинки, ни у черноголовки.

Весной пестрогрудка прилетаетъ къ намъ позже всѣхъ другихъ славокъ (въ окрестности Петербурга около середины мая). Любимыми мѣстами ея пребыванія являются сады, парки и вообще листовенные кустарники и молодняки. Гнѣздо пестрогрудки, особенно охотно помѣщаемое въ живыхъ изгородахъ боярышника (*Crataegus*), къ концу мая или началу іюня заключаетъ въ себѣ, обыкновенно, 4—6 желтовато-бѣлыхъ яичекъ, съ сѣрыми или фіолетовыми разводами и пятнами. Эта птичка дѣлаетъ только одинъ выводъ въ лѣто, по окончаніи котораго линяетъ, а въ началѣ осени снова отлетаетъ въ теплые края.

Въ неволѣ пестрогрудка, при надлежащемъ уходѣ, скоро и хорошо обживается, недолго заставляетъ ждать со своими прекрасными пѣснями и становится совершенно ручною.

### 3) Славка-смородинка <sup>1)</sup>. (Табл. XIII).

Одной почти величины съ черноголовкой. Въ окраскѣ не имѣетъ никакихъ рѣзкихъ отмѣтинъ, но отличается отъ остальныхъ славокъ общимъ оливково-бурымъ тономъ оперенія (верхняя сторона оливково-бурая, нижняя—сѣровато-бѣлая, съ оливково-бурымъ и желтоватымъ налетомъ).

<sup>1)</sup> *Silvia hortensis*. — Пересмѣшка, травничекъ, большой кустарникъ (у московск. и тульск. птицелов.); подкрапивникъ (Харьк.); тамѣка (Крымъ); смородинка (Петерб.).

Смородинка гнѣздится по всей Европейской Россіи, отъ Архангельска до Крыма и Кавказа, и повсюду является весьма обыкновенной лѣтней птицей. Любимыми мѣстами ея пребыванія являются сады и парки. Ей необходимы густые кусты, совмѣстно съ высокими деревьями; въ первыхъ она вьетъ свои гнѣзда, на послѣднихъ кормится и распѣваетъ свои прекрасныя пѣсни, о которыхъ было говорено уже выше (когда рѣчь шла о пѣснѣ пестрогрудки). На глаза смородинка попадаетъ почти такъ же рѣдко, какъ и пестрогрудка. Скорѣе всего еще ее можно увидѣть весной, съ прилета, во время пѣнія, когда листва деревьевъ еще рѣдка, хотя и тутъ ее не легко бываетъ уловить, напримѣръ, въ бинокль, потому что она большая непосѣда, въ особенности во время пѣнія.

Самочка кладетъ въ гнѣздо, помѣщающееся обыкновенно на высотѣ 2—3 футовъ надъ землею, 5—6 матово-бѣлыхъ яичекъ, съ многочисленными блѣдно-лиловыми полями, испещренными бурыми пятнышками. Смородинка дѣлаетъ въ лѣто обыкновенно одинъ только выводъ.

Странная судьба этой милой птички: нѣтъ почти сада, котораго бы она не украшала своимъ прекраснымъ пѣніемъ; почти всякій это пѣніе слышалъ и знаетъ (хотя бы, такъ сказать, безсознательно), сама же пѣвунья остается никому неизвѣстною, за исключеніемъ лишь немногихъ любителей и знатоковъ птицъ. Конечно, этому виною главнымъ образомъ чрезвычайная скрытность этой птички,—трудность ее увидѣть и разсмотрѣть.

Въ неволѣ, при надлежащемъ уходѣ, смородинка живетъ весьма хорошо; бывали примѣры, что она выдерживала въ клѣткѣ 10—15 лѣтъ.

#### 4) Славка-говорунчикъ <sup>1)</sup>. (Табл. XIII).

Величиною немного меньше предыдущей <sup>2)</sup> и чрезвычайно стройная птичка. Опереніе имѣетъ сверху сѣровато-бурое, снизу же бѣловатое, съ чисто-бѣлымъ горлышкомъ, которое очень бросается въ глаза, въ особенности во время пѣнія. Водится гово-

<sup>1)</sup> *Sylvia cinerea*.—Завируха (Яросл., Москов.); завируха болотная (Петерб.); крапивникъ (Харьк.); говорунчикъ (Тверск.); славка сѣрая (Мензбирь: «Птицы Россіи»).

<sup>2)</sup> Длина около 6 дюйм. (15 см.).

рунчикъ отъ Архангельска до Крыма и Кавказа, и повсюду является весьма обыкновенной лѣтней птицей. Прилетаетъ весной почти одновременно съ соловьемъ—какъ только запущится зеленью береза—и отлетаетъ снова на югъ въ концѣ августа или въ первой половинѣ сентября.

Любимыми мѣстами пребыванія говорунчика являются открытые кустарники, живыя изгороди, питомники, древесныя школки и т. п. Это чрезвычайно живая, вертлявая птичка и легче другихъ славокъ попадаетъ на глаза человѣку, въ особенности весной, съ прилета, во время пѣнія, когда она весьма охотно садится на безлиственные (поздно покрывающіяся листвою) деревца. Также, въ это время, ее часто можно видѣть сидящею открыто и поющею на живыхъ изгородяхъ, въ которыхъ она, однако, тотчасъ же скрывается, какъ только подойти къ ней поближе.

Пѣсня говорунчика далеко уступаетъ пѣснямъ разсмотрѣнныхъ выше славокъ—что касается до красоты и звучности, это скорѣе, дѣйствительно, какой-то «говорокъ», чѣмъ пѣніе,—безъ всякихъ флейтовыхъ звуковъ, но зато въ высшей степени живой, задорный и веселый. Когда эта славочка поетъ, то такъ и кажется, что ей ужасно весело. Подобно славкѣ-пестрогрудкѣ, и говорунчикъ предпринимаетъ во время пѣнія токовой полетъ; онъ повторяетъ его, въ особенности въ маѣ мѣсяцѣ, очень часто, при чемъ, поднявшись изъ кустовъ, съ непрерывной пѣсней, почти вертикально вверх (саженъ на 5—6), опускается, обыкновенно, на какой-нибудь выдающійся надъ мѣстностью предметъ (дерево, телеграфную проволоку и проч.) и произноситъ въ очень быстромъ темпѣ и много разъ кряду отрывистую фразу, звучащую въ родѣ «чечиритирититюти». Нерѣдко говорунчикъ издаетъ также звуки (предостереженія?) въ родѣ «вэдъ-вэдъ-вэдъ», звучащіе довольно громко.

Гнѣздо свое говорунчикъ строитъ или непосредственно на поверхности земли, или же невысоко надъ нею, въ кустахъ, заросляхъ крапивы, кучахъ хвороста и т. п. Внутри оно большею частью бываетъ выстлано конскими волосами. Самочка кладетъ 4—5 яичекъ, густо испещренныхъ, по желтоватому или зеленовато-бѣлому фону, болѣе темными зеленоватыми пятнышками. Говорунчикъ дѣлаетъ обыкновенно два вывода въ лѣто.



5) Славка-мельничекъ <sup>1)</sup>. (Табл. XIII).

Самая маленькая изъ всѣхъ славокъ <sup>2)</sup>. По окраскѣ очень сходна съ предыдущей (сверху сѣровато-бурая, снизу сѣровато-бѣлая, съ почти бѣлымъ горлышкомъ), но имѣетъ также и характерное отъ нея отличіе, а именно: у нея имѣется по темному бурому пятну на обѣихъ щекахъ, соединенному такого же цвѣта полоской (такъ называемой уздечкой) съ угломъ рта. Водится мельничекъ тоже по всей Россіи—отъ Архангельска до Крыма и Кавказа, но не особенно многочисленъ и встрѣчается значительно рѣже говорунчика. Чаще всего его можно встрѣтить въ небольшихъ садикахъ, между домами, даже иногда среди большихъ городовъ, въ особенности если въ такихъ садикахъ имѣются живыя изгороди. Также, онъ охотно держится по мелкимъ ельникамъ и лѣснымъ опушкамъ, поросшимъ кустами.

И эта славка, подобно прочимъ своимъ сестрамъ, рѣдко сидитъ спокойно на одномъ мѣстѣ; обыкновенно же, если можно такъ выразиться, она бродитъ по густо переплетшимся между собою вѣтвямъ живыхъ изгородей и кустовъ обитаемаго ею района, напѣвая вполголоса, какъ бы про себя, свою длинную, болтливую пѣсенку, очень сходную съ пѣснями прочихъ славочекъ. При этомъ она отъ времени до времени показывается открыто, на выдающейся вѣточкѣ, для того, чтобы прогремѣть на весь околотокъ заключительное громкое колѣно своей пѣсни. Колѣно же это представляетъ собою чрезвычайно своеобразную и въ высшей степени характерную трель, звучащую въ родѣ: «клеклеклеклекле»... Изъ всей пѣсни только и произносится громко одно это заключительное «клетотанье», все же остальное поется обыкновенно тихо. За это клетотанье, какъ бы сходное со стукомъ, производимымъ миниатюрными мельничными колесами, нѣмцы и прозвали эту славку мельничкомъ (Müllerchen). Находя это названіе весьма характернымъ для этой птички, я и принялъ его, вмѣсто ничего не выражающихъ названій, какъ «завирушка» и друг., придаваемыхъ, кромѣ того, нерѣдко и другимъ птицамъ. Когда мельничекъ беспокоится, онъ издаетъ звуки «чекъ-чекъ». Характерно

<sup>1)</sup> *Sylvia curruca*.—Завирушка (Петерб.); подкрапивникъ, крапивникъ (Харьк.); славка завирушка (Мензбирь: «Птицы Россіи»).

<sup>2)</sup> Длина 5<sup>1</sup>/<sub>2</sub> дюйм. (14 см.).

также для этой славки, что она не любитъ садиться на деревья, на которыхъ ее весьма рѣдко случается видѣть.

Мельничекъ также необычайно стройная и изящная птичка. Сколько граціи и благородства въ каждомъ его движеніи, сколько жизни и огня въ его маленькихъ темно-сѣрыхъ глазахъ! У меня сейчасъ <sup>1)</sup> живетъ прелестный экземпляръ мельничка (пятый мѣсяць), и я не могу на него достаточно налюбоваться. Болтаетъ онъ почти цѣлый день безъ умолку. Кормъ получаетъ такой же, какъ и черноголовка.

<sup>1)</sup> Май 1891 г.

# Завирушка<sup>1)</sup>.

(Табл. XV).



Вдругъ птичка слетѣла—  
Не знаю откуда—  
И, зыблясь на вѣткѣ,  
Запѣла . . . . .

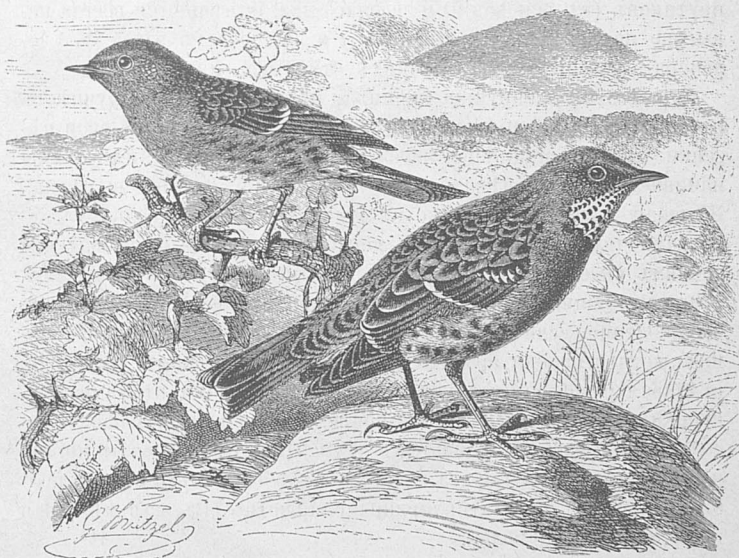
Ө. Глинка.

МЕНЯ, въ записной книжечкѣ на 1888 годъ, подъ числомъ 6-го апрѣля, записано: «Видѣлъ, въ 9 ч. утра, въ питомникѣ, невиданную мною еще птичку: складомъ, величиной и окраской спины—совсѣмъ полевой воробей; блестящій черный клювъ и глаза—какъ у малиновки; во время пѣнія бросается въ глаза черное окаймленіе рта; грудка сѣрая, въ легкихъ темныхъ крапинахъ; головка довольно большая, темно-сѣрая; хвостъ короткій, подергивается въ стороны, какъ у воробья. Пробирается между густыми вѣточками живой изгороди боярышника—какъ славка, при чемъ непрерывно напѣваетъ вполголоса—какъ славка-мельничекъ, и такъ же, какъ эта послѣдняя, отъ времени до времени, появляется на верху изгороди, на выдающейся вѣточкѣ, для того, чтобы пропѣть свою серебристую, торопливую, не особенно звучную, двухъ-колѣнную пѣсенку: «тирлирлирлирю-тирлирлирлирлирюти».—Такъ записано у меня въ книжечкѣ, и затѣмъ прибавлено (по приходѣ домой и наведеніи справокъ въ книгахъ): «оказалась—завирушка (*Accentor*

<sup>1)</sup> *Accentor modularis*.—Крапивникъ (Петерб.); плетневка, тыновка, ольшанка (Харьк.); завирушка лѣсная (Мензбирь: «Птицы Россіи»).

modularis)».—Съ тѣхъ поръ я встрѣчалъ завирушку регулярно каждую весну и осень, въ перелетное время, и почти каждый разъ въ живыхъ изгородахъ нашего (институтскаго) питомника, или по близости его; также держалъ эту птичку, въ теченіе одной зимы, у себя въ клѣткѣ, въ комнатѣ.

Въ качествѣ гнѣздящейся птички, завирушка принадлежитъ только сѣверной половинѣ Европ. Россіи, въ южной же бываетъ



Завирушки.

1. Лѣсная.—2. Горная.

только пролетомъ. (На Кавказѣ живетъ осѣдло, близкая къ нашей, восточная форма завирушки)<sup>1)</sup>. Завирушка почти всюду встрѣчается единично—въ маломъ числѣ. На пролетѣ попадаетъ иногда небольшими группами (подъ Петербургомъ штукъ 5—6 въ группѣ). Впрочемъ, ее очень легко и просмотрѣть, такъ какъ держится она, обыкновенно, среди густыхъ кустарниковъ или молодыхъ еловыхъ зарослей, гдѣ большею частію копошится на землѣ, отыскивая для себя кормъ, и лишь весной, во время пѣ-

<sup>1)</sup> *Accentor modularis orientalis.*

нія, ее можно видѣть открыто сидящею—на макушкѣ молодой елки или на кустѣ.—Питаются завирушка, лѣтомъ, насѣкомыми, каковыми выкармливаетъ также и своихъ птенцовъ, осенью же охотно подбираетъ и разныя мелкія сѣмена. Иногда завирушки попадаютъ гнѣздящимися въ большихъ (въ особенности въ запущенныхъ) садахъ, среди городовъ.

Гнѣздо завирушки, весьма изящно свитое изъ тоненькихъ прутиковъ (въ основаніи) и зеленого мха, помѣщается всегда невысоко надъ землею (аршина 1<sup>1/2</sup>) и заключаетъ въ себѣ 5 зеленовато-голубыхъ, безъ всякихъ отмѣтинъ, яичекъ.

Въ клѣткѣ завирушка пріятная птичка: она скоро ручнѣетъ и безъ умолку очень мило напѣваетъ, почти всю зиму, свои пѣсенки—правда, лишь вполголоса; только съ наступленіемъ весны начинаетъ она распѣвать свою настоящую, весеннюю пѣсню. Жившая у меня завирушка (въ большомъ обществѣ садкѣ, съ десятками двумя разнообразной пернатой публики) держала себя совсѣмъ своеобразно: въ противоположность прочимъ птицамъ, предпочитавшимъ всегда верхнія жердочки садка, завирушка моя, обыкновенно, если садилась, то на самыя низкія жердочки, большею же частію она бродила по усыпанному пескомъ дну садка, подбирая разбросанныя изъ кормушекъ другими птицами зернышки и муравьиныя яйца и почти непрерывно «мурлыча» про себя свои пѣсенки. Лишь подъ весну она стала взлетать иногда на жердочки второго яруса, для того, чтобы пропѣть оттуда полнымъ голосомъ свое «тирлирлирлирлирлюти» (Въ маѣ мѣсяцѣ я выпустилъ ее на волю).

На горныхъ лугахъ Кавказа водится горная или альпійская завирушка<sup>1)</sup>, отличающаяся отъ лѣсной завирушки большей величиной и бѣлымъ горлышкомъ, на которомъ расположены продольными полосками черныя пятнышки.

---

<sup>1)</sup> *Accentor alpinus*.





1. Пѣночка-трещетка (*Phylloscopus sibilatrix*).
2. Пѣночка-весничка (*Phylloscopus trochilus*).
3. Пѣночка-теньковка (*Phylloscopus collybita*).

# Пѣночки.

(Табл. XX).

Весна, цвѣты и аромать,  
И свѣтлыхъ тучекъ вереницы,  
И надо мною вновь летать  
Тепло почувшій птицы...  
Волнами яркаго огня  
Согрѣты первыя желанья,  
И словно все вокругъ меня  
Слилось въ чудесное лобзанье...

П. Гнѣдичъ.



ТКУДА произошло названіе пѣночка—трудно сказать. Хотя оно само по себѣ и весьма странное, тѣмъ не менѣе, по моему, весьма подходящее для той птички, или, вѣрнѣе, для тѣхъ птичекъ, которымъ принадлежитъ,— подходящее, такъ сказать, по своей нѣжно-

звучности: насколько мило и нѣжно звучить для уха слово «пѣночка», настолько же милыми и нѣжными являются и тѣ птички, которыхъ называютъ этимъ именемъ. Относительно ихъ приходится почти слово-въ-слово повторить то же самое, что было сказано ранѣе о славкахъ: скромныя по своей пернатой одеждѣ, не блещущей никакими яркими красками, онѣ чрезвычайно изящны и благородны во всемъ своемъ существѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ, кромѣ того, являются еще и прекрасными пѣвцами.

Въ Европейской Россіи водится нѣсколько видовъ птичекъ, носящихъ названіе пѣночекъ; изъ нихъ только четыре являются весьма распространенными и болѣе или менѣе обыкновенными

птицами нашихъ садовъ и лѣсовъ: 1) пѣночка-весничка, 2) пѣночка-теньковка, 3) пѣночка-трещотка и 4) пѣночка-пересмѣшка. Остальныя пѣночки принадлежать уже къ числу болѣе рѣдкихъ птицъ и встрѣчаются преимущественно лишь по окраинамъ Европейской Россіи. Первые три изъ вышепоименованныхъ пѣночекъ близко родственны между собою и являются видами одного общаго рода (*Phylloscopus*); четвертая же, хотя и носитъ также общее съ ними названіе (русское), и вообще имѣетъ съ ними много общаго какъ по наружности, такъ и по характеру и образу жизни, но въ то же время и довольно существенно отъ нихъ отличается, что и побудило ученыхъ птицевѣдовъ отдѣлить ее въ особый родъ (*Hypolais*), состоящій, такъ сказать, въ «двоюродномъ» родствѣ съ настоящими пѣночками.

Всѣ четыре наши пѣночки—маленькія, зеленовато-сѣренкія сверху и бѣловатыя снизу, птички, съ прямымъ тонкимъ клювикомъ и желтоватой полоской (бровкой) надъ маленькими, хорошенькими черными глазками.

Всѣ эти пѣночки и весьма подвижныя птички прилетаютъ къ намъ весною и снова улетаютъ осенью въ теплые края. Зимуетъ большинство изъ нихъ въ Африкѣ.

Всѣ пѣночки вьютъ свои гнѣзда на землѣ или невысоко надъ нею—въ кустарникахъ. Гнѣзда ихъ представляютъ собою, обыкновенно, весьма искусную, красивую постройку, и нерѣдко перекрыты сверху сводикомъ, съ боковымъ лѣтнымъ отверстіемъ. Молодыя пѣночки покидаютъ свое гнѣздо весьма рано, едва успѣвъ покрыться пушкомъ.

Пищу пѣночекъ составляютъ различныя мелкія насѣкомыя—личинки, гусеницы, жучки и бабочки; осенью же онѣ не прочь полакомиться иногда и сочными ягодами. Птенцы выкармливаются только одними насѣкомыми. Охотясь за насѣкомыми—преимущественно снимая ихъ клювомъ съ вѣтвей и листьевъ—пѣночки, на-лету, очень часто приостанавливаются въ воздухѣ на одномъ мѣстѣ, быстро трепеща крылышками (подобно тому, какъ это постоянно дѣлаютъ нѣкоторыя мухи); нерѣдко онѣ также бросаются въ догонку за пролетѣвшимъ мимо насѣкомымъ. Охота за насѣкомыми производится пѣночками не только въ нижней части деревьевъ, но и въ области самыхъ высокихъ древесныхъ вершинъ; а такъ какъ большинство нашихъ насѣкомоядныхъ птицъ мало посѣщаетъ эту область, то дѣятельность пѣночекъ является

здѣсь весьма важною, освобождая древесныя вершины отъ многихъ вредныхъ насѣкомыхъ <sup>1)</sup>).

Различать пѣночекъ (настоящихъ—*Phylloscopus*) другъ отъ дружки, по наружному виду, дѣло очень не легкое. Когда эти птички находятся передъ глазами всѣ одновременно, тогда еще можно различать болѣе сѣрую изъ нихъ по окраскѣ и среднюю по величинѣ весничку, самую маленькую и болѣе зеленоватую—теньковку, и самую большую и наиболѣе зеленую—трещотку. По-одиночкѣ же, на волѣ, различать ихъ по наружному виду весьма трудно. Трудность различать этихъ трехъ птичекъ между собою еще увеличивается очень большимъ сходствомъ ихъ призывнаго свиста—«фюить». Этотъ нѣжный, ласкающій ухо свистъ часто можно слышать весной, съ прилета, и въ особенности осенью, въ отлетное время, когда, въ иные дни, онъ раздается въ садахъ и паркахъ чуть не изъ каждого куста. Совсѣмъ другое дѣло различать пѣночекъ по ихъ пѣснѣ. Въ этомъ отношеніи, между этими тремя птичками-близнецами существуетъ, можно сказать, настолько же большое различіе, насколько мало ихъ различіе по наружности (о которой рѣчь будетъ еще впереди).

Къ осени пѣночки собираются обществами. Постоянно перекликаясь своимъ нѣжнымъ «фюить», онѣ начинаютъ передвигаться—садами, парками и лѣсными опушками—къ югу. Нельзя не отмѣтить слѣдующей характерной черты, проявляющейся у отлетающихъ пѣночекъ и каковой мнѣ не случалось наблюдать у другихъ птицъ: перелетая съ вѣтки на вѣтку и съ куста на кустъ, эти птички особенно охотно придерживаются древесно-кустарной растительности, прилегающей къ южнымъ фасадамъ человѣческихъ жилищъ (естественно, находя въ такихъ солнце-припеченныхъ мѣстахъ большее число насѣкомыхъ), при чемъ, то та, то другая изъ этихъ милыхъ зеленовато-сѣренькихъ птичекъ безпрестанно заглядываетъ (трепещась на воздухѣ) черезъ оконныя стекла во внутрь комнаты. Можетъ быть ихъ привлекаетъ зелень стоящихъ на подоконникахъ комнатныхъ цвѣтовъ, въ то время какъ на дворѣ все уже блекнетъ и пожелтѣлый листъ осыпается; или же—что, пожалуй, вѣрнѣе—ихъ вводитъ въ за-

<sup>1)</sup> Особенно достается отъ пѣночекъ столь вредной для дуба гусеницѣ бабочки дубовой листовертки (*Tortrix viridana*) и столь пагубной для сосновыхъ лѣсовъ гусеницѣ сосновой пяденицы (*Fidonia pinaria*).



блужденіе отраженіе въ оконномъ стеклѣ того самаго куста, на которомъ птичка только что хозяйничала. Иногда случается даже, если окно полуоткрыто, что та или другая птичка влетаетъ и въ комнату.

Линяють пѣночки два раза въ году: весною (февраль—мартъ) и въ концѣ лѣта (іюль—августъ).

Въ клѣткахъ пѣночки встрѣчаются не часто. Хотя онѣ довольно скоро свыкаются съ неволей и легко становятся ручными, но выживаютъ болѣе или менѣе продолжительное время (2—3 года, рѣдко болѣе) лишь при условіи хорошаго и умѣлаго за ними ухода, такъ какъ очень нѣжны и чувствительны къ разнымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ. Главное, нужно оберегать ихъ отъ простуды и сквозного вѣтра—лѣтомъ, и отъ холода— зимою. Съ наступленіемъ морозовъ, клѣтку съ пѣночкой слѣдуетъ помѣщать подальше отъ окна. Второе важное условіе—правильное кормленіе. Пѣночекъ нужно кормить три раза въ день: утромъ, среди дня и вечеромъ; или по крайней мѣрѣ два раза—утромъ и среди дня. Клѣтку слѣдуетъ вѣшать (или ставить) такъ, чтобы вечеромъ, при огнѣ, она освѣщалась свѣтомъ лампы, для того, чтобы птица видѣла кормъ. Это правило слѣдуетъ соблюдать также и при зимнемъ содержаніи прочихъ мелкихъ насѣкомоядныхъ птицъ (малиновокъ, славокъ, соловьевъ и друг.). Если, такимъ образомъ, птицы въ продолженіе осени и зимы освѣщаются по вечерамъ огнемъ, то, при правильномъ кормленіи, онѣ начинаютъ нерѣдко пѣть, полнымъ голосомъ, уже съ половины декабря. У меня пѣночки всегда прекрасно жили на слѣдующемъ кормѣ: сухія и обваренныя муравьиныя яйца (лучшія, такъ называемыя березовыя)—перемѣшанныя съ тертою морковью, съ прибавкою небольшого количества мурашей, и 2—3 мучныхъ червя, утромъ.

Вотъ, что касается до пѣночекъ вообще; теперь удѣлимъ по нѣскольку словъ каждой изъ нихъ въ частности.

### 1) Пѣночка-весничка <sup>1)</sup>. (Табл. XX).

Это самая обыкновенная изъ всѣхъ нашихъ пѣночекъ, потому что самая многочисленная и распространенная: отъ Лаплан-

<sup>1)</sup> *Phylloscopus trochilus*.—Пѣночка, пѣночка-свистунья (Петерб.); пѣночка, пѣнка (болѣе или менѣе повсемѣстно); весничка (Ярославск.).



дии до Крыма и Кавказа, повсюду, гдѣ есть только древесная растительность, можно встрѣтить эту милую птичку. Въ средней Россіи нѣтъ, кажется, такого сада, въ которомъ не водилась бы эта пѣночка. На крайнемъ югѣ Россіи она встрѣчается только во время осенняго и весенняго пролетовъ.

Выше уже было упомянуто, что эта пѣночка, по величинѣ <sup>1)</sup>, занимаетъ среднее мѣсто между двумя остальными своими сестрами, а также, что въ ея окраскѣ болѣе преобладаетъ сѣрый цвѣтъ. Ножки у нея бурья (у молодыхъ черноватыя).

Прилетаетъ къ намъ эта птичка весной довольно рано (подъ Петербургомъ около середины апрѣля) и въ первый же хорошій теплый день даетъ знать о своемъ присутствіи своею милою пѣсенкой. Въ это время, пока деревья еще не покрылись листвою, легче всего познакомиться съ этой пѣночкой. Когда лужайки и газоны въ садахъ и паркахъ зазеленѣютъ свѣжей зеленью, а безлиственная еще осина разукрасится длинными, сѣропушистыми цвѣточными сережками, отправляйтесь, въ тихій теплый день, знакомиться съ этой птичкой. Если вы увидите маленькую, нѣжно-сѣроватенькую птичку, непосѣдливо перепархивающую съ вѣтки на вѣтку, безпрестанно склевывающую что-то клювикомъ съ вѣтокъ и отъ времени до времени высвистывающую, словно на крошечной флейточкѣ, не длинную, одноколѣнную, нѣжно-переливчатую, но довольно громкую пѣсенку—это и будетъ несомнѣнно ни кто иной; какъ пѣночка-весничка. Для большей характеристики ея пѣсни еще замѣчу, что пѣсня эта, по своему нотному складу, имѣетъ много общаго съ пѣсней зяблика, въ особенности при началѣ. Въ окончаніи же эти двѣ пѣсни рѣзко между собою различаются: зябликъ заканчиваетъ свою звонкую и задорную строфу рѣзкимъ «росчеркомъ», весничкина же строфа закругляется нѣжными, какъ бы расплывающимися и замирающими, переливами (постепенно сходящими на piano и pianissimo). Изрѣдка весничка повторяетъ свою пѣсенку два раза кряду, при чемъ всегда дѣлаетъ это слитно—безъ всякой промежуточной паузы. Слѣдуетъ также замѣтить, что весничка одна изъ самыхъ ретивыхъ нашихъ пѣвуній. Она распѣваетъ даже, сплошь да рядомъ, во время скверной дождливой погоды, когда остальные пернатые пѣвуны, наохлившись, отсиживаются гдѣ-нибудь подъ

<sup>1)</sup> Въ длину около  $4\frac{3}{4}$  дюйм. (12 см.).

густыми вѣтвями или въ древесныхъ дуплахъ. Весничка и продолжаетъ свои пѣсни далеко за средину лѣта, когда большинство прочихъ пѣвчихъ птицъ давно уже умолкло.

Шаровидное, съ боковою леткою, искусно свитое изъ сухой травы, листьевъ, мха, волосъ и перьевъ, гнѣздо этой пѣночки всегда помѣщается на землѣ и очень искусно запрятано. Самочка кладетъ въ него 5—8 бѣлыхъ, испещренныхъ блѣдно-розовыми и рыжеватыми пятнышками и точечками, яичекъ.

Изъ всѣхъ пѣночекъ чаще всего держатъ въ клѣткахъ весничку—за ея прекрасное пѣніе и милый нравъ. Насколько скоро и сильно привязывается она къ своему хозяину, приведу примѣръ изъ собственнаго опыта: продержавъ въ клѣткѣ, въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, весничку весенняго лова, я пожелалъ дать свободу моей плѣнницѣ (уѣзжая на нѣсколько недѣль изъ дому, побоялся предоставить ее чужому уходу). Отворивъ окно и стоявшую въ немъ клѣтку, я долго тщетно старался заставить улетѣть мою птичку: выпорхнеть за окно и тотчасъ же повернеть обратно. Наконецъ мнѣ удалось улучшить моментъ и захлопнуть за нею окно, но въ ту же минуту она снова впорхнула въ сосѣднее открытое окно и немного погодя опять влетѣла въ свою клѣтку. Пришлось вынести птичку въ садъ<sup>2)</sup> и лишь тамъ наконецъ удалось заставить улетѣть это милое созданіе.

## 2) Пѣночка-теньковка<sup>1)</sup>. (Тал. XX).

Какъ уже было упомянуто выше, это самая маленькая изъ нашихъ пѣночекъ<sup>2)</sup>. Отъ предыдущей она хорошо отличается (разумѣется, на близкомъ разстояніи) совсѣмъ черными ножками. Встрѣчается теньковка во всей Россіи—отъ Лапландіи до Кавказа; въ южной Россіи и въ Крыму бываетъ только пролетомъ. Прилетаетъ она къ намъ весной раньше другихъ пѣночекъ (подъ Петербургомъ—въ первой половинѣ апрѣля) и въ первый же хорошій день даетъ знать о своемъ присутствіи своей единственной въ своемъ родѣ и въ высшей степени характерной пѣсенкой: сначала птичка издастъ—раза три-четыре—негромкое

<sup>1)</sup> *Phylloscopus collybita* (Ph. rufus).—Кузнечикъ (Моск., Тверск., Петерб.); теньковка (Поволжье); вичварикъ, овчарикъ (Харьков.).

<sup>2)</sup> Въ длину немного болѣе 4<sup>1</sup>/<sub>2</sub> д. (11 см.).

«трикъ, трикъ, трикъ», слышное только на очень близкомъ разстояніи, и затѣмъ слѣдуетъ рядъ короткихъ, отрывистыхъ, очень звонкихъ и далеко слышныхъ звуковъ или свистовъ, въ родѣ: «тень, тинь, тинь, тюнъ, тинь, тень...», откуда и названіе «теньковка». (Въ Бѣлоруссіи есть обычай на праздникъ св. Троицы посыпать полъ въ церквахъ кусками нарѣзанной болотной травы, называемой по-мѣстному аиромъ <sup>1)</sup>); ребяташки, расходясь изъ церквей, подбираютъ куски аира и, идя по улицамъ, извлекаютъ ртомъ изъ этой травы отрывистые рѣзкіе звуки, поразительно похожіе на теньканье теньковки). Весной и лѣтомъ такое своеобразное пѣніе теньковки раздается, обыкновенно, съ вершинъ высокихъ деревьевъ, гдѣ эта пѣночка и держится большую часть дня, разыскивая насѣкомыхъ, при безпрестанномъ перепрыгиваніи съ вѣтки на вѣтку, гдѣ ее очень трудно бываетъ отыскать въ это время глазами. Осенью же, въ отлетное время, въ тихіе солнечные дни, по утрамъ ея теньканье раздается обыкновенно въ кустахъ, по которымъ бродитъ въ это время теньковка, при чемъ легко попадаетъ и на глаза.

Перекрытое сверху сводикомъ, внутри обильно выложенное перышками, гнѣздо теньковки помѣщается почти всегда на поверхности земли и искусно скрыто въ густыхъ кустахъ, въ крапивѣ, въ заросшихъ канавахъ и т. п. Самочка кладетъ 5—7 яичекъ, испещренныхъ по бѣлому фону темно-бурыми, а мѣстами и лиловато-сѣрыми пятнышками.

Теньковка самая полезная изъ пѣночекъ, такъ какъ это она главнымъ образомъ очищаетъ вершины деревьевъ отъ хозяйничающихъ тамъ вредныхъ насѣкомыхъ.

Въ клѣткѣ эта пѣночка—очаровательная птичка. Жившая у меня теньковка очень скоро стала ручною и уже съ декабря начала «тенькать»—какъ днемъ, такъ и при огнѣ. Она была общей любимицей, и все мои домашніе звали ее «тѣтинькой», потому что она будто бы выговаривала:

«Тѣ-тя-тѣ-тинь-ка;

«Птен-чикъ-птен-чи-чекъ;

«Дож-ди-чекъ, тѣ-тинь-ка!..»

<sup>1)</sup> *Acorus Calamus*.

### 3) Пѣночка-трещотка <sup>1)</sup>. (Табл. XX).

Крупнѣе <sup>2)</sup> и красивѣе предыдущихъ; верхняя ея сторона окрашена въ травянисто-зеленый цвѣтъ; широкія надбровныя полосы ярко-желтыя. Принадлежитъ преимущественно средней Россіи. Предпочитаетъ хвойные лѣса, въ особенности сосновые съ листовымъ подлѣскомъ; нерѣдко встрѣчается въ большихъ садахъ и паркахъ, имѣющихъ хвойные участки. Подъ Петербургомъ пѣночка-трещотка встрѣчается значительно рѣже предыдущихъ и вообще не особенно многочисленна. Прилетаетъ къ намъ (въ окрестности Петербурга) въ послѣдней трети апрѣля, слѣдовательно позже пѣночки обыкновенной и теньковки. Извѣщаетъ о своемъ прилетѣ въ высшей степени характернымъ и своеобразнымъ трещаньемъ, которое и пѣсней-то нельзя назвать: «сипъ-сипъ-сипъ-сипсипсипсипrrrrrrrr»,—въ такомъ родѣ звучитъ ея странное музыкальное упражненіе, за которое она вполнѣ заслуживаетъ названіе трещотки. Первые звуки этой трескучей фразы слѣдуютъ съ большими промежутками, затѣмъ все съ меньшими и наконецъ сливаются въ общую сухую трель (напримѣръ, въ родѣ того, какъ если бросить съ значительной высоты стальной шарикъ на каменную плиту).—Кромѣ того, эта пѣночка издаетъ иногда отрывистую свистовую ноту (призывный звукъ), звучащую въ родѣ «тю», съ очень печальнымъ оттѣнкомъ, и повторяемую много разъ къ ряду, но съ значительными паузами. (Отсюда, вѣроятно, и названіе—тюколка).

Перекрытое сверху сводикомъ, гнѣздо пѣночки-трещотки, свитое изъ весьма разнообразнаго, непостояннаго матеріала, помѣщается на землѣ и всегда искусно скрыто отъ посторонняго глаза. Самочка кладетъ 5—7 яичекъ, густо покрытыхъ по бѣлому фону кровяно-красными, а мѣстами и фіолетовыми, пятнышками.

<sup>1)</sup> *Phylloscopus sibilatrix*.—Березовка (Петерб.); тюколка (Московск.); желтобровка, лѣсной кузнечикъ, травничекъ (у московск. и тульск. птицелов.); свистунья (Таврич.); пѣночка-желтобровка (Мензбирь: «Птицы Россіи»).

<sup>2)</sup> Въ длину около 5¼ дюйм. (13,5 см.).

#### 4) Пѣночка-пересмѣшка <sup>1)</sup>. (Табл. IX).

Какъ уже было сказано, пересмѣшка приходится близкой родственницей настоящимъ пѣночкамъ и очень сходна съ ними по окраскѣ (сверху сѣро-зеленая, снизу свѣтло-желтая и съ желтоватой полоской надъ довольно большими глазами). По величинѣ она превосходитъ всѣхъ своихъ вышеописанныхъ родственниковъ <sup>2)</sup>. Гнѣздится пѣночка-пересмѣшка почти по всей Европейской Россіи. Подъ Петербургомъ она весьма обыкновенная птичка и держится у насъ преимущественно по садамъ и паркамъ. Въ чистыхъ хвойныхъ лѣсахъ пѣночку-пересмѣшку было бы тщетно искать—она ихъ не любитъ.

Прилетаетъ эта пѣночка весной довольно поздно (подъ Петербургомъ въ первой трети мая), когда береза и черемуха уже разукрасятся молоденькими листочками. Отлетаетъ осенью довольно рано—въ концѣ августа или въ началѣ сентября.

Увидѣть пѣночку-пересмѣшку на деревѣ не такъ-то легко, во-первыхъ, потому, что она довольно прятлива, а во-вторыхъ—окраска ея чрезвычайно подходитъ подъ цвѣтъ древесной листвы, ярко освѣщенной солнцемъ. Названіе пересмѣшки эта птичка заслуживаетъ вполнѣ: пѣсня ея состоитъ наполовину изъ чужихъ звуковъ (заимствованныхъ отъ другихъ птицъ), правда, весьма ловко сплетенныхъ между собою и перемѣшанныхъ съ собственными, довольно некрасивыми, гнусавыми (весьма характерно!) звуками. Поется эта пѣсня чрезвычайно ретиво, съ очень большою торопливостью (почти presto), и весьма прилежно—съ утренней до вечерней зари, съ небольшимъ лишь перерывомъ среди дня, внося очень много оживленія въ наши сады. По вылетѣ птенцовъ изъ гнѣзда, и осенью передъ отлетомъ, отъ пѣночки-пересмѣшки можно услышать только ея призывный крикъ, звучащій въ родѣ «титерить» или «тэкъ-тэкъ-терить», не имѣющій ничего общаго съ нѣжнымъ «фюить» прочихъ пѣночекъ.

<sup>1)</sup> *Hypolais icterina*.—Лѣсная малиновка (Петерб., Тверск.); садовая пѣночка (Московск., Кіевск.); длинная пѣночка, малиновка (Московск.); малиновка лѣсная (Мензбирь; «Птицы Россіи»).

<sup>2)</sup> Въ длину  $5\frac{3}{4}$  д. (14,5 см.)



Чрезвычайно красивое, искусно свитое и очень глубокое гнѣздо пересмѣшки, снаружи нерѣдко почти сплошь заплетенное тонкими бѣлыми пленочками бересты, изнутри же выложенное перышками, помѣщается, обыкновенно, не высоко надъ землею—въ кустѣ бузины, сирени, въ живой изгороди боярышника и т. п. Запрятывается оно не особенно искусно, и его поэтому не трудно найти. Самочка кладетъ 5—6 очень хорошенькихъ яичекъ, испещренныхъ, по красивому нѣжно-розовому фону, черноватыми точечками.

Пѣночка-пересмѣшка весьма полезная птица, въ особенности въ садахъ, гдѣ она уничтожаетъ огромное количество гусеницъ, наносящихъ вредъ фруктовымъ и другимъ садовымъ деревьямъ.

Въ клѣткѣ эта птичка встрѣчается очень рѣдко. Хотя она и доставляетъ своему хозяину большое удовольствіе своимъ пѣніемъ и милымъ нравомъ, но выживаетъ только при условіи очень тщательнаго за нею ухода.

# Камышевқа-пересмѣшқа<sup>1)</sup>.



Земли очарованной сумракъ  
Безмолвно коснулся устами...  
Все замерло. Шепчутся только  
Гиганты-деревья съ пѣвтами,  
Да робко ручей полусонный  
Журчить у гористаго склона,  
И мѣсяцъ жемчужныя зерна  
Бросаетъ на водное лоно.

Петръ Выковъ.

Ъ ТИХІЯ теплыя ночи второй половины іюня, когда уже не раздаются болѣе могучіе посвисты и раскатистыя трели соловья, умолкнувшаго до будущей весны, чуткое ухо человѣка, привыкшаго прислушиваться къ голосамъ природы, съ любовью останавливается на звукахъ пѣсни таинственнаго пернататаго пѣвца, почти всю ночь напролетъ распѣвающего тамъ, гдѣ

«...робко ручей полусонный

«Журчить у гористаго склона...»

Спокойно, не спѣша поетъ птичка, словно декламируетъ, какъ говорится, «съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой». А какъ богата и разнообразна эта пѣсня (для знатока птичьихъ голосовъ)! Словно это поетъ не одна птица, а цѣлый десятокъ: словно онѣ собрались тамъ на ночной концертъ,—на состязаніе голосовъ, при чемъ поютъ не всѣ вдругъ, а какъ слѣдуетъ на состяза-

---

<sup>1)</sup> *Acrocephalus dumetorum*.—Садовая малиновка (Петерб. и Московск.); малиновка, рѣчная малиновка (Московск.); сороко(а)пѣсенникъ (у тульск. птицелов.); камышевка садовая (Мензбиръ: «Птицы Россіи»).

ни—по-очереди: то одна, то другая, то третья (вѣроятно, отсюда и названіе сорокапѣсенникъ). Одно только обстоятельство позволяетъ догадываться, что имѣешь дѣло не съ нѣсколькими птицами, а съ однимъ мастерскимъ пересмѣшникомъ: за каждымъ отдѣльнымъ голосомъ той или другой птицы, обыкновенно повторяемымъ два раза къ ряду, слѣдуетъ характерное «чэкъ-чэкъ», несомнѣнно принадлежащее одной и той же птицѣ. Такъ, на примѣръ: «тюли-чэк-чэкъ, тюли-тюли-чэк-чэк-чэкъ» («тюли» — призывный крикъ чижики); «вэдвэдвэдвэдъ-чэкчэкъ, вэдвэдвэдъ-чэкчэкъ» (славка-говорунчикъ); «кру-цикру-цикру, чэк-чэкъ, — кру-цикру, чэкчэкчэкъ» (большая синица); пѣсня зяблика, отрывки изъ пѣсенъ щегла, — зеленушки, черноголовика, голоса воробьевъ—домашняго и полевого, и разные другіе птичьи голоса, а подчасъ и совсѣмъ посторонніе звуки, не изъ царства пернатыхъ,—все годится нашему пересмѣшнику, все обрабатывается и облагораживается его серебристымъ горлышкомъ, и обязательно сопровождается неизбѣжнымъ собственнымъ «чэк-чэкъ». Это несомнѣнно самый искусный и совершенный пересмѣшникъ среди нашихъ птицъ. Весною камышевка-пересмѣшка поетъ также и днемъ, но тогда ея пѣсня легко теряется среди сонма другихъ птичьихъ голосовъ.

Окраска этой небольшой <sup>1)</sup> птички весьма скромная: сверху оливково-буроватая, снизу желтовато-бѣлая, съ такого же цвѣта свѣтлыми полосками надъ глазами. Въ общемъ, она имѣетъ значительное сходство съ пѣночками, отъ которыхъ отличается, главнымъ образомъ, сильно вытянутой впередъ головкой (низкій лобъ) и клинообразно-заостреннымъ хвостикомъ (у пѣночекъ хвостъ слегка вырѣзной).

Прилетаетъ къ намъ эта птичка довольно поздно (подъ Петербургомъ во второй половинѣ мая). На зиму отлетаетъ въ Индію.

Гнѣздится камышевка-пересмѣшка лишь въ сѣверной половинѣ Россіи. Въ окрестностяхъ Петербурга она довольно обыкновенна, хотя и не многочисленна. Въ средней и южной Россіи ее замѣняетъ весьма сходная съ нею, какъ по наружному виду, такъ и по пѣнію, камышевка болотная <sup>2)</sup> (Табл. XIX), являю-

<sup>1)</sup> Въ длину  $5\frac{1}{2}$  дюйм. (14 см.).

<sup>2)</sup> *Acrocephalus palustris*. — Болотная малиновка, камышевка, тростянка (Московск.); тростянка (Яросл.); трескунчикъ (Воронежск.).



1. Камышевка-барсучекъ (*Acrocephalus phragmitis*).
2.       "       дроздовидная (*Acrocephalus turdoides*).
3.       "       тростниковая (*Acrocephalus streperus*).



щаяся почти такимъ же мастерскимъ пересмѣшникомъ; но только болотная камышевка поетъ болѣе торопливо и менѣе звучно.

Любимыми мѣстами пребыванія обѣихъ этихъ камышевокъ являются поросшія ивнякомъ и другимъ частымъ кустарникомъ берега луговыхъ рѣчекъ, а также ручьевъ и прудовъ, по близости воздѣланныхъ полей и человѣческихъ жилищъ. При подходящей обстановкѣ онѣ охотно гнѣздятся также въ большихъ садахъ и паркахъ.

Въ Европейской Россіи водится еще нѣсколько видовъ камышевокъ, изъ числа которыхъ одна—кизильовка или барсучекъ <sup>1)</sup> (Табл. XXI) является весьма распространенной и обыкновенной птичкой, водящейся почти повсюду, по сырымъ, низменнымъ лугамъ и берегамъ рѣкъ и озеръ, поросшихъ ивнякомъ и камышами. Тамъ она почти безъ умолку, днемъ и ночью, распѣваетъ свои трескучія пѣсни: «тирь, тирь, тири, тири, тэрэ, тэрэ, прити, прити, цэрэ-тэтэ» и такъ далѣе, все въ такомъ же родѣ, безъ конца, изрѣдка лишь вставляя довольно звучную, красивую трельку «люлюлюлюлюлюлю...»

На Табл. XXI, вмѣстѣ съ барсучкомъ, изображены еще двѣ камышевки: дроздовидная <sup>2)</sup>—самая крупная изъ всѣхъ камышевокъ, встрѣчающаяся лишь въ южной половинѣ Россіи, и тростниковая <sup>3)</sup>, принадлежащая преимущественно западной и юго-западной Россіи.

Всѣ камышевки питаются исключительно насѣкомыми и принадлежатъ къ числу птицъ перелетныхъ. Онѣ прилетаютъ къ намъ весною весьма поздно—нерѣдко лишь къ концу мая. Названіе камышевокъ эти птицы получили потому, что большинство изъ нихъ охотнѣе всего держатся по прибрежнымъ камышамъ, по стеблямъ которыхъ онѣ мастерски лазаютъ, какъ вверхъ, такъ и внизъ. Характерными признаками всѣхъ камышевокъ являются—низкій приплюснутый лобъ и клинообразно-округлый хвостъ.

<sup>1)</sup> *Acrocephalus phragmitis*.—Кизильовка (Петерб.); барсучекъ (Москов.); осоковый соловей (Смоленск.); варакушка (Казанск.); трескунчикъ (Симбир.); очеретянка (Малоросс.).

<sup>2)</sup> *Acrocephalus turdoides*.—Тростяной, камышевый дроздъ (Поволжье); татарка (Астраханск.); очеретянка большая (Молоросс.).

<sup>3)</sup> *Acrocephalus streperus*, Vieill.



# Ласточки.

Когда настанетъ вечеръ ясный,  
Люблю на берегу пруда  
Смотрѣть, какъ гаснетъ день прекрасный  
И загорается звѣзда;  
Какъ ласточка, неудовимо  
По лону волнъ скользя крыломъ,  
Несется быстро-быстро мимо  
И исчезаетъ... Смутнымъ сномъ  
Тогда душа полна бываетъ;  
Ей какъ-то грустно и легко,  
Воспоминанье увлекаетъ  
Ее куда-то далеко...

Н. Огаревъ.



**БИСТРОКРЫЛАЯ**, неутомимая летунья-художница, улаждающая нашъ глазъ изящной красотой своихъ воздушныхъ движеній. Дочь воздуха, дитя эира!

Существо, полное красоты, граціи и поэзіи; вся жизнь его—одна воздушная поэма.

Очаровательное пернатое созданіе, несомнѣнно одно изъ самыхъ близкихъ къ сердцу человѣка изъ всего пернатого царства. Старый и малый, больной и здоровый, добрый и злой—все рады первой ласточкѣ, каждый провожаетъ ея полетъ любовнымъ взлядомъ.

«Съ нею солнце краше  
И весна милѣй»,

какъ прекрасно сказалъ нашъ поэтъ <sup>1)</sup>. Самые названія—ласточка, косаточка—какъ нѣжно и красиво звучатъ они для

<sup>1)</sup> А. Плещеевъ.

уха! Въ нихъ ясно слышится та нѣжность, симпатія и любовь, съ которыми относится народъ къ этому милому созданію. Старый дѣдъ, грѣясь на солнышкѣ, у завалинки, ласкаетъ свою маленькую внучку: «ахъ, ты моя косаточка!»—говоритъ онъ, глядя любовно въ голубые глазки ребенка и разглаживая костлявою рукою его бѣлокурые шелковистые волосы.—«Голубъ и ласточка любимыя Богомъ птицы».—«Разорять гнѣздо ласточки—грѣхъ».—«Кто разоритъ гнѣздо ласточки, у того будутъ веснушки». Такъ говоритъ про ласточку русскій народъ, выказывая этимъ свою особенную любовь къ этой милой птичкѣ.

Однако, я все говорю про ласточку въ единственномъ числѣ, тогда какъ у насъ водятся нѣсколько разныхъ ласточекъ, во многомъ весьма существенно различающихся другъ отъ дружки. Поэтому, желая поближе познакомить моихъ читателей съ нашими ласточками, я долженъ повести рѣчь о каждой изъ нихъ въ отдѣльности.

### Деревенская ласточка или косатка <sup>1)</sup>. (Табл. XXII).

«Шитовило-мотовило, по-нѣмецки говорило,  
Спереди шильце, сади вильце,  
Сверху синенько суконце,  
Съ исподу бѣло полотенце».

Загадка.

Это та ласточка, которую такъ хорошо знаютъ деревенскіе жители.

Это та черно-синяя сверху и почти бѣлая снизу ласточка, горлышко которой окрашено въ буровато-красный цвѣтъ, а хвостъ раздвѣивается длинной вилочкой, образующей, при спокойномъ сидѣчемъ положеніи птицы, родъ длинной косички, отчего эта ласточка и получила названіе косатки.

Это та ласточка, которая такъ часто сопровождаетъ (послѣ ненастной погоды) идущаго черезъ поле человѣка, или ѣдущій экипажъ,—то залетая впередъ, то отставая, то описывая изящные круги, съ изумительно искусными, неожиданными поворотами и воздушными зигзагами; при этомъ особенно бросается въ глаза широкооткрытый, вилообразный хвостъ этой птички, украшенный, при основаніи, поперечнымъ рядомъ бѣлыхъ глазковъ.

<sup>1)</sup> *Hirundo rustica*.—Ласточка, ко (а)саточка (повсемѣстно); ластивка (Малорос.).

Это та ласточка, которая такъ любитъ гнѣздиться внутри хлѣбовъ, конюшенъ и сараевъ, прикрѣпляя свое чашечкообразное, сверху открытое, гнѣздо къ балкамъ и стропиламъ,—которая такъ ловко прошмыгиваетъ на лету черезъ щель неплотно притворенной двери или черезъ небольшое отверстіе въ разбитомъ оконномъ стеклѣ.

Это та милая щебетунья-ласточка, которая первую просыпается на деревенскомъ дворѣ или степномъ хуторѣ, и при слабомъ еще свѣтѣ утренней зари щебечетъ скороговоркой своимъ дѣткамъ:

«Дѣточки, дѣточки,  
Будьте умнички,  
Полечу на базаръ  
Покупать вамъ пррряянички...»

Въ городахъ, особенно въ большихъ, косаточка рѣдко встрѣчается, такъ что постоянные городскіе жители мало знаютъ эту ласточку (они хорошо знаютъ зато другую ласточку, въ свою очередь, мало знакомую сельскимъ жителямъ и о которой рѣчь будетъ еще впереди).

Водится косатка по всей Россіи, отъ полярнаго круга до Крыма и Кавказа включительно. Она одинаково мило щебечетъ близъ гнѣзда своихъ дѣтокъ, какъ у холодныхъ береговъ Бѣлаго моря, такъ и подъ горячими лучами солнца Черноморскаго и Каспійскаго побережій.

Прилетаетъ къ намъ косатка—изъ своихъ зимовій въ Центральной Африкѣ—къ тому времени, когда начинается первая травка и расхлачивается березовая почка (въ окрестностяхъ Петербурга это бываетъ обыкновенно въ концѣ апрѣля или въ первыхъ дняхъ мая). Почти всегда, сначала появляются одиночки-передовыя, главная же масса ласточекъ появляется обыкновенно нѣсколько позже.

Въ первое время по прилетѣ, ласточки особенно охотно рѣютъ надъ водными поверхностями, гдѣ весною больше насѣкомыхъ, чѣмъ надъ сушей, и куда эти птички нерѣдко сбиваются большими стаями, при внезапномъ наступленіи весеннихъ холодовъ.

Изъ всѣхъ нашихъ ласточекъ, косатка самая искусная и быстрая летунья. Ея область летанія—преимущественно нижніе слои воздуха. Въ верхніе слои она забирается почти исключи-

тельно только во время весеннихъ и осеннихъ перелетовъ; обыкновенно же вьется не высоко надъ полями и лугами, надъ деревенскими крышами и улицами, надъ выгонами и пастбищами, близъ пасущихся домашнихъ животныхъ, около которыхъ всегда кишитъ множество всякой мухи и мошкары. Передъ дождемъ косатка рѣшетъ преимущественно надъ водой, производя здѣсь охоту за спустившимися изъ верхнихъ слоевъ воздуха насѣкомыми. Во время ненастья, и вскорѣ послѣ него, когда насѣкомыя сидятъ еще на землѣ или по стѣнамъ домовъ и заборовъ, косатка почти стелется по землѣ, едва не касаясь крыльями ея поверхности. При этомъ она замѣчательно граціозно «перепрыгиваетъ» на лету черезъ встрѣчающіяся препятствія (кусты, заборы) или же почти скользитъ вдоль стѣнъ домовъ, по улицамъ, то поворачиваясь совсѣмъ бокомъ, чтобы снять со стѣны муху, то дѣлая изумительно быстрые и ловкіе повороты, чтобы схватить на лету ею же спугнутого мотылька.

Въ то же время, то есть послѣ ненастья, она любитъ провожать пѣшехода, охотника съ собакой, или ѣдущій по дорогѣ экипажъ, иногда на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, для того, чтобы воспользоваться спугиваемыми при этомъ насѣкомыми. Въ своей жизни не мало скороталъ я часовъ невеселой, подчасъ, дороги, любуясь граціозными движеніями этой очаровательной летуньи, сопровождавшей мой экипажъ.

Ловя на лету насѣкомыхъ (преимущественно двукрылыхъ, каковы, напримѣръ, комары, мухи и друг.), косатка, равно какъ и другія ласточки, никогда не трогаетъ пчелъ и осъ, имѣющихъ ядовитое жало. Извѣстны случаи смерти этихъ птицъ отъ ужаленія ихъ (въ ротъ) упомянутыми насѣкомыми. (Впрочемъ, нѣкоторые пчеловоды увѣряютъ, будто ласточки берутъ и пчелъ).

Пьетъ косаточка, обыкновенно, на лету, на лету же купается, погружаясь слегка, разъ-другой, въ воду, во время низкаго полета надъ ея поверхностью.

Летая одиночкой, косатка большею частью молчитъ; при встрѣчѣ же съ другими косатками, а также подлетая къ своему гнѣзду, и во многихъ другихъ случаяхъ, она часто издаетъ столь характерный для нея призывный крикъ: «видъ» или «витъ», который обыкновенно повторяется нѣсколько разъ кряду: «видъ-видъ-видъ-видъ».

При появленіи на дворѣ, на которомъ гнѣздятся косатки, какого-нибудь хищника—напримѣръ, кошки, ястреба—эти птички тотчасъ же поднимаютъ тревогу, и съ рѣзкими, громкими криками «цизи-цизи» начинаютъ кружиться около врага, въ стремительномъ полетѣ едва не задѣвая его своими крыльями. Тѣми же криками онѣ встрѣчаютъ и провожаютъ всякую мимолетающую хищную птицу, преслѣдуя ее иногда на весьма значительномъ разстояніи.

Собственно пѣсни, сколько-нибудь звучной, у косатки не имѣется, а есть только милое щебетаніе, во время котораго щебечущій самчикъ большею частью сидитъ на безлиственной, сухой вѣткѣ дерева, на конькѣ крыши, на протянутой черезъ дворъ бѣлѣвой веревкѣ и тому подобныхъ открытыхъ мѣстахъ. Впрочемъ, нерѣдко косатка щебечетъ также и на полетѣ.

О гнѣздѣ косатки и его мѣстонахожденіяхъ было уже упомянуто выше. Слѣдуетъ только добавить, что землистые кусочки, изъ которыхъ слѣпливается ея гнѣздо, скрѣпляются между собою клейкой слюной, выдѣляющейся изъ рта птицы. Внутри гнѣздо выстилается перышками; самочка кладетъ въ него 4—6 бѣлыхъ, испещренныхъ красно-бурыми и фіолетовыми пятнышками, яичекъ.

Высиживаніемъ занимается обыкновенно самочка. Изрѣдка присаживается на гнѣздо, на короткое время, и самчикъ, какъ мнѣ самому случалось это наблюдать надъ одной парочкой (въ Крыму), у которой самчикъ легко отличался отъ одинаково раскрашенной съ нимъ самочки тѣмъ, что у него не было въ хвостѣ косички (можетъ быть потерялъ ее въ какой-нибудь перелетѣ?). Продолжается высиживаніе 12, 14 и болѣе дней, смотря по погодѣ. Въ ненастные дни, когда мало летаетъ насѣкомыхъ, самочкѣ приходится подолгу отсутствовать изъ гнѣзда, для добыванія себѣ необходимаго корма, вслѣдствіе чего яйца остываютъ, и высиживаніе, такимъ образомъ, можетъ затянуться (на сѣверѣ) даже до 17 дней. Впрочемъ, и на югѣ, при сплошь прекрасной погодѣ, самочки-косатки также не особенно посѣдливы на гнѣздѣ. По крайней мѣрѣ, такова была самочка упомянутой уже выше парочки, гнѣздо которой помѣщалось подъ крышей обвитой виноградомъ веранды, на степномъ крымскомъ хуторѣ, близъ берега Чернаго моря. Проводя на этой верандѣ значительную часть дня, я могъ подолгу наблюдать гнѣздо нашихъ косаточекъ, и потому могу съ достовѣрностью засвидѣтельствовать,



что высиживавшая самочка прескверно исполняла свою обязанность насѣдки: она безпрестанно слетала съ гнѣзда и подолгу пропадала въ степи. Можно смѣло сказать, что въ общей совокупности она сидѣла на гнѣздѣ не болѣе половины дня; въ теченіе же другой половины гнѣздо оставалось безъ насѣдки, такъ какъ самчикъ присаживался лишь изрѣдка, больше же занимался щебетаніемъ своихъ пѣсенъ, сидя на провѣсѣ толстой веревки, протянутой подъ крышей веранды. Я уже начиналъ опасаться, что изъ такого высиживанія ничего путнаго не выйдетъ; однако, на 12-й день со дня нашего поселенія на хуторѣ (а именно 22 іюня), благополучно вылупились изъ яичекъ 4 крошечныхъ птенчика, къ большой радости многочисленного общества дѣтей и взрослыхъ, собиравшагося ежедневно на верандѣ, за чайнымъ и обѣденнымъ столомъ.

Сколько дней продолжалось все высиживаніе, къ сожалѣнію, сказать не могу, такъ какъ въ день нашего поселенія на хуторѣ мы застали уже самочку на гнѣздѣ, и когда она на него сѣла — осталось намъ неизвѣстнымъ. Что, несмотря на столь дурное высиживаніе, птенчики все-таки вылупились, это слѣдуетъ приписать, конечно, той высокой температурѣ, которая все время держалась подъ крышей веранды, благодаря горячимъ лучамъ крымскаго солнца (днемъ отъ 24 до 26, ночью — около +19° по Реомюру).

Послѣ 19-ти дней прилежнаго выкармливанія обоими родителями, наши птенчики выпорхнули изъ гнѣзда и успѣлись рядышкомъ на той самой веревкѣ, на которой ихъ «папаша» распѣвалъ раньше свои пѣсенки. На второй день они уже предпринимали маленькія экскурсіи около хутора, ночевать же собрались снова въ свое гдѣздо, что повторялось также и въ слѣдующіе 9 дней. На 10-й день по вылетѣ изъ гнѣзда наши косаточки къ ночи уже не возвратились на веранду. Они ночевали гдѣ-то на волѣ, и съ тѣхъ поръ мы потеряли ихъ изъ вида.

Вывлетѣвшихъ изъ гнѣзда птенцовъ родители кормятъ нерѣдко на-лету, что представляетъ собою чрезвычайно милое зрѣлище.

Молодые, недавно вылетѣвшіе изъ гнѣзда, выводки косатокъ любятъ присаживаться на обращенный къ солнцу скатъ крыши, гдѣ съ видимымъ наслажденіемъ берутъ «солнечную ванну» — грѣются на солнечномъ припекѣ, распластавъ крылышки и повернувъ на бокъ головку. То же самое продѣлывали и наши

птенчики на раскаленныхъ солнцемъ черепичатыхъ кровляхъ хутора.

Въ концѣ лѣта косатки сбиваются большими стаями въ рѣчные долины или къ поросшимъ камышами прудамъ и озерамъ, гдѣ и охотятся цѣлыми днями за разной мошкаррой, ночуя въ камышахъ и по вѣткамъ свѣсившихся надъ водою кустовъ. Во второй половинѣ августа, или въ первой сентября, наступаетъ время отлета: въ одно прекрасное утро стая снимается съ мѣста и улетаетъ на югъ—въ тропическія и экваторіальныя страны.

«И вотъ—ихъ гнѣздо одиноко!  
Онѣ ужъ въ иной сторонѣ—  
Далеко, далеко, далеко...» <sup>1)</sup>.

Тамъ косатки, вмѣстѣ съ другими ласточками, проводятъ нашу зиму и продѣлываютъ свое линяніе, послѣ чего, съ наступленіемъ весны, снова возвращаются къ намъ—гнѣздиться и радовать насъ своимъ присутствіемъ.

Для клѣтки косатка, какъ и всякая другая ласточка, конечно, не создана—всякій съ этимъ легко согласится. Впрочемъ, извѣстны рѣдкіе случаи, когда нѣкоторымъ мастерамъ-любителямъ не только удавалось приучить эту птичку къ искусственному корму (муравьиныя яйца съ тертою морковью) и сохранить въ комнатѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, но даже заставить въ клѣткѣ гнѣздиться и выводить птенцовъ. Что же касается до выкармливанія (комнатными мухами) случайно найденныхъ безпомощныхъ птенчиковъ косатки—также какъ и всякой другой ласточки—то сдѣлать это легче, чѣмъ съ какимъ-либо другимъ птенчикомъ.

Ручная ласточка—это очаровательнѣйшее существо, какое только можно себѣ представить. Привязанность и прирученность ея къ людямъ, которые ее выкормили, настолько велика, что приходится употребить не мало усилій для того, чтобы заставить ее своевременно улетѣть съ другими ласточками на зимнія квартиры. Говорю это по личному опыту, вспоминая милую косаточку «Весту», выкормленную однажды лѣтомъ въ моей семьѣ и затѣмъ съ немалыми усиліями присоединенную къ ея сородичамъ, для осенняго отлета въ теплые края <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> А. Майковъ.

<sup>2)</sup> Исторію жизни этой ласточки можно прочесть въ журналѣ «Родникъ» за 1907 г. (разсказъ «Веста»).



1. Ласточка деревенская, косатка (*Hirundo rustica*).
2.       »       городская, воронокъ (*Chelidon urbica*).
3.       »       береговая, стрижокъ (*Cotile riparia*).

3) Городекая ласточка или воронѣкъ<sup>1)</sup>. (Табл. XXII).

«Вьется ласточка сизокрылая  
Надъ окномъ моимъ, надъ косящатымъ».

Это птичка по преимуществу городская. Это та ласточка, которая лѣпитъ свои земляныя гнѣзда надъ окнами городскихъ домовъ. Она рѣзко отличается отъ косатки слѣдующими признаками: отсутствіемъ хвостовой вилочки (косички), чисто-бѣлымъ цвѣтомъ всей нижней части тѣла, отъ клюва до хвоста, снѣжно-бѣлымъ надхвостьемъ (нижняя часть спинки) и оперенными бѣлымъ пушкомъ лапками (у косатки лапки голыя, черненькія). По величинѣ воронѣкъ нѣсколько меньше косатки.

Область распространенія воронѣкъ такъ же обширна, какъ и косатки: онѣ гнѣздятся отъ Лапландіи до Крыма и Кавказа включительно.

Въ противоположность косаткѣ, воронѣкъ любитъ больше кружиться въ верхнихъ слояхъ воздуха, любитъ «купаться въ голубомъ эфирѣ»—какъ выражаются поэты. Въ особенности передъ грозой, воронѣкъ нерѣдко забирается на страшную высоту, и тогда—если тучи не успѣли еще закрыть солнца—освѣщенные его лучами, они кажутся, на черномъ фонѣ тучъ, словно лоскуточки бѣлой бумаги, кружащіяся и гонимые вѣтромъ на громадной высотѣ. Когда же начнется дождь, а также и въ первое время послѣ ненастья, эта ласточка, подобно косаткѣ, также кружится больше надъ поверхностью земли, ловя на-лету спугиваемыхъ ею насѣкомыхъ. Вообще, воронѣкъ любитъ больше широкій просторъ для своего полета; его рѣдко когда можно встрѣтить охотящимся за насѣкомыми въ узкихъ переулкахъ и по глухимъ уголкамъ, которые, напротивъ, такъ охотно посѣщаются косаткой. Полетъ у воронѣкъ болѣе спокойный и не столь искусный, какъ у косатки.

Голосъ у воронѣкъ слабый, малозвучный. Призывный его крикъ звучитъ въ родѣ «трикъ-трикъ», и довольно часто издается на полетѣ. Звукъ предостереженія — довольно громкое «чирръ —

<sup>1)</sup> Chelidon urbica.—Щурокъ, ластивка (Малоросс.).



чирръ». Про пѣсню этой ласточки не стоитъ и говорить: это совсѣмъ плохое, слабое чириканье, сравнительно съ которымъ щебетаніе косатки является совсѣмъ мастерскимъ пѣніемъ.

Гнѣздо свое воронѣкъ лѣпитъ изъ кусочковъ глинистой земли, склеивая ихъ своею клейкою слюною. Дѣлается оно закрытымъ со всѣхъ сторонъ, кромѣ небольшого бокового отверстія для влета и вылета. Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи городская ласточка отличается отъ деревенской, у которой, какъ мы видѣли, гнѣздо дѣлается сверху всегда открытымъ. Работа по постройкѣ гнѣзда ведется всегда такъ, что одна ласточка подноситъ матеріалъ, а другая лѣпитъ. Одновременно имъ обѣимъ нельзя улетать отъ своей постройки, такъ какъ въ такомъ случаѣ ею не замедлили бы завладѣть другія парочки воронѣвъ или же нахальные воробьи. Въ особенности трудно бываетъ воронкамъ отбить свое гнѣздо отъ забравшагося въ него воробья, и въ такихъ случаяхъ имъ приходится обыкновенно снова приниматься за постройку на новомъ мѣстѣ. Разказы о замуравливаніи ласточками самовольно забравшагося въ ихъ гнѣздо воробья, конечно, принадлежатъ къ области фантазіи: врядъ ли станетъ такая умная птица, какъ воробей, дожидаться, пока отъ нея закроютъ свѣтъ Божій. Да если бы это даже и случилось, то, обладая достаточно сильнымъ клювомъ, воробей, вѣроятно, не замедлилъ бы разрушить свою глиняную темницу.

Самочка воронѣка несетъ 4—6 чисто-бѣлыхъ, безъ всякихъ крапинъ, яичекъ и высиживаетъ ихъ одна, въ теченіе 12—13 дней.

Во время высиживанія, въ хорошую погоду, самчикъ доставляетъ своей самочкѣ кормъ въ гнѣздо; въ ненастную же погоду ей приходится слетать съ гнѣзда и самой промышлять кормъ, такъ какъ въ такіе дни самчикъ едва успѣваетъ себѣ снискивать необходимое пропитаніе.

Выше было уже упомянуто, что воронѣкъ гнѣздится преимущественно въ городахъ; въ деревняхъ и селахъ онъ гнѣздится рѣдко, и лишь при условіи нахожденія каменныхъ построекъ. Въ гористыхъ странахъ воронки гнѣздятся также колоніями, на скалахъ, прикрѣпляя къ нимъ такія же земляныя гнѣзда, какія они лѣпятъ надъ окнами въ городахъ. Въ Оренбургскомъ краѣ воронки гнѣздятся въ земляныхъ норахъ, вырытыхъ по обрывамъ береговыми ласточками (о которыхъ рѣчь будетъ ниже), въ го-



родахъ же и деревняхъ не гнѣздятся вовсе. Весьма вѣроятно, что воронѡкъ находится тамъ еще въ дикомъ состояніи.

На южномъ берегу Крыма (въ Лименахъ) мнѣ случилось наблюдать совмѣстное гнѣздованіе косатокъ и воронѡвъ: ихъ лѣпныя гнѣзда (закрытыя—воронѡка, и открытыя—косатки) помѣщались рядышкомъ, подъ свѣсомъ карниза каменнаго дома.

Воронѡкъ прилетаетъ и отлетаетъ почти одновременно съ косаткой.

Однажды, въ первыхъ числахъ августа, ко мнѣ принесли двухъ птенчиковъ воронѡвъ, выпавшихъ изъ разореннаго деревенскими мальчишками гнѣзда. Намъ счастливо удалось выкормить этихъ очаровательныхъ птичекъ—комнатными мухами, которыхъ птенчики уничтожали въ неимоверномъ количествѣ. Проживъ въ комнатѣ три недѣли, «Сильфа» и «Эльфа» (такъ звали нашихъ питомцевъ) стали совершенно ручными, — настолько, что, кружась высоко на воздухѣ, съ другими ласточками, возвращались на мой зовъ и садились на протянутой палецъ руки. Онѣ были любимцами и баловнями всего дома <sup>1)</sup>.

### 3) Береговая ласточка или стрижокъ <sup>2)</sup>. (Табл. XXII).

Это та ласточка, которая гнѣздится—иногда громадными колоніями—въ норахъ, вырывааемыхъ ею въ обрывистыхъ, обнаженныхъ берегахъ рѣкъ и озеръ, а также по крутымъ, обнаженнымъ оврагамъ и глинянымъ ямамъ, нерѣдко въ нѣсколькихъ верстахъ отъ ближайшей воды.

Въ общемъ, по складу и полету, очень сходная съ воронѡмъ, береговая ласточка хорошо отличается отъ него буро-землистой окраской верхней части тѣла, узкимъ опейникомъ того же цвѣта на бѣлой шейкѣ и отсутствіемъ бѣлаго надхвостья. По величинѣ, стрижокъ немножко меньше воронѡка.

<sup>1)</sup> Подробную исторію трехнедѣльной жизни этихъ двухъ ласточекъ въ моей семьѣ можно прочесть въ моей книгѣ «Лепестки» (разсказъ «Сильфа и Эльфа»).

<sup>2)</sup> *Cotile riparia*.—Береговая, земляная ласточка, береговой стрижъ, воронѡкъ (болѣе или менѣе повсемѣстно); чхуръ, щуръ, щурокъ (Малоросс.); шурикъ (Херсонск.); стрижокъ земляной, земляникъ (въ Сибири); джирканъ (по Енисею).

Эта ласточка также гнѣздится по всей Россіи, отъ Лапландіи до Крыма и Кавказа включительно. Чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ чаще и въ болѣешемъ количествѣ встрѣчается береговая ласточка. Путешественникъ, ѣдущій на пароходѣ по большимъ нашимъ рѣкамъ (въ особенности по сибирскимъ), встрѣчаетъ этихъ ласточекъ, можно сказать, почти на каждомъ шагѣ, болѣею частію низко летающими надъ водой.

Прилетаютъ и отлетаютъ береговые ласточки почти одновременно съ воронками и косатками.

## Стрижъ<sup>1)</sup>.

Жди яснаго на завтра дня;  
Стрижи мелькаютъ и визжать,  
Пурпурной полосой огня  
Прозрачный озарень закатъ...

А. Фетъ.



ЧЕНЬ обыкновенная, въ особенности въ городахъ, птица, часто смѣшиваемая большою публикой съ ласточками и въ большинствѣ случаевъ даже и называемая ласточкой. Происходить это отъ большого сходства въ образѣ жизни—а также отчасти и по наружному складу—стрижа съ вышеупомянутыми птицами. Подобно ласточкамъ, и стрижъ также кружится весь день въ воздухѣ, ловя летающихъ въ немъ мелкихъ насѣкомыхъ. Но, рядомъ съ несомнѣннымъ общимъ сходствомъ съ ласточками, стрижъ имѣетъ въ то же время и весьма многія отъ нихъ отличія; изъ нихъ нѣкоторыя настолько существенны и важны, съ научной точки зрѣнія, что даже заставляютъ нѣкоторыхъ ученыхъ относить стрижа къ совершенно иной, вовсе не родственной даже ласточкамъ, группѣ птицъ. Самымъ важнымъ наружнымъ признакомъ, отличающимъ стрижа отъ ласточекъ, служатъ его ноги, всѣ четыре пальца

---

<sup>1)</sup> *Cypselus apus*.—Косырь (Поволжье); щуръ (Херсонск.); соколки (Уральск.); боровой стрижъ, боровичекъ (Богословск.); большой стрижъ (Оренбург.); стригъ (Смоленск.); стрижъ черный (Мензбирь «Птицы Россіи»); ласточка (во многихъ мѣстахъ, неправильно); башенный стрижъ.

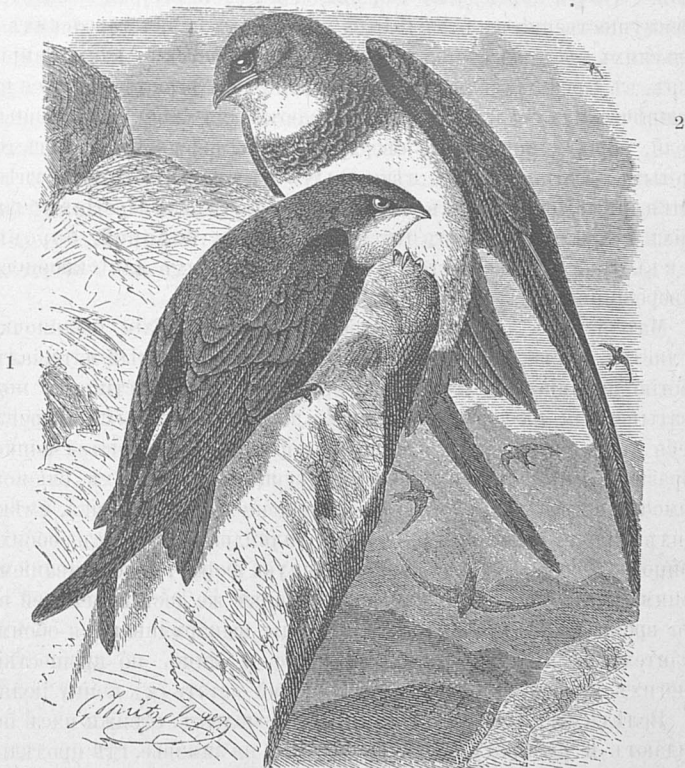
которыхъ, снабженные большими и очень острыми когтями, обращены впередъ, тогда какъ у ласточекъ три пальца обращены впередъ, а одинъ назадъ (какъ и у большинства прочихъ нашихъ птицъ). Конечно, этотъ признакъ легко и удобно можно рассмотретьъ только тогда, когда держишь стрижа въ рукахъ. Но есть и другіе весьма хорошіе признаки, позволяющіе легко и скоро отличить стрижа отъ ласточекъ, даже на полетѣ и на значительномъ разстояніи. Во-первыхъ, стрижъ весь почти черный, словно вымазанъ сажей, какъ сверху, такъ и снизу, за исключеніемъ лишь бѣловатаго горлышка, между тѣмъ какъ всѣ наши ласточки болѣе или менѣе окрашены снизу въ бѣлый цвѣтъ. Во-вторыхъ, стрижъ значительно крупнѣе ласточекъ, и его необычайно длинныя и узкія крылья изогнуты серпомъ (какъ молодая луна), что хорошо можно наблюдать, когда онъ паритъ въ воздухѣ съ неподвижно распластанными крыльями. Въ-третьихъ, стрижи, когда играютъ или ссорятся, гоняясь другъ за дружкой, такъ громко и рѣзко визжатъ («виззззъ-виззззъ»), что, когда штукъ 8—10 этихъ птицъ проносятся съ визгомъ близко мимо человѣка, то хоть за-тыкай уши—голоса своего не услышишь. Ничего подобного этому визгу не издаетъ ни одна изъ прочихъ нашихъ птицъ.

Полетъ стрижа также весьма своеобразенъ. Правда, когда онъ рѣшетъ высоко въ воздухѣ, охотясь за насѣкомыми, и описываетъ красивые дуги, подобныя тѣмъ, которыя выдѣлываются на льду конькобѣжцами, тогда его полетъ немногимъ еще отличается отъ полета ласточекъ; но когда онъ летитъ въ нижнихъ слояхъ воздуха, близъ поверхности земли, или между домами, то всегда несется необычайно стремительно, словно угорѣлый, при чемъ его сильныя крылья со свистомъ разсѣкаютъ воздухъ. Вообще, стрижъ несомнѣнно самый великолѣпный и быстрокрылый летунъ изъ всего нашего пернатого міра.

Стрижъ никогда не садится на деревья, а также и на землю. На сучкѣ онъ не можетъ держаться, за неимѣніемъ задняго пальца. Если пойманнаго стрижа посадить на ровную землю, то онъ не можетъ подняться съ нея на воздухъ—ему мѣшаютъ въ этомъ его длинныя крылья. Онъ можетъ взлетѣть на воздухъ не иначе, какъ бросившись съ какого-нибудь возвышающагося надъ поверхностью земли предмета.

Распространеніе стрижа очень обширно. Отъ Кольскаго полуострова до Крыма и Кавказа включительно, онъ весьма обыкно-

вененъ почти во всѣхъ городахъ Европейской Россіи и принадлежитъ къ числу весьма многочисленныхъ птицъ (въ особенности на крайнемъ югѣ). Почти повсюду, гдѣ только есть церкви и большія каменныя зданія, можно встрѣтить и стрижей, которые любятъ



Стрижи.

1. Черный—2. Бѣлобрюхій (альпійскій).

гнѣздиться въ такихъ постройкахъ. Вокругъ церковныхъ башенъ и надъ окружающими ихъ площадями стрижи кружатся иногда сотнями.

Этихъ птицъ у насъ можно видѣть только въ весеннее и лѣтнее время,—на зиму онѣ отлетаютъ въ далекія тропическія и



экваторіальныя страны. Весной прилетаютъ къ намъ стрижи довольно поздно и обыкновенно весьма регулярно—около 6—7 часовъ вечера, въ первыхъ дняхъ мая, изрѣдка—въ послѣднихъ дняхъ апрѣля. Тотчасъ по прилетѣ они приступаютъ къ гнѣздованію. Почти повсюду въ Европейской Россіи стрижи гнѣздятся преимущественно въ отверстіяхъ каменныхъ стѣнъ городскихъ и сельскихъ построекъ; только на крайнемъ Востокѣ—какъ, напримеръ, въ Оренбургскомъ краѣ—эти птицы избѣгаютъ селиться въ человѣческихъ селеніяхъ, а избираютъ для этой цѣли разныя щели, норы и прикрытые сверху выступы обрывовъ и скалъ гористыхъ мѣстностей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ стрижи гнѣздятся также среди лѣсовъ, въ дуплахъ и другихъ отверстіяхъ большихъ старыхъ деревьевъ (отсюда названія: бороной, боровичекъ). Иногда поселяются и въ выставленныхъ для скворцовъ скворешницахъ.

Матеріаломъ для гнѣзда стрижа служатъ сухія былиночки и листья, перья, волосы, тряпочки и тому подобный матеріалъ, частію похищаемый изъ воробьиныхъ гнѣздъ, частію же подхватываемый на-лету, въ воздухѣ, во время сильныхъ вѣтровъ. Весь этотъ матеріалъ, безъ всякаго порядка, укладывается чашкообразно и скрѣпляется скоро-твердѣющею на воздухѣ слюной. Самочка несетъ два, рѣдко три, совершенно бѣлыхъ яичка, имѣющихъ сильно вытянутую, почти цилиндрическую, съ обоихъ концовъ почти одинаково закругленную, форму. Высиживаніемъ занимается одна только самочка, самчикъ же доставляетъ ей въ это время необходимый кормъ. Птенцы выкармливаются обоими родителями, растутъ очень медленно и лишь по прошествіи многихъ недѣль становятся способными летать (къ концу іюля).

Вслѣдъ за вылетомъ изъ гнѣзда молодыхъ, стрижи насъ покидаютъ и улетаютъ въ глубь Африки, на зимовье, гдѣ продѣлываютъ и свое линяніе; у насъ для этого имъ не хватаетъ времени. Изъ Петербурга стрижи скрываются обыкновенно уже въ первыхъ дняхъ августа.

Въ горахъ Крыма и Кавказа, кромѣ вышеозначеннаго стрижа водится еще бѣлобрюхій или альпійскій стрижъ <sup>1)</sup>, сверху

<sup>1)</sup> *Cypselus melba*.—Дождевая ласточка (Закаспійск. Обл.).

блестящій синевато-черный, снизу-же желтовато-бѣлый съ красноватыми висками и такимъ же надхвостьемъ, и съ широкимъ бурымъ поясомъ на бѣлой груди. Кромѣ того, онъ значительно крупнѣе нашего стрижа. Во всемъ остальномъ весьма схожій съ предыдущимъ, бѣлобрюхій стрижь, помимо окраски, хорошо отличается отъ него своимъ крикомъ; онъ не визжитъ пронзительно, какъ нашъ стрижь, а издаетъ очень громкую, своеобразную, сухую трель, въ родѣ «тиррррр...», которая тотчасъ же привлекаетъ къ себѣ вниманіе наблюдателя, впервые имѣющаго дѣло съ этой птицей.

Мнѣ привелось наблюдать бѣлобрюхаго стрижа въ большомъ количествѣ въ Крыму—въ окрестностяхъ Бахчисарая (въ долинѣ Успенскаго монастыря), гдѣ онъ и гнѣздится, въ скалахъ, многочисленными обществами.

# Козодой<sup>1)</sup>.

(Табл. XVI).



Уходя, день ясный плакать за горою  
И, роняя слезы, жаркою зарею  
Изъ-за темной рощи обхватилъ край нивы.  
Дню вослѣдъ глядѣла ночь—и переливы  
Свѣта отражались и, дрожа, блуждали  
По ея ланитамъ. Тихо начинали  
Выходить свѣтила, мѣсяца предтечи,  
Передъ Божьимъ трономъ зажигаа свѣчи.  
Я. Полонскій.

ИТЕЛИ городскіе не знаютъ этой близко родственной стрижамаъ птицы; сельскіе же—чаще слышатъ ее, чѣмъ видятъ. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы козодой очень ужъ рѣдко попадался на глаза. Чаще всего встрѣчи съ нимъ происходятъ въ тихіе весенніе и лѣтніе вечера, во время прогулокъ,—въ тѣ часы, когда, говоря словами нашего поэта, «уходя, день ясный плачетъ за горою» и когда начинаютъ «передъ Божьимъ трономъ зажигаться свѣчи». Въ это время, на лѣсныхъ полянахъ или около лѣсныхъ опушекъ, а также и вблизи степныхъ хуторовъ, нерѣдко обращаетъ на себя вниманіе довольно крупная птица (величиною съ кукушку), мягкимъ, неслышнымъ полетомъ, невысоко надъ поверхностью земли, скользящая и играющая въ воздухѣ, подобно ласточкѣ. У нѣмцевъ она даже и называется ночной лас-

<sup>1)</sup> *Caprimulgus europaeus*.—Ночница, козодой, ночной ястребъ, сычъ (Петерб.); чурила (Пермск.); полуночникъ, козодой (Поволжье); дремлюга, лежень, чурпило (Малоросс.); полуночница, комокъ, ночной голубокъ (Новгор.); лилѣкъ.

точкой (Nachtschwalbe—въ числѣ многихъ другихъ названій). Гораздо же чаще эта птица привлекаетъ къ себѣ вниманіе своей удивительной пѣсней—если только можно назвать этимъ словомъ ворчаніе, сходное съ ворчаніемъ лягушекъ въ болотѣ. Народъ говоритъ про козодоя, что онъ «урчитъ»; и дѣйствительно это слово очень хорошо характеризуетъ пѣсню козодоя, звучащую въ родѣ «урррррр...» или «орррррр...», а подчасъ и «эrrrrrrrr...», смотря по тому, вдыхаетъ или выдыхаетъ воздухъ урчащая птица (всегда самецъ—самка не урчитъ). Это урчаніе раздается у насъ, на сѣверѣ, въ свѣтлыя майскія и іюньскія ночи, иногда почти всю ночь напролетъ, и длится подчасъ безъ перерыва минутъ пять и болѣе; на югѣ же урчаніе козодоя можно слышать преимущественно въ началѣ и въ концѣ ночи; продолжается оно, постепенно ослабѣвая, почти до половины іюля. Особенно хорошо извѣстно это урчаніе охотникамъ, которымъ оно иногда жестоко надоѣдаетъ, въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая, мѣшая выслушивать токующего глухаря. Урчитъ козодой только въ сидячемъ положеніи, при чемъ онъ садится или прямо на поверхность земли, на валежину, на пень срубленного дерева, или же вдоль низкаго, горизонтальнаго сука какого-нибудь стараго дерева. При этомъ онъ всегда поджимаетъ подъ себя свои маленькія ножки, изъ 4-хъ пальцевъ которыхъ 3 обращены впередъ, а четвертый—внутренній—можетъ быть обращаемъ, по произволу, и назадъ.

Пернатая одежда козодоя чрезвычайно своеобразна: сверху она буровато-сѣрая и испещрена черными крапинами и черточками; снизу—красновато-желтоватая, съ темными извилистыми поперечными полосками. Благодаря такой окраскѣ (совсѣмъ подъ древесную кору), можно, днемъ, въ двухъ шагахъ пройти мимо лежащаго, напримѣръ, на валежинѣ и прижавшагося къ ней, козодоя и не замѣтить его,—такъ похожъ онъ на какой-нибудь наростъ на корѣ дерева. И птица хорошо это знаетъ: она слетаетъ съ мѣста только тогда, когда видитъ, что человѣкъ идетъ прямо на нее, и то—лишь въ послѣдній моментъ.

Козодой вполне ночная птица—такая же, какъ и сова: днемъ спитъ, а съ наступленіемъ сумерекъ вылетаетъ на охоту, до утренней зари. Къ ночному образу жизни приспособлены и его большіе, красивые глаза. Охотится онъ исключительно за насекомыми, преимущественно крупными, схватывая добычу боль-

шею частью на-лету (рѣдко съ земли) и выказывая при этомъ не меньшую ловкость въ полетѣ, чѣмъ и ласточки. Ротъ у него огромный, раскрывающійся, въ буквальный смыслъ, до ушей. Окружающія ротъ и торчащія впередъ длинныя, жесткія щетинки еще болѣе увеличиваютъ хватательный объемъ его пасти. Онъ безъ труда схватываетъ на-лету и проглатываетъ навозныхъ, майскихъ и другихъ крупныхъ жуковъ, а также большихъ почтовыхъ бабочекъ (напримѣръ, сфинксовъ) и уничтожаетъ ихъ во множествѣ.

Въ большихъ загородныхъ садахъ и паркахъ козодой любитъ садиться, въ сумерки и ночью, на усыпанные пескомъ дорожки и на площадки передъ бесѣдками и домами.

Гнѣздится козодой по всей Европейской Россіи, съ Крымомъ и Кавказомъ включительно; только на крайнемъ сѣверѣ онъ не водится. Прилетаетъ онъ къ намъ, обыкновенно, ко времени расхолаживанія березовыхъ почекъ (подъ Петербургомъ — въ послѣдней трети апрѣля) и тотчасъ же даетъ знать о себѣ своимъ далеко слышимымъ урчаньемъ.

Къ гнѣздованію козодой приступаетъ у насъ во второй половинѣ мая. Собственно, настоящаго гнѣзда эта птица не дѣлаетъ, а самочка кладетъ свои 2 яйца, обыкновенно, прямо, безъ всякой подкладки, на поверхность земли или стараго пня; самое большее, что умнетъ, напримѣръ, въ верескѣ небольшое чашкообразное углубленіе и слегка выложить его сухими вѣточками. Почти правильно-овальные яйца козодоя покрыты, по бѣлому фону, фіолетовымъ и сѣрымъ мрамористымъ рисункомъ. Спугнутая самочка не спѣша удаляется отъ гнѣзда и, притворяясь слабою и больною, старается отманить въ сторону нарушителя ея покоя.

Птенчики козодоя прикрываются въ теченіе дня дремлющими на гнѣздѣ родителями; съ наступленіемъ же сумерокъ начинается прилежное кормленіе птенцовъ, при чемъ, въ первое время, имъ даются болѣе мелкія и нѣжныя насѣкомыя, а затѣмъ и болѣе крупныя.

Отлетъ козодоевъ на югъ происходитъ въ августѣ и въ началѣ сентября. Само собою разумѣется, что они летятъ только съ наступленіемъ вечера. Въ это отлетное время птицъ этихъ нерѣдко можно встрѣтить въ такихъ мѣстахъ, гдѣ въ другое время ихъ никогда не увидишь. Такъ, напримѣръ, однажды пе-



релетный козодой наблюдался, въ августѣ мѣсяцѣ, даже на 1-й линіи Васильевскаго острова въ С.-Петербургѣ.

Истребленіемъ въ лѣсахъ огромнаго количества насѣкомыхъ, въ томъ числѣ и многихъ весьма вредныхъ для лѣса, козодой оказываетъ большія услуги лѣсному хозяйству, а потому долженъ быть причисленъ къ числу полезнѣйшихъ нашихъ птицъ. Его нужно тщательно охранять, а не стрѣлять, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, многіе легкомысленные охотники, неудачно простоявшіе въ лѣсу пару часовъ на вечерней тягѣ вальдшнеповъ. Къ тому же, убитый козодой вовсе не ахти какая аттестація для стрѣлка: застрѣлить эту птицу на-лету вовсе не трудно, такъ какъ она имѣетъ особенность, послѣ неудачнаго по ней выстрѣла, пріостанавливаться въ воздухѣ, трепеща на одномъ мѣстѣ крыльями, и такимъ образомъ представляетъ собою, для выстрѣла изъ другого ствола, почти неподвижную цѣль.

Пойманные на гнѣздѣ молодые козодои могутъ быть выкормлены—правда, не безъ значительнаго труда—ночными бабочками и жуками. Имъ необходимо впихивать пищу въ ротъ; подросшимъ же—подносить кормъ, что называется, подъ самый носъ, иначе они сами его не берутъ.

Въ заключеніе, нѣсколько словъ о вѣроятномъ происхожденіи названія козодой, существующаго для этой птицы и у другихъ европейскихъ народовъ <sup>1)</sup>. Изъ переполненнаго вымени дойныхъ животныхъ, въ томъ числѣ и у козъ, нерѣдко вытекаетъ каплями молоко, привлекающее къ себѣ, на ночныхъ выгонахъ, большое количество разныхъ насѣкомыхъ, которыя и кружатся около вымени; насѣкомыя же въ свою очередь привлекаютъ туда и козодою. Ночью, сторожевые пастухи, грѣхотъ, задремали, а недобрые люди (или, въ-тихомолку, кто-нибудь изъ пастуховъ), выдоили, улѣчивъ минутку, нѣсколько козъ. Наутро—хватъ доить, а молока-то и нѣтъ! Съ вечера же, засыпая, пастухи видѣли козодоевъ, сновавшихъ около козъ, ну и естественно, что вина сваливается передъ хозяиномъ на ни въ чемъ неповинную—кромѣ охраны козъ—птицу, благо она говорить не умѣетъ и не можетъ вывести на свѣжую воду проказы людей...

<sup>1)</sup> У нѣмцевъ, въ числѣ многихъ другихъ названій для козодоя, существуетъ также и Ziegenmüller; у французовъ—Tette-chèvre; испанцы называютъ его обманщикомъ пастуховъ; латинское *Caprimulgus* значитъ тоже, въ переводѣ, козодой.

# Мухоловка-пеструшка<sup>1)</sup>.



Ужъ верба вся пушистая  
Раскинулась кругомъ;  
Опять весна душистая  
Повѣяла крыломъ.

А. Фетъ.

ТЦВѢЛА ольха, зацвѣтають ивы. Лужайки въ садахъ и паркахъ чуть подернулись зеленью. То тамъ, то сямъ мелькають желтенькіе цвѣточки мать-и-мачихи. По рѣдколѣস্যю высыпали во множествѣ бѣлыя перелѣски. У березы наливается почка; у черемухи она уже запестрѣла—раздвинула покровныя чешуйки. Славное время и дорогое для любителя и наблюдателя царства пернатыхъ. Въ это время, почти что ни день, то новый крылатый гость,—желанный, долго жданный, съ которымъ мы такъ долго не видались... А ужъ какъ весело встрѣчать этихъ гостей, въ особенности, когда съ каждымъ изъ нихъ знакомъ уже много лѣтъ, и знаешь, когда и гдѣ кого поджидать! Очень это пріятно.

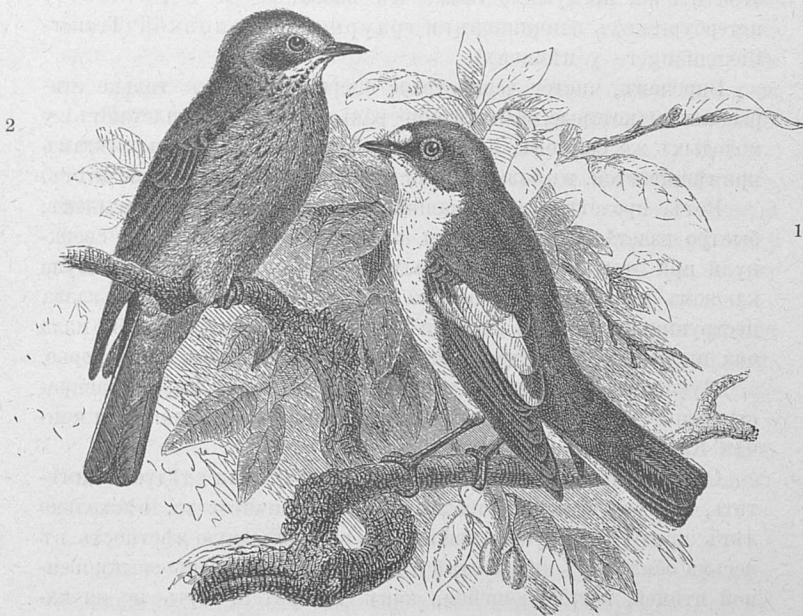
Листьевъ на деревьяхъ еще нѣтъ—все какъ на ладонькѣ. Чуть слышалъ знакомый голосокъ, смотришь—и сама она, пѣвунья, сидитъ на вѣткѣ или перепархиваетъ съ сучка на сучокъ. Откуда ни подойди—отовсюду видно: ничто не мѣшаетъ,—смотри да любуйся.

---

<sup>1)</sup> *Muscicapa atricapilla*.—Сорочка (Петерб.); черноголовый мухоловъ, черноголовая пестрая дуплянка (Яросл., Моск.).

Пѣночки (теньковки и веснички) уже налицо. Горихвостки уже третій день дома. Вчера весь день летѣли гуси, а подѣ вечеръ заворчали въ канавахъ лягушки и вылетѣли изъ своихъ зимнихъ притоновъ летучія мыши,—обязательно должны объявиться сегодня пеструшки. Ночь была теплая, тихая. А утро-то какое! Ни откуда ни вѣтринки; солнышко пригрѣваетъ:

«Улыбкой ясною природа  
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года»...



Мухоловки.

1. Пеструшка.—2. Сѣрая.

Непремѣнно должна была прилетѣть сегодня ночью пеструшка.—Да никакъ она и есть: «вить... вить... вить...»—словно деревенская ласточка подала свой голосъ изъ той, вонъ, группы деревьевъ...

Летитъ сюда, черезъ полянку... Сѣла на нижній, большой сукъ раскидистаго дуба и тотчасъ заглѣла свою коротенькую, отрывистую, словно рубленную пѣсенку: «Ти-крути-крути, тикру-тикру»,

и опять то же, только съ нѣкоторой перестановкой «словъ»,—звучно, громко и очень мило.

Подойдемъ поближе—полюбуемся на свѣжеприлетную гостью. Она близко подпуститъ къ себѣ,—не изъ пугливыхъ. Какая красочка! Маленькая (немножко побольше чижа)<sup>1)</sup>, сверху черно-бархатная, снизу снѣжно-бѣлая, съ бѣлымъ лобикомъ на черной головкѣ и съ широкимъ бѣлымъ «зеркальцемъ» на черныхъ крыльяхъ.

Сочетаніе черного и бѣлаго цвѣтовъ въ пернатомъ нарядѣ этой птички послужило также къ названію ея сорочкой (у петербургскихъ птичниковъ) и траурной мухоловкой (Trauerfliegenfänger—у нѣмцевъ).

Впрочемъ, чистое черно-бѣлое опереніе имѣютъ только старые самцы (которые, обыкновенно, раньше всѣхъ и прилетаютъ); у молодыхъ же самцовъ, а также и у самочекъ, къ этимъ цвѣтамъ примѣшивается, въ большей или меньшей степени, сѣрый цвѣтъ.

Вотъ, пролетѣлъ мимо нашей красотицы крошечный мотылекъ; быстро взлетѣла она за нимъ на воздухъ (какъ красиво сверкнули при этомъ бѣлыя «зеркальца» ея крыльевъ!), щелкнула клювомъ и снова вернулась на тотъ же сукъ. Отъ остраго глаза пеструшки не уйдетъ ни одна мимолетная мушка, какъ бы мала она ни была,—все будетъ ловко поймано и скушано на здоровье.

Мухоловка-пеструшка принадлежитъ къ числу широко распространенныхъ птицъ: она гнѣздится начиная съ Лапландіи и кончая Кавказомъ и Крымомъ.

Относительно весенняго прилета этой птички слѣдуетъ замѣтить, что онъ бываетъ чрезвычайно измѣнчивъ: то, нѣсколько лѣтъ кряду, пеструшка прилетаетъ въ извѣстную мѣстность въ весьма обильномъ количествѣ и является тогда очень обыкновенной птицей, встрѣчающейся, какъ говорится, чуть не на каждомъ шагѣ; то, вдругъ, годъ-другой въ той же самой мѣстности лишь кое-гдѣ съ трудомъ ее отыщешь. Такъ, напримѣръ, въ небольшомъ, сравнительно, паркѣ Лѣснаго Института (подъ Петербургомъ) въ теченіе второй половины 80-хъ годовъ каждую весну, въ прилетное время, можно было въ одно утро встрѣтить 10—20 поющихъ пеструшекъ-самцовъ, необычайно оживлявшихъ паркъ своимъ присутствіемъ и пѣніемъ. Весною же 1890 г. у насъ объявились всего лишь три парочки этихъ птичекъ и то

<sup>1)</sup> Длина 13,6 стм. (5<sup>1</sup>/<sub>4</sub> дюйм.).

съ большими промежутками: въ урочное время прибыла всего только одна парочка; затѣмъ, недѣли черезъ двѣ-три, объявились еще двѣ, которыя и остались гнѣздиться въ паркѣ. Въ послѣдующія весны пеструшки хотя и прилетали къ намъ въ нѣсколько большемъ числѣ, но далеко не въ такомъ, какъ въ концѣ 80-хъ годовъ. Правда, что неравномѣрность прилета (въ количественномъ отношеніи) наблюдается иногда и у другихъ перелетныхъ птицъ, но только не въ такой сильной степени, какъ у пеструшки.

Гнѣздится пеструшка, обыкновенно, въ дуплахъ деревьевъ. Въ паркѣ Лѣсного Института, имѣющемъ мало дуплистыхъ деревьевъ, эти птички охотно гнѣздятся въ маленькихъ домикахъ (ящичкахъ), выставленныхъ на деревьяхъ въ различныхъ мѣстахъ парка.

Яйца пеструшки окрашены въ голубой цвѣтъ, безъ всякой пестрины.

Пищу этой мухоловки составляютъ различныя насѣкомыя, которыхъ она схватываетъ преимущественно на-лету, щелкая при этомъ своимъ клювомъ. Въ дождливое время, при недостаткѣ насѣкомыхъ, мухоловки берутъ также и ягоды: крушину, бузину и другія.

Жизнь пеструшки тѣсно связана съ деревьями, а потому она и водится только въ такихъ мѣстахъ, гдѣ есть древесная растительность. На зиму она насѣ покидаетъ, отлетая осенью, довольно рано, въ тропическія страны.

Въ комнатѣ пеструшекъ—какъ и другихъ мухоловокъ, о которыхъ рѣчь будетъ впереди—рѣдко держатъ: онѣ слишкомъ нѣжны и почти не выдерживаютъ неволи.

Кое-гдѣ, въ средней и южной Россіи, встрѣчается мухоловка бѣлошейка <sup>1)</sup>, очень похожая опереніемъ на пеструшку, съ которою ее часто и смѣшиваютъ. Взрослага самца бѣлошейки можно узнать по имѣющемуся у него бѣлому ошейнику (откуда и названіе этой птицы); у самочки же такого ошейника нѣтъ и потому ее почти невозможно отличить отъ самочки пеструшки. Бѣлошейка птичка преимущественно южная. Въ Кіевской губерніи мѣстами она довольно обыкновенна. Въ Крыму она гнѣздится только на южномъ берегу, въ степной же части бываетъ на весеннемъ и осеннемъ пролетѣ.

<sup>1)</sup> *Muscicapa collaris*.—Мухоловка (Петерб.).



### Сѣрая мухоловка <sup>1)</sup>).

Немного покрупнѣе пеструшки <sup>2)</sup> и окрашена болѣе скромно. Въ общемъ, это птичка сѣрая, съ темно-сѣрыми крыльями и спинкой, и съ нѣкоторой пестриной на нижней сторонѣ (темныя продольныя крапинки по свѣтло-сѣрому фону).

Эта мухоловка также гнѣздится по всей Европейской Россіи — отъ крайняго сѣвера до Крыма и Кавказа включительно. Будучи весьма обыкновенной птицей нашихъ садовъ и парковъ, сѣрая мухоловка, однако, остается весьма мало замѣтной, благодаря, во-первыхъ, своему скромному оперенію, а во-вторыхъ—и это главнымъ образомъ—вслѣдствіе совершенной ничтожности ея музыкальныхъ способностей. Пѣнія у нея, можно сказать, почти вовсе нѣтъ, а есть только какое-то сухое «цирканье», да «тси-канье»: «тси, тси, циръ, цитэкъ, циркъ» и т. д. все въ такомъ родѣ, произносимое несвязно и совсѣмъ не громко, такъ что слышно всего только на нѣсколько шаговъ. Скорѣе еще обращаютъ на себя вниманіе недавно вылетѣвшіе изъ гнѣзда птенцы этой птички, своимъ безпрестаннымъ и, сравнительно, довольно громкимъ крикомъ: «ци-тэкѣ».

Прилетаютъ къ намъ весной сѣрыя мухоловки значительно позже пеструшекъ, и именно къ тому времени, когда береза уже зазеленѣла, и собирается цвѣсти черемуха (подъ Петербургомъ около 10—15 мая). Мухоловки совершаютъ свои перелетныя путешествія по ночамъ, и въ одно прекрасное майское утро эти птички вдругъ появляются во всѣхъ мѣстахъ своихъ гнѣздовій, въ данной мѣстности; въ рѣдкомъ саду тогда не встрѣтишь парочки этихъ мухоловокъ. Вообще, сѣрая мухоловка распространена гораздо равномѣрнѣе пеструшки и весьма регулярно прилетаетъ ежегодно, въ извѣстномъ количествѣ, въ ту или другую мѣстность.

Гнѣздо свое сѣрая мухоловка особенно охотно вьетъ на выходящихъ въ садъ окнахъ, карнизахъ и балконахъ, даже среди довольно обширныхъ городовъ. Оно почти всегда плохо скрыто, и его не трудно найти. Въ мѣстахъ ненаселенныхъ, гнѣздо этой мухоловки обыкновенно помѣщается по лѣснымъ опушкамъ, надре-

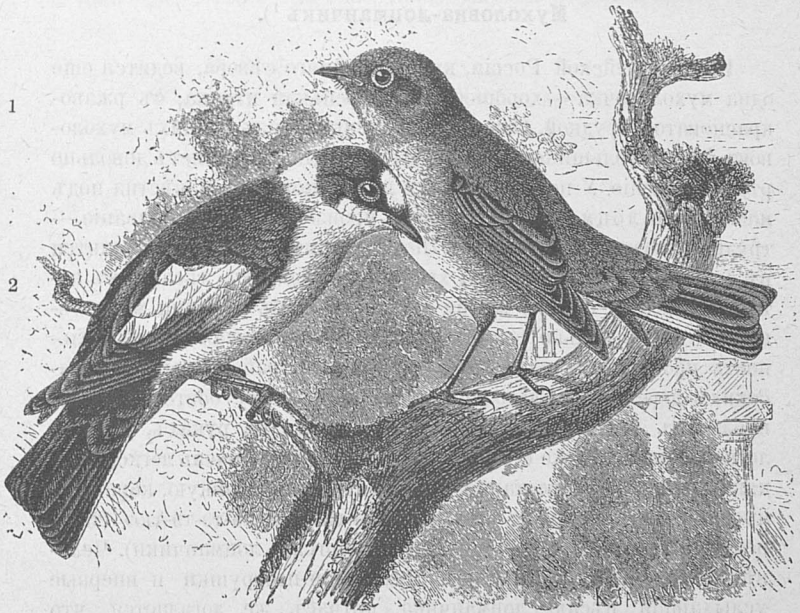
<sup>1)</sup> *Muscicapa grisola*.

<sup>2)</sup> Въ длину 14,5 см. ( $5\frac{3}{4}$  дюйм.).

весныхъ пняхъ, имѣющихъ выгнившую сердцевину, или же въ углубленіи, образовавшемся на стволѣ дерева, отъ выгниваго сука.

Яйца сѣрой мухоловки испещрены, по голубовато-зеленому фону, большими буро-красными пятнами.

Во время ловли летающихъ насѣкомыхъ, эта мухоловка ведетъ себя такъ же, какъ и пеструшка: сидитъ смирно на какомъ-нибудь выдающемся предметѣ и наблюдаетъ за пролетающими мимо насѣкомыми. Схвативъ добычу на-лету, съ характернымъ щел-



Мухоловки.

1. Лоцманчикъ.—2. Бѣлошейка.

каньемъ клюва, она снова возвращается, обыкновенно, на прежнее мѣсто. Впрочемъ, въ противоположность пеструшкѣ, производящей охоту всегда съ выдающагося сука какого-нибудь дерева, сѣрая мухоловка чаще избираетъ себѣ наблюдательнымъ пунктомъ какую-нибудь тумбу или столбъ (заборный, фонарный) и тому подобные, отдѣльно стоящіе, выдающіеся предметы, съ которыхъ открывается широкій кругозоръ во всѣ стороны. Около

такихъ излюбленныхъ птичкой наблюдательныхъ постовъ иногда можно найти на землѣ темные шарики, величиною съ горошину: это погадка, выбрасываемая изъ рта мухоловкой и состоящая изъ непереваренныхъ твердыхъ остатковъ, отъ пойманныхъ и съѣденныхъ насѣкомыхъ (крылышки, ножки, чешуйки и т. п.).

Осенью сѣрыя мухоловки улетають весьма рано—въ далекія тропическія страны.

Мухоловка-лоцманчикъ <sup>1)</sup>).

Въ Европейской Россіи, кромѣ крайняго сѣвера, водится еще одна мухоловочка — хорошенькая, сѣренькая птичка, съ ржаво-красноватой грудкой. Она самая маленькая изъ нашихъ мухоловокъ<sup>2)</sup> и въ большинствѣ мѣстностей Россіи составляетъ довольно рѣдкое явленіе. У петербургскихъ птичниковъ она известна подѣ названіемъ лоцманчика (откуда произошло такое названіе — трудно сказать). У насъ (подѣ Петербургомъ) лоцманчикъ водится въ большихъ, смѣшанныхъ, хвойно-лиственныхъ лѣсахъ, въ которыхъ ведетъ образъ жизни одинаковый съ другими мухоловками, съ тою только разницею, что мухоловочная его дѣятельность происходитъ главнымъ образомъ въ районѣ вершинъ высокихъ деревьевъ. Благодаря этому послѣднему обстоятельству, наблюдать лоцманчика, даже съ биноклемъ въ рукахъ, дѣло не легкое. Услышать же его, во время гнѣздованья, очень легко, такъ какъ самчикъ безпрестанно повторяетъ свою громкую, короткую пѣсенку, звучащую въ родѣ: «ти-тэ-ти-тэ-тэ-тэ-тэ-тэ-тю» (такъ поютъ по крайней мѣрѣ, наши петербургскіе лоцманчики). Человѣкъ, знакомый съ пѣніемъ мухоловки-пеструшки и впервые услышавшій пѣсню лоцманчика, тотчасъ же догадается, что имѣетъ дѣло съ мухоловкой — такъ схожи между собою, по характеру, пѣсни этихъ двухъ птицекъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи (напримѣръ, въ Кіевской губ.) лоцманчики гнѣздятся небольшими колоніями (4—6 гнѣздъ на одной, примѣрно, десятинѣ лѣса). Красивое гнѣздо этой птички, построенное большею частію изъ зеленого мха, съ выстилкой

<sup>1)</sup> *Muscicapa rapva.*—Малый мухоловъ (Централн. губ.); лощманчикъ (Петерб.).

<sup>2)</sup> Длина 12 см. (4<sup>3</sup>/<sub>4</sub> дюйм.).

внутри шерстію и волосами, помѣщается преимущественно въ душлѣ дерева, но также иногда и въ суковой развилинѣ. Яйца лощманчика, по желтовато-бѣлому или зеленоватому фону слабо испещрены красновато-желтыми пятнышками.

Прилетаетъ къ намъ лощманчикъ весной довольно поздно, когда деревья покрываются уже листьями, и рано улетаетъ осенью— въ тропическія страны.

Лощманчика иногда держатъ, за его красоту, въ клѣткахъ. Кормить его нужно такъ же, какъ соловья и варакушку.

ГОРНОПЕТЛИЦА

Горнопетлица (Ceryle alcyon) — птица, обитающая в горах. Она имеет длинное тело, длинный клюв и длинные ноги. Горнопетлица — хищник, питающийся насекомыми, пауками и другими мелкими животными. Она живет в горах, в скалах и в пещерах. Горнопетлица — редкая птица, которую можно встретить только в горах.



Горнопетлица (Ceryle alcyon) — птица, обитающая в горах. Она имеет длинное тело, длинный клюв и длинные ноги. Горнопетлица — хищник, питающийся насекомыми, пауками и другими мелкими животными. Она живет в горах, в скалах и в пещерах. Горнопетлица — редкая птица, которую можно встретить только в горах. Горнопетлица — птица, обитающая в горах. Она имеет длинное тело, длинный клюв и длинные ноги. Горнопетлица — хищник, питающийся насекомыми, пауками и другими мелкими животными. Она живет в горах, в скалах и в пещерах. Горнопетлица — редкая птица, которую можно встретить только в горах.

Горнопетлица (Ceryle alcyon) — птица, обитающая в горах. Она имеет длинное тело, длинный клюв и длинные ноги. Горнопетлица — хищник, питающийся насекомыми, пауками и другими мелкими животными. Она живет в горах, в скалах и в пещерах. Горнопетлица — редкая птица, которую можно встретить только в горах.

## Сорокопуты <sup>1)</sup>.

Маститые, вѣтвистые дубы,  
Задумчиво поникнувъ головами,  
Что старцы древніе на вѣчѣ предъ толпами  
Стоять, какъ бы рѣшая ихъ судьбы.  
И тщетно къ ихъ прислушиваюсь шуму:  
Все не поймать мнѣ тайны ихъ бесѣдъ...  
Ахъ, жаль, что подлѣ нихъ тутъ рѣзвой рѣчки нѣтъ:  
Она бѣ давно сказала мнѣ ихъ думу...

А. Майковъ.



А САМЫХЪ высокихъ вѣтвяхъ одиноко стоящихъ среди полей деревьевъ, на выдающихся сучьяхъ кустарниковъ, на шестахъ, сваяхъ, пограничныхъ столбахъ и другихъ высокихъ мѣстахъ, нерѣдко можно видѣть сидящую птицу, гордую, какъ соколъ, внимательную, какъ

орелъ, и беспокойную какъ мухоловка. Весною случается слышать, что она поетъ довольно длинную пѣсенку, и если къ ней хорошенько прислушаться, то можно замѣтить, что она собственно составляетъ только смѣсь всякаго рода чужихъ звуковъ, которые птица подслушала у живущихъ вокругъ нея пѣвцовъ и повторяетъ самымъ забавнымъ образомъ. Вся ткань пѣсни, которую она понемножку сплетаетъ, такъ пріятна и привлекательна, что плутовку можно слушать съ удовольствіемъ. Эта птица—сорокопутъ, членъ многочисленнаго рода, соединяющаго свойства сокола и пѣвчей птицы».—Такъ характеризуетъ А. Бремъ <sup>2)</sup> сорокопута, и эта характеристика весьма удачна.

<sup>1)</sup> Laniidae.

<sup>2)</sup> «Жизнь птицъ», русскій переводъ Н. Страхова.



У насъ, въ Европейской Россіи, водится нѣсколько видовъ этихъ интересныхъ птицъ, и такъ какъ онѣ во многомъ весьма сходны между собою, то поэтому я поведу сначала рѣчь о сорокопутахъ вообще, а затѣмъ уже дамъ отдѣльныя краткія характеристики нѣкоторыхъ изъ наиболѣе распространенныхъ представителей этихъ птицъ.

Прежде всего—нѣсколько словъ о наружности сорокопутовъ. Это птицы небольшія, но и не очень маленькія: самый крупный изъ сорокопутовъ—величиною съ дрозда; самый маленькій—съ жаворонка. Всѣ они отличаются коренастымъ тѣлосложеніемъ и довольно большой головой, съ низкимъ плоскимъ лбомъ и очень крѣпкимъ клювомъ. Верхняя часть клюва загнута на концѣ крючкомъ и имѣетъ съ каждой стороны по выдающемуся книзу острому зубцу. Въ окраскѣ наши сорокопуты также имѣютъ много общаго: господствующіе цвѣта—пепельно-сѣрый, черный и бѣлый; у всѣхъ черезъ глазъ проходитъ широкая черная полоса, издали бросающаяся въ глаза и весьма характерная для этихъ птицъ; хвостъ и крылья—черные съ бѣлымъ.

Любимыми мѣстами пребыванія сорокопутовъ являются полевые кустарники, лѣсные опушки, живыя изгороди, съ единично выдающимися болѣе высокими деревьями, преимущественно по близости воздѣланныхъ полей. Въ такихъ мѣстахъ сорокопуты сидятъ, обыкновенно, на какомъ-нибудь возвышенномъ пунктѣ—деревѣ, столбѣ, на телеграфной проволоцѣ и т. п., откуда внимательно смотрятъ внизъ, на поверхность земли, высматривая для себя добычу. Добычей же имъ служатъ, главнымъ образомъ, крупныя насѣкомыя, ящерицы, лягушки, мыши и небольшія птички. Завидѣвъ добычу, сорокопутъ стрѣлой бросается на нее, убиваетъ своимъ крючковатымъ клювомъ и затѣмъ, большею частію, уносить въ когтяхъ на какой-нибудь колючій кустъ, для того, чтобы наколотъ на острые колючки и потомъ разорвать на части и съѣсть. Дѣлаетъ онъ это потому, что не умѣетъ ѣсть, держа свою пищу въ лапахъ, какъ это дѣлаютъ настоящіе хищныя и нѣкоторыя другія птицы. Если нѣтъ подходящихъ колючекъ, то добыча защемляется, сильнымъ взмахомъ головы, въ какую-нибудь щель и затѣмъ уже поѣдается.

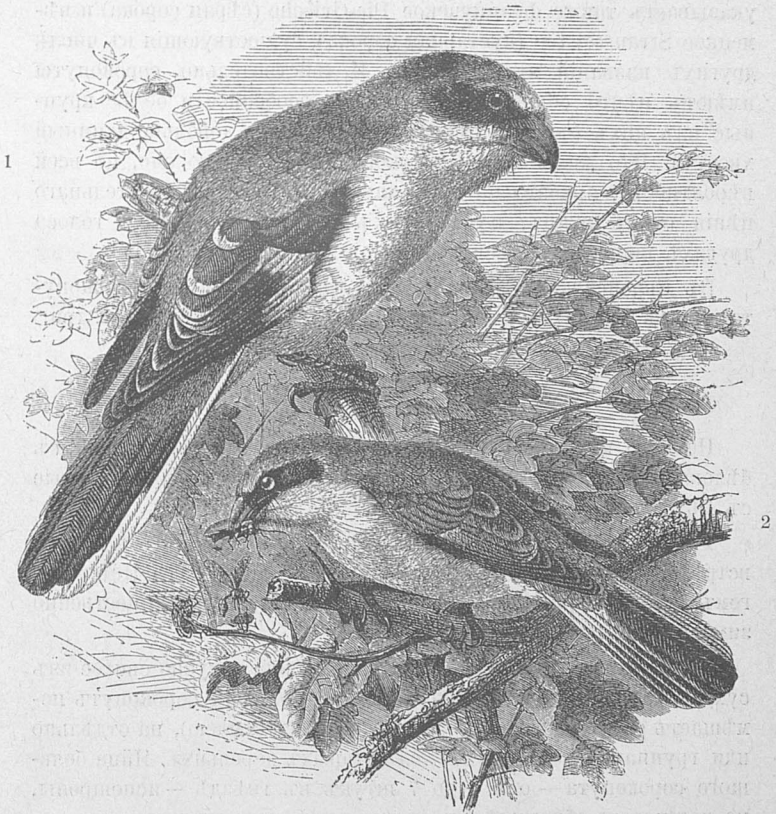
Хищническіе инстинкты у сорокопутовъ развиты чрезвычайно сильно. Эти птицы ловятъ и умерщвляютъ свою добычу, повидимому, даже и тогда, когда совершенно сыты. Нерѣдко можно

встрѣтить кустъ или деревцо, съ наколотыми на колючки нѣсколькими крупными жуками, ящерицами, птичками, изъ которыхъ половина даже вовсе не тронута; самое большое, что у птичекъ разбита головка и выклеванъ мозгъ, до котораго сорокопуты, повидимому, особенно лакомы. Они мастерски умѣютъ разыскивать птичьи гнѣзда, изъ которыхъ затѣмъ не замедляютъ перетаскать всѣхъ птенцовъ. Храбрость и наглость сорокопутовъ не уступаетъ ихъ кровожадности, и если бы они были настолько же ловки въ преслѣдованіи и ловлѣ добычи, насколько они храбры и наглы, то это были бы одни изъ опаснѣйшихъ разбойниковъ для мелкой пернатой публики. Впрочемъ, все выше сказанное относится почти исключительно къ крупнымъ видамъ сорокопутовъ, которые поэтому должны быть признаны болѣе вредными, чѣмъ полезными птицами. Что же касается до мелкихъ видовъ, то они, какъ питающіеся по преимуществу насѣкомыми и лишь изрѣдка нападающіе на мелкихъ птичекъ, должны быть причислены скорѣе къ птицамъ полезнымъ, чѣмъ вреднымъ.

Полетъ у сорокопутовъ круто-волнообразный, весьма характерный. Они рѣдко и неохотно перелетаютъ черезъ большія пространства, обыкновенно же перемѣщаются съ одного какого-нибудь возвышающагося надъ другими предмета на другой, круто опускаясь дугой почти до самой земли и затѣмъ такъ же круто поднимаясь. Рѣдко можно видѣть этихъ птицъ трепещущими въ воздухѣ, на подобіе ястребовъ, на одномъ мѣстѣ, при высматриваніи добычи.

Всѣ сорокопуты болѣе или менѣе искусные пересмѣшки. Хотя они и относятся къ числу пѣвчихъ птицъ, но собственныхъ своихъ пѣсенъ почти что не имѣютъ, а заимствуютъ ихъ отъ другихъ птицъ. Кусочки пѣсенъ, призывные крики и разные другіе птичьи голоса и звуки перемѣшиваются въ одну общую пеструю болтовню, которую, какъ справедливо замѣчаетъ Бремъ, можно слушать съ удовольствіемъ. При этомъ нужно замѣтить, что у сорокопутовъ поютъ не одни только самцы: рѣдко также и самочки весьма недурно упражняются въ пересмѣшничаніи. Поющій сорокопутъ всегда весьма усердно подергиваетъ въ разныя стороны своимъ хвостомъ, который вообще у него весьма подвиженъ, въ особенности когда птица чѣмъ-нибудь возбуждена.

Въ неволѣ сорокопуты скоро ручнѣютъ и тогда являются весьма милыми и забавными птицами. Само собою разумѣется,



Сорокопуты.

1. Большой. — 2. Жулань.

что ихъ отнюдь не слѣдуетъ помѣщать въ общую клѣтку съ другими птичками.

Въ заключеніе, нѣсколько словъ о происхожденіи названія сорокопутъ. Нѣкоторые пишутъ—сорокопудъ<sup>1)</sup>; конечно, это не вѣрно. Названіе этихъ птицъ, несомнѣнно, происходитъ отъ

<sup>1)</sup> К. Кеслеръ: «Русская орнитологія». Киевъ. 1847 г.—В. И. Даль «Толковый словарь».

словъ сорѡка и путать, а не отъ сѡрокъ и пудъ, на что указываетъ также французское Pie-Grièche (сѣрая сорока) и нѣмецкое Strausselster (кустарная сорока), существующія въ числѣ другихъ названій этихъ птицъ. И дѣйствительно, сорокопуты имѣютъ нѣчто общее съ сорокой, въ особенности болѣе крупные изъ нихъ (черныя съ бѣлымъ крылья и довольно длинный хвостъ). Что же касается до окончанія путъ, то оно, по всей вѣроятности, прибавлено какъ характеристика подражательнаго пѣнія этихъ птицъ, путающихъ въ своихъ пѣсняхъ голоса другихъ пернатыхъ пѣвцовъ.

Въ Европейской Россіи водится нѣсколько видовъ сорокопутовъ, изъ которыхъ наиболѣе распространены слѣдующіе три:

### 1) Сорокопутъ большой <sup>1)</sup>.

Немного крупнѣе пѣвчаго дрозда. Сверху пепельно-сѣрый, съ бѣловатымъ лбомъ, снизу бѣловатый; хвостъ и крылья—черные съ бѣлымъ.

Распространенъ по всей Россіи, кромѣ крайняго юга, гдѣ встрѣчается лишь зимою. Впрочемъ, и у насъ, подъ Петербургомъ, этотъ сорокопутъ попадаетъ на глаза преимущественно зимою и притомъ не особенно часто.

Гнѣздо свое, довольно большое и весьма искусно свитое изъ сухихъ стебельковъ, прутиковъ и мха, большой сорокопутъ помѣщаетъ очень высоко (7—10 сажень надъ землею), на отдѣльно или группами стоящихъ на полѣ старыхъ деревьяхъ. Яйца большого сорокопута — отъ 4 до 7 штукъ въ гнѣздѣ — испещрены, по зеленовато-сѣрому фону, пепельно-сѣрыми пятнышками.

Жившій у меня въ клѣткѣ большой сорокопутъ въ нѣсколько дней сдѣлался совершенно ручнымъ. Онъ бралъ изъ рукъ маленькіе кусочки мяса, которыми я его кормилъ, и былъ вообще весьма забавенъ. Однимъ онъ только былъ непріятенъ, а именно тѣмъ, что имѣлъ обыкновеніе всюду запихивать кусочки сырого мяса, вслѣдствіе чего отъ его клѣтки постоянно распространялся весьма непріятный запахъ.

<sup>1)</sup> *Lanius excubitor*.





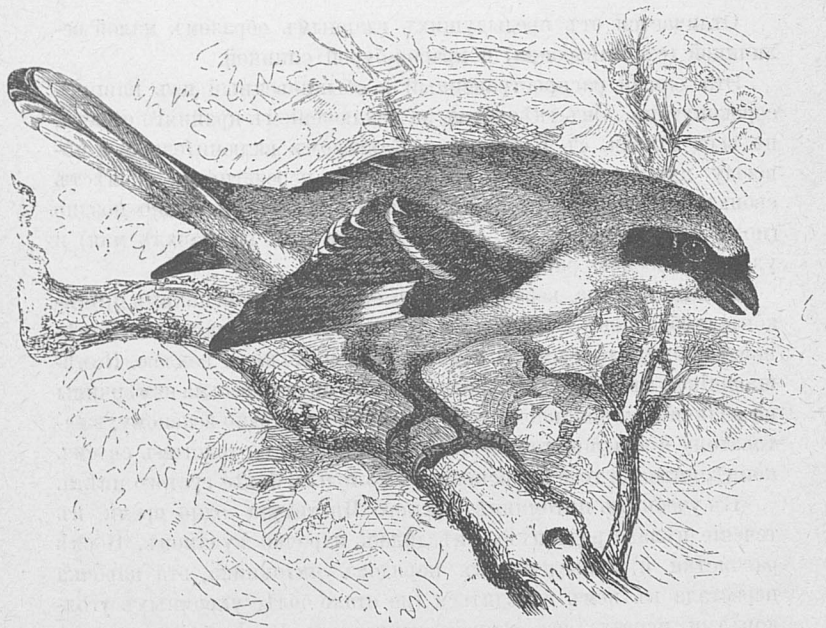
1. Крапивникъ (*Troglodytes parvulus*).
2. Зеленушка (*Chloris chloris*).
3. Жаворонокъ хохлатый (*Alauda cristata*).



## 2) Сорокопутъ чернолобый <sup>1)</sup>.

Величиною немного поменьше предыдущаго <sup>2)</sup>, съ которымъ весьма сходенъ по окраскѣ, отличаясь лишь главнымъ образомъ чернымъ лбомъ.

Этотъ сорокопутъ принадлежитъ преимущественно западной и южной Россіи, гдѣ является птицей перелетной, отлетающей



Сорокопутъ чернолобый.

на зиму въ теплые края. На сѣверѣ онъ не водится вовсе. Въ большомъ количествѣ мнѣ приводилось его наблюдать въ каменистой степи окрестностей Севастополя, гдѣ этотъ сорокопутъ является одною изъ обыкновеннѣйшихъ птицъ.

Въ противоположность прочимъ сорокопутамъ, чернолобый довольно рѣдко накалываетъ свою добычу на колючки, а пре-

<sup>1)</sup> *Lanius minor*.

<sup>2)</sup> Длина 8—9 дюйм. (20—23 см.).

имущественно ущемляет ее. Вотъ почему, напримѣръ, въ степныхъ мѣстностяхъ Севастополя, изобилующихъ сорокопутами и колючими кустарниками (держи-дерево, дикая груша и друг.), весьма рѣдко случается находить наколотыхъ на колючки жуковъ и другихъ мелкихъ животныхъ.

### 3) Сорокопутъ-жуланъ <sup>1)</sup>. (Табл. XIII).

Отличается отъ предыдущихъ главнымъ образомъ малой величиной (съ жаворонка) и красно-бурой спинкой.

Это самый распространенный и обыкновенный изъ нашихъ сорокопутовъ. Онъ гнѣздится, за исключеніемъ крайняго сѣвера, по всей Россіи, съ Крымомъ и Кавказомъ включительно, и повсюду принадлежитъ къ числу птицъ перелетныхъ. У мѣстъ своихъ гнѣздовій жуланъ появляется весною довольно поздно (подъ Петербургомъ въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая) и улетаетъ осенью рано.

Гнѣздо жулана, весьма искусно свитое изъ тоненькихъ прутиковъ, стебельковъ и корешковъ травъ, мха и т. п. матеріала, помѣщается всегда въ густыхъ кустахъ, невысоко надъ землею. Помѣщающіяся въ гнѣздѣ 5—6 пестренькихъ яичекъ весьма измѣнчивы по величинѣ и основному тону окраски: по блѣдно-зеленому, желтоватому и красноватому фону, онѣ покрыты, на толстомъ своемъ концѣ, пятнами того же, основного, но только болѣе густого цвѣта.

Въ учебномъ питомникѣ Лѣсного Института одно время, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, гнѣздилась парочка жулановъ. Послѣ расчистки и приведенія въ порядокъ питомника, эта парочка перестала въ немъ гнѣздиться (не стало болѣе укромныхъ уголковъ) и исчезла изъ нашей окрестности. Вслѣдствіе этого, та часть институтскаго парка, въ которой находится питомникъ, много потеряла въ своей лѣтней предели, лишившись того оживленія, которое вносила въ нее парочка жулановъ, своими разноголосыми, пестрыми пѣснями. Самчикъ этой парочки былъ замѣчательно искусный пересмѣшникъ; онъ мастерски подражалъ даже нѣкоторымъ свистовымъ колѣнамъ гнѣздившагося въ томъ же питомникѣ соловья.

<sup>1)</sup> *Lanius collurio*.

## Свирестель<sup>1)</sup>.

(Табл. VI).



Октябрь уж наступил; уж роща отряхает  
Последніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;  
Дохнул осенній хладъ, дорога промерзаетъ;  
Журча, еще бѣжитъ за мельницу ручей,  
Но прудъ уже застылъ...

А. Пушкинъ.

**К**ОГДА холодный октябрьскій вѣтеръ сдуетъ съ деревьевъ осеннюю красу, оголитъ вѣтки и выставитъ напоказъ пунцовыя кисти рябины, тогда появляются у насъ стайки замѣчательныхъ по своей красотѣ птицъ — свирестелей<sup>2)</sup> (названныхъ такъ, вѣроятно, по ихъ призывному крику — звучной, красивой, серебристой трелькѣ, которою эти птицы безпрестанно перекликаются между собою).

По наружному виду и красотѣ, свирестелей нельзя смѣшать ни съ одной изъ прочихъ нашихъ птицъ. Господствующій цвѣтъ окраски — нѣжно-розовато-сѣрый; хохолъ такого же цвѣта; горлышко и черта черезъ глазъ черныя; свѣтлая полоска на концѣ хвоста — ярко-желтая, съ красными кончиками на каждомъ перѣ. Особенно красивы, и единственны въ своемъ родѣ, крылья этой птицы: они представляютъ замѣчательно изящное сочетаніе основ-

<sup>1)</sup> А не свиристель, какъ обыкновенно принято писать. Названіе этой птицы происходитъ отъ глагола свирестѣть — верезжать, издавать рѣзкій звукъ (сверчокъ свирестить) (См. Даль. «Толковый словарь великорусск. языка»).

<sup>2)</sup> *Ampelis garrulus*. — Кардиналъ, свиристель (Петерб.); свиристуха (Моск.); хохлушка (Вогословск.).

ного чернаго цвѣта съ бѣлыми и желтыми полосками; кромѣ того, они украшены еще ярко-красными роговыми пластиночками, которыми заканчиваются бѣлыя перышки, расположенныя поперечной полоской въ средней части крыла. Самочка окрашена почти одинаково съ самцомъ, но только всѣ цвѣта у нея менѣе ярки. Великоною свирестель почти равняется скворцу.

Родина этой птицы—крайній сѣверъ Европы, Азіи и Америки. Тамъ свирестели гнѣздятся по дремучимъ, старымъ, болотистымъ еловымъ лѣсамъ и оттуда предпринимаютъ ежегодно, съ наступленіемъ осени, свои перелеты къ югу. Въ сѣверной и средней Россіи свирестели появляются почти регулярно каждый годъ—позднею осенью (изрѣдка уже въ сентябрѣ) или зимою; въ южныхъ же губерніяхъ, а также въ Крыму и на Кавказѣ, они показываются преимущественно лишь въ суровыя зимы, съ промежутками иногда въ нѣсколько лѣтъ. Въ урожайныя для рябины годы, свирестели держатся у насъ иногда въ теченіе всей зимы (какъ это было, напримѣръ, въ зиму 1888—1889 гг.). Послѣдній обильный прилетъ свирестелей былъ у насъ въ декабрѣ 1892 г., когда эти птицы объявились у насъ, подъ Петербургомъ, тысячными стаями. Рябины, изобиловавшія въ тотъ годъ ягодами, буквально ломались подъ тяжестью садившейся на нихъ птицы.

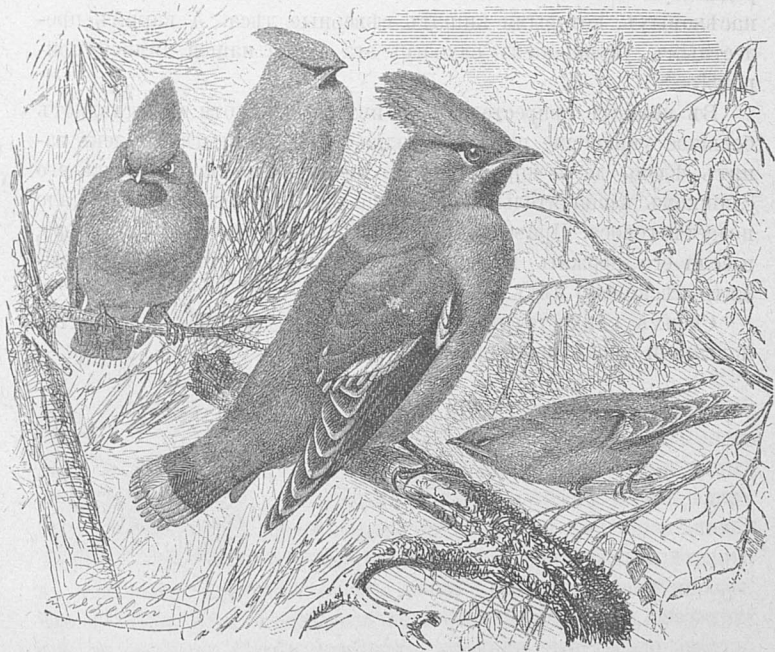
Съ наступленіемъ первыхъ дней марта начинается, обыкновенно, обратное передвиженіе этихъ птицъ на сѣверъ.

Пока свирестели гостятъ у насъ, они занимаются, преимущественно, поѣданіемъ рябины—любимой ихъ ягоды. Подолгу можно любоваться этими красивыми птицами, когда онѣ, стайкой въ 15—20 штукъ, раскачиваются на тонкихъ вѣткахъ рябины, обчищая одну ягоду за другою.

Бѣтъ могутъ свирестели неимоვნю много, потому что чрезвычайно быстро перевариваютъ пищу и даже выбрасываютъ ее полупереваренною. Кромѣ рябины, они охотно ѣдятъ также и ягоды можжевельника, шиповника, калины, боярышника и друг.

Свирестель, повидимому, весьма глуповатъ и несообразителенъ; по крайней мѣрѣ, онъ вовсе не умѣетъ распознавать опасности и различать друга отъ недруга. Человѣкъ, съ его многохитростными кознями противъ всякихъ живыхъ созданий, онъ не знаетъ и нисколько не боится, — по крайней мѣрѣ, въ первое время по прилетѣ со своего глухого сѣвера. Во всевозможныя сѣти, западни и ловушки свирестели лѣзутъ массами: въ то время,

какъ одни трепещатся подъ накрывшею ихъ сѣтью, другіе смотрятъ на это съ вѣтокъ сосѣдняго дерева совершенно равнодушно, и какъ только сѣть снова раскинута, тотчасъ же сваливаются въ нее, привлекаемые разбросанною по точку рябиною. Выстрѣлъ, сдѣланный по стаѣ свирестелей, сидящей на деревѣ, и сбившій добрый десятокъ этихъ хохлатыхъ красавцевъ, весьма мало производитъ впечатлѣнія на уцѣлѣвшихъ товарищей, кото-



Свирестели.

рые, хотя и слетаютъ съ дерева, спугнутые шумомъ выстрѣла, но почти тотчасъ же снова на него садятся и позволяютъ стрѣлять по себѣ во второй и даже въ третій разъ. Благодаря такой легкой охотѣ за ними, свирестели во множествѣ истребляются всякаго сорта охотниками. Въ результатъ получается то, что свирестелей каждый годъ прилетаетъ къ намъ все меньше и меньше: число стай убавляется, да и самыя стаи становятся



все малочисленнѣе. А жалѣ, да и грѣшно... Развѣ это дичь?! Изъ-за крошечнаго кусочка мяса уничтожать такое прекрасное существо—неужели это достойно образованнаго человѣка?! Не говоря уже про то, что свирестель кѣ тому же еще и весьма полезная птица: выбрасывая неудобоваримыя частицы пищи, въ видѣ погадки, изо рта, онѣ не мало содѣйствуетъ распространенію ягодныхъ деревьевъ и кустарниковъ; лѣтомъ же на своей сѣверной родинѣ уничтожаетъ несмѣтное множество разныхъ докучливыхъ насѣкомыхъ, которыми кишатъ сѣверные лѣса. А какимъ прелестнымъ украшеніемъ служить эта птица нашей зимней природѣ!

Въ комнатѣ свирестель мало интересенъ, хотя и составляетъ большое украшеніе птичьяго садка. Онѣ почти цѣлый день занятъ ѣдою, да и корма на него не напасешься; пѣсня же его слишкомъ незначительна, и вообще эта птица въ клѣткѣ мало подаетъ голоса. Привыкаетъ свирестель кѣ неволѣ очень скоро, и если его держать въ прохладномъ помѣщеніи, можетъ выжить нѣсколько лѣтъ.

Своихъ свирестелей я кормилъ преимущественно можжевельными и рябиновыми ягодами.

## Скворецъ<sup>1)</sup>.

Сѣдой Морозъ въ одеждѣ снѣжной,  
Съ блестящей льдиною броней,  
Вступаетъ въ бой съ привѣтной, нѣжной  
И ароматною весной.

Онъ вѣтромъ, вьюгою, снѣгами  
Веснѣ перепраждаетъ путь,  
А та, въ отвѣтъ ему, цвѣтами  
Бросаетъ въ старческую грудь...

Е. Кони.



ТО ЭТОТЪ БОЙ, повидимому столь неравный, окончится полною побѣдою весны, въ томъ ни одну минуту не сомнѣвается нашъ милый скворушка, сидящій на вѣткѣ дерева близъ своей скворечницы. Иначе онъ не рѣшился бы покинуть гостепріимныя южныя страны,

въ которыхъ короталъ время, пока у насъ трещали морозы. Что за бѣда, если и придется немножко позябнуть, и разъ-другой не особенно сытно пообѣдать, все-таки онъ твердо знаетъ, что, въ концѣ концовъ, «сѣдой Морозъ» сложитъ свои «льдистые» доспѣхи къ ногамъ «привѣтной, нѣжной» красавицы-весны и скажетъ—

«... тая въ рѣчкахъ снѣжныхъ воды:

Ты побѣдила! Ты прекрасна!

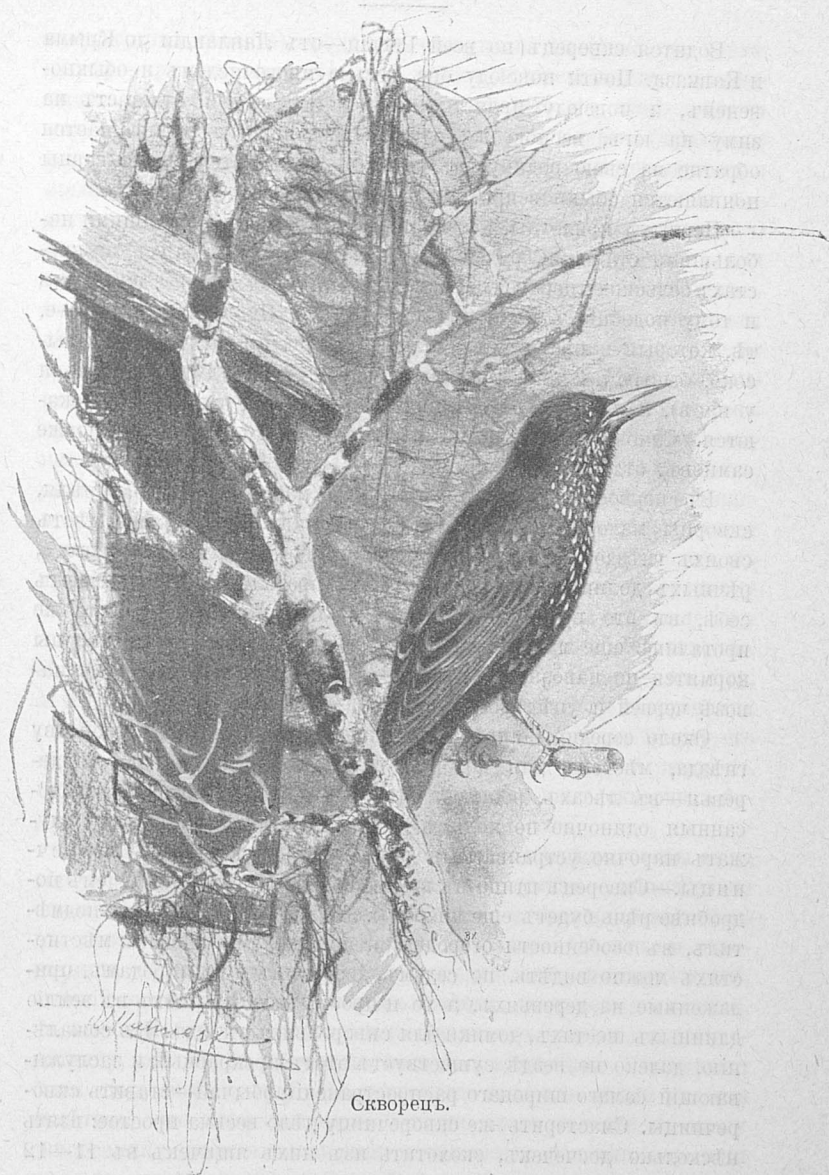
Иди-жъ и царствуй съ своей чередь...»<sup>2)</sup>

<sup>1)</sup> *Sturnus vulgaris*.—Шпакъ, скворецъ (Малопросс.)

<sup>2)</sup> Е. Кони.

Вотъ и сейчасъ: только что пролетѣлъ сильный вихрь, съ крупной и снѣгомъ, какъ нашъ скворушка, встряхнувшись и приведя въ порядокъ свои растрепавшіяся отъ вѣтра перышки, снова распѣваетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, свои пѣсни. Впрочемъ, слово «пѣсни» будетъ здѣсь, пожалуй, не совсѣмъ умѣстно: это скорѣе какая-то веселая, беззаботная болтовня, трескотня и верещаніе, въ перемежку съ протяжными свистами и разными подражательными, подчасъ весьма красивыми, звуками. И какъ ретиво и весело распѣваетъ скворецъ свои пѣсни! Горлышко раздувается пузыремъ; клювъ раскрывается такъ широко, что въ него можно, пожалуй, всунуть цѣлый орѣхъ; крылышки свѣшиваются, и пѣвецъ безпрестанно ими подергиваетъ и трепещетъ, словно замирая отъ музыкальнаго наслажденія, каковое, повидимому, доставляетъ уморительному пѣвцу его смѣшная и безтолковая пѣсня. Впрочемъ, эти пѣсня, хотя смѣшная и безтолковая, но слушается съ большимъ удовольствіемъ, въ особенности ранней весной, когда кромѣ жаворонковъ въ полѣ, да желтоголовыхъ овсяночекъ съ ихъ незатѣйливой пѣсенкой, другихъ пѣвуновъ налицо еще не имѣется.

Однако, я говорю о скворцѣ такъ, какъ будто эта птица всѣмъ хорошо извѣстна; между тѣмъ, вѣроятно, найдется не мало читателей, знающихъ скворца только по наслышкѣ. Поэтому нужно нѣсколько остановиться на его наружности. Самчикъ весною окрашенъ въ черный цвѣтъ, съ фіолетовымъ и зеленымъ металлическимъ отливомъ, особенно яркимъ и красивымъ на груди; клювъ желтый, ноги буровато-красныя. Осенью, послѣ линянія, всѣ новыя перышки имѣютъ бѣлые кончики, и тогда скворецъ является пестрымъ. Клювъ къ осени изъ желтаго становится чернымъ, затѣмъ въ теченіе зимы постепенно желтѣетъ, отъ основанія къ концу, и къ маю мѣсяцу становится снова лимонно-желтымъ. Въ то же время постепенно пропадаютъ (обтираются) бѣлые кончики перышекъ, и скворецъ изъ пестраго становится мало-по-малу чернымъ. Самочка совсѣмъ черною никогда не бываетъ, а всегда пестровата, потому что кончики ея перышекъ всегда остаются болѣе или менѣе бѣлыми; клювъ у нея блѣдно-желтый. Молодые скворчата, до первой линьки (происходящей въ концѣ лѣта) имѣютъ сѣровато-бурое опереніе—на горлышкѣ слегка бѣловатое—и черный клювъ; перелинявши, осенью, они становятся такими же пестрыми, какъ и старыя скворцы.



Скворецъ.

Водится скворецъ по всей Россіи—отъ Лапландіи до Крыма и Кавказа. Почти повсюду онъ весьма многочисленъ и обыкновененъ, и повсюду является птицей перелетной: отлетаетъ на зиму на югъ, весною же однимъ изъ первыхъ возвращается обратно на свою родину (въ окрестностяхъ Петербурга скворцы появляются обыкновенно около середины марта).

Первыхъ прилетныхъ скворцовъ можно видѣть сидящими небольшими стайками, рядышкомъ, на полевыхъ сараяхъ, на крестахъ сельскихъ церквей, на отдѣльно стоящихъ въ полѣ деревьяхъ и тому подобныхъ выдающихся мѣстахъ. Пролетныя стаи (т.-е. тѣ, которыя направляются дальше къ сѣверу) летятъ всегда высоко, быстро и кучно, прилетныя же (которыя будутъ гнѣздиться у насъ), напротивъ, летятъ низко, кружатся и наконецъ опускаются. Самочки появляются обыкновенно 10—12 днями позже самцовъ, отдѣльными стаями.

Въ первое время по прилетѣ, весь мартъ и начало апрѣля, скворцы мало держатся около скворечницъ (или вообще мѣстъ своихъ гнѣздовій), а больше проводятъ время на поляхъ, лугахъ, рѣчныхъ долинахъ, огородахъ, гдѣ на проталинахъ снискиваютъ себѣ, въ это время еще весьма скудное, пропитаніе. Если же проталинъ еще мало (послѣ очень снѣжныхъ зимъ), то скворцы кормятся по навознымъ кучамъ и дорогамъ, отыскивая въ навозѣ червей и уцѣлѣвшія зерна.

Около середины апрѣля начинаются хлопоты по устройству гнѣзда, мѣстомъ для котораго служатъ дуплистыя старыя деревья—въ лѣсахъ, рощахъ, садахъ и паркахъ, а также разбросанныя одиночно по полямъ и лугамъ. Или же для этого служатъ нарочно устраиваемыя для скворцовъ жилища—скворечницы.—Скворецъ птица въ высшей степени полезная (о чемъ подробнѣе рѣчь будетъ еще впереди). Народъ давно уже это подмѣтилъ, въ особенности огородники, а потому во многихъ мѣстностяхъ можно видѣть, по селамъ, деревнямъ и пригородамъ, прилаженные на деревьяхъ, а то и просто на воткнутыхъ въ землю длинныхъ шестахъ, домики для скворечьихъ гнѣздъ. Къ сожалѣнію, далеко не вездѣ существуетъ этотъ прекрасный и заслуживающій самаго широкаго распространенія обычай—ставить скворечницы. Смастерить же скворечницу дѣло весьма простое: взять нѣсколько досчечекъ, сколотить изъ нихъ ящичекъ въ 11—12 вершк. высотой и  $4\frac{1}{2}$  вершк. шириною въ обѣ стороны (въ



квадратномъ сѣченіи), продѣлать, отступя на 2 вершка отъ верха, лѣтку—круглое отверстіе въ 2 дюйма ( $1\frac{1}{8}$  вершка) въ поперечникѣ, — вотъ скворечница и готова. вмѣсто досчатаго ящичка можетъ служить также выдолбленный отрубокъ дерева (дуплянка) соответствующихъ размѣровъ, съ наколоченными донышкомъ и крышкой. Подъ лѣткой можно воткнуть палочку, которая будетъ служить жердочкой для сидѣнія. Ящичекъ (или отрубокъ) долженъ быть непременно глубокий (не менѣе 11 вершк.), для того, чтобы кошка, запустивъ лапу въ лѣтку, не могла достать птенцовъ или сидящую на гнѣздѣ скворчиху. Въ особенности лѣтка не должна быть слишкомъ широкою, чтобы въ нее не могли забираться разные охотники до скворечныхъ яицъ и птенцовъ (вороны, сороки, сойки, бѣлки); старый опытный скворецъ и гнѣздиться не станетъ въ такой скворечнѣ. Переузить лѣтку настолько, что скворецъ не въ состояніи будетъ въ нее пролѣзть, само собою разумѣется, также не годится. Въ видахъ безопасности гнѣзда отъ непрошенныхъ гостей, иногда дѣлаютъ въ скворечницѣ, на половинѣ ея высоты, поперечную перегородку, съ круглымъ отверстіемъ въ серединѣ.—Привязывать скворечницу къ дереву (или шесту) слѣдуетъ возможно выше: и дальше видно — скворцы скорѣе найдутъ — да и отъ кошекъ безопаснѣе. Кромѣ того, лѣтку слѣдуетъ оборачивать на полдень — къ югу, а не на сѣверъ, чего также птицы не любятъ. Если скворечница ставится не на деревѣ, а на шестѣ, то къ верхнему концу его нужно привязать вѣтвистую хворостину, на которой скворецъ будетъ распѣвать свои пѣсни, въ то время какъ скворчиха будетъ сидѣть на гнѣздѣ.

Привязывать скворечницу надо прочно, надежно, чтобы ее не сбросило вѣтромъ. Скворецъ птица очень умная — внимательно осмотритъ свое будущее жилище со всѣхъ сторонъ, прежде чѣмъ въ немъ поселиться, и чуть что не ладно — бросить, и скворечница будетъ пустовать. Расскажу по этому поводу случай, бывший со мною: задумали мы, съ братомъ, поставить въ садикѣ, на высокой березѣ, надъ самымъ балкономъ нашего дома, скворечницу, сдѣланную прекрасно, по всѣмъ правиламъ. Постановка была поручена кучеру. На другой же день мы имѣли радость замѣтить, что пара скворцовъ усердно стала таскать въ нашу скворечницу разныя былиночки, мочалочки, соломенки, перышки и т. п. матеріалъ для гнѣзда. Работа скворцовъ продолжалась

два дня, съ утра до вечера, при чемъ самчикъ находилъ все-таки еще время улаживать нашъ слухъ своими веселыми, болтливыми пѣснями. На третій день скворцы исчезли; на четвертый также не показывались, и мы съ братомъ, весьма огорченные тѣмъ, что скворцы бросили нашу скворечницу, ломали себѣ головы надъ вопросомъ—что могло бы имъ въ ней не понравиться? Дня черезъ два или три загадка разъяснилась: выйдя утромъ, послѣ бурной ночи, въ нашъ садикъ, мы нашли скворечницу лежащею на землѣ. Кучеръ, которому поручено было привязать ее къ дереву, взялъ, недолго думая, первую попавшуюся веревку, да ею и привязалъ, а веревка-то оказалась гнилою. Умныя птицы, очевидно, замѣтили неблагонадежность прикрѣпленія скворечницы и не пожелали подвергать риску себя и свое потомство.

Если желательно привлечь къ данному мѣсту большое количество скворцовъ, то, вмѣсто постановки большого числа отдѣльных скворечницъ, что будетъ слишкомъ хлопотливо, можно устраивать, такъ сказать, семейныя скворечницы: укрѣпить подъ свѣсомъ крыши одинъ длинный ящикъ съ нѣсколькими лѣтками, при чемъ даже нѣтъ надобности раздѣлять гнѣзда между собою перегородками.

Около 1-го мая въ гнѣздѣ скворца находятся уже, обыкновенно, 6—7 гладкихъ (безъ крапинъ) свѣтло-голубыхъ яичекъ, а къ 15—20 мая—уже и молодые скворчата. Эти послѣдніе скоро подрастаютъ и къ началу іюня обыкновенно уже вылетаютъ изъ гнѣзда.

На югѣ, гдѣ скворцы дѣлаютъ большею частію два вывода въ лѣто, старики остаются при птенцахъ недѣли двѣ, пока скворчата не сдѣлаются настолько самостоятельными, что могутъ уже сами добывать себѣ пищу. Въ это время, семьи и небольшія стайки скворцовъ можно видѣть на окрестныхъ поляхъ и лугахъ, очень ловко бѣгающими и копающимися въ травѣ, при безпрестанномъ перекликаніи другъ съ дружкой, особеннымъ, своеобразнымъ, не громкимъ крикомъ, отчасти напоминающимъ крикъ молодыхъ галчатъ въ гнѣздѣ.

Когда молодые скворчата станутъ вполне самостоятельны, старики снова возвращаются къ своимъ гнѣздамъ и приступаютъ ко второму выводу. По окончаніи гнѣздовыхъ дѣлъ они соединяются, семья съ семьей, въ громадныя, нерѣдко многотысячныя, стаи, въ которыхъ и держатся до самаго отлета, летая и кормясь, преимущественно, по лугамъ рѣчныхъ долинъ. Цѣлыми тучами

носятся тогда скворцы, днемъ—по лугамъ и выгонамъ, на ночь же сваливаются въ прибрежные камыши и тальники (ивняки) разсѣвшись по которымъ, провожаютъ день неимовѣрнымъ шумомъ и гамомъ и успокаиваются лишь съ наступленіемъ темноты. Стаи скворцовъ особенно охотно посѣщаютъ выгоны, гдѣ пастется домашній скотъ, съ котораго (въ особенности овецъ) эти птицы прилежно обираютъ всякихъ паразитовъ.

Передъ наступленіемъ поры отлета (приходящейся въ сѣверной и средней Россіи, обыкновенно, на первыя числа сентября) старики возвращаются на нѣсколько дней къ своимъ гнѣздовьямъ, распѣваютъ здѣсь свои пѣсни, какъ бы прощаясь съ родными мѣстами, и затѣмъ исчезаютъ до весны. Стая за стаей снимаются скворцы съ полей и луговъ своей родины и направляются на югъ—въ теплыя, хотя и не особенно далекія, страны. Въ своихъ странствованіяхъ они не залетаютъ далѣе сѣверной Африки, большинство же скворцовъ проводятъ зиму на южныхъ полуостровахъ Европы (въ Испаніи, Италіи, Греціи), при чемъ, въ противоположность большинству остальныхъ пѣвчихъ птицъ, распѣваютъ свои пѣсни и на зимнихъ квартирахъ. Тамъ они продолжаютъ вести такой же образъ жизни, какой вели и у насъ осенью: кочуютъ стаями по лугамъ рѣчныхъ долинъ, большею частію въ сообществѣ дроздовъ и воронъ. Извѣстны случаи зимовки небольшихъ группъ скворцовъ на побережьи Финскаго залива и Балтійскаго моря (около Выборга и Либавы).

Выше было уже упомянуто, что скворецъ птица очень полезная. Приносимая имъ польза заключается въ уничтоженіи громаднаго количества гусеницъ, личинокъ, бабочекъ, жуковъ и червей, а главное—множества улитокъ и вообще всякаго рода слизняковъ, до которыхъ скворецъ особенно лакомъ. Одинъ нѣмецкій ученый <sup>1)</sup>, большой любитель скворцовъ и знатокъ ихъ образа жизни, на основаніи многолѣтнихъ наблюденій надъ этими птицами, высчиталъ, что одна семья скворцовъ (2 взрослыхъ и 5 птенцовъ) съѣдаетъ каждый день болѣе 360-ти большихъ жирныхъ улитокъ. Какое же, слѣдовательно, громадное количество улитокъ уничтожается всѣми скворцами данной мѣстности, въ теченіе всего времени вывода дѣтей! Огородники хорошо знаютъ, какой вредъ причиняютъ имъ улитки, а потому и заботятся о

<sup>1)</sup> Ленцъ.

привлеченіи къ своимъ огородамъ злѣйшихъ враговъ этихъ вредныхъ животныхъ—скворцовъ, для чего и выставляютъ скворечницы. Также, и столь вредныхъ майскихъ жуковъ и ихъ жирныхъ личинокъ во множествѣ уничтожаютъ скворцы, равно какъ и жуковъ-долгоносиковъ (слониковъ), изъ которыхъ многіе принадлежатъ къ числу весьма вредныхъ для лѣса насѣкомыхъ.

Правда, лакомые до сочныхъ ягодъ, скворцы причиняютъ нѣкоторый вредъ вишневымъ садамъ, а виноградникамъ нерѣдко наносятъ даже весьма серьезные изъязы; но та чрезвычайная польза, которую приносятъ скворецъ уничтоженіемъ вредныхъ тварей, сторицею покрываетъ ущербъ, иногда причиняемый намъ этой птицей. Заграницей образованные владѣльцы виноградныхъ садовъ давно уже перестали преслѣдовать скворца за причиняемый имъ изъязъ зрѣлому винограду, потому, что, съ другой стороны, убѣдились въ той громадной, хотя и не столь бросающейся въ глаза, пользѣ, которую приносятъ тотъ же скворецъ, уничтожая въ ихъ виноградникахъ очень вредную виноградную улитку <sup>1)</sup>. Впрочемъ, бываютъ случаи, когда скворцы такими несмѣтными стаями нападаютъ на виноградники (напр. въ Закавказьи), что волей-неволей приходится браться и за ружья.

Скворца часто держатъ въ комнатѣ, какъ чрезвычайно забавную и веселую птицу. Своими манерами онъ во многомъ напоминаетъ обезьяну. Взятый молодымъ изъ гнѣзда, скворчикъ быстро становится совершенно ручнымъ и доставляетъ много потѣхи и удовольствія хозяину (имѣя, впрочемъ, одинъ большой недостатокъ—сильно грязнить клѣтку). Скворецъ легко выучивается разнымъ штукамъ и фокусамъ, перенимаетъ голоса и пѣсни другихъ комнатныхъ птицъ, выучивается насвистывать разные мелодіи и пѣсенки, и даже—говорить. И на волѣ скворецъ также перенимаетъ и влетаетъ въ свои пѣсни разные посторонніе звуки,—преимущественно голоса другихъ птицъ. Такъ, нерѣдко можно слышать среди пѣсни вольнаго скворца какъ бы отдаленный свистъ иволги, флейтовые переливы пѣночки, сладкозвучную строфу чечевицы, пиньканье зяблика и проч. Однажды мнѣ случилось слышать, на волѣ, скворца, замѣчательно подражавшаго, среди своей болтовни и трескотни, водопойному свисту кучера, весеннему крику утокъ, гоняемыхъ по

<sup>1)</sup> *Helix pomatia*, L.

водѣ селезнемъ, ржанію жеребенка и голосамъ какихъ-то мнѣ незнакомыхъ птицъ, слышанныхъ этимъ скворцомъ, вѣроятно, на далекомъ югѣ, во время пребыванія на зимнихъ квартирахъ.

Извѣстно не мало примѣровъ замѣчательныхъ говоруновъ между скворцами. Мнѣ лично привелось видѣть только одного говорящаго скворца (не изъ первоклассныхъ), находившагося у одного изъ моихъ знакомыхъ. Скворецъ этотъ говорилъ слѣдующія слова и фразы: «Миша» (его такъ звали), «Мишечка, Мишуша, Мишурочка, душечка. Здравствуй, Сашечка. Прощай, Мишуша. Миша, спой пѣсенку». Послѣ этихъ послѣднихъ словъ онъ всегда начиналъ насвистывать «Чирика»— первое колѣно правильно и отчетливо, но на второмъ большею частію сбивался и переходилъ на слова: «Миша, Мишечка, спой пѣсенку», и снова начиналъ насвистывать «Чирика». Все это произносилось скороговоркой и чрезвычайно забавно.

Кормить скворца въ неволѣ можно самой разнообразной пищей: муравьиными яйцами (свѣжими и сухими), хлѣбомъ, кашей, мясомъ, зеленью, творогомъ,—вообще, почти всѣмъ тѣмъ, что и мы сами ѣдимъ. Не слѣдуетъ только слишкомъ его закармливать (скворецъ птица очень прожорливая): давать кормъ съ утра нужно не весь сразу, а раздѣлять дневную порцію на три части. Купанье для скворца необходимо,—онъ страстно любитъ подолгу полоскаться въ свѣжей водѣ.

На Табл. XVIII (вмѣстѣ съ лѣснымъ конькомъ) изображенъ близкій родственникъ нашего скворца и одна изъ красивѣйшихъ европейскихъ птицъ—розовый скворецъ <sup>1)</sup>. Эта птица встрѣчается у насъ только на югѣ, и лишь изрѣдка залетаетъ въ среднюю и западную Россію. Зимуетъ въ Индіи, розовый скворецъ прилетаетъ весной гнѣздиться въ южную Россію, иногда многотысячными стаями.

Любимую пищу розоваго скворца составляетъ саранча, за которою эта птица слѣдуетъ иногда въ несмѣтномъ количествѣ. Уничтожая во множествѣ саранчу—этотъ страшный бичъ степного хлѣбопашества—розовый скворецъ оказываетъ огромныя услуги степнымъ хозяевамъ и является одною изъ полезнѣйшихъ птицъ для земледѣлія.

<sup>1)</sup> Pastor roseus.—Каменный скворецъ; шрикунъ.



## Сойка<sup>1)</sup>.

(Табл. XII).

«Кабы на сойку да не свой язычекъ».  
Пословица.



ЕКОМЕНДУЮ особенному вниманію читателя эту птицу — близкую родственницу «черной семьи»<sup>2)</sup>. Величиною почти съ галку, она весьма обыкновенна повсюду въ нашихъ лѣсахъ, а также нерѣдко залетаетъ въ сады и парки, въ особенности въ то время, когда на дубахъ созрѣютъ желуди, до которыхъ сойка большая охотница. Заслуживаетъ она вниманія въ нѣсколькихъ отношеніяхъ.

Во-первыхъ, сойка птица очень красивая (что можно видѣть изъ Табл. XII, на которой изображена эта птица).

Затѣмъ, она заслуживаетъ вниманія своимъ талантомъ подражать голосамъ другихъ птицъ. Хотя и нельзя сказать, чтобы сойка принадлежала къ числу первоклассныхъ нашихъ «пересмѣшниковъ», но все-таки она подражаетъ иногда весьма недурно голосу той или другой птицы, при чемъ пересмѣшиваетъ, обыкновенно, голоса разныхъ птицъ въ пестрой болтовнѣ, произносимой всегда вполголоса. Никогда не забуду, какъ однажды, когда мнѣ не была еще извѣстна эта способность сойки, одна изъ этихъ птицъ добрыхъ пять минутъ морочила меня, сидя высоко

<sup>1)</sup> *Garrulus glandarius*.—Куронжа, ронжа (Казанск.); дикая сорока, лѣсная сорока, дикая кошка (Оренбургск.); ронжа (Боровичск.).

<sup>2)</sup> О птицахъ «черной семьи» (вороньяго рода) мною написана особая книжечка («Черная семья». Изд. А. С. Суворина).



1. Сойка (*Garrulus glandarius*).
2. Орѣховка (*Nucifraga caryocatactes*).
3. Черный дятель, желна (*Picus martius*)

на старой большой березѣ, одиноко стоявшей на полѣ, шагахъ въ ста отъ лѣсной опушки. Случайно сѣвъ подѣ эту березу—отдохнуть и послушать пѣсенъ только что дня три передѣ тѣмъ прилетѣвшихъ жаворонковъ—я вскорѣ былъ пріятно возбужденъ, услышавъ надъ собою тихій, протяжный свистъ скворца. Свистъ повторился нѣсколько разъ, съ небольшими промежутками, совершенно такъ, какъ это дѣлаетъ скворецъ. Между тѣмъ скворцовъ не было еще въ прилетѣ, хотя уже ихъ давно можно было ожидать. Я вынулъ было уже записную книжку, чтобы занести въ нее «перваго скворца», какъ вдругъ надо мной раздалось «чакъ-чакъ» дрозда-рябинника, тотчасъ смѣнившееся какъ бы отдаленнымъ стрекотаніемъ сороки, въ перемежку съ какими-то особенными звуками, въ родѣ тихаго мяуканья. Поднявшись осторожно съ земли и отойдя безшумно нѣсколько шаговъ въ сторону, я, послѣ непродолжительнаго внимательнаго осмотра дерева, открылъ на одной изъ его вѣтокъ сойку. Почти въ тотъ же моментъ и она меня замѣтила, и съ рѣзкимъ, непріятнымъ крикомъ «крре-крре» снялась съ дерева и полетѣла, своимъ плохимъ, какъ бы порхающимъ полетомъ, по направленію къ лѣсу.

Сойка, подобно своимъ родственникамъ изъ «черной семьи», птица весьма богато одаренная и имѣетъ съ ними много общаго,—въ особенности съ сорокой. Такая же она беспокойная, подвижная, умная и хитрая птица, какъ и «бѣлобокая стрекотунья»; такая же всеядная и такая же—даже еще въ большей степени—разорительница гнѣздъ маленькихъ птичекъ, и именно птичекъ, выющихъ свои гнѣзда на деревьяхъ и въ кустахъ лѣсовъ, садовъ и парковъ. (Для полевыхъ птицъ сойка почти не опасна, потому что она, какъ плохая летунья, не любитъ открытаго поля, на которомъ легко сама попадаетъ въ когти ястреба и другихъ пернатыхъ хищниковъ, которыхъ боится до страсти). Безпрестанно и съ большою ловкостью шныряя между вѣтвями деревьевъ, сойка, своимъ острымъ и опытнымъ глазомъ, легко открываетъ, даже въ самомъ потайномъ мѣстечкѣ, гнѣздо, съ положенными въ него яйцами или выведенными уже птенчиками. Найдя его, она тотчасъ же, несмотря на отчаянные жалобные крики его владѣльцевъ, разбиваетъ и выпиваетъ яйца; птенчиковъ же, одного за другимъ, выхватываетъ изъ гнѣзда и тутъ же, на вѣткѣ, убиваетъ и съѣдаетъ по частямъ, или же, если у нея самой въ это время въ гнѣздѣ есть молодые, перетаскиваетъ,

поочередно, въ свое гнѣздо и скармливаетъ ихъ своимъ птенцамъ. Даже вылетѣвшихъ уже изъ гнѣзда птенцовъ сумѣетъ она разыскать; подобравшись къ нимъ съ самымъ невиннымъ видомъ, напѣвая и бормоча про себя, вполголоса, внезапно бросается, уловивъ удобную минуту, на того или другого птенчика, и перелавливаетъ такимъ образомъ всѣхъ по очереди.

Смѣло можно сказать, что изъ числа всѣхъ нашихъ птицъ нѣтъ ни одной, которая причиняла бы столько вреда мелкимъ лѣснымъ птишкамъ, какъ сойка. Если лѣсничій желаетъ сохранить для своего лѣса маленькихъ пернатыхъ лѣсоохранителей, очищающихъ деревья отъ разныхъ вредныхъ личинокъ, жуковъ и гусеницъ, то долженъ держать соекъ въ почтительномъ отдаленіи отъ границъ своего лѣса. Въ такомъ мнѣніи сходятся всѣ наиболѣе авторитетные знатоки пернатого міра. Правда, кое-что можно зачестъ сойкѣ и въ заслугу: такъ, побѣдая, между прочимъ, мышей и разныхъ насѣкомыхъ—въ томъ числѣ, вѣроятно, и не мало вредныхъ, она—конечно, приноситъ нѣкоторую пользу. Также, роняя во время перелетовъ желуди, несомыя въ клювъ, или запрытывая ихъ подъ мохъ и опавшую листву, сойка въ теченіе своей жизни, можетъ быть, и посѣетъ такимъ образомъ не одинъ десятокъ дубковъ, но—всего этого слишкомъ мало для того, чтобы покрыть тотъ вредъ, который она приноситъ своимъ кровожаднымъ хищничествомъ среди полезныхъ птицъ.

Сойка тоже очень лакома на разнаго рода сочные фрукты и плоды. Лѣсные орѣхи она искусно раскалываетъ ударами своего крѣпкаго клюва; желуди же предварительно размягчаетъ въ зобу, затѣмъ, выбросивъ ихъ обратно, шелушитъ и съѣдаетъ зерно.

Къ выводу молодыхъ сойка приступаетъ очень рано: нерѣдко уже въ концѣ марта начинается постройка гнѣзда, помѣщающагося, обыкновенно, не высоко на деревѣ, а въ срединѣ апрѣля въ немъ можно найти 5—9 блѣдно-зеленоватыхъ, съ бурыми крапинами, яицъ.

Сойка птица осѣдлая и круглый годъ держится облюбованнаго мѣста, дѣлая только небольшіе перелеты въ разные стороны, въ поискахъ за пищей. При этомъ она регулярно, въ извѣстное время года и даже дня, посѣщаетъ извѣстныя мѣста. Такъ, напримѣръ, уже много лѣтъ къ ряду нѣсколько соекъ ежедневно прилетаютъ, въ концѣ сентября, въ теченіе 1—2 недѣль, въ паркъ Лѣснаго Института собирать желуди съ дубовыхъ деревьевъ нашего парка.



Взятая молодою изъ гнѣзда, сойка легко выкармливается и доставляетъ много забавы и удовольствія своему хозяину; она даже выучивается говорить нѣсколько словъ. Просторная клѣтка въ комнатѣ—единственное мѣсто, въ которомъ другъ пернатого царства можетъ спокойно видѣть этого красиваго разбойника...

Само собою разумѣется, что сойку нельзя сажать въ общую клѣтку съ другими маленькими птицами, гдѣ она тотчасъ же дастъ себя знать...

Кормить сойку можно всѣмъ, чѣмъ угодно: мясомъ (сырымъ, варенымъ и жаренымъ), творогомъ, сыромъ, хлѣбомъ, желудями и т. п.,—ей все годится.

Вышеприведенная пословица—«кабы на сойку да не свой язычекъ»—сложилась, вѣроятно, вслѣдствіе того, что сойка, своимъ рѣзкимъ, далеко слышнымъ и часто повторяемымъ крикомъ, еще издали даетъ знать о своемъ присутствіи, почему и попадаетъ часто на выстрѣлъ охотника, а также и въ когти хищника, являющагося на этотъ крикъ.

При нынѣшней модѣ на красивыя птичьи перья и крылышки (для дамскихъ нарядовъ), за убитую сойку платятъ хорошія деньги.

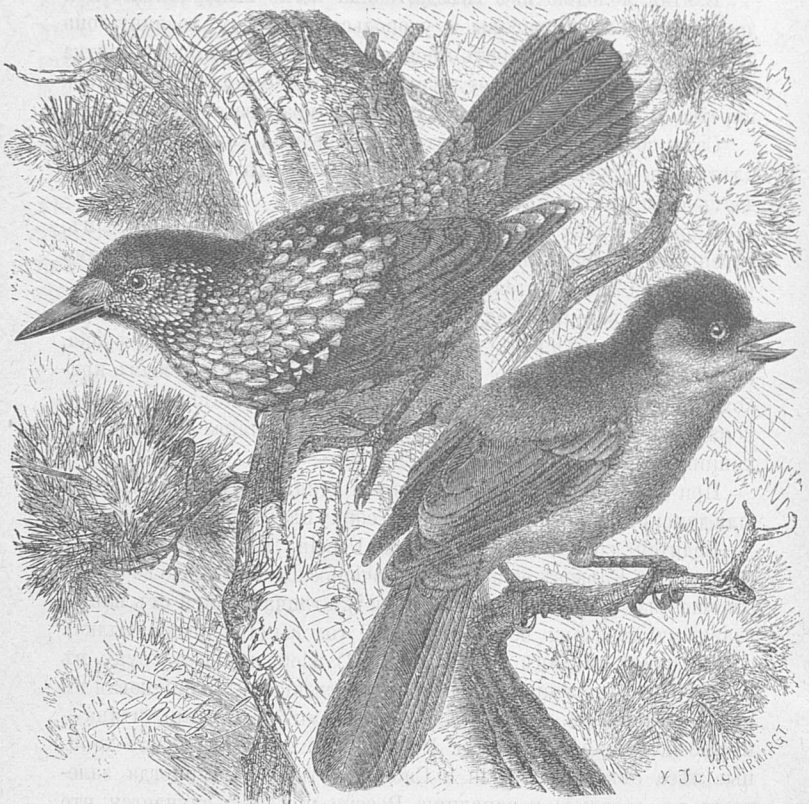
Водится сойка почти во всей Россіи. На южномъ берегу Крыма и на Кавказѣ ее замѣняетъ очень сходная съ нею во всѣхъ отношеніяхъ сойка черноголовая <sup>1)</sup>, отличающаяся отъ нашей главнымъ образомъ черной окраской головы (темени и затылка).

На одной таблицѣ съ сойкой (XII) изображена, на суку, въ нѣкоторомъ отдаленіи, ея близкая родственница и одинаковая съ нею по величинѣ, темнобурая, съ бѣлыми крапинами, птица—кедровка или орѣховка <sup>2)</sup>. Родина этой птицы—большіе хвойные лѣса сѣверной Россіи и Сибири, откуда она иногда залетаетъ въ среднюю и западную Россію, при чемъ случается, что пара-другая остается и гнѣздится въ новой мѣстности, какъ это, напримѣръ, неоднократно наблюдалось въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Въ иные годы орѣховки объявляются у насъ массами, какъ это, напримѣръ, было въ 1868 г. Съ первыхъ чиселъ августа, до самаго почти снѣга, этихъ рѣдкихъ у насъ птицъ можно было встрѣтить, какъ говорится, чуть не на каждомъ шагу, въ хвойныхъ лѣсахъ окрестностей Лѣсного (подъ Петербургомъ). Онѣ

<sup>1)</sup> *Garrulus Krynickii*.

<sup>2)</sup> *Nucifraga caryocatactes*.





1. Орѣховка.—2. Кукуша.

расхаживали тогда по дорогамъ словно вороны, подпуская къ себѣ экипажъ на нѣсколько шаговъ. Съ тѣхъ поръ мнѣ больше не случилось встрѣчать въ нашихъ краяхъ орѣховокъ.

Любимой пищей орѣховокъ служатъ кедровые орѣшки, во множествѣ истребляемые этими птицами по кедровникамъ, произрастающимъ на ихъ родинѣ (откуда, конечно, произошло и названіе—орѣховка). Въ особенно суровыя зимы и въ неурожайные на кедровые орѣхи годы, орѣховки приближаются къ чело-

вѣческимъ жилищамъ—снискивать себѣ около человѣка насущное пропитаніе, при чемъ забираются даже иногда въ сѣни домовъ.

Въ лѣсахъ сѣверной Россіи водится еще одна близкая родственница нашей сойки—кукша<sup>1)</sup>. Поменьше сойки, но весьма сходная съ нею складомъ, кукша, въ общемъ, представляется окрашенною въ сѣро-кофейный цвѣтъ, съ черно-бурой головой и ржаво-красными хвостомъ и передними частями крыльевъ. Къ зимѣ она спускается немного въ югу и изрѣдка встрѣчается позднею осенью въ лѣсахъ окрестностей Петербурга. Въ противоположность сойкѣ, кукша птица чрезвычайно довѣрчивая и неосторожная; она легко подпускаетъ къ себѣ человѣка на нѣсколько шаговъ разстоянія. Название свое получила за громкій и звонкій крикъ «кукъ, кукъ, кукъ», часто издаваемый ею при перелетываніи съ мѣста на мѣсто.

<sup>1)</sup> *Garrulus infaustus*.—Ронжа (Казанск.); островная сойка (Гдовск.); кукша, купецъ (у поморовъ).

## УДОДЪ<sup>1)</sup>.



Ахъ, ты, степь моя,  
Степь привольная!  
Широко ты, степь,  
Пораскинулась,  
Къ морю Черному  
Понадвинулась.

А. Кольцовъ.

РЕДИ нашего пернатого царства мало есть представителей, которые такъ привлекали бы къ себѣ вниманіе человѣка своею внѣшностью и голосомъ, какъ удождь. На прилагаемомъ при семъ рисункѣ изображенъ прекрасный «портретъ» этой птицы (только для полноты «портрета» я попрошу читателя мысленно окрасить сѣрый цвѣтъ хохла, головы, шеи, груди и верхней части спины въ красновато-песочный цвѣтъ). Неправда ли, какая курьезная, единственная въ своемъ родѣ птица! Совсѣмъ какой-нибудь предводитель индѣйскаго племени! Даже когда хохолъ удода опущенъ или, вѣрнѣе, сложенъ (на манеръ вѣера), то и тогда эта птица имѣетъ все-таки какой-то чудной видъ, благодаря своему длинному, тонкому клюву и торчащему съ противоположной стороны длинному, остроконечному, пестрому хохлу.

Съ удодами хорошо знакомы, впрочемъ, только жители южной половины Россіи (приблизительно къ югу отъ линіи Рига—Уфа), гдѣ эта птица почти повсюду болѣе или менѣе обыкновенна, въ

---

<sup>1)</sup> Урира ерорс. Потатуйка, лѣсной голландскій пѣтушокъ; одудъ, пустушка, удождь (Малоросс.); пустушка, бубудунъ (устье Волги). Длина птицы 11  $\frac{1}{2}$  дюйм. (29 сантим.)

особенности на крайнемъ югѣ. Въ средней Россіи удо́дь является птицей болѣе или менѣе рѣдкой; на сѣверѣ не водится вовсе. Впрочемъ, подѣ Петербургомъ изрѣдка наблюдали эту птицу; это были, конечно, залетные, заблудившіеся экземпляры.



Удо́дь.

Весной, по возвращеніи изъ далекихъ теплыхъ странъ, куда удо́дь улетаетъ на зимнее время, онъ тотчасъ же даетъ о себѣ знать своимъ, единственнымъ въ своемъ родѣ, крикомъ: «уцупупъ» или «утутутъ»; отсюда, по всей вѣроятности, произошло и названіе

удодѣ. (Одна моя знакомая, молоденькая барынька, переселившаяся изъ многолюдной и веселой столицы на одинокій хуторъ, стоящій среди унылой каменистой степи окрестностей Севастополя, весьма удачно перевела крикъ удода словами: «худо-туть»...). Этотъ своеобразный, глухой и въ то же время далеко слышный, крикъ раздается въ весеннее время безпрестанно, въ теченіе цѣлаго дня, и въ особенности по утреннимъ и вечернимъ зорямъ; во второй половинѣ іюня онъ уже слышится рѣже, а къ іюлю и вовсе умолкаетъ.

Любимыми мѣстами обитанія удода являются луга и выгоны, съ немногими, единично растущими на нихъ, старыми ветлами и другими деревьями, въ дуплахъ которыхъ эта птица охотно помѣщаетъ свои гнѣзда. Въ степныхъ мѣстностяхъ удода держатся, обыкновенно, вблизи хуторовъ и другихъ человѣческихъ жилищъ. Сплошного лѣса эта птица не любитъ, и только иногда, временно, посѣщаетъ его, скрываясь отъ преслѣдованій.

Отличительной чертой характера удода является необычайная пугливость; даже близко пролетѣвшая ласточка его пугаетъ. Въ особенный же ужасъ приводитъ удода появленіе какой-нибудь хищной птицы: онъ тотчасъ же бросается тогда на землю, съ распластанными крыльями и хвостомъ, и задираетъ кверху, почти отвѣсно, свой длинный носъ. Въ такомъ странномъ положеніи, удода скорѣе похожъ на какой-нибудь пестрый лоскутокъ, чѣмъ на птицу, и это нерѣдко спасаетъ его отъ когтей хищника,—онъ остается не замѣченнымъ. Впрочемъ, молодые удода не такъ боязливы. Мнѣ не разъ случалось (въ степной части Крыма), сидя утромъ на балконѣ, за чайнымъ столомъ, кормить кусочками булки молодыхъ удодовъ, акуратно прилетавшихъ каждое утро къ балкону.

Главную пищу этой птицы составляютъ разные черви, личинки и жуки, живущіе въ пометѣ рогатаго скота и другихъ животныхъ; отсюда особое пристрастіе удода къ выгонамъ. Онъ долгу копается и ковыряетъ своимъ длиннымъ изогнутымъ клювомъ въ коровьемъ навозѣ и достаетъ себѣ оттуда лакомые кусочки. Раздобывъ навознаго жука, удода предварительно размозжаетъ его многочисленными ударами о твердую землю, при чемъ отламываются и отскакиваютъ жесткія надкрылья и твердые щитики жука; затѣмъ, обработанный такимъ образомъ жукъ подбрасывается кверху и ловится въ широко раскрытый ротъ. Про-



глотить жука обыкновеннымъ манеромъ, какъ это дѣлають другія птицы, удода не можетъ, потому что языкъ у него очень коротокъ: онъ имѣетъ треугольную форму, и длина его почти равняется ширинѣ. Вотъ почему и молодыхъ удодовъ, взятыхъ изъ гнѣзда, можно выкормить не иначе, какъ пихая имъ пищу въ глотку пальцемъ, такъ какъ они не могутъ сами препроводить въ ротъ захваченную клювомъ пищу и выучиваются этому лишь впоследствии.

Гнѣздо свое удода особенно охотно помѣщаетъ, какъ уже было упомянуто выше, въ одиноко стоящихъ, по выгонамъ, дорогамъ и берегамъ рѣкъ, дуплистыхъ деревьяхъ, а также въ отверстіяхъ и щеляхъ каменныхъ стѣнъ и заборовъ. Самочка кладетъ 4—7, сравнительно небольшихъ, очень продолговатыхъ яичекъ, весьма непостоянной окраски; чаще всего встрѣчаются сѣровато- или желтовато-зеленые. Высиживание продолжается 16 дней.

Про удодовъ сложилась дурная слава, будто они никогда не чистятъ своихъ гнѣздъ, вслѣдствіе чего молодые, вырастая въ отвратительной грязи, первое время по вылетѣ изъ гнѣзда издаютъ отъ себя очень дурной запахъ. Такъ какъ, съ другой стороны, есть указанія на нахождение удодовыхъ гнѣздъ, вовсе не отличающихся особенной нечистотой и дурнымъ запахомъ, то изъ этого можно заключить, что не все удода такія неряхи, какими ихъ прославили.

Вынутый изъ гнѣзда и выкормленный изъ рукъ, удода приручается очень хорошо и становится въ высшей степени забавной и милой птицей. Онъ, какъ собака, всюду слѣдуетъ за своимъ хозяиномъ—какъ по комнатамъ, такъ и на дворѣ—и доставляетъ много забавы своими смѣшными ужимками. Выкармливать молодыхъ удодовъ лучше всего свѣжими муравьиными яйцами, въ перемежку со свѣжимъ творогомъ и червеобразно-наръзанными кусочками сырого или варенаго бычачьяго сердца.

# Зимородокъ<sup>1)</sup>.

(Табл. XXIII).



А подъ горою бесѣдуютъ воды  
Съ вѣтками ивъ и съ камнями;  
Шепчутся тайно древесные своды,  
Держать совѣтъ съ облачками.

Н. Щербина.

ДИВИТЕЛЬНАЯ птица-рыбакъ, замѣчательно красиво окрашенная. Когда зимородокъ пролетаетъ низко надъ поверхностью рѣчки, освѣщенный яркими лучами солнца, то можно подумать, что эта птица покрыта сверху зеленовато-голубымъ перламутромъ—такъ чѣдно играютъ на солнцѣ ея головка, спинка и крылья, раскрашенные въ разные оттѣнки голубого (бирюзоваго) и аквамаринаваго цвѣта. Если же смотрѣть спереди на сидящаго зимородка, то въ глаза бросается преимущественно красно-коричневый цвѣтъ его нижней стороны—груди и брюшка.

По цѣлымъ часамъ, неподвижно, какъ истый рыбакъ, сидитъ эта удивительная птичка на какомъ-нибудь выдающемся прибрежномъ камнѣ, или на свѣсившейся надъ водою вѣткѣ—въ тихомъ, уединенномъ, находящемся въ сторонѣ отъ людского движенія, мѣстѣ—и упорно смотритъ въ воду. Вдругъ, сильно вытянувъ книзу шею, стрѣлою бросается она внизъ и исчезаетъ

---

<sup>1)</sup> *Alcedo ispida*. Иванокъ (Малорос.); шнюха (Калужск.); рыбалочка (Днѣпръ); плавневой ятель (Днѣстръ); куцикъ (Уральск. казак.); каменный воробей (Сибир.); лединникъ; алкидъ; алкионъ; мартынокъ.—Длина птицы около 6<sup>1</sup>/<sub>2</sub> д. (17 см.).



1. Сизоворонка (*Coracias garrula*).  
2. Козодой (*Caprimulgus europaeus*).

подъ водою; черезъ нѣсколько мгновеній снова появляется на поверхности и быстрымъ полетомъ возвращается на прежнее мѣсто—съ добычей или безъ добычи—какъ случится. Въ послѣднемъ случаѣ зимородокъ снова принимаетъ свою прежнюю позу и неподвижно вперяетъ взглядъ въ прозрачныя струи текущей подъ нимъ рѣчки.

Добычу зимородка составляютъ, главнымъ образомъ, маленькія рыбки, величиною не болѣе пальца, которыхъ птица предварительно убиваетъ, ударяя головою о камень или сукъ, и затѣмъ глотаешь цѣликомъ, съ головы. Неудобоваримыя кости и чешуя выбрасываются обратно, въ видѣ сухой погадки. Нерѣдко зимородокъ таскаетъ также изъ воды раковъ и личинокъ разныхъ наѣжкомыхъ.

Иногда зимородка можно видѣть трепещущимся надъ водою, на манеръ ястреба, и высматривающимъ добычу съ полета.

Пѣсенъ эта птица не поетъ; обыкновенно же приходится слышать только ея рѣзкое и громкое «тинтъ», которое зимородокъ часто издаетъ во время своего быстрого полета, совершаемаго большею частью низко надъ поверхностью воды.

Гнѣздится зимородокъ въ плотно-песчаныхъ, голыхъ обрывахъ крутыхъ береговъ, въ которыхъ вырываетъ глубокія норы (до 1½ арш. длины), съ полушарообразнымъ расширеніемъ въ концѣ. Въ этой тяжелой работѣ, продолжающейся 1—2 недѣли, ему отлично служить его крѣпкій и длинный клювъ, сходный съ клювомъ дятла (каковой птицѣ зимородокъ приходится даже нѣсколько сродни). Самочка кладетъ, въ расширенномъ концѣ норы, на подстилку изъ рыбихъ косточекъ, 5—8 блестяще-бѣлыхъ яичекъ, которыя высиживаются ею въ теченіе 14—16 дней. Все это время, самчикъ кормитъ свою самочку, которая почти не слетаетъ съ гнѣзда.

Молодые зимородки выкармливаются, главнымъ образомъ, стрекозами (коромыслами), которыя въ обиліи летаютъ въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы надъ рѣчками.

Съ наступленіемъ осени, зимородки начинаютъ вести кочевую жизнь, и частію передаются на югъ, въ болѣе теплыя широты, частію же остаются зимовать на своей родинѣ, а именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣются не вполнѣ замерзающія на зиму, ключистыя или быстро текущія, рѣчки и другія воды, въ которыхъ эти птицы могутъ находить себѣ пропитаніе и въ зимніе мѣсяцы.



Такимъ образомъ, въ однихъ мѣстахъ зимородокъ является птицей осѣдлой, въ другихъ же—лѣтующей.

Къ сожалѣнію, эта красивая и интересная птица далеко не многочисленна, а потому встрѣчается обыкновенно не часто, и то лишь въ южной половинѣ Европейской Россіи (примѣрно къ югу отъ линіи Рига—Уфа). На Кавказѣ зимородокъ принадлежитъ къ числу весьма обыкновенныхъ птицъ—по берегамъ рѣкъ и ручьевъ—поднимаясь въ горы до 1,500 метровъ.

Приучить къ клѣткѣ пойманнаго зимородка рѣдко когда удается. Скорѣе еще можно выкормить вынутыхъ изъ гнѣзда молодыхъ (кусочками свѣжей рыбы и муравьиными яйцами). Но добываніе птенцовъ зимородка раскапываніемъ глубокихъ норъ чрезвычайно трудное дѣло, не говоря уже о томъ, что и разыскать-то гнѣздо, да и приступить къ нему—не легко.

Названія зимородокъ и лединникъ произошли, вѣроятно, оттого, что, въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, имѣющихъ незамерзающія воды, эта птичка появляется обыкновенно лишь съ наступленіемъ зимы, и не только не выказываетъ, повидимому, никакой боязни передъ дѣдушкой-морозомъ, но даже, какъ ни въ чемъ не бывало, «удить» всю зиму рыбку въ ледяной водѣ, къ веснѣ же снова скрывается, отлетая къ мѣсту своего гнѣздовья.

Къ числу полезныхъ птицъ зимородка причислить нельзя, но и серьезно говорить о вредѣ, причиняемомъ этой птицей рыбьему населенію нашихъ водъ, также едва ли возможно, въ виду ея малочисленности и сравнительной рѣдкости. Украшаетъ же она тѣ немногія рѣчки, на которыхъ водится—чрезвычайно.



## Сизоворонка <sup>1)</sup>.

(Табл. XVI).

Дрожью внезапной охвачена  
Въ вешнюю пору земля;  
Въ лучшее платье нарядное  
Принарядились поля.  
Все обновилось, все молодо...  
Новый одѣвши уборъ,  
Словно собой міръ любитъся  
Въ зеркало рѣкъ и озеръ.  
Дм. Минаевъ (Изъ В. Гюго).



ДНО УЖЕ обиліе названій для этой птицы указываетъ на то, что она чѣмъ-нибудь особенно замѣчательна. И дѣйствительно, сизоворонка привлекаетъ къ себѣ вниманіе каждаго, впервые ее увидѣвшаго, человѣка. Великою почти съ голубя, а по складу сильно напоминающая ворону (особенно съ головы), птица эта окрашена въ такой привлекательный для глаза, роскошный зеленовато-голубой цвѣтъ (за исключеніемъ свѣтло-коричневой спины и черныхъ концовъ крыльевъ), что трудно оторвать отъ нея глаза, когда она, ярко освѣщенная солнцемъ, сидитъ, напримѣръ, на телеграфной проволокѣ, или пролетаетъ мимо, своимъ прямолинейнымъ, сходнымъ съ голубинымъ, полетомъ. Въ послѣднемъ случаѣ она

<sup>1)</sup> *Coracias garrula*. — Сизоворонка; синеворонка; ракша, сиворакша (Харьков.); сивограй (Херсонск.); мѣстами: прапорщикъ и краска (Малоросс.); сивогракъ, зеленая ворона, дикая ворона (Поволжье); заморская карошка (Астраханск.); сивка-воронка.

обнаруживаетъ еще и чудную фіолетово-синюю окраску нижней поверхности своихъ крыльевъ. Къ этому нужно еще прибавить, что сизоворонка, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ она водится, очень часто попадаетъ на глаза, благодаря тому, что ведетъ весьма открытый образъ жизни. Она охотно садится на телеграфную проволоку, на выдающіеся сухіе сучья деревьевъ и на другіе открытые пункты. Жаль только, что эта красавица-птица имѣетъ у насъ сравнительно небольшое распространеніе: она принадлежитъ преимущественно южной половинѣ Россіи, съ Крымомъ и Кавказомъ. Къ сѣверу отъ линіи Ревель—Самара, гнѣздящаяся сизоворонка представляетъ уже довольно рѣдкое явленіе, единичные же залетные экземпляры наблюдались изрѣдка даже и подъ Петербургомъ.

Сизоворонка птица перелетная. Весною она прилетаетъ довольно поздно, когда деревья покроются уже молодою листвою; осенью улетаетъ на югъ въ концѣ августа или въ началѣ сентября.

Любимыми мѣстами гнѣздовій сизоворонки являются такія мѣстности, гдѣ открытыя поля чередуются съ кустарниками и разбросанно стоящими единичными старыми деревьями. Гнѣздо помѣщается почти исключительно въ древесныхъ дуплахъ, куда самочка кладетъ 5—6 блестяще-бѣлыхъ, безъ всякихъ отмѣтинъ, яичекъ.

Призывный крикъ сизоворонки звучитъ въ родѣ «рэкъ» или «ракъ» (откуда названіе ракша). Пѣсни эта птица не имѣетъ.

Кормится сизоворонка главнымъ образомъ различными крупными насѣкомыми, которыхъ большею частію подбираетъ съ земли, но иногда ловитъ и на полетѣ. Также она не брезгаетъ мелкими лягушками и ящерицами. Въ общемъ, ее слѣдуетъ причислить къ полезнымъ птицамъ.

Брэмъ рассказываетъ (въ своей «Жизни животныхъ»), что взятыя имъ изъ гнѣзда и выкормленные мучными червями сизоворонки сдѣлались совершенно ручными, жили у него въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и доставляли ему много удовольствія. Держалъ онъ ихъ въ просторной клѣткѣ и кормилъ насѣкомыми, а за неимѣніемъ таковыхъ—мучными червями. Мнѣ лично привелось только однажды видѣть ручную сизоворонку, взятую въ домъ молодымъ птенчикомъ и затѣмъ благополучно выкормленную. Она была очень мила и красива.



1. Каменный дроздъ (*Monticola saxatilis*).
2. Славка масляная (*Sylvia orpheus*).
3. Щурка золотистая (*Merops apiaster*).

# Золотистая щурка<sup>1)</sup>.

(Табл. XXIV).

Съ луговъ цвѣтущихъ, тамъ, изъ миртовыхъ лѣсовъ,  
Съ цвѣтовъ акацій, розъ—несутся ароматы,  
Несется теплый паръ съ воздѣланныхъ садовъ,  
И матовой луны лѣнивое сіянье  
Такъ ласково скользитъ по стройнымъ тополямъ...

Изъ оперы «Снѣгурочка».



ОТЪ ЕЩЕ одна изъ наиболѣе роскошно раскрашенныхъ нашихъ птицъ. Я не буду здѣсь останавливаться на описаніи пернатого наряда золотистой щурки,—онъ прекрасно изображенъ на таблицѣ.

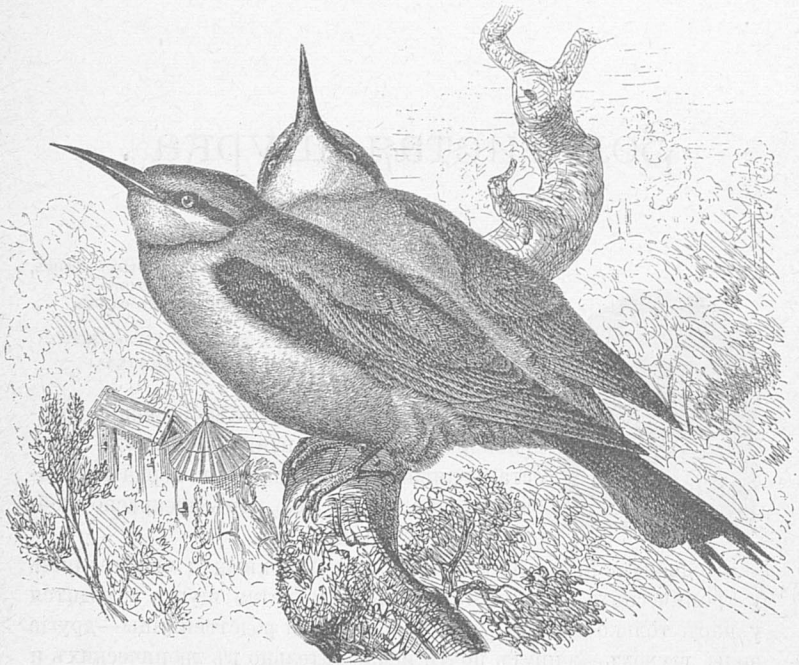
Подобную прихотливую окраску мы привыкли видѣть лишь у тропическихъ птицъ. Впрочемъ, золотистая щурка и водится у насъ только на югѣ; ближайшія же ея родственницы—другіе виды щурокъ—живутъ почти исключительно въ тропическихъ и экваторіальныхъ странахъ. Сѣвернѣ линіи Черниговъ—Самара, золотистая щурка, въ качествѣ гнѣздящейся птицы, составляетъ уже довольно рѣдкое явленіе; залетные же, единичные, экземпляры встрѣчаются къ сѣверу даже до Прибалтійскихъ губерній, хотя и весьма рѣдко.

Мнѣ приводилось наблюдать этихъ восхитительныхъ птицъ только въ Крыму (близъ степныхъ хуторовъ и на южномъ бе-

<sup>1)</sup> *Merops apiaster*.—Щурикъ, щуръ (Поволжье); щуръ, пчелоѣдка (Харьков.); золотушка, золотушникъ (Астраханск.); золотая щурка; желтушникъ.



регу). Онѣ чаще всего обращаютъ на себя вниманіе въ то время, когда кружатся стайками на воздухѣ, подобно ласточкамъ, играя въ солнечныхъ лучахъ и охотясь за летающими насѣкомыми. Въ это время щурки безпрестанно перекликаются своими ярковызывающими призывными криками «гвепъ-гвепъ» и «вюррь-вюррь».



Золотистыя щурки.

Кружающаяся въ воздухѣ щурка напоминаетъ своей фигурой небольшого <sup>1)</sup> ястребка, а характеромъ полета похожа на ласточку. Полетъ ея въ прямомъ направленіи бываетъ иногда необычайно быстръ и стремителенъ, какъ стрѣла.

Щурка принадлежитъ къ числу перелетныхъ птицъ. Она прилетаетъ весною, стайками, весьма поздно (напримѣръ, въ Кіев-

<sup>1)</sup> Длина птицы  $10\frac{1}{4}$  дюйм. (26 сантим.).



ской губерніи лишь во второй половинѣ мая), и отлетаетъ обратно на югъ уже въ августѣ или въ началѣ сентября.

Характеръ у золотистой щурки замѣчательно милый и общительный. Держась постоянно стайками, эти птицы никогда другъ съ дружкой не ссорятся,—даже во время гнѣздованія, когда всѣ птицы бываютъ болѣе или менѣе драчливы.

Пищу щурокъ составляютъ насѣкомыя, которыхъ эти птицы преимущественно ловятъ на лету, подобно ласточкамъ и стрижамъ. Особенное предпочтеніе оказываютъ онѣ пчеламъ, осамъ и другимъ жалящимъ насѣкомымъ, при чемъ ужаленіе этими насѣкомыми, столь опасное для другихъ птицъ, щуркамъ, повидимому, нисколько не вредитъ. Нерѣдко наблюдали, какъ эти птицы подсаживались къ пчелинымъ ульямъ, или осиннымъ гнѣздамъ, и излавливали ихъ обитательницъ одну за другою (откуда и названіе пчелоѣдка). Впрочемъ, щурки уничтожаютъ не мало саранчи, чѣмъ и приносятъ пользу степному хлѣбопашеству.

Гнѣзда свои щурки устраиваютъ въ земляныхъ норахъ, вырываемыхъ ими въ отвѣсныхъ обрывахъ береговъ рѣкъ, овраговъ и т. п. Норы дѣлаются до 1 сажени длиною и въ концѣ имѣютъ полушарообразное расширеніе, въ которое самочка кладетъ 5—8 блестяще-бѣлыхъ яичекъ, сильно округлой формы. Гнѣздятся щурки обыкновенно колоніями, нерѣдко весьма многочисленными.

Пойманныя щурки хорошо выживаютъ въ комнатѣ, если только ихъ обильно кормить насѣкомыми. Но нужно замѣтить, что онѣ страшно прожорливы—сѣдаютъ въ день вдвое больше своего собственнаго вѣса. (Рисунокъ, помѣщенный на 316 стр., снятъ съ парочки этихъ птицъ, взятыхъ молодыми изъ гнѣзда и выращенныхъ въ комнатѣ А. Е. Брѣмомъ).

## Вальдшнепъ<sup>1)</sup>.

Люблю я вечеромъ стоять въ лѣсу на тягѣ.  
Съ природой-матерью свободно и легко,  
Тутъ забываются мірскія передраги,  
И думы смутныя отходятъ далеко...  
Забьешься въ уголокъ знакомой луговины,  
Съ ружьемъ въ рукахъ, и знаешь напередъ,  
Что надъ вершинами березы и ольшины  
Направить вальдшнепъ свой полетъ...  
Мечтай и жди...

Дм. Велинскій.



ЕСЕННІЙ вечеръ въ лѣсу. Красиво изгибающаяся открытая лощина. Посреди нея — ручеекъ, кое-гдѣ поросшій отцвѣтающимъ уже ивнякомъ, кое-гдѣ — безлиственной еще ольшинкой. По ея приподнятымъ отлого-бугристымъ краямъ, съ одной стороны, стѣной поднимается старый еловый лѣсъ, по другой же сторонѣ, вдоль опушки смѣшаннаго лѣса, вьется узкая лѣсная дорожка.

Только что прошелъ теплый дождичекъ, смочившій и растрепавшій желтопушистыя цвѣточныя сережки ивняка и развѣсившій по безлиственнымъ еще вѣткамъ деревьевъ и кустовъ прозрачныя, какъ слезы, капельки, не замедлившія за сверкать подъ косыми лучами выглянувшаго изъ-за тучъ заходящаго солнца. У березы и черемухи начинается расхолачиваться почка; кое-гдѣ пробивается молоденькая травка. Въ воздухѣ стоитъ тотъ особенный, пріятный, прѣлый запахъ, кото-

<sup>1)</sup> Scolopax rusticola. — Ольшнякъ, вальшня (Петерб.); слуга, вальшней (Гдовск.); сломка, слонка (Западн. и Юго-Западн. губ.); славка, хаква (Харьк.); ратай, долгоносый виклюкъ (Олонецк.); пахарь, пахарець, шабашка, хорпуша, хурпунъ, хуркунъ (Пермск. губ.).



1. Завирушка лѣсная (*Accentor modularis*).
2. Варакушка (*Erythacus leucocyana*).
3. Вальдшнепъ (*Scolopax rusticola*).

рый только и бываетъ въ лѣсу ранней весной, послѣ теплаго дождя.

Многоголосый пестрый концертъ пернатыхъ пѣвцовъ оглашаетъ лощину и окружающій ее лѣсъ. Пѣвчіе дрозды словно соперничаютъ между собою въ звучности, красотѣ и разнообразіи своихъ пѣсень. Зяблики безъ счета повторяютъ свою звонкую, короткую строфу. Малиновки, пѣночки и горихвостки переливаютъ свои сладкозвучныя, то нѣжно задумчивыя, то свѣтло-радостныя, пѣсенки. Колокольчикомъ вызваниваетъ желтогрудая овсяночка, неподвижно сидящая на самой маковкѣ маленькой безрезки. Невдалекѣ раздается тоскливое кукованіе кукушки и эхомъ повторяется въ старомъ еловомъ лѣсу.

Солнце скрылось за лѣсомъ. Налетѣлъ заревой вѣтерокъ, отряхнулъ съ вѣтокъ капли, пошумукалъ съ соснами, качнулъ макушками елей и полетѣлъ себѣ дальше... Пернатое царство начинаетъ понемногу затихать. Утомонились зяблики; примолкли пѣночки; все рѣже и рѣже позваниваетъ овсяночка, — вотъ и она замолкла. Гдѣ-то забормоталъ тетеревъ. Пѣвчіе дрозды стихаютъ одинъ за другимъ, но два-три оглашаютъ еще лѣсъ своими пѣснями, однако все съ большими и большими пріостановками. Вотъ, казалось, совсѣмъ уже кончили—замолчали, только малиновка переливаетъ серебромъ, да урчитъ вдаль козодой; анъ смотришь, черезъ минуту опять: «тюррюнтъ, тюррюнтъ», а съ другого конца лѣса въ отвѣтъ: «кли-тьютью, кли-тьютью» — звучно, чисто, красиво. — Но что за звукъ раздался тамъ за лощиной, надъ еловымъ лѣсомъ... Какой-то сухой, короткій свистъ. Вотъ еще, и еще... Приближается. Теперь между каждымъ двумя свистами слышится еще какой-то странный отрывистый храпъ («кхру-кхру» и затѣмъ «фистъ»; «кхру-кхру-кхруфистъ») — все ближе да ближе...

Охотникъ, сидѣвшій на пнѣ, возлѣ молоденькой елки, и видимо наслаждавшійся всею прелестью весенняго лѣсного вечера, при первыхъ же долетѣвшихъ до него звукахъ отрывистаго свиста, бросилъ курившуюся папирску, вскочилъ на ноги, взвелъ курки и весь превратился въ слухъ... Вотъ, надъ просѣлкой, вырисовываясь на блѣдно-зеленоватомъ небосклонѣ, показалась птица, поменьше голубя, и неторопливымъ, спокойнымъ полетомъ (въ родѣ полета совы или летучей мыши) направилась прямо, какъ по шнуру, поперекъ лощины. (Когда она пролетала мимо

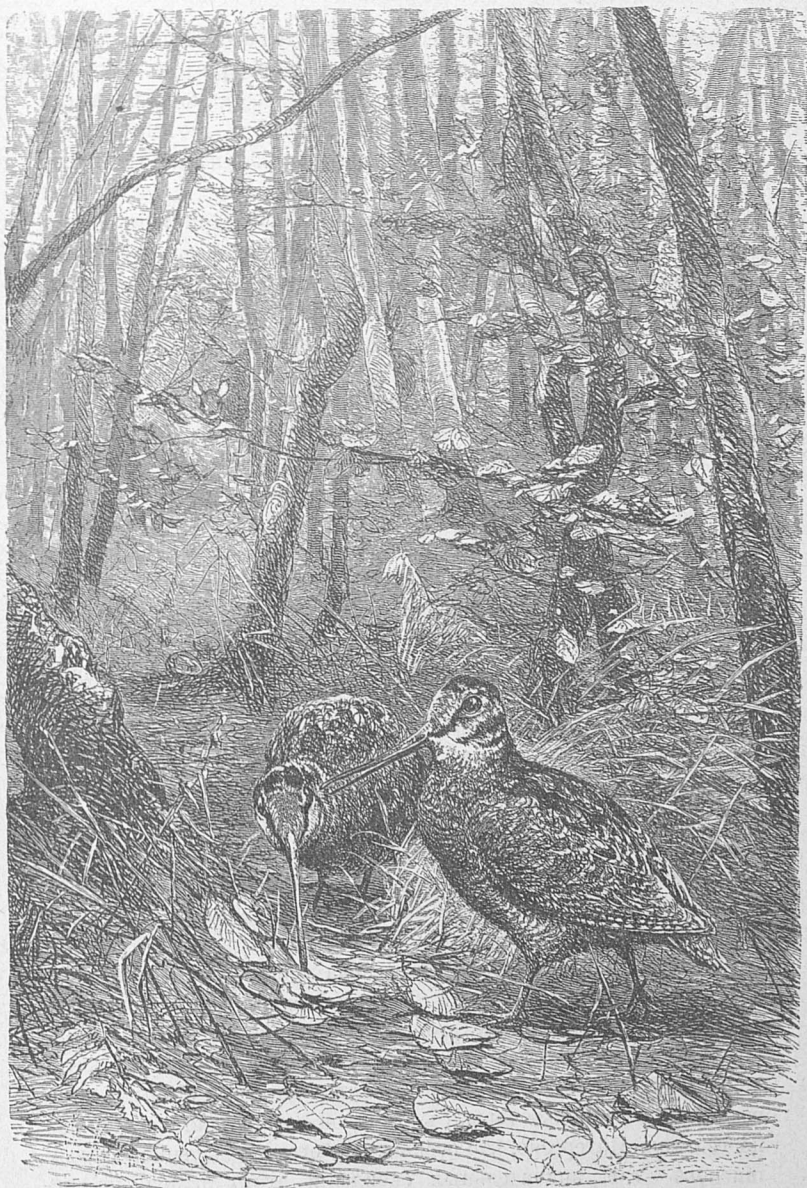


охотника, то онъ ясно могъ разглядѣть очень длинный, слегка свѣсившійся книзу, клювъ птицы). Это «тянулъ» вальдшнепъ. Грянулъ выстрѣлъ. Птица слегка метнулась въ сторону, но тотчасъ же взяла прежнее направленіе, и какъ будто ничего не случилось, тѣмъ же неторопливымъ полетомъ, свистя и «хоркая», скрылась за деревьями, благополучно продолжая свой «токовой» полетъ. Охотникъ съ минуту стоялъ неподвижно, прислушиваясь къ удалявшемуся свисту, затѣмъ вложилъ новый патронъ, закурилъ свѣжую папироску и снова усѣлся на прежнее мѣсто...

Смеркается все больше и больше. Надъ лощиной, невысоко отъ поверхности земли, пролетѣлъ своимъ легкимъ, колеблющимся полетомъ козодой, и, скрывшись въ опушкѣ еловаго лѣса, тотчасъ же замурлыкалъ свою безконечную пѣсню. Черезъ минуту, сначала вправо, затѣмъ влѣво отъ охотника, снова послышались отрывистые свисты и затѣмъ хорканье, и два вальдшнепа почти одновременно протянули поперекъ лощины—оба вѣтъ выстрѣла.—Откуда-то донеслась пѣснь варакушки. Невдалекѣ звонко «захохотала» кукушка-самка, и вслѣдъ затѣмъ, тамъ же послышалось нѣчто въ родѣ хриплага откашливанья и отхаркиванья, тотчасъ же смѣнившіеся торопливымъ, азартнымъ, повременамъ сдвоеннымъ, кукованьемъ самца. Спугнутый имъ въ чащѣ подлѣска пѣвчій дроздъ, спросонья, рѣзко заикаясь, застрекоталъ и долго не могъ успокоиться...

Небосклонъ все больше и больше темнѣетъ; кое-гдѣ начали уже загораться звѣздочки. Дневныя птицы все угомонились. Неподалеку, за поворотомъ лощины, идетъ возня у утокъ—крякаютъ, полощатся... Туда же, видимо, направляется и еще пара кряковыхъ, со свистомъ разсѣкая крыльями воздухъ, на быстромъ полетѣ.—Снова послышался, со стороны еловаго лѣса, справа, свистъ вальдшнепа. Охотникъ, не вставая, быстро повернулъ голову и сталъ пристально всматриваться. Начавшіе было приближаться звуки вдругъ стали удаляться и скоро всеѣмъ замолкли: вальдшнепъ протянулъ стороной и настолько далеко, что даже нельзя было слышать «хорканье», а одинъ только свистъ.—На нѣсколько секундъ въ лѣсу водворилась тишина, лишь слабо нарушаемая глухимъ, какъ бы сдавленнымъ, «блеяніемъ» токующего бекаса... Вдругъ, за спиной охотника, по сю сторону лощины, раздалось громкое, торопливое, быстро приближающееся циканье, и надъ вершинами березъ показался вальдшнепъ, а вслѣдъ





Вальдшнепы.

за нимъ въ догонку и другой. Обѣ птицы (два ссорящихся самца) налетѣли какъ разъ на охотника, и, круто повернувъ въ сторону, быстрымъ, извилистымъ полетомъ, при безпрестанномъ циканьи, направились вдоль лощины. Раздался выстрѣлъ, другой—и одна изъ птицъ, комкомъ свернувшись на воздухѣ, упала по наклонной линіи на землю...

Положивъ въ ягдташъ столь милую для охотничьяго сердца добычу, охотникъ постоялъ, послушалъ еще немного, и затѣмъ—такъ какъ сильно уже стемнѣло—направился во-свояси, унося съ собою прекрасное, освѣжающее душу впечатлѣніе—весенняго вечера въ лѣсу.

Охота на весенней тягѣ вальдшнеповъ—несомнѣнно одна изъ поэтичнѣйшихъ и увлекательнѣйшихъ охотъ. Начинается она вмѣстѣ съ прилетомъ этихъ птицъ изъ ихъ южныхъ зимовій. Прилетаютъ же къ намъ вальдшнепы весною весьма рано, когда въ лѣсу нерѣдко мѣстами лежитъ еще порядочно снѣга (подъ Петербургомъ, въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля). Прилетъ этихъ птицъ обыкновенно совпадаетъ съ прилетомъ пѣвчихъ дроздовъ: засвисталъ въ лѣсу первый дроздъ—показался и первый вальдшнепъ. Прилетъ вальдшнеповъ, обыкновенно, идетъ по ночамъ, съ теплыми попутными вѣтрами. Впрочемъ, иногда вальдшнепы летятъ и днемъ. Такъ, извѣстны случаи, когда наблюдали этихъ птицъ спускавшимися среди дня въ лѣсъ, почти изъ-подъ облаковъ. Въ перелетное время, въ малолѣсныхъ мѣстностяхъ, утомленные вальдшнепы спускаются нерѣдко и на совсѣмъ открытыя мѣста—напримѣръ, на поле, морской берегъ и даже на улицы деревень и городовъ, не говоря уже о садахъ и огородахъ, которые въ приморскихъ мѣстностяхъ иногда бывають, можно сказать, переполнены спустившимися на отдыхъ и кормежку вальдшнепами.

Распространеніе вальдшнепа весьма обширно: онъ гнѣздится во всей Европѣ, отъ крайняго сѣвера до крайняго юга, гдѣ только имѣются подходящія для его гнѣздовій мѣста. Таковыми являются еловые и смѣшанные лѣса, съ мокрой почвой, въ которой эта птица можетъ свободно копать своимъ длиннымъ клювомъ. Сухіе сосновые боры, съ песчаной почвой, для вальдшнепа не годятся. Интересно, что осенью, наоборотъ, «высыпки» вальдшнеповъ—т.-е. значительныя скопленія этихъ птицъ на не-

большомъ, сравнительно, пространствѣ—встрѣчаются преимущественно на мѣстахъ сухихъ, поросшихъ рѣдкимъ кустарникомъ или мелколѣсьемъ. У насъ, на сѣверѣ, позднюю осень, вальдшнепы держатся преимущественно по сухимъ ольшнякамъ. По всей вѣроятности, это нужно приписать измѣняющемуся къ осени способу питанія вальдшнепа. Весной и лѣтомъ онъ добываетъ свою пищу преимущественно изъ земли, извлекая изъ нея, своимъ длиннымъ клювомъ, земляныхъ червей и живущихъ въ землѣ личинокъ. Богато снабженная тончайшими развѣтвленіями осязательныхъ нервовъ, кожистая оболочка клюва вальдшнепа служитъ ему превосходнымъ органомъ осязанія, посредствомъ котораго птица безошибочно открываетъ, въ размягченной водою почвѣ, лакомые для нея кусочки, извлекаетъ ихъ, затѣмъ, при помощи крючковатаго кончика верхней половины клюва, на свѣтъ Божій, и поѣдаетъ. Съ наступленіемъ же холодной и сырой осенней погоды, земляные черви и живущія въ землѣ личинки жуковъ уходятъ глубже въ землю, на опавшихъ же листьяхъ, по рѣдколѣсью, къ этому времени разводится много слизняковъ, а подъ листья забираются, на зимовку, личинки и гусеницы, которыхъ вальдшнепы прилежно отыскиваютъ, вороша опавшую листву своимъ клювомъ.

Гнѣздо вальдшнепа представляетъ собою небольшое углубленіе на поверхности земли, слегка выстланное, довольно безыскусственно, сухими вѣточками, мохомъ и тому подобнымъ матеріаломъ. Самочка несетъ 4 довольно крупныхъ яйца, испещренныхъ, по блѣдно-ржаво-желтому фону, довольно рѣдкими, желтовато-бурыми пятнами и крапинами. Впрочемъ, какъ по окраскѣ, такъ и по величинѣ, яйца вальдшнеповъ бываютъ весьма измѣнчивы. Сидитъ самочка на гнѣздѣ необычайно крѣпко, лучшимъ примѣромъ чему можетъ служить слѣдующій случай: однажды студенты Лѣсного Института срубили въ лѣсу дерево, и когда стали измѣрять его длину, то наткнулись на гнѣздо вальдшнепа, съ сидѣвшею на немъ самочкой. Несмотря на шумъ и сотрясеніе земли, произведенные паденіемъ большого дерева рядомъ съ гнѣздомъ, птица осталась неподвижною на своемъ гнѣздѣ. Каково самоотверженіе, какова любовь къ еще непопавшемуся даже на свѣтъ потомству! Столь же трогательную любовь выказываетъ вальдшнепъ и къ своимъ птенцамъ. Не разъ наблюдали, какъ, въ минуту опасности, родители уносили своихъ, не выучив-

шихся еще летать, птенцовъ въ безопасное мѣсто. Самые маленькіе птенчики переносятся въ клювъ, болѣе же взрослые—ущемленными между ногами.

Сидящаго въ лѣсу, на землѣ, и прижавшагося къ ней вальдшнепа почти невозможно открыть глазами, такъ поразительно подходить его пестрая—коричневато-бурая, съ сѣрымъ и чернымъ—окраска подъ цвѣтъ почвеннаго лѣснаго покрова. Умная птица, видимо, прекрасно это знаетъ, такъ какъ нерѣдко пропускаетъ мимо себя охотника чуть что не на шагъ разстоянія, и затѣмъ, поднявшись за его спиною, тотчасъ же скрывается за деревьями, весьма искусно лавируя между вѣтвями.

По наружности, самецъ и самка вальдшнепа почти не различаются другъ отъ друга, только первый чаще бываетъ, въ общемъ, болѣе сѣроватый и нѣсколько поменьше величиною.

Интересны глаза вальдшнепа: большіе, какъ у всѣхъ почти сумеречныхъ птицъ, черные, красивые, они сильно отодвинуты назадъ и кверху, а потому помѣщаются чуть не у самого затылка, что придаетъ чрезвычайно странный видъ фізіономіи этой птицы. Вслѣдствіе такой своеобразной постановки глазъ, уши у вальдшнепа находятся не позади глазъ, а подъ ними и ближе къ основанію клюва. Такое положеніе глазъ выгодно для птицы, такъ какъ позволяетъ засовывать въ землю, въ поискахъ за кормомъ, не только длинный клювъ, но и часть головы—до глазъ.

Отлетаютъ вальдшнепы осенью на югъ весьма поздно—нерѣдко уже послѣ того, какъ выпадетъ первый снѣгъ (подъ Петербургомъ, въ октябрѣ). Гнѣздящіеся на сѣверѣ Европы зимуютъ въ южно-европейскихъ странахъ, а иногда—отдѣльные экземпляры—даже и въ средней Европѣ; вальдшнепы же южной Европы отлетаютъ на зимовку въ сѣверную Африку.

Въ неволѣ вальдшнеповъ удавалось выдерживать, предлагая имъ сначала земляныхъ червей, а затѣмъ пріучая понемногу къ намоченному въ молокѣ бѣлому хлѣбу и къ муравьинымъ яйцамъ. Аппетитъ у этой птицы всегда очень большой, благодаря чрезвычайно быстрому пищеваренію, поэтому и кормъ ей слѣдуетъ давать въ изобиліи.

## Алфавитный указатель латинских названий.

**Acanthis** brevirostris 110.  
 » cannabina 115.  
 » exilipes 110.  
 » fringillirostris 117.  
 » linaria 110.  
**Accentor** alpinus 238.  
 » modularis 236.  
 » orientalis 237.  
**Acredula** caudata 48.  
 » irbyi caucasica 49.  
**Acrocephalus** dumetorum 249.  
 » palustris 250.  
 » phragmitis 251.  
 » streperus 251.  
 » turdoides 251.  
**Aegithalus** Pendulinus 49.  
**Alauda** arborea 157.  
 » arvensis 149.  
 » calandra 155.  
 » cristata 156.  
**Alcedo** ispida 310.  
**Ampelis** garrulus 287.  
**Anthus** arboreus 164.  
 » campestris 166.  
 » pratensis 166.  
 » trivialis 164.

**Budytes** flava 163.

**Caprimulgus** europaeus 268.  
**Carduelis** elegans 99.  
**Carpodacus** erythrinus 84.  
 » rubicillus 86.  
**Certhia** familiaris 55.  
**Chelidon** urbana 259.  
**Chloris** Chloris 119.  
**Chrysomitris** spinus 105.  
**Cinclus** aquaticus 175.  
 » melanogaster 173.

**Coccothraustes** vulgaris 123.  
**Coccystes** glandarius 8.  
**Coracias** garrula 313.  
**Corythus** enucleator 80.  
**Cotile** riparia 261.  
**Cuculus** canorus 1.  
 » glandarius 8.  
**Cyanecula** leucocyana 215.  
**Cypselus** apus 263.  
 » melba 266.

**Emberiza** aureola 146.  
 » cia 148.  
 » citrinella 139.  
 » hortulana 144.  
 » lapponica 144.  
 » melanocephala 148.  
 » miliaria 146.  
 » nivalis 143.  
 » pusilla 147.  
 » rustica 147.  
 » schoeniclus 146.

**Emberizidae** 143.

**Erythacus** Calliope 247.  
 » cyanecula 243.  
 » Haphisi 203.  
 » hyrcanus 205.  
 » luscini 202.  
 » leucocyaneus 218.  
 » philomela 194.  
 » rubecula 204.  
 » suecicus 218.  
 » Wolfii 218.

**Fringilla** cannabina 115.  
 » carduelis 99.  
 » chloris 119.  
 » coelebs 87.  
 » linaria 125.



*Fringilla montifringilla* 97.  
 » *spinus* 105.  
*Fringillidae* 137.

*Galerita cristata* 156.  
*Garrulus glandarius* 300.  
 » *infaustus* 305.  
 » *Krynickyi* 304.  
*Gecinius canus* 29.  
 » *viridis* 28.

*Hirundo rustica* 284.  
*Hypolais icterina* 247.

*Iynx torquilla* 31.

*Laniidae* 280.  
*Lanius collurio* 286.  
 » *excubitor* 284.  
 » *minor* 285.  
*Linota cannabina* 115.  
*Lophophanes cristatus* 47.  
*Loxia bifasciata* 70.  
 » *curvirostra* 70.  
 » *enucleator* 80.  
 » *pitiopsittacus* 68.  
 » *rubrifasciata* 70.

*Melanocorypha calandra* 156.  
*Merops apiaster* 315.  
*Monticola saxatilis* 193.  
*Montifringilla alpicola* 98.  
*Motacilla alba* 160.  
 » *boarula* 163.  
 » *flava* 163.  
*Muscicapa atricapilla* 272.  
 » *collaris* 275.  
 » *grisola* 276.  
 » *parva* 278.

*Nucifraga caryocatactes* 304.

*Oriolus galbula* 168.

*Panurus biarmicus* 49.  
*Parus ater* 45.  
 » *biarmicus* 49.  
 » *borealis* 46.  
 » *caudatus* 48.  
 » *cinctus* 45.  
 » *coeruleus* 44.  
 » *cristatus* 47.  
 » *cyanus* 45.  
 » *major* 41.  
 » *palustris* 46.  
 » *Pendulinus* 49.  
 » *Pleskei* 45.

*Passer domesticus* 127.  
 » *montanus* 127.  
*Pastor roseus* 299.  
*Phylloscopus collybita* 244.  
 » *rufus* 244.  
 » *sibilatrix* 246.  
 » *trochilus* 242.

*Picus canus* 29.  
 » *leuconotus* 25.  
 » *major* 23.  
 » *martius* 26.  
 » *medius* 24.  
 » *minor* 24.  
 » *tridactylus* 26.  
 » *viridis* 28.

*Pinicola enucleator* 80.  
*Plectrophanes lapponica* 144.  
 » *nivalis* 143.

*Pratincola rubetra* 223.  
 » *rubicola* 223.  
*Pyrrhula coccynea* 73.  
 » *enucleator* 80.  
 » *erythrura* 84.  
 » *major* 73.  
 » *rubicilla* 73.  
 » *vulgaris* 76.

*Regulus cristatus* 51.  
 » *flavicapillus* 51.  
 » *ignicapillus* 53.  
*Ruticilla mesoleuca* 212.  
 » *phoenicurus* 211.  
 » *tithys* 214.

*Saxicola morio* 222.  
 » *oenanthe* 220.  
*Scolopax rusticola* 318.  
*Serinus hortulanus* 109.  
*Sitta caesia* 58.  
 » *europaea* 58.  
 » *uralensis* 58.

*Sylvia* 224.  
 » *atricapilla* 226.  
 » *cinerea* 232.  
 » *curruca* 234.  
 » *hortensis* 231.  
 » *nisoria* 229.  
 » *orphea* 229.

*Troglodytes parvulus* 177.  
*Turdus iliacus* 190.  
 » *merula* 192.  
 » *musicus* 188.  
 » *pilaris* 187.  
 » *torquatus* 193.  
 » *viscivorus* 186.

*Upupa epops* 306.

## Алфавитный указатель русских названий.

**А**лкюнь 310.  
Алкидь 310.

**Б**арашекъ 47.  
Барсучекъ 251.  
Березовка 246.  
Боровичекъ 263.  
Бородатка 49.  
Брикунь 68.  
Бубудунъ 306.  
Бѣлобровикъ 190.  
Бѣдогузикъ 220.  
Бычокъ 58.

**В**альдшнепъ 318.  
Вальшней 318.  
Вальшня 318.  
Варакушка 215, 251.  
» бѣлозвѣзда 218.  
» краснозвѣзда 218.  
Вертиголовка 31.  
Вертишейка 31.  
Вертошея 31.  
Весничка 242.  
Вещевременникъ 149.  
Вивчарикъ 244.  
Виклокъ долгоносый 318.  
Виноградка 48.  
Водяночка 150.  
Водоснянка 44.  
Волчокъ 58.  
Воробей болотный 146.  
» водяной 173.  
» домашній 127.  
» желтый болотный 146.  
» каменный 310.  
» красный 84.  
» луговой 146.  
» лѣсной 84.

Воробей полевой 127.  
» тростниковый 146.  
Воробы 127.  
Ворона зеленая 313.  
Воронокъ 259, 261.  
Вырей 149.  
Вьюнь 156.  
Вьюрковыя 137.  
Вьюрокъ 97.  
» горный 98.

**Г**айчка 46.  
Гайка 44, 46.  
» бурая 46.  
Гвоздикъ 51.  
Говорунчикъ 232.  
Голландскій лѣсной пѣтушокъ 306.  
Гористовка 211.  
Горихвостка 211.  
» бѣлокрылая 212.  
» чернушка 214.  
Горобецъ 127.  
Гренадерка 47.  
Гренадеръ 47.

**Д**еряба 97.  
Джинжурка 41.  
Джирканъ 261.  
Джурбай 155.  
Дикая ворона 313.  
» кошка 300.  
» сорока 300.  
Долгоносъ 123.  
Долгоносый виклокъ 318.  
Дремлюга 268.  
Дроздовыя 223.  
Дроздь большой 186.  
» бѣлобровикъ 190.  
» бѣлобровый 190.

Дроздь бѣлозобый 193.

- » водяной 173.
- » деряба 186.
- » каменный 193.
- » камышевый 251.
- » малый 190.
- » омовый 187.
- » орѣховый 190.
- » пѣвчій 188.
- » рябинникъ 187.
- » сизоголовый 187.
- » сѣрый большой 186.
- » тростинной 251.
- » черный 192.
- » чистый 188.

Дрозды 181.

Дубоносъ 119, 123.

Дубровникъ 144, 146.

Дуплянка большая пестрая 31.

- » пестрая черноголовая 272.

Дурачокъ 148.

Дюдька 65.

Дюжакъ 123.

Дятель большой пестрый 23.

- » бѣлоспинный 25.
- » вертялый 24.
- » желтоголовый 26.
- » зеленый 28, 29.
- » малый 24.
- » синій 58.
- » средній 24.
- » сѣдой 29.
- » трехпалый 26.
- » черный 26.

Дятелокъ 58.

Дятлы 14.

Ерникъ 164.

Ерничекъ 164.

Жаворонокъ 149.

- » болотный 166.
- » лѣсной 156, 164.
- » полевой 149.
- » степной 155.
- » хохлатый 156.

Жайворонокъ 149.

Желна 26.

Желтобровка 246.

Желтобрюшка 109.

Желтопузикъ 139.

Желтушечка 204.

Желтушникъ 168, 315.

Жимура 97.

Жуланъ 73, 286.

Завируха 232.

- » болотная 232.

Завирушка 146, 234, 236.

- » альпійская 238.
- » восточная 237.
- » горная 238.
- » лѣсная 236.

Заморская карошка 313.

Задерихвистъ 177.

Зарянка 204.

Звонарикъ 51.

Зеленая ворона 313.

Зеленушка 119.

Земляникъ 261.

Зимородокъ 310.

Зинзиверъ 41.

Зинька 41.

Зо(у)зуля 1.

Золотая щурка 315.

Золотистая щурка 315.

Золотушка 315.

Золотушникъ 315.

Зорька 204, 215.

Зябликъ 87.

Зябокъ 87.

Иванокъ 310.

Иванчикъ 150, 220.

Иволга 168.

Калистикъ 97.

Калистовка 97.

Калугерка 211.

Каменка 220.

- » плѣшанка 222.

Каменьщикъ 223.

Камышевая овсянка 146.

Камышевка 250.

- » болотная 250.
- » дроздовидная 251
- » пересмѣшка 249.
- » садовая 249.
- » тростниковая 251.

Камышникъ 146.

Канарейка 138.

- » лѣсная 119.

Кардиналъ 287.

Карошка заморская 313.

Кедровка 304.

Кизилочка 251.

Клесты 62.

Клестъ бѣлокрылый 70.

- » бѣлопокрытый 70.
- » бѣлопоясый 70.
- » еловый 70.
- » кликунь 70.
- » краснокрылый 70.
- » лиственничный 70.
- » мелкій 70.
- » сосновый 68.

Клестъ чистый 70.  
 Князекъ 45.  
 Козодой 268.  
 Комокъ 268.  
 Конекъ луговой 166.  
   » лѣсной 164.  
   » полевой 167.  
   » степной 167.  
 Коноплянка 115.  
   » восточная 117.  
 Королекъ 51.  
   » желтоголовый 53.  
   » зимній 53.  
   » красноголовый 53.  
   » лѣтній 53.  
 Ко(а)сатка 253.  
 Ко(а)саточка 253.  
 Косикъ 192.  
 Косъ 192.  
 Косырь 263.  
 Кошка дикая 300.  
   » лѣсная 171.  
 Крапивникъ 177, 226, 232, 234, 236.  
 Крапивница 204.  
 Краска 313.  
 Краснозобка 204.  
 Краснозобчикъ 73.  
 Круты(о)головка 31.  
 Крякуша 97.  
 Кузнечикъ 41, 244.  
   » лѣсной 246.  
 Кукушка 1.  
   » хохлатая 8.  
 Кукша 305.  
 Купецъ 305.  
 Куронжа 300.  
 Кустарникъ 229.  
   » большой 231.  
 Куцикъ 310.  
 Ластивка 253, 259.  
 Ласточка 253, 263.  
   » береговая 261.  
   » городская 259.  
   » деревенская 253.  
   » дождевая 266.  
   » земляная 261.  
   » ко(а)сатка 253.  
 Ласточки 252.  
 Лазоревка 44, 215.  
   » бѣлая 45.  
   » голубая 45.  
   » зеленая 44.  
 Лединникъ 310.  
 Лежень 268.  
 Лилѣкъ 268.  
 Лоцманчикъ 278.  
 Луговка 46.  
 Лысушка 211.

Лѣсная канарейка 119.  
   » пиголица 31.  
   » сорока 300.  
 Малиновка 204, 247, 249.  
   » болотная 250.  
   » лѣсная 247.  
   » персидская 205.  
   » рѣчная 249.  
   » садовая 249.  
 Мартынокъ 310.  
 Морской голубокъ 144.  
 Московка 45.  
 Моховушка 45.  
 Мухоловка 275.  
   » бѣлошейка 275.  
   » лоцманчикъ 278.  
   » пеструшка 272.  
   » сѣрая 276.  
 Мухоловъ малый 278.  
   » черноголовый 271.  
 Ночница 268.  
 Ночной голубокъ 268.  
   » ястребъ 268.  
 Овинникъ 146.  
 Овсянка 119, 139, 144, 146.  
   » горная 148.  
   » камышевая 146.  
   » крошка 147.  
 Овчарикъ 244.  
 Одудъ 306.  
 Ольшанка 204, 236.  
 Ольшникъ 318.  
 Оляпка 173.  
 Ортоланъ 144.  
 Орѣховка 304.  
 Орѣшекъ 177.  
 Орѣшникъ 177.  
 Ополовничекъ 48.  
 Очеретянка 251.  
   » большая 251.  
 Павлинчикъ 48.  
 Пастушокъ 150, 163.  
 Пастушка 150, 163.  
 Пахарекъ 318.  
 Пахарь 318.  
 Пересмѣшка 234.  
 Пересмѣшникъ 229.  
 Пищуха 55.  
 Плавневой ятелъ 310.  
 Плетневка 236.  
 Плипка 163.  
 Плистовка 163.  
 Пльшанка 222.  
 Подкоренникъ 177.

Подкоренница 204.  
 Подкрапивникъ 231, 234.  
 Подорожникъ 143.  
 Подорожникъ горный 148.  
     » зимній 143.  
     » карликъ 147.  
     » лапландскій 144.  
     » луговой 146.  
     » лѣсной 147.  
     » просянка 146.  
     » садовый 144.  
     » сибѣжный 143.  
     » тростниковый 146.  
     » черноголовый 148.  
 Подорѣшникъ 229.  
 Подшкорошникъ 55.  
 Ползикъ 58.  
 Ползунокъ 55, 58.  
 Ползунчикъ 55.  
 Полуночникъ 268.  
 Поползень 55, 58.  
 Поползокъ 55.  
 Попикъ 115.  
 Попутчикъ 220.  
 Посмѣтюшка 156.  
 Потатуйка 306.  
 Прапорщикъ 313.  
 Просянка 146.  
 Пунакъ 144.  
 Пунаница 144.  
 Пустушка 306.  
 Пухликъ 46, 48.  
     » бурый 46.  
     » сѣрый 46.  
 Пчелоѣдка 315.  
 Пѣнка 242.  
 Пѣночка 239, 242.  
     » весничка 242.  
     » длинная 247.  
     » желтобровка 246.  
     » пересмѣшка 247.  
     » садовая 247.  
     » свистунья 242.  
     » теньковка 244.  
     » трещотка 246.  
 Пѣночки 239.  
 Пѣтушокъ 51.  
     » лѣсной голландскій 306.  
 Ракша 313.  
 Распѣвъ 119.  
 Ратай 318.  
 Ремезокъ 51.  
 Ремезъ 49, 51, 147.  
     » настоящій 144.  
 Розовый скворецъ 299.  
 Ронка 300, 305.  
 Ручейка 173.  
 Рыбалочка 310.

Рѣпель 115.  
 Рѣполовъ 115.  
 Рябинникъ большой 186.  
     » малый 187.  
 Сарка 97.  
 Свертушка 139.  
 Сверчокъ 51, 55.  
 Свиристуха 287.  
 Свире(и)стель 287.  
 Свистунья 246.  
 Свистунъ 73.  
 Северушка 87.  
 Сиверъ 97.  
 Сивка-воронка 313.  
 Сивограй 313.  
 Сивогракъ 313.  
 Сивораक्षा 313.  
 Сиз(в)оворонка 313.  
 Синеворонка 313.  
 Синешейка 215.  
 Синегрудка 215.  
 Синицы 55.  
     » большая 41.  
     » бородатая 49.  
     » длиннохвостая 48.  
     » долгохвостая 48.  
     » зеленая 41.  
     » лапландская 51.  
     » обыкновенная 41.  
     » сибирская 45.  
     » усатая 49.  
     » хохлатая 47.  
 Синичка 41, 150.  
     » бѣлая 45, 150.  
     » долгохвостая 150.  
     » желтая 163.  
     » желтая 163.  
     » черненькая 45.  
 Синочка 45.  
 Синька большая 41.  
 Сиюшка 58, 150.  
 Скворецъ 291.  
     » водяной 173.  
     » каменный 299.  
     » розовый 299.  
 Славка говорунчикъ 232.  
     » завирушка 234.  
     » масличная 229.  
     » мельничекъ 234.  
     » пестрогрудка 229.  
     » садовая 231.  
     » смородинка 231.  
     » сѣрая 232.  
     » черноголовка 226.  
     » ястребинная 229.  
 Славки 224.  
 Славка 318.  
 Слом(н)ка 318.



Слука 318.

- Слѣпухъ бѣлый 45.  
 » длиннохвостый 48.  
 » долгохвостый 48.  
 » желтый 41.  
 » синій 44.  
 » сѣрый 46.  
 » черный 45.

Слѣпушка 41, 58.

Смородинка 231.

Снигарикъ 87.

Снѣгурочка 155.

Снигуръ 73.

Снозь 58.

Снѣгирь 73.

Снѣгурка 143.

Сойка 300.

- » островная 305.  
 » черноголовая 304.

Соколки 263.

Соловей 194.

- » австрійскій 202.  
 » восточный 194.  
 » Гафиза 203.  
 » западный 202.  
 » красношейка 219.  
 » обыкновенный 194.  
 » осокловый 251.  
 » персидскій 203.

Сорока дикая 300.

- » лѣсная 300.

Сорокопуть большой 284.

- » жуланъ 286.  
 » чернолобый 285.

Сорокопуть 280.

Сороко(а)пѣсенникъ 249.

Сорочка 272.

Стригъ 263.

Стрижъ 263.

- » альпійскій 266.  
 » башенный 263.  
 » береговой 261.  
 » большой 263.  
 » боровой 263.  
 » бѣлобрюхій 266.  
 » черный 263.

Стрижокъ 251.

- » земляной 261.

Суранъ 123.

Суранчикъ 223.

Сусидка 156.

Сычъ 268.

Тамъка 231.

Татарка 251.

Теньковка 244.

Тикунъ 31.

Травникъ 229.

Травничекъ 231, 246.

Трескунчикъ 250, 251.

Трещененокъ 220.

Трикунъ 70.

Тростянка 250.

Трясогузка 163.

- » бѣлая 160.  
 » горная 163.  
 » желтая 163.

Тыновка 236.

Тююлка 246.

Удодъ 306.

Фазанчикъ 48.

Хаква 318.

Хвостовка 48.

Хорпуша 318.

Хохлатка 156.

Хохлатая кукушка 8.

Хохлушка 47, 156, 287.

Хурпунъ 318.

Хуркунъ 318.

Чеканка луговая 223.

- » чернохвостая 223.  
 » черноголовая 223.

Чеканъ 223.

- » каменка 220.

Челоканчикъ 51.

Черемошникъ 84.

Черноголовикъ 226.

Черноголовка 226.

Черношляпка 226.

Чечевица 84.

- » кавказская 86.

Чечевишникъ 84.

Чечетка 110.

- » бѣлая 114.  
 » горная 114.  
 » свѣтлая 114.

Чижъ 105.

Чиколка 220.

Чикъ 220.

Чилатень 187.

Чинаровка 119.

Чиркунъ 70.

Чумичка 48.

Чурило 268.

Чурпило 268.

Чхуръ 261.

Шабашка 318.

Шкворецъ 291.

Шлепунъ 68.

Шнюха 310.

Шпакъ 291.

Шрикунъ 299.

**Щеголь** 99.

» лѣсной 97.

**Щурикъ** 261 315.

**Щурокъ** 259 261.

**Щурка** золотистая 315.

**Щуръ** 80, 261, 263, 315.

» кавказскій 86.

**Юла** 157.

**Юрокъ** 97.

**Ямщикъ** 58.

**Ястребъ** ночной 268.

**Ятель** плавневой 310.

## Алфавитный указатель красочных изображений птицъ.

	ТАБЛ. СТР.		ТАБЛ. СТР.
Болотная камышевка . . .	XIX—195	Ласточка береговая . . .	XXII—258
Бѣлая лазоревка . . . .	XXIII—174	» городская . . . .	XXII—258
Вальдшнепъ . . . . .	XV—319	» деревенская . . .	XXII—258
Варакушка . . . . .	XV—319	Лѣсной жаворонокъ . . .	XIV—210
Горихвостка . . . . .	XIV—210	Малиновка . . . . .	X—135
Дроздъ бѣлобровикъ . . .	XIV—210	Малый пестрый дятель . .	II—17
» деряба . . . . .	V—182	Овсянка . . . . .	VII—95
» рябинникъ . . . . .	V—182	Оляпка . . . . .	XXIII—174
Дубоносъ . . . . .	IX—124	Орѣховка . . . . .	XII—301
Жаворонокъ хохлатый . .	XVII—284	Пищуха . . . . .	II—17
Желна . . . . .	XII—301	Поползень . . . . .	III—35
Завирушка лѣсная . . .	XV—319	Пѣвчій дроздъ . . . . .	X—135
Зарянка . . . . .	X—135	Пѣночка весничка . . . .	XX—238
Зеленушка . . . . .	XVII—284	» пересмѣшка . . .	IX—124
Зимородокъ голубой . . .	XXIII—174	» теньковка . . . .	XX—238
Зябликъ . . . . .	VII—95	» трещотка . . . .	XX—238
Иволга . . . . .	I—1	Розовый скворецъ . . . .	XVIII—167
Каменный дроздъ . . . .	XXIV—314	Рѣполовъ . . . . .	X—135
Камышевка барсучекъ . .	XXI—250	Свирестель . . . . .	VI—81
» болотная . . . . .	XIX—195	Сизоворонка . . . . .	XVI—311
» дроздовидная . . . .	XXI—250	Синица большая . . . .	III—35
» тростниковая . . . .	XXI—250	» длиннохвостая . . .	II—17
Клестъ сосновый . . . .	IV—63	» лазоревка . . . .	II—17
Козодой . . . . .	XVI—311	» московка . . . .	III—35
Конекъ лѣсной . . . . .	XVIII—167	» хохлатая . . . .	III—35
Коноплянка . . . . .	X—135	Славка говорунчикъ . . .	XIII—225
Королекъ красноголовый .	III—35	» масличная . . . .	XXIV—314
Крапивникъ . . . . .	XVII—284	» мельничекъ . . . .	XIII—225
Кукушка . . . . .	I—1	» смородиновка . . .	XIII—225

	ТАБЛ. СТР.		ТАБЛ. СТР.
Славка черноголовка . . . . .	XIII—225	Чечетка . . . . .	VII— 95
Снѣгирь . . . . .	V—182	Черный дроздь . . . . .	IX—124
Сойка . . . . .	XII—301	» дятель . . . . .	XII—301
Соловей западный . . . . .	XIX—195	Чижь . . . . .	VIII—104
» обыкновенный . . . . .	XIX—195	Щеголь . . . . .	VIII—104
Сорокопутъ жуланъ . . . . .	VII—104	Щурка золотистая . . . . .	XXIV—314
Трясогузка бѣлая . . . . .	XI—161	Щуръ . . . . .	VI— 81
» горная . . . . .	XI—161	Юла . . . . .	XIV—210
» желтая . . . . .	XI—161	Юрокъ . . . . .	VII— 95
Чечевица . . . . .	VI— 81		

## Указатель рисунковъ, помѣщенныхъ среди текста.

	СТР.		СТР.
Кукушка (кукующая) . . . . .	7	Славки . . . . .	227
Пестрые дятлы . . . . .	25	Завирушки . . . . .	237
Дятлы (сѣдой и бѣлоспинный) . .	29	Стрижи . . . . .	265
Вертишейка . . . . .	33	Мухоловки (пеструшка и сѣрая) .	273
Синицы . . . . .	43	» (лоцманчикъ и бѣло-	
Поползень . . . . .	59	шейка) . . . . .	277
Клесты и щуръ . . . . .	129	Сорокопуты . . . . .	283
Подорожники . . . . .	145	Сорокопутъ чернолобый . . . .	285
Подорожникъ тростниковый . . .	147	Свирестели . . . . .	289
Жаворонки . . . . .	151	Скворецъ . . . . .	293
Степной жаворонокъ . . . . .	155	Орѣховка и кукуша . . . . .	306
Ссорящіяся иволги . . . . .	169	Удодъ . . . . .	307
Дрозды . . . . .	191	Золотистыя щурки . . . . .	316
Варакушка и соловей красношейка.	217	Вальдшнепы . . . . .	321
Каменка, Чеканка луговая и Че-			
канка чернохвостая . . . . .	222		



# ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ПРОДАЮТСЯ КНИГИ ДМ. КИГОРОВОДА:

**НАЧАЛЬНАЯ БОТАНИКА** для городскихъ училищъ. Съ рисунками. Изд. 6-е. Ц. 60 к.

**ИЗЪ ЗЕЛЕНАГО ЦАРСТВА** Популярн. очерки изъ міра растений. Съ красочной таблицей и со многими рисунками. Изд. 6-е. Ц. 2 р. 50 к., въ изящномъ переплетѣ 3 р. 50 к.

**БЕСѢДЫ О РУССКОМЪ ЛѢСѢ.** 1-я серия. Краснолѣсье (Хвойный лѣсъ). Популярныя очерки изъ жизни и употребленія лѣсныхъ древесныхъ породъ. Со многими рисунками. Изд. 7-е. Ц. 1 р.

**БЕСѢДЫ О РУССКОМЪ ЛѢСѢ.** 2-я серия. Чернолѣсье (Лиственный лѣсъ). Популярн. очерки изъ жизни и употребленія лѣсныхъ древесныхъ и кустарныхъ породъ. Со многими рисунками. Изд. 7-е. Ц. 1 р.

**ИЗЪ ЦАРСТВА ПЕРНАТЫХЪ.** Популярн. очерки изъ міра русскихъ птицъ. Со многими рисунк. Изд. 4-е. Ц. 4 р. 50 к. въ переп. 5 р. 50 к.

**СОБИРАТЕЛЬ ГРИБОВЪ.** Карманная книжка, содержащая описаніе важнѣйш. съѣдобныхъ, ядовитыхъ и сомнительн. грибовъ, растущихъ въ Россіи. Съ 14-ю красочн. таб. Изд. 4-е. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.

**ЧЕРНАЯ СЕМЬЯ.** (Птицы вороньяго рода). Чтеніе для народа; съ красочной таб. Изд. 4-е. Ц. 20 к.

**О НАШИХЪ ПЕРЕЛЕТНЫХЪ ПТИЦАХЪ** Чтеніе для народа. Съ рисунками. Изд. 8-е. Ц. 20 к.

**НАШИ ЗИМНІЕ ПЕРНАТЫЕ ГОСТИ.** Чтеніе для народа. Съ рисунками. Изд. 2-е. Ц. 20 к.

**О ДЛИННОНОГИХЪ И ДЛИННОНОСЫХЪ ПТИЦАХЪ** Чтеніе для народа. Съ рисунками. Ц. 20 к.

**ЛЕШЕТКИ.** Разказы, очерки, наброски. Съ иллюстраціями Михайлова. Изд. 3-е. Ц. 1 р., въ изящной папкѣ 1 р. 30 к.

**ДНЕВНИКЪ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ВЕСЕННЕЙ И ОСЕННЕЙ ПРИРОДЫ.** Съ таблицами. Ц. 2 р.

**КАЛЕНДАРЬ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ВЕСНЫ.** Ц. 30 к.

**НАГЛЯДНОЕ (ГРАФИЧЕСКОЕ) ИЗОБРАЖЕНІЕ ПОЛЗЫ И ВРЕДА,** приносимыхъ нашими птицами. Изд. 3-е. Ц. 40 к.

**РАСТЕНІЯ-МУХОБДЫ.** Чтеніе для народа. Съ рисунками. Ц. 20 к.

**НА РАЗНЫЯ ТЕМЫ,** преимущественно педагогическія. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное объяснительными записками и программами по Естественнѣднію, для всѣхъ классовъ 7-ми классной средней школы. Ц. 1 р.

**ДРУЖБА СЪ ПРИРОДОЙ.** Разказы Элизы Брайтвинъ, въ изложеніи Дм. Кайгородова. Со многими рисунками. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

**ИЗЪ РОДНОЙ ПРИРОДЫ.** Хрестоматія для чтенія въ школь и семьѣ. Часть I-я. Съ рисунками. Изд. 4-е. Ц. 1 р. 30 к.

**ИЗЪ РОДНОЙ ПРИРОДЫ.** Хрестоматія для чтенія въ школь и семьѣ. Часть II. Съ рисунками. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

**ПЕРНАТЫЕ ХИЩНИКИ.** Съ 12-ю красочными таблицами и многочисленными рисунками въ текств. Ц. 3 р.

**ДРЕВЕСНЫЙ КАЛЕНДАРЬ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ.** Наглядная таблица (въ краскахъ) времени цвѣтенія, обліственія, опаденія листьевъ, а также созрѣванія и сбора сѣмянъ и плодовъ у древесныхъ и кустарныхъ растений. Для школы и хозяйства. Ц. 40 коп.

**П. П. ЧАЙКОВСКІЙ И ПРИРОДА.** (Биографическій этюдъ). Ц. 40 к.

---

Продаются въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Саратовѣ и на станц. жел. дорогъ.